

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Г. А. ТИРАЦЯН

КУЛЬТУРА ДРЕВНЕЙ АРМЕНИИ

VI В. ДО Н. Э. — III В. Н. Э.
(ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН 1988

57409
III
P

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ՀՆԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ԱԶԳԱԳՐՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

Գ. Ա. ՏԻՐԱՅՅԱՆ

ԸԻՆ ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ
ՄՇԱԿՈՒՅԹԸ

Մ.Թ.Ա. VI Դ. - Մ.Թ. III Դ.

(ԸՍՏ ՀՆԱԳԻՏԱԿԱՆ ՏՎՅԱԼՆԵՐԻ)

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԱ ՀՐԱՏԱՐԱԿՉՈՒԹՅՈՒՆ
ԵՐԵՎԱՆ 1988

*Печатается по решению ученого совета
Института археологии и этнографии
АН Армянской ССР*

Ответственный редактор
академик АН АрмССР *Б. Н. Аракелян*

*Книгу рекомендовали к печати рецензенты:
академик Б. Б. Пиотровский,
канд. ист. наук А. А. Калантарян*

Тирицян Г. А.

Т 44 Культура древней Армении, VI в. до н. э.—III в. н. э. (по археологическим данным) /Отв. ред: Б. Н. Аракелян; АН АрмССР, Ин-т археологии и этнографии.—Ер.: Изд-во АН АрмССР, 1988.—206 с., 28 л. ил.

Монография посвящена изучению культуры древней Армении. В ней систематически изложены результаты исследования древнеармянской культуры трех основных этапов ее развития, охватывающих VI—IV вв. до н. э., III—I вв. до н. э., I—III вв. н. э.

Работа выполнена на основе богатого археологического материала, полученного за последние десятилетия в ходе раскопок городов и поселений древней Армении. Изучение археологического материала позволяет рассматривать также некоторые вопросы экономики и хозяйства, политической жизни и духовной культуры Армении рассматриваемого времени.

Работа предназначена для археологов, историков и широкого круга читателей.

Т $\frac{0504000000}{703(02)}$ 31—86

ББК 63.3(2Ар)2

© Издательство АН Армянской ССР, 1988.

ОТ АВТОРА

Археология Армении характеризуется в последние десятилетия не только общепризнанными успехами, но и новым соотношением ее основных разделов.

В наше время бурно развивается археология древней Армении, исследующая историю и культуру страны VI в. до н. э.—III в. н. э., что выравнивает степень изученности древнейшего, древнего и средневекового периодов ее истории, неравноправных первоначально из-за ряда обстоятельств.

Выдвижение археологии древней Армении на передний край арменоведения делает настоятельной задачей обобщения результатов археологического исследования почти тысячелетнего периода—со времен образования армянского народа и государственности до победы феодальных отношений, ознаменованной принятием христианства.

Основные этапы этого послеурартского и досредневекового периода истории культуры Армении устанавливаются довольно четко. Хотя их названия во многом условны—ахеменидский (VI—IV вв. до н. э.), армянский эллинистический (III—I вв. до н. э.), культура первых веков (I—III вв. н. э.), они

соответствуют основным этапам исторического развития страны, отражая их главные особенности.

Построение общей картины культуры древней Армении необходимо не только для определения характерных черт и выявления закономерностей ее развития, но и для выдвижения новых задач, связанных с дальнейшим ее изучением.

Вопросы истории Армении рассматриваемого периода сравнительно хорошо разработаны, что получило свое отражение в соответствующих главах первого тома академической «Истории армянского народа»¹. Это обстоятельство сделало излишним историческое введение, открывающее работу в целом или одну из ее отдельных частей. В то же время автор считал своим долгом извлечь из рассматриваемого в работе археологического материала необходимые данные по истории древней Армении, о ее социальных отношениях, экономике, хозяйстве, веровании.

¹ История армянского народа, т. I, (под ред. С. Т. Ермяна, А. А. Мартirosяна, Г. Х. Саркисяна, Г. А. Тирацияна), Ереван, 1971.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНЕЙ АРМЕНИИ (VI в. до н. э.—III в. н. э.)

Посещавшие Армению уже в XVII в. (Шарден) и особенно в первой половине XIX в. европейские путешественники (Кер-Портер, Дюбуа де Монпери и др.), с одной стороны, и знатоки армянских древностей, жившие в XIX в., ученые-армяне (И. Шахатунян, Г. Инджиджян, Г. Алишан и др.), с другой стороны, неоднократно обращали внимание на сохранившиеся в той или иной степени наземные памятники Армении рассматриваемого периода, оставив нам незаменные сведения о них.

Но подлинные условия для изучения древнеармянской, как, впрочем, и любой другой древней культуры, могли создаваться только при налаживании археологических исследований в стране. Однако появившийся во второй половине XIX в. интерес к ним был в значительной степени ограничен лишь древнейшим периодом и средневековьем. Раскопки в Ване и Топрах-Кале, начатые в 1879 г. Клейтоном, Рейнольдсом и Рассамом и продолженные Леман-Гауптом и Белком, а затем Марром и Орбелли, деятельность по изучению памятников эпохи бронзы и железа, развернутая главным образом Ж. де Морганом в северо-восточной Армении, как и продолжительные раскопки Н. Марра в столице средневековой Армении Ани на долгие годы предопределили основные направления развития археологических исследований в Армении и изучения ее культуры.

Раскопки Армавира, известной столицы древней Армении, предпринятые в 1880 г. А. С. Уваровым и А. Д. Ерицовым по поручению подготовительного комитета V археологического съезда, были слишком кратковременными, чтобы дать ощутимые результаты. К тому же полученные в ходе работ на холме скромные данные были неправильно интерпретированы раскопщиками, считавшими, что они изучают не древний Армавир, а остатки какой-то крепости IV в. н. э., ана-

логичной гарнийской¹. Раскопки были прекращены в том же году, и вопросы изучения культуры Армении (VI в. до н. э.—III в. н. э.) преданы забвению. Тем не менее, в связи с вышеупомянутыми раскопками на территории Армении или в результате случайных находок уже в то время стал накапливаться, как мы увидим ниже, некоторый археологический материал, имеющий отношение к культуре Армении указанного периода. Однако он или не был опознан, пылясь на полках хранилищ, а если и был, то вне связи с древнеармянской культурой.

Приблизительно в то же самое время развернул свою плодотворную деятельность неутомимый исследователь армянской архитектуры Торос Тораманян. В его статье «Дохристианская архитектура», опубликованной в 1920—1921 гг. в «Вестнике» Эчмиадзинского научного института, переработанной и дополненной новыми материалами в 1932—1933 гг. и переизданной посмертно², в которой были собраны материалы о крепостях, поселениях и могильниках древнеармянского времени, а также в других исследованиях содержатся ценные наблюдения, относящиеся к рассматриваемому разделу армянской культуры.

Большое значение для изучения гарнийской крепости, в частности античного храма, имели работы, предпринятые Русским археологическим обществом в 1909—1911 гг. под руководством Н. Я. Марра и при активном участии Я. И. Смирнова и К. К. Романова³.

¹ А. С. Уваров, Исследование местности, на которой предполагались развалины Армавира. Пятый Археологический съезд в Тифлисе. Протоколы подготовительного комитета. М., 1882, с. 439—449.

² Т. Тораманян, Материалы по истории армянской архитектуры. Сб. трудов, Ереван, 1942, с. 3—44 (на арм. яз.).

³ Доклады Н. Я. Марра и Я. И. Смирнова. Протоколы Классического отделения Русского археологического общества за 1909—1911 гг. (Архив ЛОИА

во время которых были расчищены развалины храма, что сильно повысило интерес к этому замечательному памятнику древней Армении.

Благоприятные условия для изучения культуры древней Армении создались после установления Советской власти в Армении. Основание Ереванского государственного университета, Комитета по охране древностей, Исторического музея, Закавказского, а затем Армянского филиала АН СССР и финансовые средства, отпущенные правительством республики, сделали возможным систематическое проведение археологических раскопок⁴.

В 1927 г. Кавказский историко-археологический институт и Комитет по охране памятников Армении организовали оставшуюся единственной экспедицию в древний Армавир, которая описала и сфотографировала наземные памятники и составила топографический план города⁵. В ходе этих работ, носивших в общем разведочный характер, был обнаружен второй камень с греческими надписями⁶, имеющими, как и надписи, найденные здесь же в 1911 г., большое историко-культурное значение.

Первая успешная попытка археологического изучения древнеармянской культуры связана с раскопками столицы армянских Аршакидов—древнего Валаршапата, основанного во II в. н. э. Мысль о необходимости систематических раскопок в Армении пашла свое отражение в первом пятилетнем плане республики, и на заседании пятилетнего плана охраны древностей Армянской ССР, состоявшемся 30 августа 1930 г. под председательством наркома просвещения Армянской ССР А. М. Егназаряна и при участии гостившего тогда в Армении акад. Н. Я. Марра, было решено начать систематические раскопки на территории городища древнего Валаршапата.

дела № 330, 452). Ср. К. В. Тревер, Очерки по истории культуры древней Армении, М.—Л., 1953, с. 31, 34 и т. д.

⁴ Б. Н. Аракелян, А. А. Мартиросян, Археологическое изучение Армении за годы Советской власти, Советская Археология (в дальнейшем С. А.), 1967, № 1.

⁵ С. Тер-Аветисян, Археологическое обследование городища и крепости древний Армавир. Научный сборник, посвященный 20-летию установления Советской власти в Армении, Ереван, 1941, с. 51—64.

⁶ С. Тер-Акопян, Вторая армавирская греческая надпись (Материалы по истории древней Армении), Тр. Ин-та истории культуры Армении, т. 1, Ереван, 1935, с. 145—150 (на арм. яз.).

Раскопки были осуществлены осенью 1931 г. экспедицией Комитета под руководством Ашхарбека Калантара⁷; в следующем году они не возобновились, но несмотря на их кратковременность результаты можно считать удовлетворительными. Эти результаты способствуют прояснению вопросов как топографии древнего города, так и его материальной культуры.

При раскопках было твердо установлено, что древний Валаршапат находился не в так называемом «Археологическом районе»—территория между современным Эчмиадзином и храмом Звартноц, а на месте нынешнего г. Эчмиадзина. Раскопки окончательно подтвердили высказанные ранее Т. Тораманяном, А. Калантаром и др. предположения о существовании античного некрополя к востоку от города. Открытые здесь погребения пяти различных типов, на основании найденной в одном из погребений монеты Веспасиана или Тита (70-е гг. I в. н. э.) надгробного камня с греческой надписью, а также погребального инвентаря, состоящего из керамики, стекла, предметов украшения, датируются первыми веками н. э. К сожалению, часть инвентаря утеряна, но сохранившиеся предметы, в частности стеклянные, были впоследствии подробно изучены⁸.

После валаршапатских раскопок каких-либо других работ по изучению культуры античной Армении предпринято не было. Усилия специалистов были направлены на дальнейшее изучение ставших традиционными для армянской археологии эпох первобытно-общинного строя и Урарту, с одной стороны, и средневековья, с другой. В 1936 г. начались раскопки известного поселения III тыс. до н. э. Шенгавит (руков. Евг. Байбуртян), в 1937 г.—раскопки средневекового города Двин (руков. С. Тер-Аветисян, с 1939 г. К. Г. Кафадарян), в 1939 г.—раскопки Кармир-блур (руков. Б. Б. Пиотровский). Такая ориентация археологических работ неминуемо создавала разрыв в степени изученности отдельных периодов истории культуры Армении. Большой отрезок истории армянской культуры, от времени падения государства Урарту (начало VI в. до н. э.) до раннего средневековья и христианизации (начало IV в. н. э.), оказался в общем вне поля зре-

⁷ А. Калантар, Раскопки древнего Валаршапата, Ереван, 1935 (на арм. яз. с русским резюме).

⁸ Б. Н. Аракелян, Г. А. Тирацян, Ж. Д. Хачатрян, Стекло древней Армении, Ереван, 1969, № 89, 93—95, 137—140, 142.

ния исследователей—тем более поразительный факт, если учесть, что этот почти тысячелетний период истории Армении, был ознаменован важнейшими событиями, каковыми являются окончание формирования армянского народа, возникновение государственности, объединение армянских земель, подъем социально-экономической жизни, характеризующийся расцветом городской жизни и т. д. Странно, что, будучи прекрасно осведомленными о многих деталях политической и социально-экономической жизни Армении, например, времен Тиграна II, о чем свидетельствует вышедшая как раз в предвоенные годы прекрасная монография акад. Я. А. Манандяна «Тигран II и Рим», мы ничего не знали о материальной культуре того времени: о жилище и образе жизни народа, о его домашней утвари, одежде, не говоря уже о внешнем облике городов того времени, об их общественных постройках, предметах искусства и т. д.

Со временем отставание в области изучения материальной культуры древней Армении было осознано, и стало ясно, что оно должно быть преодолено. Образование Академии наук АрмССР в 1943 г. во многом расширило возможности планомерного разрывания археологических раскопок в республике: на созданный в 1945 г. в Институте истории сектор археологии было возложено руководство им. Необходимость изучения античных памятников Армении нашла отражение в общих планах АН и в 1949 г. сектор под руководством Б. Н. Аракеляна начал раскопки крепости Гарни. Этим фактически было положено начало систематического изучения древнеармянской культуры. Гарни стал археологическим объектом, известным своими первоклассными памятниками и находками, помогающими охарактеризовать прежде всего культуру первых веков н. э.

В ходе работ была расширена и местами открыта крепостная стена, раскопан дворцовый комплекс в самой крепости и обнаружен прекрасный памятник искусства—мозаичный пол дворцовой бани, был изучен античный некрополь. Среди находок на территории крепости упомянем обломки античных статуи, в том числе мраморный торс, и арамейскую надпись II—III вв. н. э. Публикация раскопочного материала осуществлена Б. Н. Аракеляном в ряде статей и отчетов, в которых нашли отражение обнаруженные в 1949—1956 годы находки, а также ранее известные античный храм и греческая надпись, находка которой в 1945 г., по-видимому,

послужила толчком для организации раскопок в Гарни⁹. Автор правильно выделяет предметы первых веков н. э., дает их классификацию, обосновывает их значение для изучения культуры древней Армении. Подробно исследована автором мозаика на полу бани. На основе тщательного стилистического и иконографического анализа Б. Н. Аракелян относит ее к концу III в. н. э.; эта датировка получила общее признание.

В 1956 г. нами была защищена кандидатская диссертация по материалам первых веков н. э. из Гарни¹⁰. В ней уделено большое внимание коллекции стекла, имеющей, как выяснилось, большое значение для установления торговых связей Армении с другими странами древнего мира¹¹. В частности, удалось доказать, что значительная часть привозного стекла происходит из общезвестных сирийских стеклоделательных центров. В этой связи была сделана первая попытка обосновать наличие местных изделий из стекла. Менее интересной по своему составу оказалась гарнийская керамика первых веков н. э.¹², хотя при ее оценке следует учесть то обстоятельство, что в начале 50-х годов керамика Армении V в. до н. э.—VIII в. н. э., не была известна, так как археологи не располагали никакими вещественными свидетельствами об указанной отрасли материальной культуры. Изучение керамики из Гарни частично восполнило этот более чем тысячелетний пробел. Привлечение однотипной и синхронной закавказской керамики показывает общность гончарного ремесла у народов Закавказья.

⁹ Б. Н. Аракелян, Раскопки крепости Гарни, ВДН 1951, № 4; *его же*, Работы гарнийской археологической экспедиции Института истории АН АрмССР (на арм. яз.), Изв. АН АрмССР, 1951, № 3; *его же*, Гарни, I, Ереван, 1951; *его же*, Значение раскопок в Гарни для изучения культуры древней Армении, ВДИ, 1953, № 3; *его же*, Мозаика из Гарни, ВДИ, 1956, № 1; *его же*, Гарни, II, Ереван, 1957.

¹⁰ Г. А. Тирацян, Материальная культура Армении первых веков н. э. по данным некрополя и бани в Гарни (Автореф. канд. дис.), Л., 1956.

¹¹ Г. А. Тирацян, О торговых связях Армении с Сирией в античное время, Палестинский сборник, вып. 4, 1959.

¹² Б. Н. Аракелян, Гарни I, Ереван, 1951, с. 51; *его же*, Гарни II, Ереван, 1957, с. 49—58; Г. А. Тирацян, Материальная культура Армении первых веков н. э. по данным некрополя и бани в Гарни (Автореф. канд. дис.), Л., 1956, с. 11.

Баня из Гарни представляет интерес как древнейшее коммунальное сооружение на территории Армении¹³. Правда, в последние годы стали известны и другие бани античного времени, одна из них была частично раскопана в 1931 г. на территории Эчмиадзинского монастыря¹⁴, еще одна была обнаружена в Арташате на восьмом холме¹⁵, но гарнийская занимает среди них особое место. Более или менее удовлетворительное установление характера каждого его отделения позволило произвести анализ плана постройки и с его помощью определить тип бани, установить ее место в ряду известных античных бань и датировать ее.

В 1976 г. вышел в свет отчет-исследование Ж. Д. Хачатряна, посвященный раскопанному в 1966—1970 гг. античным могилам и их инвентарю. Путем привлечения многочисленных аналогий автор продолжает изучение материальной культуры древней Армении не только первых веков н. э., но и первых веков до н. э., представленной захоронениями, открытыми в указанные годы¹⁶.

К. В. Тревер, неоднократно обращавшаяся к вопросам истории культуры Армении в послевоенные годы занялась вопросами истории и культуры античной Армении, посвятив им две работы, в которых сделана попытка показать, что под воспринятой античной формой сохранились элементы местной армянской культуры¹⁷. Обобщающей работой К. В. Тревер в этой области является ее монография¹⁸. Первый ее раздел целиком

посвящен античному храму в Гарни. В нем дано исчерпывающее описание храма, собраны воедино все имеющиеся данные о храме (Шардена, Морнера, Кер Портера, Дюбуа де Монпере, Алишана, Т. Тораманяна, К. К. Романова, Н. Г. Буннятяна и др.), рассматриваются вопросы его культурных связей с памятниками античного мира, местных элементов, датировки и другие. Особого внимания заслуживает глава, посвященная родству гарнийского храма с памятниками Малой Азии (Термес и Сагалас). Интересны также замечания о назначении храма и в связи с этим о культе бога Митры в Армении.

Значение раскопок в Гарни не ограничиваются богатыми находками. Там сложился коллектив археологов, исследовавший и другие важные объекты древней Армении. В 1960 г. отряд гарнийской экспедиции начал работы в древней крепости Ацаван, расположенной у дороги, ведущей из Гарни в Ереван. Еще в начале 50-х гг. здесь у подножия холма, на котором стояла крепость, была найдена медная монета Тиграна II. В ходе работ разведочного характера, предпринятых в 1953 г. Б. Н. Аракелян, была оштукатурена часть крепостной стены. Систематические раскопки, продолжавшиеся с некоторыми перерывами до 1968 г. (руков. Г. А. Тирацян), выявили интересную крепость, по всей вероятности, небольшого размера, контролировавшую дороги из Араратской равнины в Гарни¹⁹. Наряду с античным слоем в крепости были обнаружены строительные остатки и археологический материал, относящиеся к раннему средневековью. На той же дороге из Еревана в Гарни у сел. Гехадир во время строительных работ были раскрыты каменные саркофаги раннеэллинистического времени, доследованные затем членами гарнийской экспедиции²⁰.

После находки в развалинах близ сел. Паракар прекрасной тетрадрахмы Артаваз-

¹³ Б. Н. Аракелян, Гарни II, Ереван, 1957, с. 23 и далее; Г. А. Тирацян, Памятник коммунальной техники древней Армении—античная баня в Гарни. Историко-филологический журнал (в дальнейшем ИФЖ), 1959, № 2.

¹⁴ Г. А. Тирацян, К вопросу о градостроительной структуре и топографии древнего Валааршапата. I Республиканская конференция, посвященная проблеме армянского искусства и архитектуры. Тезисы доклада, Ереван, 1975, ИФЖ, 1977, № 2.

¹⁵ Б. Н. Аракелян, Древний Арташат, Ереван, 1975.

¹⁶ Ж. Д. Хачатрян, Гарни V, Ереван, 1976. В основе этой работы лежит защищенная автором кандидатская диссертация «Материальная культура древней Армении», в V в. до н. э.—IV в. н. э. (по новонайденным материалам из погребений), Ереван, 1966.

¹⁷ К. В. Тревер, К вопросу об античном храме в Гарни (Армения) Советская археология, XI, 1949; ее же, Падение и построение армянской крепости Гарни, Л., 1949.

¹⁸ К. В. Тревер, Очерки по истории культуры древней Армении, М.—Л., 1953.

¹⁹ Г. А. Тирацян, Раскопки крепости Ацаван в 1964 г. ИАНОН, 1962, № 11 (на арм. яз.); его же, Раскопки Ацавана в 1962 г., ИАНОН, 1963, № 12 (на арм. яз.); его же, Раскопки крепости Ацаван (1962—1965), Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. Тезисы докладов, М., 1965; его же, Результаты раскопок Ацаван в 1963 и 1965 гг. ИФЖ, 1968, № 1.

²⁰ Ж. Д. Хачатрян, Археологические находки в Гехадире, ВОНАН, 1966, № 1.

да II гарнийская экспедиция под руководством Б. Н. Аракеяна летом 1961 г. раскопала остатки башневидного сооружения на многогранной в плане платформе. Во время раскопок были найдены три монеты Тиграна II, три римские монеты республиканского времени и одна парфянская, был выяснен погребальный характер сооружения. Издавая этот памятник, мы попытались найти его место в кругу сходных сооружений Передней Азии и Армении эллинистического времени²¹, тем не менее для окончательной датировки памятника требуются дополнительные данные.

В 1962 г. гарнийская экспедиция под руководством Б. Н. Аракеяна параллельно с работами в Гарни начала вести раскопки в Армавире, эллинистическом городе, столице древней Армении в IV—III вв. до н. э. Главной задачей экспедиции было заполнение большого пробела в изучении истории культуры древней Армении, приходящегося на первые века н. э. С самого начала экспедиция встретилась с большими трудностями стратиграфического порядка, хотя удалось выделить три основных слоя—урартский, средневековый и промежуточный, датированный в начале в пределах VI—I вв. до н. э. Раскопками были раскрыты сравнительно хорошо сохранившиеся строительные остатки урартского времени: крепостная стена, обнаруженная по всему периметру и фундаменты больших зданий. Античный слой характеризуется броской расписной керамикой, уже известной по раскопкам в Ацаване и других местах. Были предприняты разведочные раскопки на предположительной территории города. Основные итоги раскопок 1962—1969 гг. в Армавире изложены в ряде обзорных работ, а также в отдельной статье Б. Н. Аракеяном, впоследствии изданной на итальянском языке²². В ней дается история изучения Армавира, описание основных слоев, общая характеристика строительных остатков, главным образом урартского времени, а также отдельных отраслей материальной культуры города.

²¹ Г. А. Тирацян, Башневидное погребение из Аракара и сходные памятники Передней Азии и Армении. Вести. Ереванского ун-та, 1970, № 1.

²² Б. Н. Аракеян, О некоторых результатах археологического изучения древнего Армавира. ИФЖ, 1969, № 4; *его же*, Изучение материальной культуры древней Армении. ИФЖ, 1963, 2; *его же*, Археологические раскопки в Армении в 1963 г., ИФЖ, 1964, № 1.

С 1970 г. раскопками Армавира руководим мы. Работы сконцентрировались в западной части цитадели, где была раскрыта вторая оборонительная стена, параллельная первой. Пространство между двумя стенами оказалось разделенным длинными стенами на большие отсеки. Здесь были обнаружены остатки целого ряда жилищ и археологический материал, условия залегания которого не оставляют сомнений в его принадлежности к эллинистическому времени²³.

Членами экспедиции обработаны материалы раскопок, главным образом керамика. Особенно большое внимание уделено расписной керамике Армении, в основу изучения которой была положена, кроме армавирской, керамика из Гарни, Ацавана и других мест²⁴. Была предпринята попытка выявить ее истоки и указать параллели. С этой целью специально рассматривалась расписная керамика древней Передней Азии, Закавказья и Армении, Урарту, Ирана, Малой Азии (Фригия), Древней Греции, а также целого ряда эллинистических стран, в том числе древней Иберии и Албании. Так как во время написания указанных работ не были точно установлены рамки археологического материала послеурартского Армавира, этот материал, в том числе расписная керамика Армавира и всей Армении, на основе сугубо формальных данных был за некоторыми ис-

²³ Г. А. Тирацян, Раскопки Армавира (предварительное сообщение о раскопках 1970 г.), ВОНАН, 1972, № 2 (на арм. яз.); *его же*, Раскопки Армавира в 1972 г., Археологические открытия 1972 г., М., 1973; *его же*, Археологические работы в Армавире (предварительные сообщения о раскопках 1971 г.), ВОНАН, 1973, № 5 (на арм. яз.); *его же*, Раскопки Армавира в 1973 г., «Археологические открытия 1973 г.», М., 1974; *его же*, Раскопки Армавира (предварительные сообщения о произведенных работах в Армавире), ВОНАН, 1974, № 12 (на арм. яз.); *его же*, Результаты раскопок Армавира в 1973 г., ИФЖ, 1974, № 3, (на арм. яз.), *его же*, Раскопки Армавира (к столетию первых раскопок) ИФЖ, 1986, № 2, (на арм. яз.).

²⁴ Г. А. Тирацян, О расписной керамике древней Армении (VI в. до н. э.—III в. н. э.), ИФЖ, 1965, № 3; *его же*, К вопросу о расписной керамике древней Армении (VI в. до н. э.—III в. н. э.) (Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР), Баку, 1965. Тезисы доклада; *его же*, Древнеармянская расписная керамика (из случайных находок, хранящихся в Гос. историческом музее Армении), ВОНАН, 1970, № 1 (на арм. яз.); *его же*, Об одной группе расписных сосудов из Армавира, С.А., 1971, № 2.

ключениями ошибочно разделен нами на две группы—VI—IV вв. и III—I вв. до н. э. Примерно этим же вопросам посвящена статья Ж. Д. Хачатряна²⁵. Им, а также И. А. Карапетян было выделено несколько характерных форм керамики²⁶. Их датировка тоже вызывает сомнения, в той части, которая относится к VI—IV вв. до н. э.

Выявленные в последние годы главным образом на западном склоне армавирского холма строительные остатки, поддающиеся увязке с археологическим материалом, теперь хорошо датируемые целым рядом находок, в том числе привозной эллинистической керамикой, позволяють более точно определить хронологические границы послеурартского слоя—III—I вв. до н. э. Фактически в русле вышеотмеченных работ выступил и Ф. Тер-Мартirosов, тоже попытавшийся выделить слой ахеменидского времени в раскопанной части армавирского холма. Хотя его послонные разграничения носят довольно произвольный характер, статья представляет интерес как попытка справиться со стратиграфическими проблемами, возникшими в ходе археологических работ последних лет в Армавире²⁷. Были также рассмотрены в разных аспектах, преимущественно на археологическом материале, связи Армавира с античным миром²⁸.

Одновременно с изучением армавирского холма, на котором находилась восточная цитадель урартского города Аргиштихинили, были начаты раскопки западных кварталов города и его цитадели, расположенной на холме св. Давида (рук. А. А. Мартirosян). Раскопки дали интересный материал для характеристики города: были обнаружены и остатки послеурартского, главным образом

эллинистического, времени²⁹, изучение которых было продолжено армавирской экспедицией.

В 1970 г. начались систематические раскопки Арташата (Артакаты античных авторов), другого важнейшего центра античной Армении и ее столицы во II в. до н. э.—IV в. н. э. Работы (руков. Б. Н. Аракелян) ведутся с большим размахом в цитадели города, расположенной на девяти холмах: целиком раскопаны холмы № 1 и 4, завершаются раскопки холма № 5 и 8, частично раскопаны холмы № 2 и 7. Раскопки выявляют многогранную картину культуры Армении II в. до н. э.—III в. н. э. Поражает обилие строительных остатков, разнообразие археологических материалов, богатство предметов искусства.

В брошюре Б. Н. Аракеяна, целиком посвященной Арташату, обрисовывается история города, а также его «материальный облик», наглядно выступающий во время раскопок³⁰. Показаны особенности цитадели и всех крепостей, входящих в ее состав, характер оборонительных сооружений и внутренней планировки, а также отдельных отраслей материального производства. В названной брошюре, в специальной статье и отчете³¹, посвященном раскопкам Арташата, и в ряде докладов Б. Н. Аракеяна доказан многолоийный характер крепости, расположенной на первом холме, проследил ход ее развития от ее постройки в первой половине II в. до н. э. царем Арташесом до запустения после похода Корбулона (60-е гг. I в. н. э.), когда Арташат был основательно разрушен.

В совместной статье Ж. Д. Хачатряна и А. Г. Канеян сделана попытка, принимая за основу обилие строительных остатков и богатый археологический материал, разобраться в стратиграфии 8-го холма³². В ней предлагается выделение слоев, датируемых II в. до н. э.—IV-V вв. н. э. Полезность произведенного в работе разграничения материала по

²⁵ Ж. Д. Хачатрян, Некоторые образцы цветной керамики, найденные в Армении (V в. до н. э.—I в. н. э.). ИФЖ, 1966, № 1 (на арм. яз.).

²⁶ Ж. Д. Хачатрян, Одна из характерных форм керамики Армении VI—I вв. до н. э., ИФЖ, 1970, № 2 (на арм. яз.); И. А. Карапетян, Груши раннеармянских чаш VI—III вв. до н. э., ИФЖ, 1971, № 3 (на арм. яз.); *см. же*, Новый тип керамики из Армавира, ВОНАН, 1973, № 11 (на арм. яз.).

²⁷ Ср. Ф. Тер-Мартirosов, К стратиграфии армавирского холма, Вестник общественных наук (в дальнейшем ВОНАН), 1974, № 1.

²⁸ Г. А. Тирицян, Армавир и античный мир. Тезисы докладов, XIV международная конференция антиковедов социалистических стран (Эйрене), Ереван, 1976, с. 430—431.

²⁹ А. А. Мартirosян, Аргиштихинили, Ереван, 1975. См. рецензии В. М. Массона, ВДИ, 1976, № 2 и Г. А. Тирицян, ВОНАН, 1976, № 3.

³⁰ Б. Н. Аракеян, Древний Арташат, Ереван, 1975 (на арм. яз.).

³¹ Б. Н. Аракеян, Основные результаты раскопок древнего Арташата в 1970—1973 гг. ИФЖ, 1974, № 4, *см. же*, Арташат. I, Ереван, 1982.

³² Ж. Д. Хачатрян, А. Г. Канеян, Стратиграфия восьмого холма Арташата, ВОНАН, 1974, № 9 (на арм. яз.).

векам очевидна, хотя несколько настораживает полное совпадение обнаруживаемых слоев с историческими веками развития города, известным и по письменным источникам. Работы Ф. Тер-Мартirosова посвящены группе терракотовых статуэток, а также гончарной мастерской из Арташата³³. Хотя предложенная датировка статуэток требует дальнейшего уточнения, автор выявил их связь с терракотами эллинистического времени и раскрыл их культовое значение; в связи с гончарной мастерской выдвинуто предположение об использовании очагов не только в бытовых, но и в производственных целях. Изучение гончарной мастерской подводит автора к некоторым интересным вопросам, связанным с хозяйством древней Армении.

Посредством заложения шурфов Б. Н. Аракеляном было начато изучение городской территории Арташата. Найденные архитектурные детали, остатки лепных украшений, обломки разноцветной штукатурки и даже стеновых росписей позволяют говорить о наличии здесь богатых зданий. Особенности строительной техники древнего Арташата и Армении в целом стали предметом специального исследования архитектора экспедиции А. Г. Канеян. Ж. Д. Хачатрянном был изучен городской могильник и окружавшие его поселения. Описаны разные типы погребений и соответствующие обряды, среди которых заслуживает особого внимания кремация³⁴.

В последние годы начаты довольно перспективные работы на южном берегу оз. Севан у сел. Карчапюр (рук. И. А. Карапетян), а также в Ширакаване, на берегу реки Ахурян (рук. Ф. И. Тер-Мартirosов). Они призваны до некоторой степени расширить ареал исследования античных памятников.

Маршрутные экспедиции Института археологии и этнографии АН АрмССР, частично в сотрудничестве с Институтом искусств АН АрмССР, а также с Ереванским университетом, обследовали археологические памятники на южном берегу Севанского оз. и южных отрогах г. Арагац с прилегающими районами. Был выявлен целый ряд поселений античного времени, изучение некоторых, как

показывает подъемный материал, может оказаться весьма перспективным³⁵.

Целенаправленное изучение античных памятников Армении, предпринятое в последние десятилетия, о чем говорилось выше, позволяет, с одной стороны, рассмотреть представленные раскопками отдельные группы предметов или целые разделы материальной культуры, с другой—служит толчком для привлечения ранее известных, но непосредственно с раскопкой деятельностью не связанных материалов.

Бронзовая голова богини, найденная в XIX в. в Малой Армении (Сатала) и хранящаяся в Британском музее, долгое время считалась единственным образцом скульптуры эллинистической Армении. При этом если армянские исследователи (Г. Алишан и др.) принимали ее за скульптуру армянской богини Анаит, то европейские ученые (Райе, Бендорф), спорящие о том, Афродита, Артемиды ли это или даже Аполлоны, пренебрегли вопросом о связях статуй с армянским миром. Между тем, никак не отрицая ее западного, греческого происхождения, можно утверждать, что она хорошо отражает явление, характерное для Армении эллинистического времени, выразившееся в занесении извне армянскими царями эллинистических скульптур, отвечающих художественным вкусам двора и знати. Вопросы скульптуры эллинистического времени главным образом по данным армянских письменных источников были рассмотрены Б. Н. Аракеляном еще в книге 1949 года³⁶.

При рассмотрении коммагенских статуй, найденной в Двине головы из туфа и вышеупомянутой головы греческой богини, нами, в 1956 г., была сделана попытка нарисовать более полную картину скульптуры древней Армении с ее тремя основными направлениями—эллинистическим, местным и греческим³⁷. В 1971 г. Б. Н. Аракелян выступил с обстоятельной статьей о древнеармянской

³³ Ф. И. Тер-Мартirosов, Терракоты из Арташата. ВОНАН, 1973, № 4; *его же*, Античные печи из раскопок Арташата, ВОНАН, 1975, № 7.

³⁴ Ж. Д. Хачатрян, Кремация в Армении (II в. до н. э.—III в. н. э.), ВОНАН, 1975, № 2 (на арм. яз.); *его же*, Арташат, II (античный некрополь), Ереван, 1981, (на арм. яз.).

³⁵ Ж. Д. Хачатрян, А. А. Калантарян, Античные и средневековые памятники Вардениского и Мартунинского районов, ВОНАН, 1972, № 1 (на арм. яз.); Г. Е. Арсисян, К. К. Кафадарян, А. Е. Симонян, Г. А. Тирицян, А. А. Калантарян, Археологические исследования в Арташатском и Наиррийском районах АрмССР, ВОНАН, 1977, № 4 (на арм. яз.).

³⁶ Б. Н. Аракелян, Сюжетные рельефы Армении IV—VII вв., Ереван, 1949, с. 21 и след. (на арм. яз.).

³⁷ Г. А. Тирицян, Материальная культура Армении по данным базилики некрополя Гарни (Автореф. канд. дис.), Л., 1956, с. 5—6.

скульптуре на более богатом материале, по-полненном новыми образцами из раскопок и случайными находками³⁸. Очень важным представляется анализ данных древнеармянских историков (Мовсес Хоренаци, Агафангел, Зеноб Глак) о стоявших в армянских языческих храмах статуях богов, о перевезенных из Малой Азии статуях греческих богов, о технике изготовления статуй и т. д. Вместе с тем в статье по-видимому охвачены статуи, как правило их головы, относящиеся также к древнейшему и средневековому периодам. Нами было подробно изучено портретное искусство древней Армении по монетам армянских эллинистических царей Тиграна II и Артавазда II³⁹. Стилистический анализ портретов выявил их связь не с римским искусством, как считали ранее, а с эллинистическим. Вместе с тем была сделана попытка выделить на том же материале местное направление портретного искусства Армении эллинистического времени.

Вопросы архитектуры, градостроительства, строительной техники античной Армении были рассмотрены А. А. Саиняна в книге о казахской базилике в главе «Предпосылки раннесредневековой архитектуры Армении»⁴⁰. Основываясь на данных армянских источников и на результатах только что начавшихся раскопок крепости Гарни, А. Саинян дал первую общую характеристику древнеармянской, главным образом городской и храмовой архитектуры. Изложенные здесь выводы были в дальнейшем развиты в целом ряде работ⁴¹. Особого внимания заслуживает исследование В. М. Арутюняна, посвященное градостроительной культуре древней Армении⁴², в котором под новым углом зрения

рассматривается весь связанный с древнеармянской урбанистикой материал.

Неоднократные обследования силами гарнийской и армянской экспедиции территории древнеармянского города Еруандашат и царской усадьбы Еруандакерт позволили Б. Н. Аракеляну окончательно определить их местоположение и выявить их градостроительные особенности⁴³. Градостроительным особенностям и вопросам топографии другого города античной Армении—Валаршапата посвящена наша статья⁴⁴.

Вопросы изучения древнеармянской глиптики изучались по мере накопления находок. Была сделана первая попытка увязать ряд скарабеоидов Исторического музея Армении с культурой Армении ахеменидского периода⁴⁵. Сделанные по этому поводу замечания А. А. Мартиросяна дополняют интерпретацию скарабеоидов ценными наблюдениями⁴⁶. В посвященной раннеармянской культуре главе I тома «Истории армянского народа» нами сжато охарактеризованы разные стили в глиптике⁴⁷. В ряде статей Ж. Д. Хачатряна подробно изучена глиптика эллинистического времени, главным образом стеклянные многогранники⁴⁸.

Привлечение памятников соседней с Армянской страной Коммагены является оправданным ввиду их многосторонних связей—политических, социальных, культурных,—специально отмечавшихся исследователями⁴⁹. К. В. Тревер одной из первых обратила внимание на связь армянских и коммагенских

³⁸ Б. Н. Аракелян, Скульптура в древней Армении (VI в. до н. э.—III в. н. э.), ИФЖ, 1969, № 1 (на арм. яз.).

³⁹ Г. А. Тирацян, Портретное искусство Армении по монетам Тиграна II и Артавазда II. ИФЖ, 1973, № 4.

⁴⁰ А. А. Саинян, Архитектура Казахской базилики, Ереван, 1955 (на арм. яз.).

⁴¹ А. А. Саинян, Армянская архитектура рабовладельческого времени, Очерки по истории армянской архитектуры, Ереван, 1964 (на арм. яз.); *его же*, Архитектура Армении в эллинистическое время, История армянского народа, т. I, Ереван, 1971 (на арм. яз.).

⁴² В. М. Арутюнян, К вопросу о градостроительной культуре древней Армении (III в. до н. э.—II в. н. э.), ИАНОН, 1955, № 9, 1956, № 10.

⁴³ Б. Н. Аракелян, Где находились города Еруандашат и Еруандакерт? ИФЖ, 1965, № 3 (на арм. яз.).

⁴⁴ Г. А. Тирацян, К вопросу о градостроительной структуре и топографии древнего Валаршапата, ИФЖ, 1977, № 2.

⁴⁵ Г. А. Тирацян, Опыт периодизации истории материальной культуры древней Армении, ИАНОИ, 1957, № 2, с. 82.

⁴⁶ А. А. Мартиросян, Город Тейшебани, Ереван, 1961, с. 148.

⁴⁷ Г. А. Тирацян, Раннеармянская культура, История армянского народа, т. I, Ереван, 1971, гл. 23 (на арм. яз.).

⁴⁸ Ж. Д. Хачатрян, Обнаруженные в Армении многогранные печати, ИФЖ, 1965, № 1 (на арм. яз.); *его же*, Замечания о глиптике Армении эллинистического периода, ВОНАН, 1974, № 7 (на арм. яз.).

⁴⁹ Г. А. Тирацян, Страна Коммагена и Армения, Изв. АИ АрмССР, 1956, № 3; Г. Х. Саркисян, Тигра-накерт, М., 1960; А. Г. Периханян, Храмовое объединение Малой Азии и Армении, М., 1959.

памятников⁵⁰. В ряде наших работ показано значение наскальных сооружений, скульптур и рельефов Немруд-Дага, Арсамен и других коммагенских центров для изучения некоторых вопросов культуры Армении эллинистического времени⁵¹.

Как уже было отмечено, в ходе археологического изучения древнейших памятников первобытнообщинного строя и Урарту, с одной стороны, и средневековых, с другой, обнаруживались, часто в довольно четких стратиграфических условиях, остатки древнеармянского времени. На первом этапе исследования памятников указанных эпох найденные древнеармянские материалы не осмыслились и залеживались в фондах музеев; во втором—они опознавались, если не сразу, то с небольшим опозданием. В это время, в основном совпадающем с развитием археологии древней Армении, происходит также привлечение сравнительно немногочисленных обнаруженных ранее предметов. Так, сейчас доказано, что в хранящихся в музейных фондах материалах бронзового и железного веков из целого ряда мест имеются предметы раннеармянского времени. На это было обращено внимание уже в книге Б. А. Куфтина⁵², где правильно выделены более поздние материалы из Кюлтаны (раскопки Лалаяна), Игдира (раскопки Петрова), Армавира (раскопки Уварова и Ерицова). А. А. Мартиросян указал на материалы более позднего времени из раскопок в Ахтале, Муснери (Морган), Иагдана (Такайшвилл), Ворпаке (Марр), Ахлатяне (Асратян)⁵³. А. О. Мнацаканян и Г. А. Тирацян указали на такие предметы из Качагана⁵⁴, С. А. Есаян—на

предметы из Муханат-тана (раскопки Байбурдяна)⁵⁵, Г. А. Тирацян—на предметы из Вапа и Топрах кале (раскопки Леман-Гаупта, Марра, Орбсли)⁵⁶, Джархеджа и Ленинанкана (сборы Мурые)⁵⁷. Хотя эти материалы немногочисленны, а порою просто отрывочны, они дополняют общую картину, помогая восстановить отдельные недостающие звенья в истории древнеармянской культуры. Работа по их обобщенному изучению в сопоставлении с остальными, хорошо проверенными, материалами проделана И. А. Карапетян в готовящемся ею к печати исследовании о культуре Армении VI—IV вв. до н. э.

Несравненно богаче раскопанные за последние десятилетия в подобных обстоятельствах материалы. Определение древнеармянских находок при современном кругозоре осуществлялось в этих случаях быстрее и вернее. А. О. Мнацаканян, обследовавший в начале 50-х гг. памятники III—I тысячелетий до н. э. в Ахтинском (ныне Разданском) р-не, натолкнулся в Атарбекяне и Джаррате на погребения более позднего времени. Могильник на правом берегу Раздана у деревни Атарбекян относится к V—IV вв. до н. э.⁵⁸, а каменный ящик из кургана раннебронзового времени в Джаррате, как выяснилось, того же времени. Инвентарь джарратского могильника в силу своего разнообразия и выразительности оказался очень важным при исследовании принципиальных вопросов раннеармянской культуры. Опубликовавшие джарратское погребение А. О. Мнацаканян и Г. А. Тирацян выделили характерный для V—IV вв. до н. э. материал, наметив при этом его связи с предшествующими эпохами бронзы и железа, а также Урарту, указали на интересную группу предметов древнего типа, произведившихся без существенных изменений в раннеармянское время и позднее, и очертили историческую и социальную среду памятника⁵⁹.

⁵⁵ С. А. Есаян, Ереван, Археологический очерк, Ереван, 1969, с. 108—109, с. 80.

⁵⁶ Г. А. Тирацян, О расписной керамике древней Армении (VI в. до н. э.—III в. н. э.), ИФЖ, 1965, № 3.

⁵⁷ Г. А. Тирацян, Некоторые черты материальной культуры Армении и Закавказья, V—IV вв. до н. э., С.А., 1964, № 3.

⁵⁸ А. О. Мнацаканян, Раскопки могильников у селения Атарбекян АрмССР, КСИИМК, 60, 1955.

⁵⁹ А. О. Мнацаканян, Г. А. Тирацян, Новые данные о материальной культуре древней Армении, Изв. АН АрмССР, 1964, № 8.

⁵⁰ К. В. Тревер, Очерки по истории культуры древней Армении, М.—Л., 1953, с. 88.

⁵¹ Г. А. Тирацян, Материальная культура Армении первых веков н. э. по данным бани и некрополя из Гарин (автореф. канд. дис.), Л., 1956; *его же*, Заметки об армянской одежде эллинистического времени, Изв. АН АрмССР (общественные науки), 1959, № 11—12, (на арм. яз.); *его же*, Новый эллинистический центр в стране Коммагена. Рецензия на F. K. Dörner, Th. Goell, Arsameta am Nymphalos, Berlin, 1963. ВОНАН, 1969, № 3 (на арм. яз.).

⁵² Б. А. Куфтин, Урартский колумбарий у подножия Арабата и «куро-аракский» энеолит, Вестн. Гос. музея Грузии, XIII, 13, 1944.

⁵³ А. А. Мартиросян, Раскопки в Головино, Ереван, 1954.

⁵⁴ А. О. Мнацаканян, Г. А. Тирацян, Новые данные о материальной культуре древней Армении, ИАНОН, 1961, № 8.

При раскопках городских кварталов Тейшебани (Кармир-блур) археологам в 1948 и в 1957 гг. встретились погребения, устроенные в более ранних, урартских жилищах. Их значение для правильного понимания судьбы урартского города трудно переоценить. Первая группа могил, изданная А. А. Мартиросяном, относится к ахеменидскому времени⁶⁰, вторая группа, изданная А. А. Вайманом и Г. А. Тирацяном,—эллинистическая⁶¹. Хотя погребальный инвентарь обеих групп могил небогат, он хорошо увязывается с соответствующими этапами древнеармянской культуры. Этот инвентарь, рассмотренный в указанной книге А. А. Мартиросяна, позволил ему выяснить некоторые вопросы, связанные с формированием раннеармянской керамики, с ее компонентами и т. д.

Начатые в 50-х гг. раскопки урартской крепости Эребуни дали сперва кажущиеся неожиданными материалы послеурартского времени. Дальнейшие раскопки показали историческую оправданность их нахождения на территории крепости. Особое место среди этих материалов занимает колонный зал, сперва признанный урартским⁶². Это мнение поддержал и Б. Б. Пиотровский⁶³, впоследствии, при учете найденного к этому времени в крепости археологического материала (милетских монет V в. до н. э., удил, стрел, керамики)⁶⁴, от него отказавшийся. На основании указанного материала нами была высказана мысль о возможном существовании в послеурартском Эребуни сатрапского центра⁶⁵. Эта мысль более подробно обоснована в специальной статье, в которой на фоне данных архитектуры, главным образом Ахеменидского Ирана, подвергается обстоятельному анализу колонный зал⁶⁶. Обнару-

женные в последние годы колонные залы в Бастаме, Алты-тепе и Аргиштихнвили, а также в Годин-тепе, Бабаджан-тепе, Нушиджан-тепе и даже Хасанлу IV (северо-западный Иран) расширяют наш кругозор, но не меняют представлений об ахеменидском характере колонного зала в Эребуни. Находки замечательных серебряных изделий ахеменидского времени в непосредственной близости от холма Арин-берд, на котором стоит цитадель Эребуни, кажется, тоже подкрепляют эти выводы⁶⁷.

Обобщению археологических данных ахеменидского времени Армении, Грузии и Азербайджана посвящена статья автора, в которой на примере ряда характерных памятников предпринята попытка установить некоторые закономерности развития древней культуры Закавказья⁶⁸.

Руководитель раскопок Эребуни К. Л. Оганесян отвел ахеменидским постройкам достойное место в своем отчете⁶⁹, где приведено много интересных количественных данных о колонном зале; к сожалению, отсутствует ряд археологических сведений, могущих внести большую ясность, например, в вопросы датировки. Заслуживают внимания разделы, посвященные культовым сооружениям Арин-берда. Хотя приведенная в отчете документация не вполне удовлетворяет читателя, приходится согласиться с основными выводами автора о существовании в Эребуни большого храма огня, возникшего вследствие перестройки урартских сооружений, и малого храма огня, перекрывавшего фундаменты разрушенного в древности урартского здания. Об археологическом материале ахеменидского времени можно встретить дополнительные сведения в работах М. А. Исраеля⁷⁰ и С. А. Есяяна⁷¹.

Трудоемкие поиски, длившиеся больше десятилетия, были предприняты в начале 60-х гг. С. А. Есяяном в северо-восточной Ар-

вопрос о сатрапских центрах на Армянском нагорье, ИАНОН, 1960, № 7—8 (на арм. яз.).

⁶⁷ Б. П. Аракелян, Клад серебряных изделий из Эребуни, С. А., 1971, № 1.

⁶⁸ Г. А. Тирацян, Некоторые черты материальной культуры Армении и Закавказья V—IV вв. до н. э. С. А., 1964, № 3.

⁶⁹ К. Л. Оганесян, Арин-берд, I, Архитектура Эребуни, Ереван, 1961.

⁷⁰ М. Исраели, История города-крепости Эребуни, Ереван, 1971 (на арм. яз.).

⁷¹ С. А. Есяян, Каталог археологических предметов, Музей истории города Еревана, II, Ереван, 1967.

⁶⁰ А. А. Мартиросян, Город Тейшебани, Ереван, 1961.

⁶¹ А. А. Вайман, Г. А. Тирацян, Кармир-блурский некрополь эллинистического времени, Вестн. общественных наук, 1974, № 8.

⁶² П. М. Лосева, Новые археологические исследования отряда ГМНИ им. А. С. Пушкина на холме Арин-берд, С. А., 1958, № 2.

⁶³ Б. Б. Пиотровский, Новые данные о древнейших цивилизациях на территории СССР («Доклады советской делегации на X Международном конгрессе историков в Риме», М., 1955), с. 13.

⁶⁴ Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, М., 1959, с. 23—24.

⁶⁵ Г. А. Тирацян, Ервандиды в Армении, ИАНОН, 1958, № 6 (на арм. яз.).

⁶⁶ Г. А. Тирацян, Колонный зал на Арин-берде и

мени (Иджеванском, Ноемберянском, Шамшадинском р-нах) с целью изучения древнейшей культуры края. При этом С. А. Есаян нашел целый ряд памятников более позднего, раннеармянского времени—крепости-поселения и могильники с соответствующими археологическими материалами. Основные памятники опубликованы им в специальных статьях⁷² и переизданы вместе с остальными материалами в монографии, посвященной северо-восточной Армении⁷³. Следует сказать, что хотя из-за разведочного характера работ—автор довольствовался только отдельными шурфами—не была раскопана целиком ни одна из исследуемых крепостей или поселений раннеармянского времени, полученные результаты позволяют хорошо выявить закономерности развития культуры в этой периферийной части Армянского нагорья.

Раскопки в Двине, длящиеся уже пятьдесят лет, показали его значение не только для средневековой Армении, но и для предшествующих эпох. Многослойный характер памятника делает его особенно интересным. Здесь были раскрыты слои III тысячелетия до н. э., эпохи поздней бронзы и раннего железа, а также материалы античного времени. Погребения последнего периода изданы уже в отчете-монографии начальника экспедиции К. Г. Кафадаряна⁷⁴. В дальнейшем удалось выявить античный слой как в цитадели, так и в находившемся у подножия холма поселении, дополняющий данные об античном некрополе. Найденные здесь за последние годы материалы изданы Г. Г. Кочарян⁷⁵, специально изучавшей древне-армянскую культуру Двина.

⁷² С. А. Есаян, Археологические находки близ поселка Иджеван, ИАНОН, 1961, № 4; *его же*, Погребения VI—V вв. до н. э. в городах Шамшадина, С. А., 1965, № 3; *его же*, Астхнблурский могильник, ВОНАН, 1968, № 6; *его же*, Новые находки предметов раннеармянского времени в поселке Берд Шамшадинского района, ИФЖ, 1969, № 4; См. и П. А. Карпетян, Пораженская раннеармянская крепость, ИФЖ, 1974, № 2 (на арм. яз.).

⁷³ С. А. Есаян, Древняя культура племен Северо-восточной Армении, Ереван, 1976.

⁷⁴ К. Г. Кафадарян, Город Двин и его раскопки, Ереван, 1952, (на арм. яз.), с. 82—84.

⁷⁵ Г. Г. Кочарян, Керамика из Двина эллинистической эпохи, ВОНАН АрмССР, 1974, № 5 (на арм. яз.); *ее же*, Каменный слон из Двина, ВОНАН, 1974, № 11 (на арм. яз.); *ее же*, Алтарь античного времени

Начавшиеся раскопки раннесредневековой крепости в с. Ошакан (рук. А. А. Калантарян, С. А. Есаян), дали неожиданные результаты: здесь были раскрыты остатки урартского города с цитаделью на возвышенности. Городские здания у ее подножия, отличающиеся превосходной планировкой, от которых местами сохранились высокие стены, пришли в упадок в начале VI в. и постепенно превратились, как и в других урартских городах, в могильное поле. Оно относится к эллинистическому времени и привлекает внимание представленными здесь новыми видами погребений. Погребальный инвентарь обнаруживает широкие связи с материалами Армении и Закавказья⁷⁶.

Предметы раннеармянского и античного времени найдены в Севанском бассейне Е. Лалаяном, А. Мнацаканяном, Г. Микаеляном⁷⁷; на такие материалы натолкнулись Е. Ханзадян (в Кировакане и Эларе⁷⁸, а О. Хнкиян—в Кафане⁷⁹).

Следует отметить также архитектурные находки античного времени в раннесредневековых христианских храмах. При реставрационных работах, производившихся А. А. Саиняном в храме начала VII в. Рипсиме, под полом были найдены большие фрагменты здания с типичными для античного периода узорами (овы, жгутообразный орнамент и т. д.), близкими мотивам украшений на гарнийском языческом храме. Остатки дохристианского времени А. Саинян обнаружил и под полом Эчмнадзинского кафедрального собора⁸⁰. Они также указывают на существо-

из Двина, ИФЖ, 1977, № 2 (на арм. яз.); *ее же*, Тапапан производственного значения, обнаруженный в Двине, ВОНАН, 1978, № 2 (на арм. яз.); *ее же*, Двин в античное время, ИФЖ, 1979, № 2 (на арм. яз.); *ее же*, Некрополь эллинистического времени в Двине, ИФЖ, 1980, № 2, (на арм. яз.); *ее же*, Гонимые круги античной эпохи из Двина, ВОНАН, 1980, № 2 (на арм. яз.).

⁷⁶ С. Есаян, А. Калантарян, Античный некрополь Ошакана, ВОНАН, 1976, № 12.

⁷⁷ Е. Лалаян, Раскопки могильников в Советской Армении, Ереван, 1931 (на арм. яз.); Г. Микаелян, Циклонические крепости Севанского бассейна (Археологические памятники Армении), Ереван, 1968.

⁷⁸ Э. Ханзадян, Разведочные раскопки в окрестностях Кировакана, ИАНОН, 1962, № 10 (на арм. яз.).

⁷⁹ О. Хнкиян, Раскопки в Кафанском районе (1970—1971), ИФЖ, 1973, № 3.

⁸⁰ А. Саинян, Новые материалы о конструкции Эчмнадзинского собора. «Эчмнадзин», 1956, № 8—9 и

вание здесь языческого храмового сооружения, разрушенного при принятии христианства. Связь, правда, не до конца выясненная, с античной культурой обнаруживается и в других раннесредневековых памятниках — базиликах в Текоре, Двине, Касахе⁸¹.

Большое значение имеют сведения, поступающие в последние годы с территории Западной Армении (Турция), где в результате изучения урартских памятников, а также вследствие находок во время строительных работ накопился интересный материал, который находит свое место в общем развитии древнеармянской культуры⁸². Этот материал, главным образом эллинистического времени, включает новоявленные остатки столицы западноармянского Софенского царства (Арсамосата античных авторов), группу курганных погребений, обнаруженных близ Эвзерума, керамику, в том числе расписную (Бадноц, Алтын-тепе), данные о строительной технике и т. д.⁸³.

Исследователь древнеармянской культуры не может пренебречь и случайными находками, в ряде случаев дающими сведения для того или иного этапа истории культуры. Так, картину художественной металлургии Армении ахеменидского времени приходится реконструировать почти целиком на основании случайных находок. Первые изделия из металла были найдены еще в XIX в. на тер-

ритории Западной Армении; эти высокохудожественные предметы разошлись по западноевропейским музеям, со временем были опубликованы⁸⁴, и хотя они осмыслены в общем правильно, вопрос их связей с культурой Армении фактически не выяснился. Этот вопрос поставили Э. Херцфельд и Г. Лушей, позже П. Амадри⁸⁵. Лушей высказал мнение о возможности продолжения деятельности некоторых урартских мастерских в ахеменидский период. Новые достижения в области исследования урартской культуры и сложившаяся впечатляющая картина урартской металлургии, а с другой стороны, обобщенное изучение всех найденных на территории Армении предметов торевтики ахеменидского времени позволяют глубже проникнуть в природу связей художественной металлургии Урарту и Армении⁸⁶. Найденные близ Аринберда художественные предметы из серебра были совершенно правильно сопряжены с рассматриваемыми вопросами⁸⁷. Наши знания о торевтике Армении античного времени обогащаются благодаря находкам из Эчмиадзина, Мрена, Даховки, Нахичевана, образцово изученным К. В. Тревер и Р. В. Кинжаловым⁸⁸.

⁸⁴ O. H. Dalton, The Treasure of the Oxus with other examples of early Oriental metal work. III ed. London, 1964; G. Migeon, Les accroissements des Musée du Louvre, Les Arts, No 1, 1901; A. Furtwängler, Erwerbungen der Antikensammlungen in Deutschland, Archäologischer Anzeiger, VIII, Berlin, 1892.

⁸⁵ E. Herzfeld, Khattische u. Kaldäische Bronzen Janus, I. Festschrift zu C. F. Lehman Haupt's sechzigstem Geburtstag, 1927; H. Lushey, Achämenidisch-persische Toreutik, Archäologischer Anzeiger, 1938, H 3—4; ego же, Die Phiale, Bleicherode am Harz, 1938, P. Amadry, Orfèvrerie achéménide, Antike Kunst, 1, 1958, ego же, Toreutique achéménide, Antike Kunst 2, 1959.

⁸⁶ Г. А. Тирация, К вопросу о торевтике и ювелирном деле в ахеменидское время. ИФЖ, 1969, № 1; ego же, Золотая пектораль из Армавира, С. А., 1969, № 4.

⁸⁷ Б. П. Аракелян, Клад серебряных изделий из Эребуни, С. А., 1971, № 1.

⁸⁸ К. В. Тревер, Бронзовая ножка канделябра из Нахчавана. Изв. РАИМК. 1921, том I; Р. В. Кинжалов, Об одной серебряной чаше, хранящейся в Эрмитаже, ИАНОИ, 1955, № 2; ego же, Два бронзовых предмета из Мрена, ИАНОИ, 1959, № 5. В последние годы особое внимание уделяется металлическим предметам, происходящим из гробницы I в. до н. э., обнаруженной в Сисиане. См. Ж. Д. Хачатрян, Худо-

№ 11—12 (на арм. яз.); ego же, Новые данные об архитектурном облике Эчмиадзинского собора (XXV Международный конгресс востоковедов), М., 1960; ego же, Архитектурный облик Эчмиадзинского кафедрального собора, «Эчмиадзин», 1961, № 1 (на арм. яз.); ego же, Новонайденные фрагменты античного храма Айрепки дзаин, 1965, № 13 (на арм. яз.).

⁸¹ А. А. Сацян, Архитектура Касахской базилики, Ереван, 1956 (на арм. яз.).

⁸² Г. А. Тирация, Новонайденные материалы последурартского времени в Западной Армении (Турция) и их место в общем развитии древнеармянской культуры. Древний Восток, II, Ереван, 1976.

⁸³ Keban Project 1969. 1970. 1971 Activities. Ankara, 1971, 1972. 1973. (Meadle East Technical University Keban Project Publications, Series 1, No 2, 3, 4). K. Emre, The Urartian Pottery from Altin Tépé, Turk Tarih Kurumu Belleten XXXIII, No 134, 1969. M. Melink, Archaeology in Asia Minor. AJA, 1966, No 2 H. Alkim, Explorations and Excavations in Turkey, 1964, Anatolica T. 1967, C. Nylander, Remarks on the Urartian Akropolis of Zernaki Tépé. Orientalia Suecana, (1965—1966), Uppsala, 1966, t. 15—16.

В связи со все большим накоплением археологического материала древнеармянской эпохи Б. Б. Пиотровский, Б. Н. Аракелян, А. А. Мартirosян и другие уделяли некоторое внимание вопросам его генезиса. В частности, довольно обстоятельно были рассмотрены урартские истоки целого ряда явлений древнеармянской культуры⁸⁹.

Следует сказать несколько слов о работах более общего характера. В 1957 г. нами была сделана попытка периодизации развития древнеармянской культуры (ахеменидский, эллинистический, римский периоды)⁹⁰, основанной на изучении имеющегося к тому времени материала при строгом учете данных политической и социально-экономической истории Армении. Обобщению некоторых вопросов культуры древней Армении главным образом на основе данных раскопок Гарни была посвящена опубликованная в 1960 г. статья Б. Н. Аракеляна⁹¹. Первая попытка систематического изложения сведений о раннеармянской культуре сделана в работе, написанной нами для первого тома «История армянского народа»⁹². Целый ряд аспектов древнеармянской культуры рассмотрен Б. Н. Аракеляном, А. А. Саньяном, Г. А. Тирацяном и Г. Х. Саркисяном в том же издании⁹³.

Перу Б. Н. Аракеляна принадлежит целый ряд этюдов по древнеармянскому искусству, собранных недавно в его богато иллю-

жественные изделия из серебра эллинистического времени, II Международный симпозиум по армянскому искусству, Ереван, 1978.

⁸⁹ Г. А. Тирацян, Урартская цивилизация и ахеменидский Иран, ИФЖ, 1964, № 2 (на арм. яз.); *его же*, Урарту и Армения. (К вопросу о преемственности материнской культуры), II Международный симпозиум по армянскому искусству, Ереван, 1978.

⁹⁰ Г. А. Тирацян, Опыт периодизации истории материальной культуры древней Армении, ИАНОН, 1957, № 2.

⁹¹ Б. Н. Аракелян, Основные черты материальной культуры древней Армении, ИАНОН, 1960, № 7, 8 (на арм. яз.).

⁹² История армянского народа, т. I, Ереван, 1971, гл. 19.

⁹³ История армянского народа, т. I, Ереван, 1971, разд. 5.

стрированной работе⁹⁴. В ней рассматриваются произведения искусства: скульптура, торевтика, монеты, глинтика, керамика, коропластика, стекло, монументальная живопись и др. Большое внимание в ней уделено вопросам культурных взаимосвязей, выявлены точки соприкосновения древнеармянского искусства с иранским, греческим, римским. Вместе с тем некоторые вопросы подбора материала (раннеэллинистические монеты, иллинистические художественные достоинства, скульптуры, выпадающие из хронологических рамок древнеармянского периода), датировки отдельных предметов (например, армавирских медальонов) здесь разработаны не до конца.

Найденные на территории Армении иноязычные надписи, общим числом около 30, на греческом, арамейском и латинском языках, также являются объективным источником по истории культуры древней Армении. После выхода в свет упоминавшейся книги К. В. Тревер⁹⁵, во второй части которой они изданы, были обнаружены новые надписи, арамейские—царя Арташеса I (II в. до н. э.) и Валарша II (II в. н. э.), а также латинская—императора Траяна; они использованы в специальном параграфе I тома «История армянского народа»⁹⁶.

Древнеармянские монеты эллинистического времени стали предметом научного исследования уже в XIX в., однако их систематическое изучение приходится на советское время. Х. А. Мушегяну принадлежит целый ряд работ о денежном обращении Армении в ахеменидский, греческий и римский периоды, недавно им обобщенных⁹⁷. Монеты не только являются показателем экономического развития древней Армении, но и, как было показано выше, служат надежным источником, для изучения ее культуры.

⁹⁴ Б. Н. Аракелян, Очерки по истории искусства древней Армении (VI в. до н. э.—III в. н. э.), Ереван, 1976.

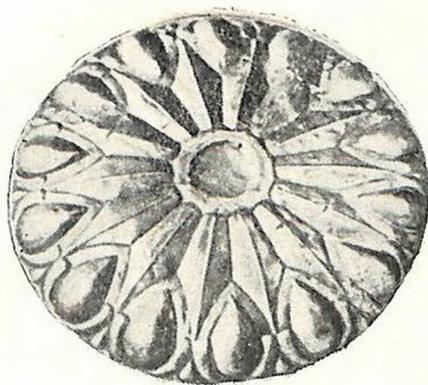
⁹⁵ К. В. Тревер, Очерки по истории культуры древней Армении, М.—Л., 1953.

⁹⁶ Г. А. Тирацян, Письменность, литература, третий параграф 34-й гл. «Духовная культура», седьмого разд. «Армянская культура в эллинистическое время». История армянского народа, том I, Ереван, 1971.

⁹⁷ Х. А. Мушегян, Денежное обращение в Армении (V в. до н. э.—XIV в. н. э.) (на арм. яз.), Ереван, 1983.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

КУЛЬТУРА АРМЕНИИ VI—IV вв. до н.э.

АРХИТЕКТУРА И СТРОИТЕЛЬНОЕ ДЕЛО

По сравнению с многочисленными и разнообразными архитектурными памятниками Армении первобытнообщинного и урартского времени раннеармянские памятники немногочисленны и этим объясняется их большое значение и живой интерес к ним специалистов. Обобщение всех данных этой важной отрасли культуры древней Армении представляется особенно актуальным, в связи с развернувшимися на территории республики археологическими работами по изучению древнеармянской культуры. К сожалению, данные археологии и письменных источников явно недостаточны, чтобы представить сколько-нибудь удовлетворительную картину раннеармянской архитектуры, хотя полное привлечение всех доступных сведений в значительной мере облегчит задачу ее дальнейшего изучения. Рассмотрение архитектуры раннеармянского времени мы начнем с вопроса о городах Армении VI—IV вв. до н. э.

Интересующий нас период истории городов на Армянском нагорье лежит между упадком урартских городов, связанным с крушением урартского государства, и оживлением городской жизни, наметившимся в III в. до н. э. По этой причине вопрос о преемственных связях между урартскими и древнеармянскими городами заслуживает пристального внимания. Сведения письменных источников, дополненные в последние годы данными археологических раскопок, говорят об упадке городской жизни, сопутствующем гибели урартского государства. Раскопки городских кварталов двух городов на северо-востоке страны—Тейшебани и Аргиштихинили, а в последние годы и города у современного села Ошакан, наглядно показывают это¹. Устроены в урартских зданиях и жилищах погребения, датируемые послеурартским временем (главным образом IV—III вв. до н. э.), свидетельствуют об опустении некогда многолюдных кварталов, служивших могильным полем жителям возник-

ших по соседству поселений ахеменидского или эллинистического времени.

Данные о городах Армении VI—IV вв. до н. э. весьма скудны. Первосточники главным образом называют деревни, селения, крепости, храмовые центры и мало говорят об их архитектурных особенностях. Известно, что в двух армянских деревнях, через которые прошел Ксенофонт во главе отступающего греческого войска, имелись дворцы, бывшие сатрапскими резиденциями (Анабасис IV, 4; 2, 7). Одна из деревень была окружена оборонительным валом (Анабасис IV, 5; 9). Упоминания в посвященном событиям в Армении разделе Бехистунской надписи большого селения (avahana) и крепостей (dida), предположительно локализуемых в юго-восточной Армении, поселения Вардгесаван на Араратской равнине у Моисея Хоренского (История Армении, II, 55), крепостей на границе с Мидией и в северо-западной Армении у Ксенофонта (Киропедия, III, 2, 1, 24), и, наконец, крепости в юго-западной Армении у Геродота (V, 52) не сопровождаются какими-нибудь характеристиками, проясняющими их архитектурный облик. То же самое относится к сведениям о древних храмовых центрах, которых было немало, по-видимому, уже в ахеменидское время в долинах Западного и Восточного Евфрата. Так, помимо храмовых зданий Ани—Камаха, Еризы и Аштишата, лишь вскользь упоминаются их оборонительные сооружения с городами—деревнями (χωρὸπόλις) вокруг².

Важный вопрос возникновения городов Армении в период, предшествовавший градостроительству, не представляется возможным выяснить в настоящее время. Все же наличный фактический материал с привлечением данных других, главным образом древневосточных, стран позволяет установить некоторые закономерности начальных этапов процесса урбанизации древнеармянского общества. Появление древнейших городов Армении не было результатом сознательного градостроительства; это был процесс, в котором центральная власть не играла определяющей роли.

² А. Г. Перихаян, Храмовые объединения Малой Азии и Армении, М., 1959, с. 89, 79—81, 99—100.

¹ А. А. Мартirosян, Город Тейшебани, Ереван, 1961, с. 137, и далее; его же, Аргиштихинили, Ереван, 1974, с. 55—58; Г. А. Тирацян, К вопросу о городах Армении доэллинистического времени (VI—IV вв. до н. э.), Древний Восток I, города и торговля, Ереван, 1973, с. 88; С. А. Есаян, А. А. Калантарян, Античный некрополь Ошакана, ВОНАН, 1976, № 12, с. 27, 39.

Древнейшими городами Армении рассматриваемого времени можно считать следующее.

Армавир. Найденные в Армавире урартские надписи, а также сведения армянских историков и греческие надписи, найденные у подножия армавирского холма, свидетельствуют о культовом характере Армавира как в урартский период, так и в последующее время³. Факт преемственности между урартским и армянским эллинистическим культовым центром имеет, как нам кажется, большое значение для истории древнеармянских городов, особенно в свете данных армавирских греческих надписей, полностью подтверждающих сведения нарративных источников. В надписях конца III в. до н. э. упоминаются «армавирцы» — жители города, члены городской общины и их глава Митра, вероятно — верховный жрец армавирского святилища, что позволяет говорить о существовании в Армавире в эллинистическое время гражданско-храмовой общины⁴, берущей свое начало еще в доэллинистический период. Не исключено, следовательно, что уже в ахеменидский период Армавир представлял собой храмовый центр, объединявший вокруг себя ряд сельских общин. Трудно судить об административной роли Армавира в это время: на холме засвидетельствовано слишком мало соответствующих находок. Видимо, военно-административным центром восточных областей Армянского нагорья была другая крепость — Эребуни, где обнаружены парадный приемный зал, храмы и другие предметы ахеменидского времени.

Ван. По ряду соображений можно предположить, что столица Урарту Тушна (Ван) стала первой столицей первого армянского государства, образовавшегося в VI в. на месте Урарту⁵. В годы ахеменидского владычества Ван, по всей вероятности, был главным центром XIII сатрапии, а затем объединенной Армянской сатрапии, упоминаемой Ксерксом на Ванской скале, рассказывающая о

строительных работах⁶, а также археологические находки, распознанные в последнее время в фондах музеев, свидетельствуют о том, что жизнь старого города не прекращалась в это время. Главными центрами ахеменидских сатрапий, как правило, становились бывшие столицы (например, Хамадан, Мемфис, Вавилон, Сарды) покоренных ахеменидами стран.

Эребуни. Археологические раскопки показали, что холм Арни-берд на юго-восточной окраине г. Еревана представляет собой цитадель основанного в первой половине VIII в. урартского города Эребуни (рис. 1). Были

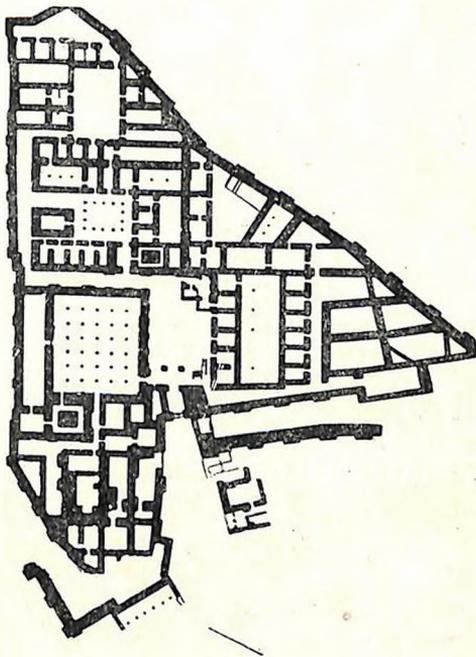

Рис. 1. План цитадели (Эребуни)

раскопаны оборонительная стена цитадели, постройки, образующие целый архитектурный ансамбль, многочисленные фрагменты стеновой росписи, клинообразные надписи урартских царей VIII в. до н. э. и др. Вместе с тем некоторые находки относятся к более позднему времени и указывают на существование крепости в послеурартский период.

³ А. А. Мартirosян, Раскопки Аргинтихили, С. А., 1967, № 4, с. 225, 227; С. М. Кржишарян, Заметки о возникновении древнеармянских храмовых городов, ИАНОН, 1963, № 9, с. 55 и сл. (на арм. яз.).

⁴ Г. Х. Саркисян, Тигранакерт, М., 1960, с. 41, 111.

⁵ С. Т. Еремян, К вопросу об этногенезе армян, Вопросы истории, 1952, № 7, с. 103.

⁶ Б. Б. Пиогоровский, Ванское царство, М., 1959, с. 117.

Выделенные стратиграфическими наблюдениями стронтельные остатки послеурартского времени были или расширением урартских построек (колонный зал), или их переделкой (большой храм огня), или же представляли собой новое сооружение, перекрывающее на более высоком стратиграфическом уровне остатки урартского здания (малый храм огня). Что касается остальных сооружений крепости, то, возможно, некоторые из них использовались в послеурартское время без существенных изменений, как это было с некоторыми зданиями урартского времени в Армавире. Продолжала функционировать, после небольших восстановительных работ, по-видимому, и оборонительная стена крепости.

Среди материалов послеурартского времени особое значение имеет колонный зал—часть архитектурного комплекса, занимающего огромную площадь в 1715 м², расположенного в западной части крепости у самой оборонительной стены⁷ (рис. 2). В восточной стене колонного зала имелся единственный

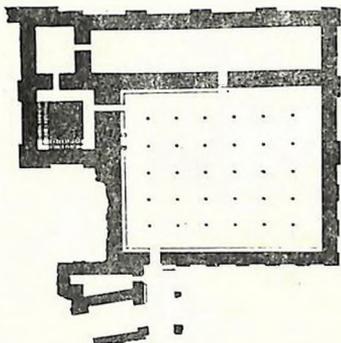

Рис. 2. План колонного зала-ападаны (Эребуни)

вход. Проем в противоположной стене зала соединял его с соседним западным помещением, примыкающим к крепостной стене. Это длинное и узкое помещение (№ 1), несмотря на плохую сохранность, представляет интерес благодаря найденным здесь росписям

урартского времени. С юга его продолжает небольшая комната (№ 2), тоже сильно пострадавшая, которая также была украшена росписями. Сохранившиеся местами стены сложены в цокольной части из грубообработанных каменных блоков и продолжены сырьевой кладкой. В угловой части здания, образуемой южной стеной колонного зала и восточной стеной помещений № 1 и 2, расположено сообщающееся с последним квадратное в плане помещение (№ 3) с башнеобразным строением в середине. Сохранилась нижняя часть этого строения—зигурата, цоколь которого сложен из довольно крупных грубообработанных блоков. Тут также имеются следы росписей.

Наибольший интерес представляет, естественно, сам колонный зал, прямоугольный в плане. Открыты основания колонн, несших перекрытия зала. Это прямоугольные плиты средним размером в 0,7×0,6 м при высоте 0,5 м, обложенные мелкими камнями и забутовкой. Все они лежат под слоем обмазки пола на равном расстоянии друг от друга (4,1 м) и от стен (3,8 м), пятью рядами по оси восток-запад, по шесть плит в каждом ряду. На стенах кое-где сохранился слой глиняной обмазки, а также остатки росписи. Вдоль стен идет низкая глинобитная скамья с простым прямоугольным профилированным карнизом. На западной части скамьи, идущей вдоль южной стены, обнаружен своеобразный алтарь или жертвенник ступенчатой формы. У западной стены зала открыт колодец, выложенный большими хорошо обработанными плитами. В колодец из центра зала шел небольшой желоб или сток, обложенный камнями.

Внимание исследователей привлекла северная стена зала (табл. 1, 2). Различие в кладке цоколя четко делит ее на две части: западная часть стены, подходящая к помещению № 1, имела цоколь высотой в 1,5 м из грубо обработанных каменных блоков средней величины; восточная же часть имела полуметровой высоты цоколь из чисто отесанных базальтовых плит. Это различие усиливалось с наружной стороны разницей в размерах контрфорсов, расположенных по всему периметру здания. В западной части той же северной стены стояли два контрфорса, выступающих на 0,5—0,55 м, длиной в плане около 4 м, в восточной части ближе друг к другу,—три контрфорса меньшей длины (2,7 м). Дальнейшие раскопки показали, что вся восточная стена, как и восточный участ-

⁷ См. Раскопки урартской крепости города Эрбуни (Эребуни) на холме Ариш-берд. Советское востоковедение, 1955, № 3, с. 144—150; Раскопки цитадели урартского города Эрбуни, КСИММК, вып. 58, 1955, с. 45—52; Новые археологические исследования отряда ГМИИ им. А. С. Пушкина на холме Ариш-берд, С. А., 1958, № 2, с. 179—195.

ток северной стены, имеет низкий цоколь из таких же плит и некрупные, но более частые контрфорсы.

Разнотипность кладки стен и контрфорсов в пределах одного здания и тем более одной его стены объясняется разновременностью возведения отдельных частей колонного зала, его перестройкой. Было выделено два строительных периода; согласно этому разграничению, к первому периоду относятся западная, меньшая, часть зала, доходящая до третьего ряда колонн и помещений № 1—3, стены которых по своему характеру тождественны стенам этой части зала. Первоначальное здание представляло собой длинное сооружение с портиком перед входом, имевшим два ряда колонн по шести в каждом, с маленьким помещением с южной стороны и башнеобразной постройкой в угловой части (рис. 3). Ко второму строительному периоду отнесена вся восточная часть зала, включающая три ряда колонн и новый вход⁸.

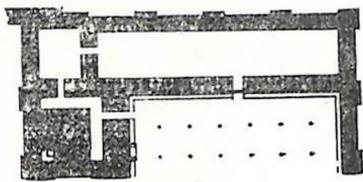

Рис. 3. План храма Халди (Эребуни)

По-видимому, не может быть каких-либо существенных расхождений в датировке первоначального здания. Оно относится к урартскому периоду и, связано с именем основателя города Эребуни и его цитадели, царя Аргишти I (786—760 гг. до н. э.). Но при определении времени дополнительных строительных работ, приведших к окончательному оформлению рассматриваемого комплекса, выявились разногласия. Так, например, высказывалось мнение, что здание было реконструировано в том же VIII в., о чем казалось, говорит урартская строительная надпись, принадлежащая Сардури II, преемнику Аргишти I, по этой причине тридцатиколонный зал рассматривался как прототип персидской

⁸ К. Л. Оганесян, Раскопки урартского города Эребуни, С. А., 1960, № 3; его же, Арин-берд, I, Архитектура Эребуни, Ереван, 1961; его же: Эребуни, Ереван, 1968; Г. А. Тирицян, Колонный зал на Арин-берде и вопрос о сатрапских центрах на Армянском нагорье. ИАНОН, 1960, № 7—8 (на арм. яз.).

ападаны⁹. Однако целый ряд важных находок на территории крепости позволяет по-новому подойти к вопросу времени пристройки. Это, во-первых, трехгранные наконечники стрел ромбической формы без втулки, характерные, по мнению Б. Б. Пиотровского, для ахеменидского времени¹⁰. Во-вторых, состоящие из колец бронзовые удила, которые, как показала Н. М. Лосева, относятся к послеурартскому периоду (VI—IV вв. до н. э.), будучи типологически близкими к удилам ахеменидского времени из Ахалгори¹¹. Их датировку можно уточнить при помощи сходных удил из фракийской гробницы IV—III вв. до н. э.¹². В-третьих, заслуживает внимания керамика, в том числе часть сосуда с ручкой в виде стилизованной утиной головы, по И. М. Лосевой, египетского происхождения¹³. Недавняя публикация результатов раскопок важнейших центров древнего Ирана указывает на широкое распространение мотива головы птиц (утиной и лебединой) в ахеменидской материальной культуре. Предметы послеурартского периода обнаруживались и в дальнейшем. Это главным образом керамическая посуда ахеменидского времени. Находка четырехгранного наконечника стрелы со втулкой и особенно монеты Августа позволяют предположить, что крепость была заселена даже в античный период¹⁴.

Для правильного понимания судьбы крепости в послеурартский период имеют значе-

⁹ И. М. Лосева в вышеупомянутых работах; Б. Б. Пиотровский, Новые данные о древнейших цивилизациях на территории СССР («Доклады советской делегации на X Международном конгрессе историков в Риме», М., 1955), с. 13. Уже после завершения раскопок основной части крепости в стене храма Халди была обнаружена клинописная надпись Аргишти I, подтверждающая окончательно храмовый характер здания. Поэтому вероятно, чтобы урарты переделывали храм в здание светского характера. Такую переделку храмового здания в колонный зал для приемов вполне можно допустить в послеурартское, ахеменидское время.

¹⁰ Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, М., 1959, с. 24.

¹¹ Н. М. Лосева, Новые археологические исследования..., С. А., 1958, № 2, рис. 9.

¹² В. Filow, Denkmäler der thrakischen Kunst, Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Römische Abteilung, XXXII, 1917, с. 44, 47—49.

¹³ И. М. Лосева, Ук. соч., рис. 10,4.

¹⁴ С. А. Есаян, Каталог археологических предметов Музея города Еревана II, Ереван, 1967, с. 71—74.

ние найденные поблизости серебряные ритоны, в ахеменидском облике которых не приходится сомневаться¹⁵. На продолжение жизни на Арин-берде в послеурартский период указывают, наконец, найденные в 1956 г. две серебряные милетские монеты, датирующиеся V в. до н. э., но не ранее чем 478 г.¹⁶. Небезынтересно отметить, что такие же монеты найдены на персепольской террасе на территории сокровищницы¹⁷.

Наличие группы определенно послеурартских предметов (VI—IV вв. до н. э. и позже) и отмеченная разнотипность кладки стен, указывающая, по всей вероятности, на то, что первый и второй строительные периоды разделены большим промежутком времени, заставили исследователей пересмотреть дату перестройки колонного зала.

Беглый обзор древнеиранских колонных залов поможет осмыслению аринбердского зала и его правильной хронологической фиксации¹⁸.

¹⁵ Б. Н. Аракелян, Клад серебряных изделий из Эрбуни, С. А., 1974, № 4.

¹⁶ Б. Б. Пиотровский, ук. соч., с. 24.

¹⁷ E. Schmidt, Persepolis, I, 1953, табл. 84, No 11

¹⁸ За последние годы число колонных залов, обнаруженных на территории Ирана, значительно возросло в результате активизации археологических работ в северо-западных частях страны, в древней Мидии (S. Matheson, Persia: An archaeological guide London, 1972). Раскрыты здесь колонные залы датируются VIII—VI вв. до н. э. Зал в Нух-и-джан-тепе имеет 12 (3 x 4) колонн (M. Roaf, D. Stronach, Tepe Nush-i-Jan, 1970, Second interim report, Iran, XI, 1973, 1) зал в Бабаджан-тепе—8 (2x4) колонн (S. Matheson, ук. соч., с. 116). в Годин-тепе—30 (5x6). (T. Cuyler Young, Recent excavations at Godin-Tepe, The Memorial volume of the V international congress of Iranian Art and archaeology, Teheran 1932, 1; L. Levine, The Iron age re-evaluated, Expedition, XIII, 3, 4, 1971, p. 42)

Особое место занимает колонный зал в Хасанлу, крепости у южного берега оз. Урмия на маинейской территории, состоящий из 8 (2x4) колонн и многочисленных пилластр (T. Cuyler Young, Thoughts on the architecture of Hasanlu, Iran, ca Antiqua, vol. VI I, 1966 (Mélanges Ghirshman)

Он относится к IV слую Хасанлу, датирующемуся X—IX вв. до н. э. Несмотря на раннюю дату зал в Хасанлу тяготеет с северным и северо-западным областям, откуда и мог быть заимствован в Иран принцип колонных залов. Раскопки в Богазкее, древнем Хатушане—столице Хеттского государства, выявили остатки 25-колонного (5x5) зала, датируемого

Следует подчеркнуть ведущую роль колонных залов в архитектуре Ахеменидского Ирана.

Самые ранние примеры колонных залов ахеменидского времени можно встретить в Пасаргадах—древнейшей столице Ахеменидов¹⁹. Повсеместное распространение колонных залов связано со строительной деятельностью Дария I, начатой в последние десятилетия VI в. до н. э. (Основание персепольской террасы с целым рядом колонных залов на ней²⁰, колонные залы—ападаны в Вивилоне²¹, Сузах²², Экбатане²³). Строительство колонных залов продолжалось главным образом при преемнике Дария Ксерксе, уделявшем большое внимание архитектурному оформлению Персеполя²⁴ (рис. 4). Строительством подоб-

XIV—XIII вв., и не праву считается самым ранним образцом колонного зала (R. Naumann, Bauwerke der hethitischen Grossreichzeit auf Büyuk-Kale. Ausgrabungen der Deutschen Orient Gesellschaft u. des Deutschen Archäologischen Instituts. Abhandlungen der Deutschen Orient Gesellschaft, No 2, Bogazköy III. Funde aus den Grabungen 1952—1955. Berlin, 1957).

Из хеттского мира эта архитектурная форма пришла в Урарту, не раз служивший связующим звеном между Малой Азией и Ираном. В этой связи интересно отметить, что по мнению некоторых исследователей, иранский термин обозначающий дворец, как правило в виде колонного зала—ападана, выводится от хеттского bit apparatus со значением дворец. (P. Amiet, Quelques observations sur le palais de Darius à Suse. Syria, 1974, T. 51, fasc. 1-2, p. 72).

Ранние урартские колонные залы относятся к первой половине VIII в. (западная цитадель Аршиштихинли—(2x10) и, возможно, Русахинли (Бастам)—(2x8) (см. А. А. Мартиросян, Аршиштихинли, Ереван, 1974, рис. 30; W. Kleiss, Urartäische Architektur, Urartu, ein wiederentdeckter Rivale Assyriens, München, 1976, p. 20) позднее к концу VII в.—началу VI в. (Алтын-тепе—3x6 и восточная цитадель Аршиштихинли (Арманир)—3x7 (?) (см. Т. Ozgüc, Altin-Tepe, I, Ankara, XXX 1966; Г. А. Турациян, Из материалов раскопок Армавира в 1973 г., ИФЖ. 1974, № 3, рис. 1)

¹⁹ H. Frankfort, The Art and architecture of the Ancient Orient, 1954, рис. 109; L. Vanden Berghe, Archéologie de l'Iran Ancien. Leiden, 1959, карта No 1.

²⁰ E. Schmidt, Persepolis, I, Chicago, 1953, с. 40.

²¹ R. Koldewey, Das wiedererstellende Babylon, Leipzig, 1925, с. 126—127.

²² M. Dieulafoy, L'acropole de Suse, Paris, 1892, IV часть, с. 388.

²³ E. Schmidt, ук. соч., с. 37

²⁴ Там же, с. 41—42.

ного рода, по-видимому, были заняты в указанных местах и преемники Ксеркса²⁵. Приведенный перечень ахеменидских колон-

ники. Хронологический анализ этих залов показывает, что большинство их относится к концу VI в. до н. э. и к первой половине

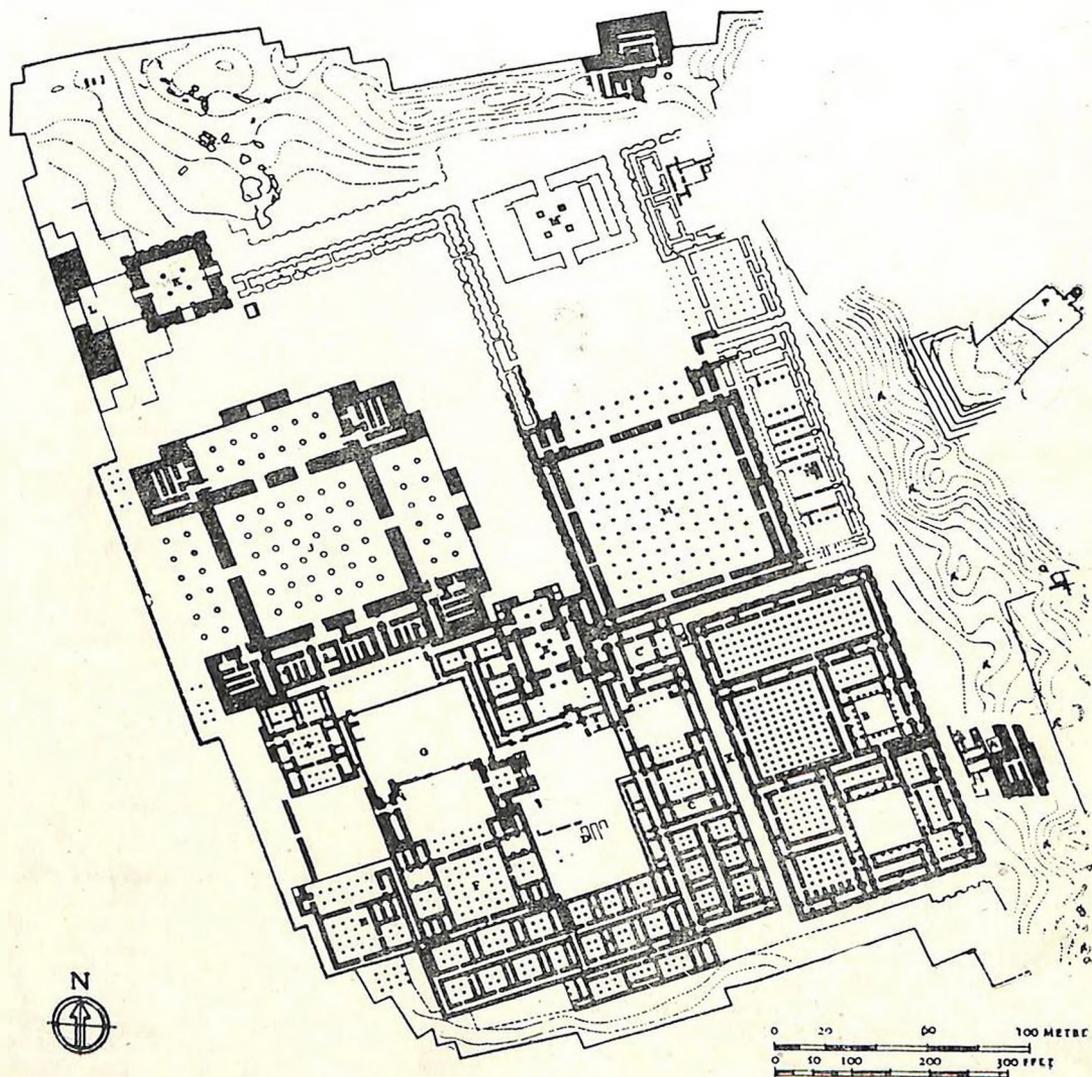

Рис. 4. План Персеполя

ных залов неполон; здесь перечислены только более или менее точно датированные памят-

²⁵ Там же, с. 43, *M. Dieulafoy*, ук. соч., с. 388 рис. 224; *L. Vanden Berghe*, ук. соч., с. 109.

V в. до н. э. Интересно, что существовали залы с таким же числом и расположением колонн, как в аринбердской,—например, центральный зал резиденции Кира в Пасар-

годах (дворец Р)²⁶ или помещение № 62 в западной части сокровищницы на персепольской террасе, оба имевшие пять рядов колонн по шесть в каждом. Раскопки показали, что свой окончательный вид последнее сооружение, план которого дошел до нас, приняло около 480 г., в результате трех перестроек²⁷.

Среди перечисленных колонных залов ахеменидского времени находит свое место рассматриваемое сооружение на холме Арин-берд, окончательное оформление которого следует датировать тем же временем—первой половиной V в.

Выясним, не противоречат ли отдельные черты перестроенной части колонного зала принципам архитектуры послеурартского, ахеменидского времени.

Характер кладки стены, относящейся ко второму строительному периоду, хорошо согласуется со свидетельствами строительной техники этого периода. Как уже было сказано, стена имеет низкий цоколь, сложенный из чисто отесанных плит, над которым возвышается сырьевая кладка. Такой же высокий уровень обработки камня обнаруживается в ахеменидских постройках, например в Пасаргадах, где рустованные каменные блоки безупречно пригнаны друг к другу без применения каких-либо связывающих материалов, кроме тех случаев, когда они скреплены железными скобами²⁸. Кроме того, сочетание чистоотесанного камня с кирпичом-сырцом очень характерно для сооружений персепольской террасы.

Уже отмечалось, что рассматриваемая стена украшена контрфорсами, которые во многом отличаются от контрфорсов первоначального здания. Древневосточный обычай оживлять снаружи стену выступами нашел широкое применение в ахеменидской архитектуре. Так выполнены стены стоклонного зала; портика Ксеркса и т. д. в Персеполе²⁹. По сравнению с аринбердскими контрфорсами, которые отступают от внешней линии стены, это скорее ниши, трехступенчатые в плане углубления в стенах, поставленные на равном расстоянии друг от друга. Контрфорсы, напоминающие аринбердские, но сопровождающиеся нишами, имеются на внешних стенах персепольской сокровищницы³⁰. Интерес-

но, что в ряде случаев они совпадают даже по длине (2,9 м) с аринбердскими нишами³¹.

Наконец, скамья в колонном зале также находит соответствие: низкие скамьи вдоль стен не раз встречаются в персепольских постройках. Они имеются в портике Ксеркса, в апсиде Дария, в так называемом зале совещаний, в 100-колонном зале, в сокровищнице³², а также в ранних ахеменидских сооружениях, в частности в портике жилого дворца Кира в Пасаргадах³³.

Отсутствие дополнительных поясняющих данных (надписей, сведений древних историков) намного усложняет вопрос о назначении колонного зала на Арин-берде. Трудность достоверного определения станет ясной, если учесть, что исследователи до сих пор не пришли к единому мнению относительно даже назначения многих зданий на персепольской террасе, несмотря на то, что в Персеполе найдены строительные надписи и рельефы, по которым часто можно судить о назначении данного здания. Исходя из того, что аринбердский зал—единственный на территории крепости, к тому же больших размеров, и что колонны придавали ему пышность, позволено усмотреть в нем парадный зал для приемов и совещаний³⁴ (рис. 5). Примыкающие к залу помещения могли служить жилыми комнатами.

Следующее сооружение ахеменидского времени на территории крепости Эрбуни—так называемый большой храм огня в дворовой части дворца (у Урартского храма Суси) (рис. 6). Здесь были предприняты кардинальные переделки урартского комплекса³⁵: ряд архитектурных элементов (все колонны перистильного двора) был убран; добавлены новые элементы (стена в северо-западной части, пристроенная к храму Суси для образования нового входа); замурованы все дверные проемы из дворца в прилегающие помещения; построено новое сооружение в дворовой части.

³¹ Там же, с. 158.

³² Ук. соч. рис. 25, 26, 30, 40, Д, 45С, 51, 52, 56Д, 752В, с. 80, 111, 178.

³³ *H. Frankfort*, ук. соч., с. 217.

³⁴ *Г. А. Тирицян*, Колонный зал на Арин-берде и вопрос о сатрапских центрах на Армянском нагорье, НАНОН, 1960, № 7—8, с. 109.

³⁵ *К. Л. Оганесян*, Архитектура Эрбуни (Арин-берд, 1), Ереван, 1964, с. 88 и след. рис. 46.

²⁶ См. *H. Frankfort*, ук. соч., рис. 109 (с. 217).

²⁷ *E. Schmidt*, ук. соч., с. 197, 200, рис. 65, 66.

²⁸ *C. Nylander*, *Ionians in Pasargadae*, Uppsala, 1970.

²⁹ *E. Schmidt*, ук. соч., рис. 26, 125.

³⁰ Там же, рис. 69 и 74.

В результате этих переделок дворовая часть и храм Суси урартского дворца вошли в состав нового архитектурного комплекса, понимание которого как места для исполнения культа огня кажется довольно убедительным. Действительно, шпиль перед входом в храм Суси препятствовал проникновению

Рис. 5. Реконструкция колонного зала (Эребуни)

света. Было возведено новое прямоугольное в плане помещение с контрфорсами в дворовой части со ступенчатым алтарем и скамьей при нем. Слой золы, обнаруженный на полу храма Суси, позволяет усмотреть в этом новообразованном комплексе ахеменидский храм огня³⁶.

Другой храм послеурартского времени, так называемый малый храм огня, был обнаружен у южного фасада дворца, в двадцати метрах к востоку от его главного входа, перед колонным залом, на частично застроенной в урартский период площади (табл. II, 1). Выяснилось, что храм огня построен на слое земли, покрывавшем фундаменты урартского сооружения—кладовой (аги); эти остатки кладовой хорошо видны и сегодня. Различие уровней фундаментов двух зданий не вызывает сомнений в существовании между ними хронологического разрыва.

Здание храма невелико—12×8 м, состоит оно из трех помещений, одно из которых вытянутое, большое, два боковых поменьше³⁷ (рис. 7). В каждой стене большого помещения имеется ниша со скамьей. Ниши и все дверные проемы здания, завершающиеся двухцентровым арочным верхом, представляют собой самые ранние из известных образцы данной конструкции в Армении. Перекрытие же здания было плоским, о чем свидетельствуют найденные здесь при раскопках жерди, камыш и обугленные остатки балок. Храм не имел окон и освещался только через дверной проем. В самом зда-

нии не было найдено никакого археологического материала, только слой золы толщиной в 15 см на полу.

Вышеотмеченные особенности здания говорят о том, что это культовое сооружение, вероятнее всего—храм огня (рис. 8), в большом помещении которого собирался народ,

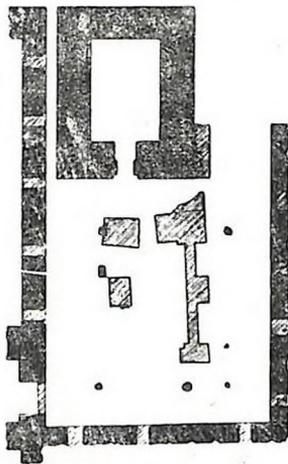

Рис. 6. План большого храма огня (Эребуни)

о чем свидетельствуют обнаруженные здесь скамьи, а в одном из боковых помещений поддерживался священный огонь. Кроме нижнего, каменного, покоевого ряда, храм целиком построен из сырца-кирпича, что тоже свидетельствует о связи строительной техники ахеменидских построек Эребуни с урартскими традициями. Ближайшим и пока единственным аналогом здания следует считать сходное по плану пещерное сооружение, обнаруженное недалеко от Маку (около деревни Сангяр³⁸). Значение малого храма огня для истории архитектуры не только древней Армении, но и главным образом Ирана трудно переоценить. К. Л. Оганесян правильно подметил, что его единая внутренняя архитектурно-пространственная композиция включает в себя камеру для священного огня и место ритуала или жертвоприношения, которое в храмах типа Сузского представляет собой открытый двор.

³⁶ К. Л. Оганесян, ук. соч., с. 88.

³⁷ К. Л. Оганесян, Архитектура Эребуни (Аринберд, I), Ереван, 1961, с. 97 и след.

³⁸ К. Л. Оганесян, ук. соч., с. 102; W. Kleiss, Urartäische Architektur, Urartu ein wiederentdeckter Rivale Assyriens, München, 1976, рис. 6, 32.

О храмовой архитектуре древней Армении позволяет судить, как нам кажется, неожиданно найденная при раскопках циклопической крепости Астхи-блур у сел. Епокаван Иджеванского р-на (северо-восток АрмССР) модель двухэтажного здания, изготовленная из черной огнеупорной глины³⁹ (табл. I, 1).

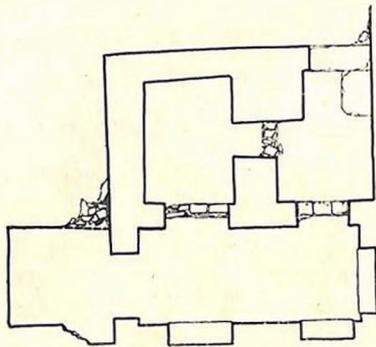

Рис. 7. План малого храма огня (Эребуни)

Хотя размеры модели невелики (высота—10 см, диаметр окружающей здание ограды—18 см), она дает полное представление об архитектурных особенностях своего прототипа. Состоит она из двух прямоугольных в плане расположенных одно над другим помещений, открытых с двух сторон. Стены нижней комнаты более толстые, поэтому межэтажное плоское перекрытие выступает с двух сторон. Верхняя комната покрыта двускатной крышей, отделанной косыми желобчатыми линиями. Фронтоны украшены сильно стилизованными головками барана. Круговая ограда здания украшена налестными кружками.

Разведочные раскопки в крепости Астхи-блур выявили наличие двух слоев, относящихся к началу и к середине I тыс. до н. э. Модель была найдена в верхнем, более позднем, слое, что допускает ее отнесение к концу VII в.—V в. до н. э. Такую датировку подтверждают, в частности, некоторые черты самого предмета. Своими рельефными налестями, составом и обжигом глины и другим модель сближается с керамическими изделиями Армении рассматриваемого времени. Все это, естественно, делает изучение модели необычно интересным и важным для истории древнеармянской культуры.

Подобные модели были широко распространены в древности: они засвидетельствова-

ны в Греции и на Эгейских островах; на Балканах, и на Аппенинском полуострове, в Малой Азии, Двуречье и Египте⁴⁰. Сравнительно недавно отдел древностей Западной Азии Британского музея приобрел также урарт-

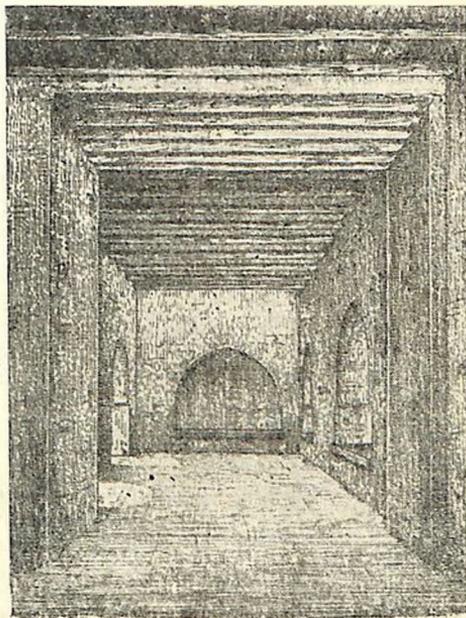

Рис. 8. Реконструкция малого храма огня (Эребуни)

скую глиняную модель крепости⁴¹. Средняя высота этих моделей 15—20 см, хотя встречаются образцы больших размеров (высотой до 0,9 м). Большинство их датируется IX—

⁴⁰ H. Payne, *Perachora, The sanctuaries of Hera Akraia and Limenia*, Oxford 1940, табл. 7, 8, 9, No 117—120, с. 34—51, рис. 7, с. 73; K. Schefold, *Die Griechen und ihre Nachbarn, Propyläen Kunstgeschichte*, t. 1. Berlin, 1967, табл. 252 a; W. Herman, *Grabungen u. Funde in Apullen. Lucanien von 1956 bis 1965. Archäologischer Anzeiger*, 1966, H. 3, Bd. 81, рис. 128; G. Mansuelli, *Les civilisations de l'Europe ancienne*, Paris, 1967, табл. 60; W. Andrae, *Die archaischen Ischtartempel in Assur* (39 Wissenschaftliche Veröffentlichungen der Deutschen Orient-Gesellschaft), Leipzig, 1922, рис. 5—8, табл. 13—17; H. Schaeffer, W. Andrae, *Die Kunst des alten Orients (Propyläen Kunstgeschichte)*, III Auflage Berlin, 1942, с. 279, 496.

⁴¹ R. D. Barnett, J. E. Curtiss, *A review of acquisitions 1963—70 of Western Asiatic Antiquities*, *The British Museum Quarterly*, v. XXXVI, No 3, 4, табл. I LXIII.

³⁹ С. А. Есаян, Астхи-блурский могильник, ВОНАН, 1968, № 6, табл. IX, с. 95—96.

VII вв. до н. э.; есть и более древние экземпляры.

Назначение моделей не поддается определенному выяснению, хотя их принадлежность к культовой сфере и votивный характер, доказываемые находждением моделей в святилищах перед статуями божеств, несомненны. Большие экземпляры могли служить в качестве алтаря или стола для жертвоприношений. В них нередко ставились статуэтки божеств. По мнению С. А. Есаева, нашедшего и издавшего астихблурскую модель, она ставилась на жаровню или на очажок с углями, освещавшими здание изнутри и снаружи, и имела, таким образом, утилитарное назначение. Очень вероятно, что модель имела и сугубо культовое значение, символизируя здание святилища, на что указывают головки баранов, венчающие фронтоны модели.

Эта модель, по всей вероятности, воспроизводит реально существовавшее здание, в чем заключается ее большая ценность. Здесь важно еще раз указать на сугубо местный характер предмета—глина, обжиг, отдельные детали хорошо связываются с местной керамикой рассматриваемого времени. Учитывая наличие второго этажа, здание можно признать жилым, хотя известно, что в арханческой архитектуре нет четкого разделения жилого дома и святилища. Тем не менее рассматриваемая модель имеет параллели среди моделей двухэтажных храмовых зданий. Интересные связи сугубо формального характера она обнаруживает с некоторыми ликийскими гробницами, нижний этаж которых тоже шире верхнего, покоящегося на межэтажном перекрытии⁴².

Пристального внимания заслуживает двускатная крыша. Двускатное перекрытие имеет довольно долгую историю, и некоторые ее этапы в соседних с Арменией областях следует напомнить, поскольку установлено, что такое перекрытие развивалось в Малой Азии и в Иране самостоятельно. Правда, делались попытки установить его наличие на Армянском нагорье. Судя по сохранившемуся изображению Мусасирского храма, исследователи представляли его как прототип греческой античного храма с двускатной крышей⁴³. Однако архитектурные особенности

раскрытых в ходе систематических раскопок остатков целого ряда урартских храмов, дают основание считать, что стены этого храма имели контрфорсы, в том числе угловые, а перекрытие было шатрообразным, и что художник изобразил именно переднюю треугольную грань последнего, выглядящую сбоку как фронтон⁴⁴. Ввиду полного отсутствия других возможных свидетельств существования двускатных перекрытий на Армянском нагорье в древнейший период, естественно обратиться к упомянутым регионам, для которых они были характерны с раннего времени.

Погребения, имитирующие форму жилищ с двускатной крышей, имеются в некрополе Сялк Б в Иране⁴⁵, датируемые началом I тыс. до н. э. Двускатное перекрытие, по мнению исследователей, имели некоторые здания Хасанлу IV⁴⁶, относящегося в общем к тому же времени, что и Сялк Б. Позднее, в ахеменидский период, двускатное перекрытие встречается чаще—оно завершает гробницу Кира, наскальные гробницы Дария и его преемников, гробницу Гур-Духтар (Бузпар)⁴⁷ и др. Фасады с фронтонами фригийских гробниц, ранние образцы которых датируются VIII в. до н. э., указывают на существование двускатного перекрытия в Малой Азии по крайней мере в это время⁴⁸. В дальнейшем, особенно начиная с VI в., оно распространяется шире; это видно на примере ликийских или более поздних фригийских гробниц⁴⁹. Из этого краткого обзора видно, что более широкое распространение двускатных перекрытий падает на VI в. до н. э., что как будто согласуется с датировкой модели из Астихбура.

Круглая ограда здания напоминает об-

⁴⁴ W. Kleiss, Zur Rekonstruktion des urartäischen Tempels, Istanbul Mitteilungen, т. 13/14, 1963—1964.

⁴⁵ R. Ghirshman, Fouilles de Stalk, II, Paris, 1939, табл. XLIX.

⁴⁶ T. Cuyler Young, Thoughts on the architecture of Hasanlu IV (Iranica Antiqua, VI, 1, 1966, с. 57.

⁴⁷ D. Stronach, Excavations at Pasargadae, Second preliminary report, Iran II, 1964, с. 27, табл. III: I. Vanden Berghe, Le tombeau achéménide de Buzpar, Vorderasiatische Archäologie, Studien und Aufsätze, Festschrift Moortgat, Berlin, 1964.

⁴⁸ H. Bossert, ук. соч., с. 81, № 1023—1033, R. Nauman, Architektur, Kleinasien, Tübingen, 1955, с. 148, 154—155.

⁴⁹ См. литературу под ссылкой № 42, E. Akurgal, Phrygische Kunst, Ankara, 1955, с. 87—89.

⁴² H. Bossert, Alt—Anatolien, Berlin, 1942, табл. 46, № 236, табл. 50, № 250—251, № 248—249; K. Kjeldsen, J. Zahle, Lykische Gräber, Archäologischer Anzeiger, 1975, No 3.

⁴³ Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, Ерван, 1944, с. 253.

водные стены в древневосточных храмовых памятниках. Из более близких к модели по времени примеров следует упомянуть сырцовую ограду башневидного культового сооружения в Пасаргадах (Зиндан-и-Сулейман), приурочиваемого ко времени правления Кира⁵⁰. Такой же стеной обведено башневидное сооружение Кааба-и-Зардушт в Накш-и-Рустеме.

Что касается крыши модели, то, по мнению С. А. Есаяна, она была сложена из каменных плит или, скорее, из теса. Желобчатые линии на крыше модели, а также на выступах межэтажного перекрытия, могут изображать и черепичное покрытие. Правда, черепица вошла в обиход лишь в эллинистическое время, но не исключено, что отдельные монументальные здания более раннего периода тоже могли быть покрыты черепицей. О распространенности черепицы в близких от Армении областях, например в центральной Анатолии уже в VIII—VII вв. до н. э. свидетельствует найденная в Богазкее хорошо обожженная черепица⁵¹ послехетского, фригийского времени.

Наши представления об архитектуре Армении были бы неполными без данных о жилищах, крепостях и т. п. К сожалению, предоставляемые раскопками материалы такого рода явно недостаточны. Изученные в северо-восточной Армении «циклопические» крепости рассматриваемого времени представлены многочисленными примерами и восходят к традициям древних крепостей⁵². Раскрытые же на их территории жилища имеют прямоугольную планировку и возведены они из рваного камня на глиняном растворе⁵³.

⁵⁰ D. Stronach, Excavations at Pasargadae, Third preliminary report, Iran, III, 1965, с. 14, 16; E. Schmidt Persepolis I, Chicago, 1953, с. 24.

⁵¹ F. Dörner, Th. Goell, Arsacida am Nymphalos, Berlin, 1963, с. 151, прим. 19.

⁵² С. А. Есаян, Древняя культура племен северо-восточной Армении, Ереван, 1976, с. 44 и дальше; И. А. Карапетян, Раннеармянская крепость в Порашце, ИФЖ, 1974, №2, с. 284 (на арм. яз.).

⁵³ С. А. Есаян, ук. соч., с. 54 и дальше.

Интересные данные о жилищах этого времени, о крестьянском доме, как известно, содержатся в «Анабасисе» Ксенофонта, оставившего описание крестьянских домов южной, центральной и северной Армении рубежа V—IV вв. до н. э. По ним, например, ясно, что дома южных районов отличались от домов центральных своим башнями, наличие которых могло быть вызвано и защитными соображениями. Деревня, в которой Ксенофонт видел эти башни, находилась около южной границы Армянской сатрапии, по ту сторону которой обитали воинственные народы (Анабасис, IV, 4; 2). Близкие по типу башневидные дома Ксенофонт встречал в северной Армении, в стране моссинюков в Понтийских горах (Анабасис, V, 5; 26). Не исключена возможность, что дома в виде башен имеют истоки в урартской архитектуре, которой были известны башневидные сооружения, в том числе, возможно, даже жилища⁵⁴.

Деревни центральных и северных районов Армянского нагорья имели дома другого типа—подземные с колодезевидным входом, расширяющимся внизу; жители спускались через вход в свой дом по лестнице. Вместе с людьми жил и скот, для которого вероятно имелся проход в земле. Эти дома, так же как и более древней эпохи (поздней бронзы и раннего железа), представляют собой ранние образцы армянского народного дома, являющиеся прототипами более развитых архитектурных форм средневековья (глхатуи, азарашен)⁵⁵.

⁵⁴ Г. А. Тирацян, Урартская цивилизация и ахеменидский Иран, ИФЖ, 1964, №2, (на арм. яз.). Дома с башнями засвидетельствованы не только на Армянском нагорье. В это же время встречаются они и в греческом мире, преимущественно в малоазийских его частях. См. M. Nowicka, Les maisons à tour dans le monde grec. Warszawa, 1975.

⁵⁵ В. М. Арутюнян, С. А. Сафарян, Памятники армянского зодчества, М., 1951, с. 8; К. Л. Огансян, ук. соч., с. 76.

НЕКРОПОЛИ, ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Немаловажным источником информации являются захоронения раннеармянского времени. Погребальный инвентарь будет рассмотрен в дальнейшем. В этой же главе мы остановимся на погребальных видах и обрядах.

Известные до сих пор погребения рассматриваемого времени не отличаются большим разнообразием, что отчасти объясняется неудовлетворительной степенью их археологической изученности. Это большей частью каменные ящики нескольких разновидностей. Встречаются и грунтовые захоронения, а также курган с кремацией. Ареал распространения раскопанных захоронений раннеармянского времени не очень велик, он в основном включает территорию современной Армении—окрестности Еревана, долину р. Раздан, северо-восточные районы (Дилижан, Иджеван, Шамшадн) и, возможно, южные (Зангезур). С обширных пространств Западной Армении пока не имеется сведений, которые могли бы дополнить вырисовывающуюся картину погребальных видов и захоронений.

Во время раскопок кургана энеолитического времени около с. Джрарат (б. Рындамал) на восточном склоне кургана был обнаружен каменный ящик, ориентированный с запада на восток, длиной в 3,1 и шириной в 2,45 м (табл. II, 2). Стенки могилы сложены из широких и узких плит, высота которых достигала 1,1 м, полом ее служили плиты, сверху же она была засыпана камнями. Вдоль западных и южных стенок были поставлены глиняные кружки. Почти в центре погребения, ближе к его северной стене, обнаружены остатки своеобразного ложа с невысокими бортами, изготовленного из тонких досок; большинство погребенных лежало на этом ложе. В Государственном историческом музее Армении хранится его часть с остатками скелета (кости рук) и различными предметами (нож, кинжал, браслеты с выгибом). Несколько скелетов найдено в определенно согнутом положении, а об остальных судить трудно, так как кости были перемешаны¹.

Коллективный характер этого погребения увеличивает значение находки, которая продолжает традиции коллективных захоронений эпохи бронзы и железа, устаревших как в древнейших, так и в раннеармянский периоды наряду с индивидуальными (Иджеван, Кармир-блур и др.). Многочисленные коллективные захоронения встречаются в Севанском бассейне. Интересное погребение VIII—VI вв., содержащее 18 рядовых захоронений, раскрыто А. О. Мнацаканяном в с. Головино². Такие случаи принято считать погребениями членов большой семьи или вообще сородичей. Продолжение древней традиции видно и на примере использования в джраратском погребении ковчега. Погребальные ковчег или ложа из дерева употреблялись в предшествующие века, например в одном из погребений VIII—VII вв. в Басаргечаре³.

Большие ящики раскрыты при раскопках астхиблурского могильника у сел. Енокаван (Иджеванский р-н)⁴. Они сложены из грубо отколотых известковых плит и перекрыты более крупными плитами. Вес некоторых из них достигает 2,5—2,8 т. По своей форме эти погребения делятся на два типа—прямоугольные и квадратные. Ориентация могил не выдержана. Расположение инвентаря в них имело случайный характер: он находился то вдоль одной из стен, то в центре погребения. В двух случаях керамический инвентарь покрывал все внутреннее пространство, прикрывая собой погребенного.

Ящики меньших размеров, выложенные из мелких необтесанных камней, обнаружены во время строительных работ неподалеку от Иджевана, на правой стороне шоссе, ведущего в Ереван⁵. Задняя часть одного из каменных ящиков сохранилась в разрезе, что позволило измерить глубину (0,7 м) и ши-

материальной культуры Армении и Закавказья V—IV вв. до н. э. Советская археология, 1964, № 3.

² А. О. Мнацаканян, О раскопках могильников у села Головино, КСИММК, 1952, вып. 46.

³ А. О. Мнацаканян, Археологические находки в селении Басаргечар, КСИММК, вып. 60, 1955.

⁴ С. А. Есаян, Астхиблурский могильник, ВОНАН, 1968, № 6, с. 82, 86.

⁵ С. А. Есаян, Археологические находки близ поселка Иджеван, ИАНОН, 1964, № 4, с. 73.

¹ А. О. Мнацаканян, Г. А. Тирацян, Новые данные о материальной культуре древней Армении, ИАНОН, 1964, № 8; Г. А. Тирацян, Некоторые черты

рину погребения (0,7 м). Погребение было ориентировано с северо-запада на юго-восток.

Каменные ящики были найдены и в Атарбекяне (Разданский р-н) на обоих берегах р. Раздан⁶. Правобережный могильник относится к V—IV вв. до н. э., а левобережный к VII—VI вв. до н. э., кроме одного коллективного захоронения V—IV вв. до н. э. Расположенные бессистемно правобережные погребения полностью сохранили внешние признаки. Ящики сложены из плит средней величины. Большинство захоронений—одиночные, лишь в редких случаях в одной могиле находились по два-три костяка. Погребенные лежали на левом боку с подогнутыми ногами и руками. Чрезвычайно интересной оказалась могила № 1 на левом берегу, ориентированная с востока на запад с небольшим отклонением к северо-западу. Стенки ее сложены из дикого камня, длинные стороны имели шесть рядов кладки, короткие пять, в каждом углу стоял плоский базальтовый камень, могила не имела каменного перекрытия. Здесь обнаружены скелеты и черепа 23 человек. Трое из них лежали у восточной стены, остальные подале, более или менее правильными рядами. Возможно, что последние, погребенные, ксати, в сиднем положении, на корточках, являлись прислужниками-рабами, а расположенные в согнутом виде три скелета принадлежали «могилловладельцам».

Каменные ящики своеобразной формы были найдены в могильнике послеурартского периода, устроенном в жилищах урартского города Тейшебаини⁷. Погребения, датируемые по инвентарю ахеменидским временем, были выложены по краям камнями из построек города, имели овальную форму, и были перекрыты плитами в виде ложного свода. Кармирблурские погребения содержали одиночные, в редких случаях парные костяки в скорченном виде на боку, точно так же, как это наблюдается в захоронениях аборигенов в урартский и доурартский периоды.

Уже не подлежит сомнению, что в раннеармянское время местное население продолжало хоронить своих сородичей в гробницах более раннего типа, овальная форма, конструктивные особенности и способ покрытия которых обычны для Армении конца II—

начала I тыс. до н. э. Так, в 1957 г., при раскопках могильника в местности Шор-Гел, на берегу оз. Севан, недалеко от сел. Норатус Нор-Баязетского р-на А. Мартиросян обнаружил вторичные захоронения, представляющие большой интерес для нашей темы⁸. Два из них (№ 5 и 6) входили в один комплекс, имели овальную форму и ничем не отличались от открытых на Кармир-блуре могил раннеармянского периода. Как будет видно в дальнейшем, этот тип оказался довольно живучим и продолжал бытовать не только в эллинистический период, но и в первые века н. э.⁹

Грунтовые погребения с каменной насыпью были найдены в пос. Берд Шамшадинского р-на¹⁰. Они находились на расстоянии 5—8 м друг от друга и представляли собой коллективные захоронения. При исследовании одного погребения из него было извлечено три черепа, а в остальных, по словам раскрывших их рабочих, было погребено не менее десяти человек.

Большой интерес представляет курган с кремацией, обнаруженный в местности Гезлу в Шамшадинских горах¹¹. В глинистом грунте холма на глубину 1,5 м была вырыта почти круглая яма диаметром 3,7—4 м. В центре ее находилась яма меньшего диаметра (1,2—1 м), доверху заполненная золой, пеплом и углем. Здесь обнаружено много мелких обгоревших костей и часть человеческого зуба. Верхняя камера была забутована крупным булыжником (до 40 см); среди него найдено свыше 100 целых и битых сосудов, в части которых содержались кости мелкого рогатого скота, необожженные в отличие от костей нижней камеры. Таким образом, в первой (нижней) камере была произведена кремация, после чего она была выровнена до уровня пола основной камеры, заполненной камнями, вперемежку с сопровождающим прах инвентарем; каменный за-

⁸ А. А. Мартиросян, ук. соч., с. 146.

⁹ Г. А. Тиранян, Башневидное погребение из Паракара и сходные памятники Передней Азии и Армении. Вестн. Ереванского университета, 1970, № 1, рис. 2 (на арм. яз.); Б. Н. Аракелян, Гарни, I, Ереван, 1951, с. 46; *его же*, Гарни II, с. 15.

¹⁰ С. А. Есаян, Могильник раннеармянского времени в поселке Берд Шамшадинского района, ИФЖ. 1969, № 4, с. 285.

¹¹ С. А. Есаян, Погребения VI—V вв. до н. э. в горах Шамшадина, (Армения), С. А., 1965, № 3, с. 229 и след.

⁶ А. О. Мнацаканян, Раскопки могильников у селения Атарбекян, КСИИМК, вып. 60, 1955.

⁷ А. А. Мартиросян, Город Тейшебаини, Ереван, 1961, с. 139—141.

вал возвышался над краями ямы и, очевидно, был засыпан землей. Обряд захоронения—кремация—несколько напоминает урартский, засвидетельствованный в Игдире, Эрбуни и Аргиштихинили¹². Так, в колумбарий в Игдире, керамика с прахом и металлическими предметами клалась в расщепленный скал, здесь же скалу заменил каменный залвал¹³.

Кремация продолжала практиковаться и в следующие века, что видно по раскопкам античного некрополя г. Арташата¹⁴.

Описанные здесь погребения раннеармянского времени конструктивно не отличаются

от погребальных сооружений эпохи бронзы и железа. Положение костяков, их количество и размещение в могиле, ее строение и другие детали соответствуют древнему погребальному обряду, зафиксированному при изучении погребальных памятников эпохи бронзы и раннего железа.

Итак, каменные ящики во всех своих разновидностях, грунтовые захоронения или захоронения с кремацией на Армянском нагорье имеют довольно долгую историю, что говорит о продолжении древних традиций, несмотря на этнические изменения, происшедшие здесь в рассматриваемый период.

ГЛАВА III

КЕРАМИКА

Керамика раннеармянского времени, несмотря на хорошо прослеживаемые связи с керамикой предшествующих эпох, представляет новый этап развития, характеризуясь довольно устойчивыми признаками и ведущими формами, встречающимися на большой территории. В настоящее время возможно обнаружить ее истоки, наметить связи с синхронными культурами и выявить ее роль в формировании керамики Армении последующего, эллинистического, времени.

По сравнению с остальными отраслями материальной культуры раннеармянского времени керамика представлена богато; это особенно бросается в глаза при учете относительно немногочисленности изученных археологических памятников рассматриваемой эпохи. Накопившийся за последние годы керамический материал, большей частью найденный в погребениях, а не в поселениях, и тем самым лучше сохранившийся, поддает-

ся классификации, позволяет выяснить вопросы, связанные с его производством и т. д.

Обзор основных типов мы начнем с карасов, больших сосудов, имеющих первостепенное значение в хозяйстве, найденных в основном в крепости-поселении Норашен¹. У всех них широкий венчик и сравнительно узкое дно, и, хотя от сосудов остались только обломки, нетрудно представить себе их раздутое тулово. По форме венчика (профилированный венчик, отогнутый наружу, свисающий) карасы делятся на несколько подтипов, имеющих общие орнаментальные мотивы; нанесенные на плечиках или на тулове в виде прямых или волнообразных гребенчатых узоров, а также рельефные орнаментированные пояса. Рассматриваемые карасы происходят также из памятников северо-восточной Армении, а также из Арии-берда, Хртапоца, Кахетии и I слоя ахеменидского городища в Сузах. Они органически связаны с местной керамикой и употреблялись на территории Армении, начиная с урартских времен до первых веков н. э.

Кухонная посуда представлена горшками и мисками для приготовления и хранения пищи. Горшки и горшковидная посуда представляют собой в основном сосуды с раздутым туловом и плоским дном, с низкой шей-

¹² Б. А. Куфтин, Урартский колумбарий у подошвы Арарата и «куроарахский энеолит», Вестн. Музея Грузии, т. XIII, В, Тбилиси, 1943; А. А. Мартиросян, А. О. Мнацаканян, Урартский колумбарий из Норашена, ИАНОН, 1958, № 10, с. 63 и след. (на арм. яз.); А. А. Мартиросян, Аргиштихинили, Ереван, 1974, с. 51.

¹³ С. А. Есаян, ук. соч., с. 230.

¹⁴ Ж. Д. Хачатрян, Кремация в Армении (II в. до н. э.—III в. н. э.), ВОНАН, 1975, № 2 (на арм. яз.), с. 57 и далее.

¹ Н. А. Карапетян, Раннеармянская крепость в Норашене, ИФЖ, 1974, № 2, с. 281—283, табл. I (на арм. яз.).

кой и отходящим наружу венчиком². Они имеют гладкую или украшенную семечковидным орнаментом либо волнообразными линиями поверхность. Отдельную группу составляют маленькие шаровидные горшки³, своим плоским дном, выпуклым туловом и узким горлом непосредственно примыкающие к распространенным на Кармир-блуре сосудам такого типа. Они употреблялись и позднее—сходные формы мы находим в Гарнийском некрополе первых веков н. э.

Обращают на себя внимание сосуды с выпуклым туловом, плоским дном и узким горлом, а также сосуд с биконическим туловом и раструбовидным венчиком, снабженные своеобразными небольшими парными выступами на наиболее широкой части тулова⁴. Эти выступы также свидетельствуют о древней традиции: их можно встретить на сосудах из хрнанской коллекции, а также из Муснери (раскопки Ж. де Моргана). В связи с этим следует остановиться на сосудах в виде чайника с носиком и кольцеобразной ручкой⁵. Такие сосуды, правда, больших размеров, обнаружены в Бешташене (конец VI в. до н. э.) и во II слое Суз (IV в.).

Миски, встречающиеся в целом ряде памятников раннеармянского времени, представляют несколькими типами, различающимися профилем венчиков и стенок корпуса. Миски с плоским дном и косыми расширяющимися стенками из Джрарата, имеют прототипы в кармирблурской бронзовой посуде⁶. Другой тип—обычный, с округлым дном и вогнутым вовнутрь или коротким вертикальным венчиком⁷. Такие миски часто встречаются в погребениях эпохи бронзы и железа (Лчашен, Цамакаберд). Встречаются миски характерной формы, имеющие плоское дно, высокие борта и сильно профилированный венчик⁸. Эта форма, известная урартской керамике, продолжает бытовать в последующие века, отличаясь лишь степенью обработки. Наконец, имеются довольно глубокие чаше-

видные миски с венчиком, вогнутым вовнутрь⁹.

Пережиточным явлением следует считать стаканчики из погребения VI—V вв. до н. э. в Шамшадине¹⁰. Это лощеные черные маленькие сосуды с суживающимся невысоким горлом и чуть стогнутым наружу венчиком. В нижней части тулова сильно расширяется и плавно переходит в широкое плоское дно. Такие сосуды проявляются в эпоху поздней бронзы; они засвидетельствованы и в Кармир-блуре (городе), Двине (ранние слои), Кафана и в других местах. Шамшадинские стаканчики—первый случай нахождения сосудов этого типа в более позднем погребении. В этом плане большой интерес представляет керамический материал из Астхи-блур¹¹. Раскопки крепости и могильника ясно показали, что большая часть керамики второго, более позднего, слоя, датируемого в общем серединой I тыс., по форме и отделке напоминает более ранние сосуды—керамику VII—VI вв. до н. э.

Подытоживая краткое рассмотрение данной группы керамического материала, мы можем сказать, что в большинстве случаев его корни уходят в начало I тыс. до н. э., вместе с тем часть его, с некоторыми изменениями, производится до первых веков н. э. и даже до более позднего времени.

Центральное место в керамике раннеармянского времени занимают многочисленные кувшины (рис. 9). Одну их группу составляют сосуды разной величины с плоским дном, выпуклым туловом, косыми плечиками, сравнительно узким низким цилиндрическим горлом, расширяющимся раструбовидным венчиком и круглой в разрезе дугообразной ручкой (табл. IV, 3)¹². Верхняя часть тулова

⁹ Там же.

¹⁰ С. А. Есаян, Погребения VI—V вв. до н. э. в горах Шамшадина (Армения), С. А., 1965, № 3, с. 230 и след., рис. 2, № 1—6.

¹¹ С. А. Есаян, Астхиблурский могильник, ВОНАН, 1968, № 6, с. 86.

¹² См. А. О. Мнацаканян, Раскопки могильников у селения Атарбекян в АрмССР, КСИИМК, № 60, 1955, табл. V, с. 31; А. О. Мнацаканян, Г. А. Тирацян, ук. соч., с. 75—76, табл. 3; А. А. Мартиросян, Город Тейшебанин, Ереван, 1964, с. 143, рис. 67; Г. А. Тирацян, Некоторые черты материальной культуры Армении и Закавказья V—IV вв. до н. э., С. А., 1964, № 3, с. 67, рис. 4; С. А. Есаян, Могильник раннеармянского времени в поселке Берд Шамшадинского района, ИФЖ, 1969, № 4, табл. I, 7; И. А. Карапетян, ук. соч., с. 283, табл. II.

² И. А. Карапетян, ук. соч., с. 283.

³ А. О. Мнацаканян, Г. А. Тирацян, Новые данные о материальной культуре древней Армении, ИАНОН, 1961, № 8, с. 74—75, табл. 3, 7.

⁴ А. О. Мнацаканян, Г. А. Тирацян, ук. соч., с. 75, табл. 3.

⁵ А. О. Мнацаканян, Г. А. Тирацян, ук. соч., с. 75, табл. 3.

⁶ А. О. Мнацаканян, Г. А. Тирацян, ук. соч., с. 74.

⁷ Там же.

⁸ И. А. Карапетян, ук. соч., с. 285.

и горло украшены концентрическими узкими поясами, выдавленными на сырой глине. Часть кувшинов, изготовленных на гончарном круге, имеет тонкие стенки из чистой хорошо обожженной глины. Другая часть состоит из более массивных сосудов с толстыми стенками, очевидно, сделаны ручным способом. Большинство кувшинов светлого

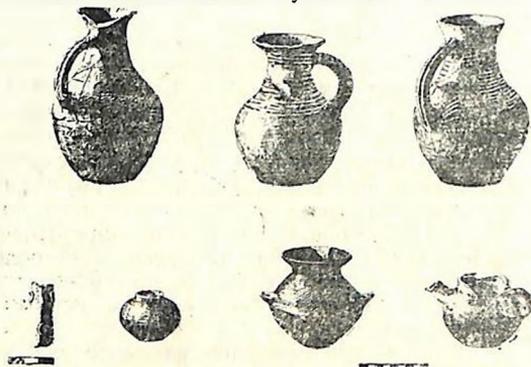

Рис. 9. Керамика (Джрарат)

цвета: светло-красного, светло-коричневого и серого. Внешняя часть ручек часто покрыта продольными поясами, состоящими из косых линий, эллипсовидных или круглых углублений, или бывает украшена просто продольной глубокой линией. Это сосуды, применявшиеся в хозяйстве, но, по-видимому, не непосредственно в кухне, а для хранения питьевой воды или вина.

Вся эта группа кувшинов из Джрарата, Астхи-блур, Норашена, Берда, Атарбекяна, Кармир-блур, Джархеджа представляет собой новое явление в керамике древней Армении. Правда, не исключена возможность нахождения среди древнейшей керамики Закавказья единичных экземпляров (например, на Кармир-блуре, в Макарашене и Моллагая), которые будут их типологическими предшественниками¹³. Несомненно, что некоторые виды декорации этой группы кувшинов продолжают более ранние традиции. Так, глубокий прорезной пояс на ручке обычен для сосудов эпохи железа¹⁴. Поясок из косых

¹³ О. А. Мнацаканян, Г. А. Тирацян, Ук. соч., с. 76; А. А. Мартirosян, ук. соч., с. 143—144.

¹⁴ См. сосуды из Хртаноца и Головино, а также из Алавердского р-на; А. А. Мартirosян, Раскопки в Головино, Ереван, 1954, табл. XI, 6, 7, табл. XIII, 33; J. de Morgan, Mission scientifique au Caucase, Paris, T. 1, 1889, табл. V.

линий на ручке имеет сосуд из Алавердского р-на¹⁵. Интересно, что этот вид орнаментации ручек известен керамике более поздних времен: многочисленные сосуды из Гарнийского некрополя первых веков н. э. имеют на ручках продольные углубления, иногда даже двойные¹⁶. Тем не менее своим внешним видом, формой, цветом и другими признаками рассматриваемая группа сильно отличается от сосудов предшествующей эпохи широкого освоения железа—черных, лощеных, характеризующихся большими размерами, подчеркнуто выпуклым туловом, своеобразным орнаментом на стенках и кольцевидными или угловатыми маленькими ручками. Отметим, что в несколько видоизмененной форме кувшины типа рассмотренных выше встречаются и в эллинистическое время, на что указывают находки из Армавира и Арташата.

К другой группе относятся найденные в Иджеване кувшины¹⁷, красноощеные, с более широким туловом, невысоким сравнительно узким горлом и небольшим чуть выступающим венчиком. На тулове под горловинной проходит орнамент из параллельных линий. Ручки сравнительно меньшего размера, с наружной стороны они украшены прорезными глубокими линиями или ступенчатыми углублениями в виде треугольников. Более грубый характер работы и примитивность орнаментации, отличающие иджеванские кувшины как от урартской керамики, так и от керамики эпохи широкого освоения железа (Кармир-блур, Хртаноц) свидетельствуют о более позднем времени их изготовления. Такая датировка следует из сопоставления их с кувшинами первой группы, происходящими в основном из погребения в Джрарате и датруемыми V—IV вв. до н. э. Анализ найденного вместе с сосудами погребального инвентаря, судя по некоторым чертам, занимает промежуточное положение между керамикой из Хртаноца (VII—VI вв.) и Джрарата (V—IV вв. до н. э.), относят их ко второй половине VI в.—началу V в. до н. э.

Интересна коллекция одноручных и безручных кувшинов из Шамшадина (Гёзлу); они небольшие, с округло вздутым туловом, невысокой шейкой и отогнутым наружным

¹⁵ J. de Morgan, ук. соч., рис. 155.

¹⁶ Б. П. Арикелян, Гарни II. Ереван, 1957, табл. IX, X.

¹⁷ С. А. Есаян, Археологические находки близ поселка Иджеван, ИАНОН. 1961, № 4, с. 73—76, рис. 3, 4, 5.

венчиком¹⁸. Дугообразные ручки начинаются от края венчика и упираются в середину тулова. Общие очертания сосудов и некоторые отличительные черты ручек, сближающие их с кувшинами первой группы из Джрарата, позволяют датировать их, учитывая остальные предметы погребального инвентаря, VI—V вв. до н. э.

Одну из характерных форм керамики Армении ахеменидского времени следует считать высокие сосуды с двумя ручками (табл. III, 1)¹⁹. Такой сосуд был найден в одном из погребений послеурартского времени, принадлежавший, по всей видимости, жителям раннеармянского поселения, возникшего по соседству с развалинами Тейшебани.

Это красноглиняный сосуд вытянутой пропорции, покрытый слоем ангоба светло-коричневого оттенка. Он имеет узкое плоское дно, равномерно расширяющееся тулово, верхняя часть которого образована крутыми плечиками, переходящими в очень высокий раструбообразный венчик.

Сосуд датируется довольно точно V—IV вв. на основе данных как самого погребения, так и могильника, в которое это погребение входит. Следует особенно учесть точные аналоги, которые находит рассматриваемый сосуд на рельефах из Персеполя, а также среди металлических однотипных сосудов ахеменидского времени, происходящих из случайных находок или раскопок²⁰.

В ГИМА хранится однотипный с выше-рассмотренными светлоангобированный сосуд, но более приземистый²¹. Не исключена возможность, что перед нами вариант более позднего, эллинистического времени.

Как уже было сказано, на рельефах Персеполя в руках армян-данников изображен металлический сосуд, совпадающий по своей форме с вышеупомянутыми глиняными сосудами, особенно с найденным на территории Тейшебани. Высеченный в камне сосуд, все

детали которого, в том числе и зооморфные ручки, переданы с поразительной точностью, является прекрасным образцом торевтики ахеменидского времени²². В свете новых данных по керамике Армении, а также, как увидим ниже и Урарту, он может найти свое место в материальной культуре древней Армении.

Рассматриваемой формы сосуды имели широкое распространение. Керамические образцы известны нам с территории Малой Азии (Алишарский холм)²³—на западе и из Мингечаура²⁴—на востоке.

Изучение персепольских рельефов, а также раздобытых раскопками или найденных случайно металлических сходных сосудов указывает также на территорию Мидии, Сирии, Балканского полуострова, Северного Причерноморья, как на ареал распространения в ахеменидское время.

Рассматривая вопрос о генезисе этой группы сосудов в совершенстве выработанной формы, П. Амандри указывает в основном на ассирийские образцы, действительно имеющие сходные очертания, но лишенные ручек; некоторые же детали он возводит к иранскому материалу²⁵.

Следует напомнить, что ранние прототипы двуручных высоких сосудов засвидетельствованы археологически по II тысячелетии до н. э. в Иране (Тене Спалк)²⁶ и Малой Азии (Алача-уюк)²⁷. Однако эти разрозненные находки, указывающие лишь на глубокую древность данного типа, не могут идти в сравнение с обильным материалом урартского происхождения.

Только сравнительно недавно обнаруженные урартские сосуды рассматриваемого типа может оправдать их игнорирование при рассмотрении вопросов генезиса данной формы как вообще в Передней Азии, так и на Армянском нагорье в частности.

¹⁸ С. А. Есаиян, Погребения VI—V вв. до н. э. в горах Шамшадина (Армения), С. А., 1965, № 3, рис. 2, № 15—18.

¹⁹ А. А. Мартиросян, Город Тейшебани, Ереван, 1964, с. 139—140, рис. 140.

²⁰ E. Schmidt, Persepolis I, Chicago, 1953, табл. 29A, 29B; P. Amandry, Toreutique Achéménide, Antike Kunst, No 2, 1959.

²¹ А. А. Мартиросян, Аргнштхинили, Ереван, 1974, рис. 14в; Ж. Д. Хачатрян, Материальная культура древней Армении, автореф. канд. дис. Ереван, 1966.

²² E. Schmidt, ук. соч., табл. 29A и B; P. Amandry, ук. соч., табл. 20.4.

²³ H. H. von der Osten, The Alishar Hüyük, season of 1930—32, part III, Chicago, рис. 39—40, 47—48.

²⁴ Т. Н. Голубкина, О зооморфной керамике из Мингечаура, Материальная культура Азербайджана, II, Баку, 1951, рис. 15, 16.

²⁵ P. Amandry, ук. соч., с. 38—39.

²⁶ R. Chirshman, Fouilles de Stalk, T. II, Paris, 1939, IV, No 1—2.

²⁷ E. Akurgal, M. Hirmer, The art of the Hittites, New York, табл. III (средний сосуд).

Еще в середине 50-х годов в одном из помещений Кармир-блур был найден двуручный краснолощенный сосуд, который был признан в качестве приемлемого прототипа для раннеармянских сосудов данной формы²⁸.

Раскопки на Арин-берде выявили многочисленные сходные сосуды, цельные или в обломках, с ручками, имеющими в верхней части вертикальные выступы-шины, представляющие собой вероятно предельно стилизованные примеры зооморфных ручек²⁹.

Краснолощенный прекрасный сосуд с ярко выраженными очертаниями был найден в урартском здании города Тейшебани³⁰, могущий служить убедительным прототипом не только для армянских, но и для иранских сходных сосудов, хотя при выработке последних очень вероятно участие и ассирийской материальной культуры. Дальнейшие находки подобных сосудов в Армавире (1966) и в Нор-Армавире и Ошакане³¹ подтвердили предположение с том, что это одна из ведущих форм урартской керамики, перенятая армянами и претворенной ими не только в глине, но и в металле.

По-видимому, под влиянием урартской культуры, стали изготавливаться такие же сосуды в древней Мидии, как об этом свидетельствуют раскопки в Нуш-и-джане³², мидийской крепости VII в. до н. э.

В ходе археологического изучения городских кварталов Тейшебани, развернувшегося параллельно с раскопками кармирблурского холма, А. А. Мартirosян было раскрыто погребение, в котором оказался спаренный сосуд, состоящий из двух шаровидных горшков и покрытый слоем красноватого ангоба, на который были нанесены чередующиеся

прямые и волнообразные линии красного и коричневого цветов³³ (табл. III,2). Уже тот факт, что сосуд происходит из погребения устроенного на развалинах урартского города, свидетельствует о его послеурартской дате. Анализ сопоставляющего ему погребального инвентаря выявляет определенные связи с хорошо датированными предметами джраратского погребения—указывающие на IV в. до н. э., как на самую вероятную дату сосуда.

Характер росписи двойного сосуда также, как увидим в дальнейшем, указывает на его послеурартское время.

Спаренный сосуд раннеармянского времени, типа так называемых сообщающихся, явно напоминает более древние образцы. И действительно, тождественные по форме сосуды встречаются довольно часто, именно в урартской керамике³⁴. Еще Леман-Гаупт обратил внимание на эти краснолощенные сосуды специфической формы³⁵.

Среди разнообразного керамического материала Кармир-блур также выделяются двойные сообщающиеся сосуды, покрытые красным ангобом³⁶. Один из них особенно совпадает по форме с вышеописанным сосудом из погребения раннеармянского времени.

Назначение двойных, сообщающихся сосудов не совсем ясно; один из таких сосудов Кармир-блур был наполнен семенами миндаля³⁷.

Характерными ведущими формами раннеармянской керамики являются чашки-фиалы (табл. III,3,4). Входящие в эту группу сосуды происходят из погребения V—IV вв. до н. э. Джрарата (Разданский р-он) и Цамакаберда (Севанский р-он)³⁸, Кармир-блур

²⁸ Г. А. Тирицян, Опыт периодизации материальной культуры древней Армении, Изв., 1957, № 2, с. 81.

²⁹ Г. А. Тирицян, Урартская цивилизация и ахеменидский Иран, ИФЖ, 1964, № 2, табл. II, 1, с. 162 (на арм. яз.) С. А. Есаян, Каталог археологических предметов, II, Ереван, 1967, табл. XXIII, 7, табл. XXVII, 2, 3.

³⁰ А. А. Мартirosян, Армения в эпоху бронзы и раннего железа, Ереван, 1964, рис. 103.

³¹ А. А. Мартirosян, Аргиштихинили, Ереван, 1974, рис. 18, 69; С. А. Есаян, А. А. Калантарян, Позднеурартское погребение Ошаканского могильника, ИФЖ, 1976, № 3, табл. I.

³² D. Stronach, Excavations at Tere Nush-i-Jan 1967, Iran, том. VII, 1969, рис. 6, 7.

³³ А. А. Мартirosян, Город Тейшебани, Ереван, 1961, рис. 66.

³⁴ А. А. Мартirosян, Город Тейшебани, с. 141—142, рис. 66.

³⁵ C. F. Lehman Haupt, Armenten einst und jetzt том II, 2, Berlin, 1931, с. 559—587.

³⁶ Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, Ереван, 1944, с. 183; *его же*, Кармир-блур, I, с. 35; *его же*, Ванское царство, с. 193; А. А. Мартirosян, ук. соч., рис. 66.

³⁷ Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, Ереван, 1944, с. 184.

³⁸ А. О. Мянцкая, Г. А. Тирицян, Новые данные о материальной культуре древней Армении. ИАНОН, 1961, № 8, с. 76—77.

(город)³⁹, Северной Армении (Ахтала)⁴⁰, из раскопок крепости Ацаван⁴¹, а также из Западной Армении (серебряный кубок, найденный с другими предметами V—IV вв. до н. э.)⁴².

К этой группе типологически примыкают такие же сосуды—глиняные раннеахеменидского времени из Триалети⁴³, глиняный и металлический сосуд ахеменидского времени из Мингечаура⁴⁴, глиняный сосуд ахеменидского времени из Сары-тепе (Казахский р-он)⁴⁵ и т. д.

Чашы этой единой группы сосудов сравнительно неглубокие, с плоско-округлым дном и профилированным вогнутым внутрь в средней части венчиком, имеют характерный выступ у перехода от дна к венчику (рис. 10).

Кубки же более глубокие с полусферическим или округлым туловом со сравнительно высоким раструбленным венчиком и с таким же подчеркнутым переходом от тулова к венчику.

Весь этот материал выявляет определенное сходство с аналогичными, но сравнительно малочисленными изделиями с территории самого Ирана ахеменидского времени⁴⁶.

Это сходство следует признать закономерным, учитывая общие для данных сосудов хронологические рамки, а также засвидетельствованное для этого времени оживление связи между Армянским нагорьем и Ираном. Однако, как нам кажется, эти общие черты не могут дать удовлетворительного объяснения для вопроса о генезисе этих готовых

форм в Армении в рассматриваемое время.

Между тем, привлечение урартского материала, особенно много накопившегося за последние годы, может с наглядностью показать урартские истоки этой, как видно из вышесказанного, ведущей для материальной культуры Армении и Закавказья формы.

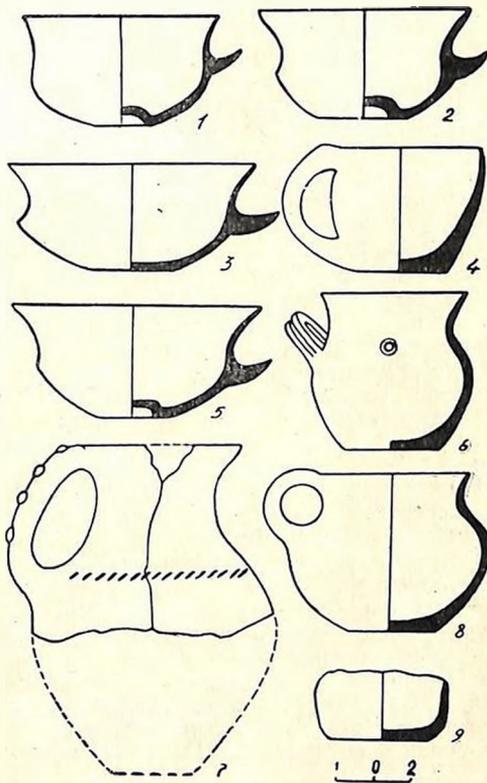

Рис. 10. Керамика (Берд)

На самом деле, раскопки Кармир-блур выявили несколько видов чаш и блюд, среди которых заслуживают особого внимания чаши с профилированным низким венчиком, округло-плоским дном и характерным перехватом⁴⁷.

³⁹ А. А. Мартиросян, Город Тейшебани, Ереван, 1961, с. 144, рис. 68.

⁴⁰ J. de Morgan, Mission scientifique au Caucase t. I, Paris, 1889, рис. 1.

⁴¹ Г. А. Тирацян, Раскопки крепости Ацаван в 1962 г., Изв., 1963, № 12, с. 105 (на арм. яз.).

⁴² O. M. Dalton, The treasure of Oxus, London, 1964, рис. 72.

⁴³ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, Тбилиси, 1941, с. 42, табл. XV.

⁴⁴ Н. В. Миквечи-Мустафаева, О раскопках в Мингечауре, Материальная культура Азербайджана, т. I, табл. VI, № 8, История Азербайджана, т. I, Баку, 1958 с. 22.

⁴⁵ И. Нариманов, Находки без колонн V—IV вв. до н. э. в Азербайджане, С.А., 1960, № 4, рис. II.

⁴⁶ E. Schmidt, Persepolis II. Chicago, 1957, табл. 68, I, и 89, 8. В последние годы близкие по форме сосуды были найдены также в Малой Азии, во Фригии (Гордионе) в слое V в. до н. э. См. R. Young, The 1964 campaign at Gordion, American Journal of Archaeology, т. 66, No 2, 1962, рис. 41, I a, b.

⁴⁷ Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, Ереван, 1944, с. 183; его же, Кармир-блур, I, Ереван, 1950, с. 35; его же, Вавское царство, М.—Л., 1959, с. 193; А. О. Мнацаканян, Г. А. Тирацян, ук. соч., табл. 7, I (левый). См. также фонды Государственного исторического музея Армении (в дальнейшем ГИМА), например № 2205/47.

Эти краслощенные изделия явно урартского происхождения могут быть со всем основанием признанными предшествующими формами для сходных сосудов Армении послепуэрартского времени.

Такие же краслощенные чашечки известны из Арии-берда⁴⁸, погребения урартского времени на территории города Ервана⁴⁹. Армавира и Нор Армавира⁵⁰.

Раскопками Кармир-блур были найдены также несколько металлических чаш с округлым дном и косо поставленными венчиками⁵¹, выявляющие к стати, поразительное сходство с сосудами ахеменидского времени, представленных на персепольских рельефах⁵².

Наряду с чашами на Кармир-блуре были найдены также и металлические кубки, сравнительно глубокие с полусферическим туловом и расширяющимся венчиком⁵³.

Нет никакого сомнения, что все эти типологически однородные формы, выработанные в урартской керамике и торовитке безусловно в тесной взаимодействии с материальной культурой Ассирии⁵⁴, имеют решающее значение при изучении истоков некоторых керамических и металлических форм древней Армении.

Интересная коллекция чаш, происходит из погребения раннеармянского времени, раскрытого в Берде. Все они красного, розового и темно-коричневого цветов с прекрасным лощением. Кроме двух экземпляров, имеющих плоское дно, остальные имеют округлое днище, переходящее в сильно профилированные расширяющиеся шейки с округлым венчиком. Характерной особенностью этих чаш являются их ручки в виде округлых заостренных выступов⁵⁵. Как выясняется сейчас, чаши с выступами характерны для северо-

ро-восточных районов Армении, как это видно на примере памятников Норашена (Шамшадинский р-он) и Джуджевана (Ноемберянский р-он)⁵⁶.

Как нам кажется, анализ вышеприведенного материала показал, как некоторые ведущие формы керамики и торовитки Армении ахеменидского и эллинистического времени со всей очевидностью восходят к урартским прототипам.

Дальнейшее расширение круга сопоставлений может увеличить примеры типологической общности, что должно привести к последовательному раскрытию новых, интересных аспектов генетической связи между двумя культурами—урартской и армянской.

* * *

Рассмотрев керамику раннеармянского времени, мы приходим к выводу, что важнейшей его особенностью является его так называемая «двойственность». Хотя в целом вся керамика этого времени своими корнями уходит в глубь предшествующих более ранних культур, возможно выделить в ее составе «ядро», образованное из новых, свойственных данной эпохе керамических форм. Это прежде всего находившие более широкое применение в хозяйстве кувшины, по ряду признаков отличающиеся от сосудов эпохи бронзы и железа (структура сосуда, нашедшая свое выражение в его профиле, цвет поверхности и ряд других деталей).

В указанное «ядро» ведущих форм раннеармянского времени, мы бы включили двуручные сосуды и главным образом чашифалы, невзирая на их топологическую явную зависимость от урартских форм.

После некоторого перерыва, вызванного упадком урартского государства и его центров, производство древних форм возобновляется в новых условиях и не без влияния культуры ахеменидского Ирана, оставившей свой неизгладимый, свойственный именно раннеармянскому времени, отпечаток на новую продукцию, являющуюся частично делом рук урартских мастеров, продолжавших работать в уцелевших урартских центрах. С другой стороны, в раннеармянской керамике наблюдается поразительное продолжение старых форм (карасы, горшки, миски и т. д.), «назойливое» их присутствие, засвидетельствовано, как увидим ниже, даже в первых

⁴⁸ С. А. Есаян, Каталог археологических предметов, II, Ерван, 1967, табл. XVIII, 7, 8.

⁴⁹ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы и раннего железа, Ерван, 1964, табл. XXIII, 13, 14.

⁵⁰ А. А. Марг росян, Раскопки Аргинтихинили, С. А., 1967, № 4, рис! 5.

⁵¹ Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, I, рис. 34; Г. А. Тирацян, Урартская цивилизация и ахеменидский Иран, ИФЖ, 1964, № 2 (на арм. яз.), табл. 1, 3.

⁵² Г. А. Тирацян, ук. соч., с. 159, табл. 1, 3, 4.

⁵³ Г. А. Тирацян, ук. соч., с. 159, табл. 1, 3, 4.

⁵⁴ М. Mallowan, The treasures of Assurnasirpal, II. The Illustrated London News, July 29, 1950, рис. 7. 8.

⁵⁵ С. А. Есаян, Могильник раннеармянского времени в поселке Берд Шамшадинского района, ИФЖ, 1969, № 4, табл. 1.

⁵⁶ И. А. Карапетян, ук. соч., табл. II, 2, 3.

веках н. э. Не исключена возможность, что эта керамика, чаще всего ручной работы, является результатом труда мастеров гончаров из местных племен, продолжавших традиции предшествующих эпох (эпоха бронзы и железа) в раннеармянское время.

К вопросу о расписной керамике раннеармянского времени.

Количество расписных сосудов указанного времени числится единицами.

Один сосуд происходит из II слоя циклопической крепости Епокаван. Слой этот, по мнению С. А. Есаяна, датируется серединой первого тысячелетия до н. э. Зооморфный расписной сосуд, о котором идет речь, стоит на птичьих ножках и украшен выступами-крыльями и хвостом⁵⁷. По своей форме он напоминает сосуды из Хртаноча и Мингечаура, но отличается наличием росписи. По светло-розовой поверхности красной краской нанесены орнаменты в виде полос.

Другой расписной сосуд рассматриваемого времени—упомянутый двойной, так называемый сообщающийся сосуд из Кармир-блуря. По слою красноватого ангоба нанесена роспись из чередующихся прямых и волнообразных линий красного и черного цветов. Сосуд, как известно, происходит из погребения, устроенного в развалинах урартского города Тейшебани, что также свидетельствует о его послеурартской дате (V—IV вв. до н. э.).

Вероятно, к рассматриваемому времени относится маленькая, но интересная коллекция расписных сосудов из ГИМА⁵⁸ (табл. IV, 1, 2).

Кувшинчик с дугообразной ручкой, с раздутым туловом, сравнительно высокой шейкой и слегка отогнутым венчиком напоминает сходные по форме вышерассмотренные сосуды из Джарата, Атарбеяна, Цалки и особенно из Шамшадина, датируемые, как известно, VI—IV вв. до н. э. Заслуживает внимания также кувшинчик из Вани, датируемый концом IV в. до н. э.⁵⁹ Сосуд из ГИМА покрыт желтоватым ангобом, по которому на нижней его части красно-коричневой хорошо лощеной краской нанесены зигзагообразные и крестовидные узоры. Верх сосуда покрыт

слоем краски вышеотмеченного оттенка. Второй такой же сосуд чуть побольше, вместо ручки имеет маленький выступ с отверстием. Остальные два сосуда имеют довольно архаичный облик, хотя покрыты ангобом такого же цвета и сходными узорами. Один из них имеет вид чайника с носиком.

Более тщательное ознакомление с вышеотмеченными сосудами, с особенностями формы и росписи показывает, что зооморфный относится к самому началу рассматриваемой в данном разделе раннеармянской культуре, а остальные стоят ближе к последнему этапу развития той же культуры. Более того, зооморфный сосуд может быть даже более раннего времени, как об этом могут указать стратиграфические условия, с одной стороны, и типологические, уже упомянутые параллели—с другой. В таком случае роспись сосуда следует отнести к самым последним этапам развития местной расписной керамики Армянского нагорья эпохи железа.

Что касается спаренного сосуда, то характер его росписи также со всей очевидностью указывает на его послеурартское время, о чем могут свидетельствовать некоторые сходные узоры, выполненные росписью на кубке из Армавира, фляжке из Гехадра и кувшинчике, хранящемся в ГИМА, датируемые даже несколько более поздним временем—IV—III вв. до н. э.

Роспись рассматриваемого сосуда можно было бы привести в формальную связь с украшенными волнистыми линиями и прямыми полосками понтийской керамикой того же времени, однако упомянутые мотивы не являются специфическими только для керамики Ионии VI—IV вв. до н. э., а встречаются и раньше и позже.

Наконец, определенный интерес представляет керамика соседней Грузии (образцы из Куши, Дманиси, Дидубе, Мхета, Итхвиси, Вези). Это в основном кувшины со светлым фоном, покрытые росписью в виде геометрических узоров—зигзагообразные, ломаные линии, сетчатый орнамент, вписанные друг в друга треугольники—напоминающие орнаментальные мотивы малоазийской керамики послехеттского-фригийского периода.

Эта керамика, как и вышерассмотренные армянские расписные сосуды, относится к позднему этапу развития раннеармянской культуры в Армении и спаренной ей культуре раннеантичного времени в Грузии. Это, по-видимому, не следует считать случайным.

По-видимому, расписная керамика этого

⁵⁷ С. А. Есаян, Астхилурский могильник, ВОНАН, 1968, № 6, табл. V, 2.

⁵⁸ Г. А. Тирация, Древнеармянская расписная керамика (случайные находки ИМА), ВОНАН, 1970, № 1, табл. I, 4, 5 (на арм. яз.).

⁵⁹ Вани, I, Тбилиси, 1972, рис. 180.

периода как раз в этом (IV) столетии и появляется. Более ранние образцы, как например, зооморфный сосуд из Енокавана, если

не относятся к эпохе железа, то их следует просто считать поздним отголоском этой эпохи.

ГЛАВА IV

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ИЗДЕЛИЯ

Наши сведения о металле раннеармянского времени более ограничены по сравнению с нашими знаниями о состоянии металлопроизводства предшествующих веков. Тем не менее они дают некоторое представление об уровне металлообработки в рассматриваемое время. Доказательством тому служат археологические находки, позволяющие выявить основные направления металлопроизводства, осуществить научную классификацию металлических изделий (учитывая материал из чего они изготовлены, их функциональное назначение, типологические особенности и т. д.), определить их место в раннеармянской культуре.

Рассмотрев сперва так называемый рядовой материал мы затем остановимся на художественной металлургии. Рядовой материал можно делить на три основные группы. Предметы вооружения, орудия труда, украшения.

Предметы вооружения мы начнем рассматривать с наконечников копий. Они делятся на два основных типа.

Первый тип наконечников копий представлен многочисленными экземплярами. Хотя они разной величины, их объединяет общая треугольная форма лезвия, удлиненная с расширением у основания. Лезвие имеет продольное срединное ребро. Втулка полая, часто с отверстиями для закрепления на древко (рис. 11).

Подобные наконечники были найдены в Джрарате, Норашене, Астхи-блуре, Берде¹. Были найдены также единичные экземпляры, которые по своим формам близки вышеназ-

ванным. Такими являются наконечники копий, хранящиеся в ГИМА (из Ворнака, Качагана, Атарбеяна и Октемберяна). Последние обычно датировались VII—VI вв. до н. э., но в свете новых данных их возможно отнести и к более позднему времени².

Довольно точную хронологическую опору дают материалы из Грузии. Раскопки Б. А.

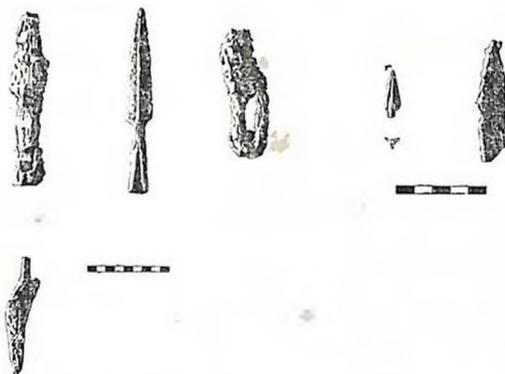

Рис. 11. Предметы вооружения (Джрарат)

Куфтина в Триалетском районе был открыт могильник у селения Бешташени, датируемый раннеармянским временем—конец VI в. до н. э.³ Пронсходящий из этого могильника наконечник по своей форме соответствует найденным в Армении наконечникам. На территории Азербайджана в Мингеауре в датируемых VII—V вв. до н. э. грунтовых погребениях найдены наконечники, которые также можно привлечь в качестве аналогичных⁴. Наконец, следует упомянуть нако-

¹ А. О. Мнацаканян, Г. А. Тирацян, ук. соч., с. 69—70; С. А. Есаян, Могильник раннеармянского времени в поселке Бьрд Шамшадинского района, ИФЖ, 1969, № 4, с. 287; его же, Астхиблурский могильник, ВОНАН, 1968, № 6, с. 89; Н. А. Карапетян, Раннеармянская крепость в Норашене, ИФЖ, 1974, № 2, с. 287.

² А. О. Мнацаканян, Г. А. Тирацян, ук. соч., с. 70.

³ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, Тбилиси, 1941, рис. 43.

⁴ С. М. Кашев, Археологические раскопки в Мингеауре, Материальная культура Азербайджана, т. I, рис. 21.

нечник копья из Персеполя, тоже сходный с приведенными, датируемый, очевидно, V—IV вв. до н. э.⁵

Второй тип наконечников копий раннеармянского времени представлен экземплярами с листовидным плоским лезвием, как правило, без срединного ребра. Такие наконечники известны из Норашена, Астхи-блур, Берда и других мест Армении⁶.

На основе материалов из Хртаноца (раскопки 1929 г.) было предложено разделить наконечников копий эпохи широкого освоения железа на две группы⁷. В первую группу включены все образцы большого и среднего размеров (27—45 см) с лезвием, сильно расширяющимся у основания и затем постепенно суживающимся, во вторую—маленького размера миниатюрные наконечники (15—27 см) с листовидным лезвием, часто без срединного ребра.

Наконечники копий из других памятников эпохи широкого освоения железа дают большее разнообразие форм, чем их представляет вышеупомянутая классификация. Так, например, известны наконечники копий крупного размера, но с листовидным лезвием, не входящие ни в одну из предложенных групп⁸. Наконечник копья из Нор-Баязетского района в ГИМА, по своим размерам относится к первой группе; по своей форме же приближается более ко второй группе. Наконечник копья огромных размеров из Атарбекяна (№ 1925/24) из-за своеобразной формы лезвия с трудом можно будет включить в одну из этих групп.

Из сказанного вытекает, что в эпоху широкого освоения железа имелось большое разнообразие наконечников копий, среди которых возможно найти убедительные прототипы для наконечников копий, раннеармянского времени. Сейчас уже установлено, что основные типы эпохи широкого освоения железа продолжают бытовать и в последующие века и наилучшим доказательством этому служит Гарнийский археологический материал. В погребениях первых веков н. э. встречаются, например, оба хртаноцских типа⁹.

Кинжалы, раннеармянского времени хорошо представлены в инвентаре погребений из

Берда¹⁰. Это кинжалы с длинными, прямыми или слегка изогнутыми клинками с односторонней заточкой. Рукоять образует продолжение клинков, на которых сохранились до пяти гвоздей для закрепления накладок, как правило железных.

Явно изогнутый клинок и четко оформленный черенок имеет кинжал из Джарата¹¹. Некоторые кинжалы из Гарни следует рассматривать как прямое продолжение этого типа¹².

Кинжалы, найденные в погребениях середины I тыс. до н. э. из Астхи-блур, относятся к типу, характерному для предшествующих веков. Они имеют широкие плоские клинки с цельнооткованной рукоятью, снабженные многочисленными гвоздями для закрепления накладок¹³.

Здесь следует рассматривать бронзовые ножны кинжалных клинков. Они изготовлены из тонкой листовой бронзы, натягивающейся на деревянную основу. По центру всех ножен идет вертикальная линия из круглых выступающих точек, нанесенных чеканкой с внутренней стороны. Подобные ножны в Армении известны в сравнительно небольшом количестве (Басаргечар, ущелье реки Дебед, Ворнак)¹⁴.

Наконечники стрел делятся на две отчетливые группы—наконечники местного типа и наконечники скифского типа.

Большое число наконечников местного типа было найдено в Норашене. Это черенковые наконечники из бронзы, двухперые со свисающими концами или листовидные¹⁵. Такие же типы найдены в Астхиблуре во втором слое, датируемом серединой I тыс. В Астхи-блуре же был найден интересный наконечник—четырёхгранный с небольшим круглым стерженьком¹⁶. Этим он напоминает костяные наконечники раннежелезной поры, с другой стороны, он предвещает четырех-

¹⁰ С. А. Есаян, Могильник раннеармянского времени ..., с. 288.

¹¹ А. О. Мнацаканян, Г. А. Тирацян, ук. соч., стр. 71, табл. 1.

¹² Б. Н. Аракелян, Гарни II, рис. 11, № 90—31.

¹³ С. А. Есаян, Астхиблурский могильник, с. 87—88, табл. IV, 2.

¹⁴ С. А. Есаян, Могильник раннеармянского времени ..., с. 288, табл. II, 8, 9.

¹⁵ И. А. Карапетян, ук. соч., с. 287, табл. III, 12, 13, 20, 21.

¹⁶ С. А. Есаян, Астхиблурский могильник, с. 93, табл. VIII, 9.

⁵ E. Schmidt, Persepolis, II, Chicago, 1957, табл. 76.

⁶ И. А. Карапетян, ук. соч., с. 287; С. А. Есаян, Астхиблурский могильник.

⁷ А. А. Мартирисян, Раскопки в Головино, Ереван, 1954, с. 20, 67—68, и табл. I.

⁸ J. de Morgan, ук. соч., рис. 47, № 1.

⁹ Б. Н. Аракелян, Гарни II, Ереван, 1957, рис. 10.

гранные наконечники, особенно часто встречающиеся в эллинистическое время.

Нельзя не упомянуть два наконечника стрел из кости, найденные в Норашене¹⁷. Они трехгранные—удлиненной формы с коротким округлым черенком. Ранние типы этих наконечников встречаются в конце II тыс. и в начале I тыс. и доживают они до античного периода. Встречаются они в ряде памятников Армении и Закавказья. По-видимому, права И. А. Карапетян, изучившая эти стрелы, когда предполагает, что они применялись при охоте и культовых церемониях.

Скифские бронзовые стрелы зафиксированы в Джраратском погребении, в поселении Астхи-блур и Норашена¹⁸. Это двух- и трехперьевые наконечники с полкой втулкой. Перья наконечников дугообразные или имеют косые срезы у втулки. Многие из них снабжены характерным шипом, отходящим вниз от втулки. Хотя некоторые из них встречаются в урартских памятниках, они характерны для VI—V вв. до н. э.

Накопившийся за последние годы в Армении археологический материал позволяет говорить также о конском уборе, вернее всего о самих удилах ахеменидского времени. В целом удила Закавказья этого времени выявляют уже сравнительно большое разнообразие, хотя в Армении засвидетельствованы пока два типа удила.

Один из типов представлен бронзовыми большими удилами, происходящими из сборов Мурье, сделанных в конце XIX в. в Александрополе (Левниакан) в северо-западной части теперешней территории Советской Армении¹⁹ (рис. 12).

Прямые псалии отлиты вместе с соответствующими мундштучными звеньями, имеющими кольцевидные окончания, соединенные в середине при помощи круглой петли. Мундштучная часть покрыта острыми шипами. Псалии с внешней стороны имеют большие кольца для привязывания поводьев и по два отверстия для ремней уздечки.

Этот тип удила как с прямыми псалиями, так и согнутыми под углом, встречается на

довольно большой территории (Ирак, Закавказье, Двуречье, Сирия, Египет, Греция) и бытует довольно долго от VII в. до н. э. до V—IV вв. до н. э.²⁰

Действительно имеется целый ряд хорошо документированных находок, позволяющих говорить о более заниженной дате удила,

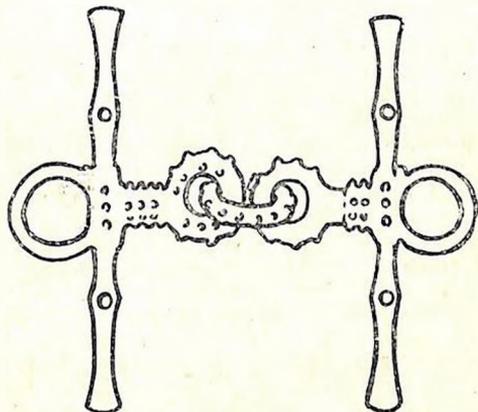

Рис. 12. Удила (Левниакан)

найденных в Армении. Установленная для удила из Деве-уюка нижняя хронологическая граница—500 г. до н. э.²¹; удила, найденные в Афинах на Акрополе, в так называемом «персидском мусоре», в слое, образовавшемся от разрушенных храмов архаической эпохи, датируются, таким образом, самым концом VI в. до н. э.²²; удила из Грузии (Итхвиси) датируются серединой V в. до н. э.²³, а многочисленные удила из Персеполя—V—IV вв. до н. э.²⁴. Особенно важным оказываются находки из Персеполя. Здесь, как и в некрополе Деве-уюка, имеются удила с прямыми псалиями, которые всеми своими отличительными признаками повторяют рассмотренные удила из Армении, чем последние, их можно датировать VI—V вв. до н. э. Таким же

²⁰ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, Тбилиси, 1941, с. 60—64; J. Potratz, Die Pferdetransport des alten Orients, 1966, с. 116—124.

²¹ J. Potratz, ук. соч., рис. 47а, стр. 124.

²² Б. А. Куфтин, ук. соч., с. 61, рис. 58а.

²³ Ю. М. Гагсидзе, Погребение из Итхвиси. Вестн. гос. музея Грузии, т. XXV, В, 1968, Тбилиси, II, 15.

²⁴ E. Schmidt, Persepolis, II, Chicago, 1957, табл. 78, 2, 4, табл. 79, 7, 9.

¹⁷ И. А. Карапетян, ук. соч., с. 287, табл. III, 8, 9.

¹⁸ А. О. Мнацаканян, Г. А. Тирацян, ук. соч., с. 71, табл. I; И. А. Карапетян, ук. соч., с. 287, табл. III, 15, 16; С. А. Есян, Астхиблурский могильник, с. 93, табл. VIII, 18.

¹⁹ Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, М., 1959, рис. 22г.

удилами, по-видимому, представлены изображение протом коней ритонов ахеменидского времени, найденных в окрестностях Аринберда (Эребуни)²⁵. Такие же удила имеет конь, которого армяне-даиники, как это видно на рельефе из Персеполя, преподносят царю царей²⁶.

Второй тип удила засвидетельствованный в Армении в ахеменидское время, происходит из Аринберда (табл. V.1). Это бронзовые удила, составленные из колец. И. М. Лосева справедливим образом сопоставила их с типологически близкими удилами из Ахалгори и датировала их соответственно ахеменидским временем (VI—IV вв.)²⁷. Удила, как и другие находки послеурартского времени, имели важное значение для обоснования ахеменидского слоя на Аринберде. В последнее время появилась возможность указать и на более точные аналоги. Два удила, найденные в кургане из Панагюриште (Болгария) и датируемые IV в. или началом III в.²⁸, своими отличительными чертами близки аринбердским удилам. Мундштучная часть состоит из таких же колец, а псалит, отсутствующие на аринбердском экземпляре, имеют изогнутые в противоположные стороны концы. На удилах из Панагюриште, как и на удилах из Аринберда, сохранились остатки цепей, к которым, по-видимому, привязывались поводья.

К предметам вооружения относятся еще панцирные диски и бляхи, найденные в Берде в погребениях V—IV вв. Массивные диски в разрезе конической формы с шипастым выступом. С внутренней стороны диски имеют петельки для пришивания. Такие предметы известны из Астхилблур, где они обнаружены вместе с комплексом изделий VII—VI вв. до н. э.

Орудия труда представлены ножами, серпами, топориками. Изогнутые ножи с односторонней заточкой найдены в Норашене, Астхилбуре, Берде²⁹. Клинок переходит в

расширяющиеся к концу рукоятки. На рукоятках сохранились гвозди для закрепления накладок. Нет никакого сомнения в том, что эти ножи являются прямым продолжением урартских изогнутых ножей.

Отдельную группу образуют миниатюрные ножи. Они происходят из Джраратского погребения, из Норашена, и один побольше— из Берда³⁰. Это ножи с прямым однолезвийным клинком. Черенок узкий, в который вставлялась деревянная рукоять.

Такие ножи тоже имеют длинную историю. Встречаются они в Астхадзоре в комплексе, датируемом IX—VIII вв., в Хртаноце и относятся к VII—VI вв. до н. э.³¹. Сходные ножи с четко оформленным черенком можно встретить в Гарни в погребениях первых веков н. э.³²

Обращают на себя внимание ножи с длинными прямыми или слегка изогнутыми клинками, рукоятки которых являются их продолжением в виде небольших заостренных язычков, на которых насаждались деревянные рукоятки. Они засвидетельствованы в погребениях Берда³³.

Ножи с кольцевидной ручкой представляют собой довольно интересный тип. Среди инвентаря погребения Джрарата имеются три таких ножа. На территории Армении такие ножи известны из Алавердского района, один из Ахталы, и два из Муснери. Подобный же нож хранится в Эрмитаже из раскопок Такайшвили в Ягдане (№ 16822)³⁴.

За последние годы ареал находок таких ножей заметно расширился. Так, например, большие ножи с ручками кольцевидной продолговатой формы найдены в Берде, а также в Астхилбуре, в Техуте (Агарцини), Ачаджуре и т. д.³⁵ (рис. 13). Находки ножей с кольцевидной рукоятью, найденные в раз-

меш ..., с. 288, табл. II; 7; его же, Астхилбурский могильник, с. 93, табл. VIII, II.

³⁰ А. О. Мнацаканян, Г. А. Тирацян, ук. соч., с. 71; С. А. Есаян, Могильник раннеармянского ..., с. 288, табл. II, 4.

³¹ А. О. Мнацаканян, Г. А. Тирацян, ук. соч., с. 71.
³² Б. Н. Аракелян, ук. соч., рис. 12а, № 32/521, стр. 47.

³³ С. А. Есаян, Могильник раннеармянского времени ..., с. 288, табл. II, 1—3.

³⁴ А. О. Мнацаканян, Г. А. Тирацян, ук. соч., с. 71, табл. I.

³⁵ С. А. Есаян, Могильник раннеармянского времени ..., с. 288, табл. II, 5, 6.

²⁵ Б. Н. Аракелян, Клад серебряных изделий из Эребуни, С. А., 1971, № 1.

²⁶ E. Schmidt, Persepolis, I. Chicago, 1953, табл. 29, B.

²⁷ И. М. Лосева, Новые археологические исследования отряда ГМИИ им. А. Пушкина на холме Аринберд. С. А., 1958, № 2, рис. 9.

²⁸ B. Flow, Denkmäler der thrakischen Kunst, Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Römische Abteilung, Bd. XXXII, 1917, рис. 44, 47—49.

²⁹ И. А. Карапетян, ук. соч., стр. 289, табл. E, 5, 10, 11; С. А. Есаян, Могильник раннеармянского вре-

валинах Тейшебаши и Аргштххинли³⁶, показывают урартские истоки этого типа и одновременно не позволяют считать их формой локального производства только для Северной Армении.

Большое впечатление оставляют длинные накопечники кос с несколько изогнутыми

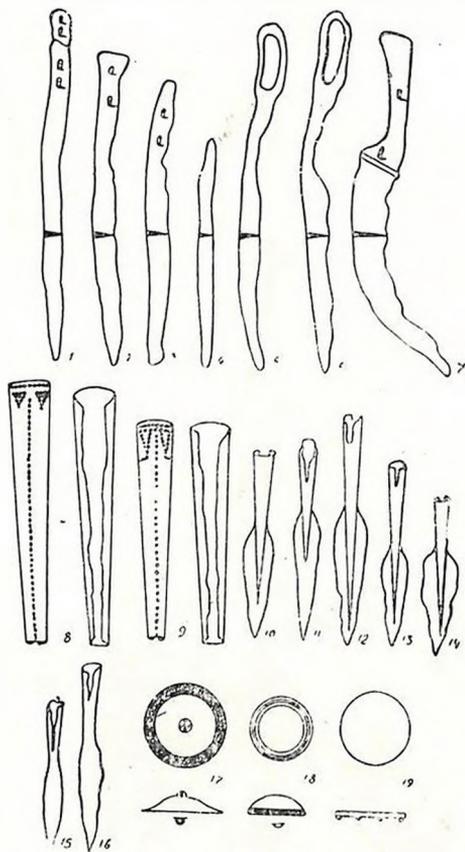

Рис. 13. Предметы вооружения (Берд)

концами. Они были найдены в разрушенных погребениях Енокавана и лишней раз свидетельствуют о развитии земледелия на рассматриваемых территориях древней Армении³⁷.

Большой интерес представляют малень-

³⁶ А. А. Мартirosян, Город Тейшебаши, Ереван, 1961, рис. 386; *его же*, Аргштххинли, Ереван, 1974, рис. 89а, 1.

³⁷ С. А. Есаян, Древняя культура племен северо-восточной Армении, Ереван, 1976, табл. 141.

кие двухлезвийные топоры, найденные в Норашене³⁸. Они плоские на вид, с узкой срединной частью, расширяющиеся к двум сторонам и переходящие в лезвие. Их можно считать орудиями мастера, производящего медные или бронзовые украшения. Об этом говорит и найденное рядом с топориками большое количество украшений. По-видимому, орудием труда мастера—производителя украшений—является маленькая форма из бронзы, бронзовый стержень и, наконец, две пары железных щипцов. Такие щипцы, только из бронзы, найдены в погребениях Северной Армении.

За последние годы накопился интересный материал по предметам украшений, изготовленных из металла. Если оружие и орудия труда рассматриваемого времени изготовлены в большинстве случаев из железа, то среди металлических украшений преобладает бронза (рис. 14)

Гривны найдены двух основных типов. Витые Гривны, изготовленные из толстой проволоки, с уплотненными широкими окончаниями, завернутыми в крючок, найдены в Джрарате, Берде и Астхи-блуре³⁹. Такие гривны встречаются в большом количестве в эпоху широкого освоения железа, как например, в погребениях Алавердского (Туманянского) района, Хртаюца и Головинно⁴⁰. Важно то обстоятельство, что подобные золотые гривны имеются в комплексах, датируемых более поздним временем и тем самым неспособуют датировке археологического материала Армении. Так, подобная гривна встречена среди предметов Ахалгорийского клада⁴¹, датируемого, как известно, V—IV вв., и среди вещей Сидонского саркофага царя Табнида⁴². Большой интерес представляет витая гривна, найденная в одном из бердских погребений⁴³. Гривна сложена в центральной части. Она была уплоще-

³⁸ Н. А. Карсакетян, *ук. соч.*, с. 289, табл. IV, рис. 1, 2.

³⁹ А. О. Мнацаганян, Г. А. Тирацян, *ук. соч.*, с. 72, табл. 2. С. А. Есаян, Астхиблурский могильник, ВОНАН, 1968, № 6, табл. 11, 1.

⁴⁰ А. О. Мнацаганян, Г. А. Тирацян, *ук. соч.*, с. 72.

⁴¹ Я. Н. Смирнов, Ахалгорийский клад, Тбилиси, 1934, табл. 1, 4.

⁴² Hamdy Beu, Th. Reinack, Une necropole royale à Sidon. Paris 1892, с. 104, рис. 45. См. Я. Н. Смирнов, *ук. соч.*, с. 6—7.

⁴³ С. А. Есаян, Могильник раннеармянского времени ..., с. 289.

на в месте излома и заклеплена двумя железными гвоздями. Наряду с витыми гривнами имеются гладкие, проволочные гривны с крючками у концов. Они также часто встречаются в эпоху широкого освоения железа.

Интересную своеобразную группу составляют гривновидные подвески, которые могли служить и серьгами, найденные в Иджеване,

как было сказано выше, серьгами. Аналогичные серьги встречаются и в могильниках, раскопанных А. А. Ивановским в Кедабеке. Он их именует «височными кольцами».

Браслеты. Некоторые из них со всей очевидностью примыкают к браслетам эпохи широкого освоения железа, а другая часть характерна именно для инвентаря раннеармянского времени.

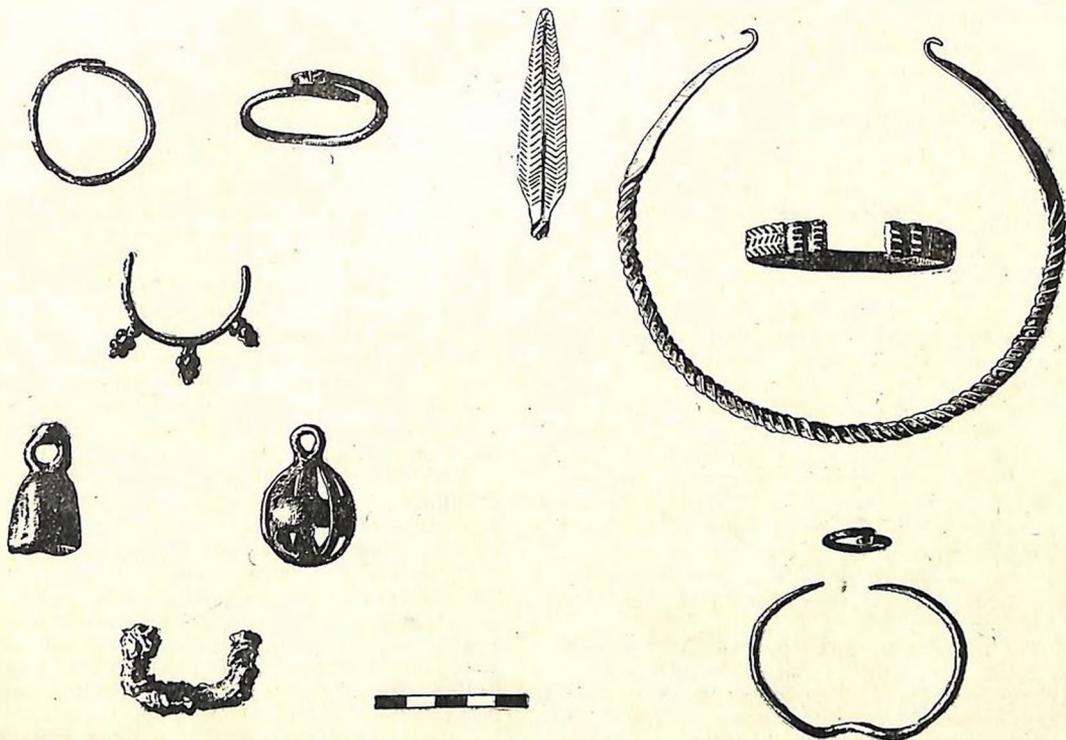

Рис. 14. Предметы украшения (Джрарат)

Астхиблуре, Берде⁴⁴. Это отлитые кольца с закругленными концами, образующие петли. О них высказано еще мнение, что они служили эквивалентом для обмена. Учитывая разный вес этих предметов и то обстоятельство, что на одном из них сохранились следы железной проволоки для соединения петель, кажется, что правильнее будет их считать,

В них входят так называемые браслеты с выгибом, которые встречаются довольно часто в погребениях раннеармянского времени (Джрарат, Берд, Атарбекян)⁴⁵ (табл. V,2). Большинство из них проволочные, круглые в сечении или приплюснутые. На концах некоторых имеются насечки, которые напоминают голову какого-то стилизованного животного (может быть, змеи).

⁴⁴ С. А. Есаян, Археологические находки близ поселка Иджеван, ИАНОН, 1964, № 4, рис. 9, с. 80; его же, Могильник раннеармянского времени ..., табл. III; его же, Астхиблурский могильник, табл. IV, 12.

⁴⁵ А. О. Мнацаканян, Г. А. Тирацян, ук. соч., с. 72—73, табл. 2; С. А. Есаян, Могильник раннеармянского времени ..., с. 290, табл. 8.

Прототипами этих браслетов принято считать золотые браслеты с выгибом, бытовавшие в ахеменидском культурном мире. Они хорошо видны на руках гвардейцев, изображенных на глазурованных стенах Сузского дворца ахеменидских царей⁴⁶. Золотые браслеты с выгибом зафиксированы на большой территории—от острова Кипр до Средней Азии, и все они датируются V—IV вв. до н. э.⁴⁷.

Учитывая вышеуказанное обстоятельство, браслеты указанного типа было принято считать датирующим элементом только для ахеменидского времени, но, как известно, эти браслеты продолжают бытовать в Закавказье и в последующие века, вплоть до начала нашей эры. Подобные браслеты мы встречаем в кувшинных погребениях Западной Грузии, датируемых первыми веками до н. э., в погребениях того же времени из Мингечаура и Гарни⁴⁸.

Браслеты раннеармянского времени, имеют довольно простой вид, будучи изготовлены из бронзовой проволоки со сходящимися, расходящимися и заходящими друг на друга концами. Особую подгруппу образуют браслеты подковообразной формы, наружная поверхность закругленная, а внутренняя—ровная. Несходящиеся концы украшены прямыми насечками. Браслеты подобной формы обнаружены в селе Долаплар Азербайджанской ССР среди инвентаря, датированного VI в. до н. э.⁴⁹.

Отдельную группу образуют зменоголовые браслеты, встречающиеся в Иджеване, Берде и т. д.⁵⁰.

Один из них полукруглый, в сечении с широкими пезамкнутыми плоскими концами, имеющими форму змеиной головки. Концы украшены четырьмя точками, придающими им характерную форму змеиных глаз и позд-

рей. Другой браслет имеет более характерную форму. Он круглый в сечении: с еле расходящимися концами, имеющими форму очковой змеи, с удлиненной мордой, на которой имеются два бугорчатых выступа.

Такого типа браслет с характерными выступами обнаружен в комплексе инвентаря из могильника, расположенного на правом берегу речки Башкев-Су, около Бешташени. Датируется погребение раннеахеменидской эпохой VI—V вв. до н. э.⁵¹. Как правильно замечает С. А. Есяян, браслеты этого типа продолжают форму зменоголовых браслетов, особенно характерных для VIII—VI вв. до н. э., но вместе с тем эта форма сильно видоизменяется. Интересны браслеты, найденные в Астхиблуре, как в погребениях, так и в поселениях. Концы одного из них украшены бараньими головками⁵². Такие браслеты известны из Бешташени и Куртана, и датируются VI—V вв. до н. э. Концы другого браслета украшены колосовидным орнаментом⁵³. С точки зрения технологии изготовления заслуживает внимания браслет из трехрядной проволоки, сходящиеся концы которого украшены орнаментом в виде очковидной спирали⁵⁴. Следует упомянуть в этой связи небольшую витой браслет с обоймочкой для соединения сходящихся концов (Берд).

Наконец, следует выделить браслеты, явно примыкающие к формам браслетов эпохи широкого освоения железа. Они происходят из погребений Иджевана и Джаррата.

Иджеванские браслеты изготовлены из бронзовых широких пластин с несходящимися концами⁵⁵. Оба браслета украшены снаружи врезными параллельными линиями, кружочками с точечным углублением в центре и треугольниками, заполненными штрихами.

Два массивных браслета арханчной формы найдены в Джаррате⁵⁶. Один с плоскими волнообразными концами, украшенными насечками. Второй круглый в сечении с разомкнутыми концами.

⁴⁶ P. Amandry, Orfevrerie achéménide, Antike Kunst, 1958, I Jahrgang, Heft 1, табл. 8 3.

⁴⁷ P. Amandry, ук. соч., с. 9—23.

⁴⁸ Б. А. Куфтин, ук. соч., с. 33; Г. А. Ломтадзе, Археологические раскопки в Мцхета, Тбилиси, 1955, с. 59; С. Н. Кизиев, О двух кувшинных и двух катакомбных погребениях. Материальная культура Азербайджана, т. III, рис. 4; Ж. Д. Хачатрян, Гарни, V, Ереван, 1976, с. 86 и дальше.

⁴⁹ С. А. Есяян, Археологические находки близ поселка Иджеван, ИАНОН, 1961, № 4, рис. 6.

⁵⁰ С. А. Есяян, там же, с. 78, рис. 7; *его же*, Могильники раннеармянского времени из поселка Берд, ИФЖ, 1969, № 4, табл. III, 1, 3.

⁵¹ Б. А. Куфтин, ук. соч., с. 42, рис. 39; С. А. Есяян, Археологические находки близ поселка Иджеван, с. 79.

⁵² С. А. Есяян, Астхиблурский могильник, с. 89, табл. IV, 9, с. 94, табл. VIII, 2.

⁵³ Там же, с. 89, табл. II, 2.

⁵⁴ Там же, с. 89, табл. II.

⁵⁵ С. А. Есяян, Археологические находки близ поселка Иджеван, с. 79, рис. 8.

⁵⁶ А. О. Мнацаканян, Г. А. Тирицян, ук. соч., с. 73, табл. 2.

Такие браслеты известны еще из Атарбекяна, Астхадзора, Ворнака. Имеются еще и другие браслеты, аналогичные к которым можно подыскать среди археологического материала из Матура, Ворнака, Астхадзора.

Фибулы, бронзовые и железные, с дугообразной проволочной или широкой спиной появляются уже в X—IX вв. до н. э. и, как видно на примере находок из Джрарата и Норашена, а также из Мусерц, Хртаноца, Куртана, в VI—V вв. получают некоторое художественное оформление⁵⁷.

В числе украшений следует отметить булавки. Очень интересна булавка, найденная в одном из погребений Астхибура⁵⁸. Она имеет бронзовый заостренный стержень, и цельноотлитое навершие в виде расходящихся в обе стороны головок оленей, с небольшой петелькой в центре. По своей манере изготовления она приближается к булавке из Хртаноца, украшенной головками козлов и датированной VII—VI вв. до н. э.

Атрибутами одежды, наконец, являются также крупные бляхи, снабженные петельками для пришивания.

Характерную группу образуют подвески⁵⁹. Подвески-колокольчики и ажурные подвески-бубенчики встречаются на широкой территории с ранних времен (эпоха бронзы и железа). Такие колокольчики мы встречаем среди вещей Ахалгорийского клада, датированного V—IV вв. до н. э.⁶⁰ Правда, несколько меньших размеров и видоизмененными эти предметы доживают до первых веков н. э.⁶¹

Особое место занимают две подвески или серьги в виде образующей полукруг проволоки с тремя выступами в виде гроздей⁶². Аналогичные украшения вводят нас в древневосточный мир. На рельефах позднееассирийского времени (VII в. до н. э.) изображены серьги с тремя выступами, близкими по форме к серьгам из Джрарата⁶³.

Обзор предметов украшений следует закончить разными трубочками из бронзы меньших размеров, чем такие же предметы предшествующих эпох, бронзовыми бусами, обрывками цепей, известных также из эпохи бронзы и железа, а также мелкими украшениями из серебра (простой формы серьги и кольца)⁶⁴.

* * *

Найденные на территории Армении и датируемые в основном V—IV вв. до н. э. произведения торевтики и ювелирного ремесла образуют интересную коллекцию, состоящую из серебряных и бронзовых предметов утвари культового назначения (ритоны, фиалы, ручки амфоровидных сосудов, кубки и т. д.) и золотых украшений (нектараль, гривна).

Изучение предметов торевтики мы начнем с ритонов—сосудов, напоминающих по своей форме рог, заканчивающийся протомой, т. е. передней половинной тела животного.

Серебряный ритон, частично покрытый позолотой, из Ерзика (Западная Армения), хранящийся в Британском музее, состоит из двух изготовленных отдельно частей—кубкообразного, вертикального рога и протомы грифона, прикрепленной к нему (общая высота 25 см)⁶⁵. (табл. VI).

Простой перечень памятников ахеменидского искусства с изображением грифа и орлиного грифона поможет составить некоторое представление о степени распространности этого мотива. Следует упомянуть, в первую очередь, ряд произведений монументального искусства на персепольской террасе—огромные капители, состоящие из двух протом грифонов⁶⁶, рельефы на стенах персепольских зданий, изображающие борьбу царя или героя с орлом-грифоном⁶⁷, акинаки,

Ohrschmuck der Assyrer, Archiv für Orientforschung, IV, 5/6, 1927, VIII; Chr. Nadara, American Journal of Archaeology, 65, 1, 1961, табл. 36.

⁶⁴ А. О. Мнацаканян, Г. А. Тирацян, ук. соч., стр. 73.

⁶⁵ O. M. Dalton, The treasure of the Oxus, III ed, London, 1964, Pl. XXII, p. 42—43.

⁶⁶ Aziz Hatimi, Persepolis, Pasargadae und Naksh-e Rostem, Teheran, 1950, p. 38, R. Ghirshman, Persepolis Iranens, Médes, Achéménides, Paris, 1963, Genève, 1965, рис. 267. J. L. Huot, Iran I (Archeologia Mundi) Pl. 21, 23.

⁶⁷ E. Schmidt, Persepolis I, Chicago, 1953, Pl. 114; R. Ghirshman, ук. соч., fig. 250—251. Эта аналогия подчеркнута Дальтоном, см. O. M. Dalton, ук. соч., с. 43.

⁵⁷ А. О. Мнацаканян, Г. А. Тирацян, ук. соч., табл. 2; И. А. Карапетян, ук. соч., табл. IV, 11, 12, 15.

⁵⁸ С. А. Есаян, Астхибулурский могильник, табл. IV, 10.

⁵⁹ А. О. Мнацаканян, Г. А. Тирацян, ук. соч., стр. 73, табл. 2.

⁶⁰ Я. Н. Смирнов, ук. соч., рис. 93.

⁶¹ Б. Н. Аракелян, Гарни, II, рис. 38.

⁶² А. О. Мнацаканян, Г. А. Тирацян, ук. соч., табл. 2.

⁶³ Г. А. Тирацян, Некоторые черты материальной культуры Армении и Закавказья V—IV вв. до н. э. С. А., 1964, № 3, с. 65, рис. 3; см. А. Moortgat, Der

на ножках которых представлены грифоны⁶⁸, разнообразие произведения торевики и ювелирного искусства—вазы, гривны и браслеты с ручками или концами, украшенные скульптурами грифонов⁶⁹. Среди предметов, найденных на персепольской террасе, следует упомянуть бронзовую обкладку с изображением грифона⁷⁰.

Остальные аналоги, помимо каменной плиты из Сирии, с изображением шагающего грифона, хранящейся сейчас в Лувре⁷¹, охватывают произведения прикладного искусства, это печати из Ура⁷², золотые браслеты из амударьинского клада, оканчивающиеся скульптурными изображениями крылатых рогатых грифонов⁷³, золотые бляхи из Хамадана в виде голов рогатого грифона⁷⁴ и голова грифа из стеклянной разноцветной пасты⁷⁵.

Почти все эти изображения объединены стилистическими едиными чертами, нашедшими свое выражение в массивном выдающемся вперед клюве, шарообразных выпуклых глазах с рельефными веками, бровях в виде широкой дугообразной изогнутой полосы, гриве в виде продолговатого гребнеобразного выступа и характерной системы складок и морщин. Все эти особенности встречаются на грифоне Ерзканского ритона.

Ряд других деталей также находит себе аналогии как в предметах прикладного искусства ахеменидского времени, так и в других произведениях.

Канелированные рога, имеющие, бесспорно, древневосточное происхождение⁷⁶, встречаются довольно часто на целом ряде предметов ювелирного дела (браслеты, гривны,

бляхи, пластинки)⁷⁷, на статуэтках и протомках животных⁷⁸, на печатках⁷⁹, на рельефах⁸⁰, наконец, на стенах Сузского дворца⁸¹.

Горизонтальные канелюры нашего кубка также являются очень распространенным примером украшения стенок сосудов, имеющих довольно древние истоки, преследовавшие, быть может, одновременно и технические цели по укреплению стенок. Лучшей составил подробный список сосудов ахеменидского времени, украшенных горизонтальными канелюрами⁸². Можно добавить ряд новых примеров⁸³.

Фриз из чередующихся трех элементов под венчиком кубка (цветок, бутон, пальметка) находит аналогии на памятниках ассирийского времени—на рельефе из Калаха с фигурой Асуриасирнала II⁸⁴. В этой связи вызывает некоторое недоумение попытка связать данный орнамент с греческими памятниками и отнести ритон к греко-персидскому кругу памятников⁸⁵. Как было показано выше, ни одна из деталей Ерзканского ритона не находит аналогий в греческом искусстве.

Наконец значки на передних ногах в виде узкой подковки с заостренными концами, передающие условно мышцы, генетически связанные с изобразительными приемами переднеазиатского искусства⁸⁶, засвидетельствова-

⁶⁸ E. Schmidt, ук. соч., Pl 120; R. Ghirshman, ук. соч., р.с. 289.

⁶⁹ E. Schmidt, ук. соч., Pl. 29 B, 32B; P. Amandry Toréutique achéménide, Antike Kunst 2, Heft 2, 1959 Pl. 20, 1; R. Ghirshman, ук. соч., fig. 220, 228.

⁷⁰ E. Schmidt, Persepolis II, Pl. 39, No 2.

⁷¹ M. Dieulafoy, L'acropole de Suse, Paris, 1883, I, III—IV, fig. 198; O. M. Dalton, ук. соч., p. 43, fig. 5.

⁷² L. Legrain, Seal cylinders, New York, 1951, (Ur Excavations, X) Pl. 39, N 724, 726, Pl. 40 N 755, Pl. 42 N 803, 805, 806).

⁷³ O. M. Dalton, ук. соч., Pl 1, 116.

⁷⁴ H. Kantor, Achaemenid Jewellery in the Oriental Institute, Journal of the Near Eastern Studies, 1957, v. XVI, N 1. Pl. IV, VI C, р.с. 5B.

⁷⁵ A Survey of Persian Art, London, New York 1938, IV, Pl. 76.

⁷⁶ A. Parrot, Assur, Paris, 1961, fig. 58, 73.

⁷⁷ O. M. Dalton, ук. соч., Pl. I, 116, Pl. XVIII 131, P. Amandry, Orfèvrerie achéménide, Antike Kunst, I Heft 1, 1958, Pl. 8, 6; 10, 12, 18; 26—30. C. H. Rudenko, Искусство Алтая и передней Азии: М. 1961, табл. XVII, 1; H. Kantor, ук. соч., Pl. IV, VI; R. Ghirshman, ук. соч., Fig. 327.

⁷⁸ P. Amandry, Toréutique Pl. 29, 5, ego же, The Illustrated London News, May 23, 1959, fig. 1—7.

⁷⁹ H. Kantor, ук. соч., fig. 5 B.

⁸⁰ O. M. Dalton, ук. соч., fig. 5.

⁸¹ R. Ghirshman, ук. соч., fig. 191.

⁸² H. Lushey, Die Phiale, Bleicherode am Harz, 1939, p. 111, Note 632.

⁸³ R. Ghirshman, ук. соч., fig. 304, 308.

⁸⁴ H. Schäfer, W. Andrae, Die Kunst des alten Orients, III изд., 1942, Taf. 543, P. Amandry, Toréutique, p. 49; O. M. Dalton, ук. соч., p. 43.

⁸⁵ S. Casson, Achaemenid sculpture, SPA, t. 1, p. 354.

⁸⁶ См. примеры из ассирийского и урартского искусства, A. Parrot, Assur, р.с. 33, 43, 55, 71, 78, 89, 110, 342; Б. Б. Пиотровский, Искусство Урарту, р.с. 11, 20, 24, 40, табл. II, VIII, XXIV—XXV.

пы в большом количестве на памятниках ахеменидского времени⁸⁷.

Сходство между Эрзinkanским ритмом и памятниками ахеменидского времени проявляется, как мы видели, в общем облике ритона и в его деталях, часто служащих определенным критерием при датировке, хотя в общем эти детали имеют очень длинную историю и встречаются в искусстве Передней Азии с древнейших времен.

Наметившиеся стилистические связи с Персепольскими памятниками позволяют отнести ритон к произведениям V в. до н. э.⁸⁸. Некоторая его декоративность, менее строгий стиль по сравнению со сходными предметами первой половины V в., какими являются Семибратний ритон или Дуванлийская амфора побуждает датировать ритон второй половиной V в.⁸⁹.

С другой стороны, наблюдаемая скованность в стиле заставляет думать, что ритон может быть провинциальной работой ахеменидского искусства⁹⁰. Упомянутые некоторыми исследователями связи со скифским или, как видели выше, с греческим искусством не подтверждаются⁹¹.

В Луврском музее хранится бронзовый ритон, найденный в Армении⁹² (табл. VII).

⁸⁷ A. Godard, *L'art de l'Iran*, Paris, 1962, Pl. 47, 61, 67; R. Ghirshman, у.к. соч., fig. 221, 241, 286.

⁸⁸ O. M. Dalton, у.к. соч., стр. 42.

⁸⁹ P. Amandry, *Toréutique*, p. 49. K. Tuchelt, *Tiergefäße*, Istanbulischer Forschungen, Bd. 22, Berlin 1962, с. 85.

⁹⁰ S. Casson, SPA, t. 1, p. 370.

⁹¹ S. Casson, *Achaemenid sculpture. A Survey of Persian Art*, I p. 334. Округлое окончание рогов встречается, например, на конском головном уборе в виде рогатого льва, борющегося с тигром. (См. И. И. Руденко, *Искусство Алтая и Передней Азии*, М., 1961, рис. 49, с. 52). Сделанный на основе сходных сопоставлений вывод о скифском характере Еранканского ритона не кажется правомерным (См. S. Casson, там же, с. 354). Тем более вызывает недоумение заявление о скифском характере самого грифона (S. Casson, там же, с. 354), которого, как мы увидели, можно считать ахеменидским памятником.

⁹² G. Migeon, *Les accroissements des Musées (Musée du Louvre) Les Arts*, No 1. 1902 с. 17. 18, G. Contenau, *Manuel d'archéologie orientale*, t. III, Paris, 1931, fig. 879, B. Swoboda, у.к. соч., табл. VI, В. р. 46; O. M. Dalton, у.к. соч., с. 43. В SPA I p. 375, об этом предмете говорится, что он приобретен в Багдаде (сравни K. Tuchelt, у.к. соч., с. 83). На изданной недавно Луврским музеем фотокарточке с изображением данного ритона, местом находки указывается Армения.

Ритон состоит из двух частей—передней в виде рогатомы козерога вместе с нижней частью рога-кубка, прикрепленной к ее средней и верхней части. Место соединения обозначено параллельными, чередующимися валиками и врезам. Гладкий рог-кубок завершается широким, отогнутым венчиком, шире которого намечен рельефный валик, ооконтуривающий снизу край кубка.

Изображение козерога является одним из излюбленных мотивов ахеменидского искусства, заимствованного из репертуара сюжетов Передней Азии, где оно встречается в искусстве шумерийцев и эламтян, и даже ранее⁹³. Особенно богато представлен козерог в искусстве доахеменидского Ирана⁹⁴.

Козерог ахеменидского времени с такими же характерными изогнутыми рогами встречается на рельефах Персеполя⁹⁵. Но особенно часто козероги и другие животные из семейства коз встречаются в прикладном искусстве ахеменидского времени, на ритонах, на амфоровидных сосудах (ручки), на браслетах и гривнах (окончания), на печатях и бляхах, а также в виде отдельных протом и статуэток⁹⁶.

Хотя многие из приведенных примеров выявляют иконографическое сходство с изобра-

⁹³ A. Parrot, *Sumer*, Paris, 1960, fig. 60, 61, 71, 88—90, 190, 310, *ego же* Assur, Paris, 1961, fig. 43, 203, 336—337.

⁹⁴ Обильный материал по этому вопросу можно найти в книге R. Ghirshman, *Perse, Protoiranienues. Medes, Achéménides*, Paris, 1963; J. L. Huot, *Iran I*, Geneve, 1965 A. Godard, *L'art de l'Iran*, Paris. P. Amandry, *Orfèvrerie*, p. 19, 114, 2, 43 и в каталогах выставок по иранскому искусству, 7000 ans de l'art en Iran, Paris, 1962. 7000 Jahre iranischer Kunst, Essen, 1962, 7000 years of Iranian art, New York, 1965. Trésors de l'ancien Iran, Geneve, 1966.

⁹⁵ E. Schmidt, *Persepolis I*, Pl. 187. R. Ghirshman, у.к. соч., 244, 245.

⁹⁶ O. M. Dalton, у.к. соч., Pl. V, 10, X, 24, XVIII, 135, XX, 136, 137; R. Ghirshman, у.к. соч., fig. 304, 305, 308; И. Я. Смирнов, *Восточное серебро*, Пб, 1909, табл. IV; P. Amandry, *Toréutique*, Pl. 23—29; *ego же*, *Orfèvrerie*, Pl. 10, 12, 18: 12, 26—31; D. Stronach, *Excavations at Pasargadae, Iran*, III, 1965, Pl. X и список на с. 37; H. Bossert, *Altanatollen*, Berlin, 1942, Taf. 320, № 1217 D. W. Forman, у.к. соч., Taf. 104, 106, 116; E. Schmidt, *Persepolis II*, Pl. 8, 25; L. Legrain, у.к. соч., с. 39—42; H. Kantor, *Achaemenid Jewellery*, fig. 4, 5C.

женем козерога на ритоне, трудно обнаружить между ними непосредственные, конкретно-стилистические черты, несмотря на то, что в общем все эти памятники, включая и ритон из Армении, вернее его протома, образуют единый не только хронологический, но и художественный круг. Некоторая статичность рассмотренного козерога и, главное, подчеркнутая схематизация отдельных деталей головы, переданных при помощи тонких гравированных линий, не всегда совпадает с данными привлеченных памятников, характеризующихся более подчеркнутым членением лица, сочетанием рельефных линий и глубоких врезов, явно выраженной мускулатурой и других частей головы. Тем не менее, а может быть как раз в силу этих особенностей, бронзовый ритон из Лувра следует датировать ранним временем, скорее всего первой половиной V в. до н. э.

Третий ритон, происходящий из западной Армении, серебряный, хранится в Луврском музее⁹⁷ (табл. VIII). Несколько изогнутый, высокий кубок, покрытый многочисленными горизонтальными капелюрами, заканчивается прикрепленной к ней протомой лани с подогнутыми передними ногами. Рога лани отбиты, большие уши торчат вверх.

Остатки сходной серебряной протомы лани имеются в музее Фоггарт и датируются ахеменидским временем⁹⁸.

Как это видно было на примере многочисленных аналогий, предшествующих ритонам, изображение лани занимает сравнительно скромное место в иконографическом репертуаре ахеменидского искусства⁹⁹. Животные из семейства коз представлены в значительно большем количестве.

Следует вкратце остановиться на стилистических особенностях протомы, указывающих, по-видимому, на более позднюю дату ритона. Орнамент, передающий шерсть, сильно схематизированный на ранних предметах (ритон из семибратного кургана, амфора из Дуванли), постепенно теряет свою застылость (амфора-ритон из Понта) и приобретает, как это видно на примере рассматриваемого ритона, более свободные очертания.

⁹⁷ G. Migeon, ук. соч., с. 17—18; G. Contenau, ук. соч., p. 1449; P. Amandry, *Toréutique*, Pl. 29, 3, 4; A. Godard, ук. соч., Pl. 79.

⁹⁸ G. Hanfman, *Acquisitions of the Fogg art museum*, *American Journal of Archaeology*, 1954, v. 58, 3, Pl. 48, Fig. 6, 7. P. Amandry, *Toréutique*, p. 52, Note 108.

⁹⁹ O. M. Dalton, ук. соч., Plate VI. 11

Голова изображена сравнительно гладкими поверхностями, без подчеркнутых рельефных деталей (брови, разные складки, воротничок), переданных здесь при помощи насечек или вовсе отсутствующих.

На более позднюю дату ритона указывает ряд ов вдоль верхней части кубка, встречающихся, например, на ювелирных изделиях и керамике юга России, начиная с конца V в. до н. э.¹⁰⁰. Очевидно этим временем или вернее первой половиной IV в. до н. э. следует датировать и данный ритон, который, вероятно, предшествует по времени серебряным ручкам в виде крылатых козерогов¹⁰¹.

Ритон, найденный в окрестностях Аринберда¹⁰², отличается своим большим размером¹⁰³, а также скульптурным изображением всадников у нижнего его конца, впервые встречающегося на ритонах рассматриваемого времени (табл. IX, 1). Кубок сосуда имеет гладкие стены, сильно расширяющиеся вверх. Общие очертания ритона позволяют отнести его, согласно классификации Р. М. Гиришмана, к сосудам, отличающимся плавностью изгиба рога-кубка¹⁰⁴.

Стилистический анализ скульптурной части ритона, сравнительное изучение представленных на нем реалий, не оставляет сомнения в том, что перед нами произведение ахеменидского времени. Головной убор, с некоторыми отличиями, выгравированная по обеим сторонам фигура орла, поражающая четкостью рисунка, одежда в виде куртки и брюк, висящий с правой стороны короткий меч-акинак, имеющие широкое хождение в ирано-скифском мире оружия, находят точные аналоги в ахеменидском искусстве. На коне вместо седла изображен большой ковер-чепрак, представляющий большой интерес с точки зрения его художественного оформления. Как видно на примере разнообразных изображений, археологических находок и письменных источников, чепраки имели осо-

¹⁰⁰ P. Amandry, *Toréutique*, p. 52.

¹⁰¹ Там же; K. Tschelt, ук. соч. с. 85; A. Godard, ук. соч., с. 168 (датирует ритон IV—III вв. до н. э.)

¹⁰² См. Б. П. Аракелян, *Клад серебряных изделий из «Эребуни»*, С. А., 1971, № 1.

¹⁰³ Значительной величины ритон с изображением крылатой женщины и огромным кубком представлен на резном камне ахеменидского времени из Ура (Ur Excavations, т. X, L. Legrain, *Seal cylinders*, London, 1951, No 832).

¹⁰⁴ R. Ghirshman, *Le rhyton en Iran*, *Notes Iraniennes*, XI, *Artibus Asiae*, XXV, 1, 1962, с. 76—77.

бое распространение при ахеменидах. Выгравированные на чепраке козероги и быки (их протомы) представляют интерес с точки зрения некоторых стилистических отличительных черт, позволяющих еще больше обосновать переднеазиатский ахеменидский характер рассматриваемого предмета. Такие же выводы напрашиваются при рассмотрении отдельных деталей изображения коня, как самих реалий, например снаряжение коня, так и стилистических особенностей (например, гривна). Интересно было бы узнать, кого представляет всадник, кто изображен на ритоне.

По-видимому, придется признать присутствие некоторых признаков индивидуализации всадника — изгиб носа, разрез рта — указывающих на определенное лицо. Эта определенность вытекает и из анализа реалий.

Головной убор — не царский. Нам не известен какой-нибудь пример, где царь выступал бы в этой круглой шапке, свойственной, по общему признанию, мидийцам. На рельефах такой убор носят члены царской гвардии, предводители делегации народов империи, представителю знати и вельможки при дворе. Царь же, его наследник, представлен в короне в виде усеченного конуса с зубцами в верхней части. На какую-то связь с царским домом может указать изображение орла на его головном уборе. О связи орла с ахеменидским царским домом знали уже в древности. В одной из своих работ Ксенофонт сообщает, что изображение орла украшало царскую колесницу (Ксенофонт, Киропедия, VIII, 1; 4), в другой, в связи с битвой при Кунаксе, упоминает царский штандарт в виде золотого орла (Анабасис, I, 10; 12). Квинт Курций указывает на узоры в виде ястреба на царской одежде, а Элиан же передает предание, согласно которому основатель династии Ахеменидов был вскормлен орлом¹⁰⁵.

В данном случае во всаднике следует, по-видимому, признать приближенного к царскому двору иранского, возможно, мидийского вельможу, носившего знак власти — орла на шапке.

К мидийскому культурному миру и прилегающим областям указывают и остальные детали одежды — куртка, штаны, обувь, прикрепленный с правой стороны меч¹⁰⁶. То, что короткий меч-акшак свойственен не только мидийцам, но встречается и у представите-

лей других народов, как это видно на примере персепольских рельефов, общеизвестно, и указанное выше сопоставление именно с мидийским образом очень поучительное. Хотя на ритоне, по-видимому, нарушены соотношения между величиной всадника и коня, а также пропорции между отдельными частями самого коня, тем не менее, изображен, очевидно, низкорослый конь. Было бы очень заманчиво усмотреть в нем представителя той породы лошадей, которая, по свидетельству античных авторов, выращивалась в Армении и преподносилась как дань царю парей (Ксенофонт, Анабасис, IV, 5; 24). Отличительной чертой этих коней была их подвижность, а также их низкий рост (Страбон, География, XI, 14, 9).

Вышеупомянутые данные указывают как будто на связь всадника с Мидией, и соседними территориями, главным образом с Армянским нагорьем. В этом смысле немало важное значение может иметь место находки предмета. Холм Ариш-берд, вблизи которого был найден ритон вместе с другими сосудами, представлял собой не только цитадель урартского города Эребуни, но в послеурартское время стал, по-видимому, одним из административных центров северо-восточных и восточных областей Армянского нагорья — XVIII сагратии.

Очень заманчиво было бы усмотреть во всаднике, изображенном на ритоне, правителя XVIII сагратии, включающей, кстати, и мидийские (манейские) области.

Другой ритон, найденный вблизи Ариш-берда, состоит из двух изготовленных отдельно частей — из кубкообразного вертикального рога, покрытого узкими вертикальными канелюрами, и протомы коня (табл. IX, 2). Стилистический анализ скульптурного изображения коня как в целом, так и отдельных его деталей, сравнительное изучение реалий не оставляют сомнения, что перед нами произведение ахеменидского искусства¹⁰⁷.

Моделировка головы сходна с изображением коней на персепольских рельефах, сочетающих реалистическую передачу с элементами стилизации.

Общая форма третьего по сути дела ритона (с отверстием в виде соска у дна), имеющего округлое тулово, широкое сравнительно высокое горлышко и слегка отогнутый наружу венчик, напоминает датируемые V—IV вв. сосуды, известными как по изображениям, так и находками. Серебряный сосуд

¹⁰⁵ O. M. Dalton ук. соч., с. 14 и XXXI.

¹⁰⁶ Б. Н. Аракелян, Клад серебряных изделий.

¹⁰⁷ Там же.

из Ахалгори¹⁰⁸ и изображение подобного сосуда на золотой пластинке из Амударинского клада¹⁰⁹ имеют общие черты с аринбердским сосудом, хотя отличаются более четкой профилировкой. Интересно отметить, что упомянутые два сосуда ахеменидского времени, имеют своего типологического предшественника в урартском материале, а именно в сходном по форме сосуде, известном по раскопкам Кармир-блур¹¹⁰.

Орнамент, украшающий стенки сосуда, розетка, пояс из листьев, вертикальные канюльоры часто встречаются в ахеменидском искусстве (см. предметы прикладного искусства, архитектурная орнаментика). Что касается отверстия в виде соска на дне сосуда, то полные аналоги можно встретить на ритоне из Понта¹¹¹ и на керамических сосудах такого же типа из Мингечаура¹¹², имеющего по два соска. Хотя по своей форме этот сосуд далек от наших обычных представлений о ритонах, по своему назначению, как об этом свидетельствует сосок, он полностью может быть включен в эту категорию.

Серию рассматриваемых серебряных ритонов замыкает сосуд в виде головы животного. Нижняя его часть изображает голову бычка, верхняя—кубок с широким горлом, украшенным рельефными человеческими фигурами¹¹³. Голова бычка хорошо моделирована. Правдивая передача пасти и поздрей выявляет реалистический образ животного.

В верхней части сосуда под венчиком изображены три женщины и один мужчина. В центре этой идущей по кругу сосуда композиции—сидящий на роскошном кресле бородастый мужчина с длинным жезлом в руках. Перед ним стоит женщина, которая преподносит ему чашу, по-видимому, с напитком. Две другие женщины играют одна на двойном авле, другая—сидя на кифаре. Женщины одеты в длинные, доходящие до пят платья. Волосы собраны на голове в верхней задней части и украшены диадемой.

¹⁰⁸ Я. П. Смирнов, Ахалгорийский клад, табл. XII, 66.

¹⁰⁹ О. М. Dalton, ук. соч., табл. XV, 69

¹¹⁰ Г. А. Тирицян, Урартская цивилизация и ахеменидский Иран, ИФЖ, 1964, № 2, табл. 1, 5.

¹¹¹ P. Amandry, *Tarentine achéménide, Antike Kunst*, 1959, Heft 2, табл. 22, 1.

¹¹² Т. Н. Голубкина, О зооморфной керамике из Мингечаура, рис. 15, 16. Материальная культура Азербайджана, II Баку, 1951.

¹¹³ Б. П. Аракелян, Клад серебряных изделий из Эрбуни, рис. 6—9.

На нем изображено ожерелье, а на руках—браслеты.

Сосуд выкован из отдельного листа серебра, подвергнутого дальнейшей обработке, чеканке и гравировке. Позолотой покрыт целый ряд деталей сосуда, как сам бычок, так и человеческие фигуры.

Глиняные сосуды в виде головы животного встречаются с древнейших времен в отдельных областях Передней Азии и Эгейского мира. Особенно большое распространение получили они в Ассирии и Ахеменидском Иране, откуда они распространились на Запад, где в рассматриваемое время было налажено производство глиняных расписных сосудов в виде головки животных (краснофигурные—в Греции, Аттике, и в южной Италии—Таренте).

Одновременно стали появляться ритоны в виде головы животного (лани, бык, баран), изготовленные из металла: бронзы, серебра, золота. Верх сосудов, как правило, покрывался сценами из античной мифологии. Карта находок сосудов указывает на юг России, на Румынию, Болгарию, Грецию, юг Италии. Возможными центрами производства считают Ионию, Аттику, юг Италии. Нет сомнения, что рассматриваемый сосуд из Арин-берда следует отнести к данной самостоятельной группе металлических ритонов. По-видимому, типологически вся эта группа в общем восходит к уже упомянутым восточным ритонам, имеющим, кстати, на стенках под самым венчиком выгравированные или чеканные изображения, что их больше сближает. Но тем не менее сосуды этой группы, в том числе и аринбердский, отличаются более свободной трактовкой общей формы и структуры. То же самое касается передачи самой головы, в данном случае бычка, черты которого мягче, и, несмотря на целый ряд ахеменидских, древневосточных стилистических черт, она больше примыкает к произведениям Эгейского круга.

В этом плане большой интерес представляют изображения человеческих фигур.

Тема сидящих мужчин прекрасно разработана классическим искусством (Парфенон) и находит свое распространение на надгробных памятниках Греции V и IV вв. до н. э.¹¹⁴ (Сравни особенно изображения Асклепия). Бросается в глаза изображение в три чет-

¹¹⁴ H. Dippolder, *Die attischen Grabreliefs des V und IV Jahrhunderts vor Chr.*, Berlin, 1931.

верти сидящего в кресле мужчины¹¹⁵. Его прическа в виде венца с волосами, собранными впереди, форма бороды и, самое главное, трактовка локонев мелкими, извивающимися линиями, способ уотребления жезла, нагая часть тела, так как плащ покрывает одну сторону, одно плечо, собираясь на ногах и образуя складки, и ряд других деталей сближают его с фигурой мужчины на расшатываемом ритоне.

Однако существует стилистическая огромная разница между ними. Изображения на аттических рельефах превосходные, отличающиеся общей пластичностью фигур, их лиц, волос, отдельных частей тела, мускулатуры, складок одежды.

Изображение мужчины на ритоне неподвижное, представлено с застывшими чертами лица, отличается своей плоскостью, чем напоминает больше провинциальные работы IV в. до н. э. Трактовка головы, лица, передача волос, особенно бороды, ее форма, глубокие извилины прядей, а также плоская грудь, как нельзя лучше стилистически согласуются с отошедшими от принципов греческой классики наметниками чуть ли не середины IV в. до н. э.¹¹⁶

Этот отход еще явнее выступает при ближайшем рассмотрении женских фигур. Они лучше отражают смещение стилистических направлений. Если целым рядом деталей, прической, диадемой, узорчатой одеждой изображения непосредственным образом напоминают произведения греческого искусства, то в остальном выявляют разительные отклонения, несовместимые с греческим искусством. Достаточно взглянуть на левую руку одной из женщин, чтобы убедиться в этом. Она неуклюже высовывается и безжизненно висит с правой стороны тела. В этой связи бросается в глаза и другая особенность. Хотя тело передано в профиль, нижняя часть одежды хитона изображена апфас. Поражают в общем неправильные пропорции тел; толстые, короткие шеи, массивные лица, в профиль, глаза апфас, выступающие носы. На провинциальный характер работы указывают и некоторые черты, свойственные архаическому

греческому искусству, нашедшие свое выражение в продольных складках хитона одной из женщин.

Моделировка тела—сама по себе довольно грубая, с выступающими контурами, указывает на некоторое влияние ионического искусства.

При определении негреческих, местных черт рассмотренных изображений, следует обратиться в первую очередь к Малоазийскому художественному миру, который лучше всего в состоянии раскрыть их. В этом контексте можно привлечь повохетские рельефы, представляющие не только иконографические параллели¹¹⁷.

Сидящий глава семьи на рельефе из Мараша, и музыканты с двойной флейтой и кифарой на рельефе из Каратепа, выявляют сходную неуклюжесть фигур и движений¹¹⁸. Их массивные лица, толстые шеи, большие носы, глазные впадины, напоминают женщин на ритоне.

Грубностью фигур, скованностью движений и другими отклонениями отличается целый ряд произведений, главным образом рельефы, найденные в Малой Фригии, Ликии, Киликии¹¹⁹. Порой поражает налет несовершенства, отчасти примитивизма в пропорциях фигур, в передаче лиц, рук. Это и есть та среда, которая участвовала в формировании общего стиля изображений рассматриваемого ритона.

Присутствующие местные течения, принципы были наложены в греческую одежду. Это провинциальное искусство, подчиненное традиционным условностям, в стороне от главных течений греческого искусства. С другой стороны, здесь ощущаются некоторые особенности греческого архаического и клас-

¹¹⁷ *H. Metzger*, Anatolie, II, Paris, 1968.

¹¹⁸ *E. Akurgal*, Orient und Okzident, Baden—Baden, 1966, pnc. 28, 32, 34 d.

¹¹⁹ *E. Akurgal*, Griechisch—persische Reliefs au Daskyleion, Iranica Antiqua, 1966, vol. VI, табл. 34—38 *P. Bernard*, Les bas reliefs gréco-perse de Dascyleion à la lumière des nouvelles découvertes, Revue archéologique 1969, fasc. 1; *J. M. Dentzer*, Reliefs au banquet dans l'Asie Mineure du IV siècle av. J. Ch., Revue archéologique 1969, No 2, *E. Akurgal*, Griechische Reliefs des VI Jahrhunderts aus Lykien, Berlin, 1942, *eadem* Die Kunst Anatoliens von Homer bis Alexander, Berlin, 1964, табл. 85, 107, 116, 119, *J. Borchardt*, Epichorische gräko-persisch beeinflusste Reliefs in Kilikien (Studien zur Kunst an den Satrapenhöfen Kleinasiens), Istanbul Mitteilungen, Bd. 18, 1968.

¹¹⁵ *R. Hamann*, Geschichte der Kunst, Bd. I, Berlin, 1955, pnc. 693.

¹¹⁶ *H. Biesantz*, Die thessalischen Grabreliefs, Mainz, 1965 (Studien zur Nordgriechischen Kunst); pnc. 14, 15; *E. Pfuhl*, Spätromische Plastik, Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts, Bd. 50, 1935, pnc. 18, 19, 20.

сического искусства (сама голова бычка, имеющая стилистические параллели как в металлических сосудах, так и южноиталийских глиняных сосудах, затем фигура мужчины, некоторые детали женских фигур—прическа, так называемая диадема, одежда, остальные формы, реалии, кресла и т. д.), которые при посредничестве Ионии повлияли на искусство западной Малой Азии. Ионическое продолжает жить при сатрапских дворах и особенно при дворах лидийских династов.

Истолкование вышеописанной сцены представляет определенные трудности. Возможно, что это иллюстрация погребального ритуала, хотя не исключено, что художник хотел зафиксировать светский пир, или угощение.

Наши знания о знакомстве урартов с ритоновидными сосудами до недавнего времени ограничивались данными письменных источников. Как известно в надписях Саргона II о походе 714 г. на Урарту имеются любопытные сведения о захваченной в Мусасире добыче. Перечень найденных здесь предметов раскрывает интересную картину материальной культуры Урарту и сопредельных стран. В числе обнаруженных Саргоном в Мусасире разнообразных сосудов упоминаются «два рога больших туров с оправой, обведенной золотыми кругами»¹²⁰. Наличие ритоновидного сосуда в виде натурального ритона в металлической обкладке и датируемого, как это явствует из самой надписи, VIII в. до н. э. имеет немаловажное значение для истории развития ритоновидных сосудов на Армянском нагорье, и тем более для изучения его истоков.

Сведения письменных источников получили подтверждение в данных археологии, указывающих на знакомство урартов не только с ритомом, как таковым, а также с его разновидностями. В этой связи большой интерес представляют сведения акад. И. А. Орбели о увиденных им в Ване металлических ритонах; относительно принадлежности урартскому или ахеменидскому искусству нет точных сведений¹²¹.

¹²⁰ См. Б. Б. Пиотровский, Искусство Урарту, с. 84. Ср. уточненный перевод в английском издании этого же труда: В. В. Piotrovskii, Urartu, The Kingdom of Van and its art, London, 1967, p. 9.

¹²¹ Г. А. Тирацян, Опыт периодизации истории материальной культуры древней Армении (VI в. до н. э.—III в. н. э.). Изв. АН АрмССР (обществовед. науки), 1957, № 2, с. 80.

Во время раскопок одного из царских курганов VIII в. до н. э. в Гордионе, древней столице Фригии, в склепе был найден бронзовый удлиненный сосуд в виде ведерка, дно которого имело форму головы льва с раскрытой пастью. У края сосуда имелись металлические два украшения в виде стилизованных крылатых существ, к которым были прикреплены ручки. Некоторые исследователи считают этот сосуд урартским¹²². Хотя наличие и отсутствие специального отверстия для выливания жидкости не позволяет считать его ритомом в строгом понимании этого термина, его типологическая связь с ритонами в виде головы животных является несомненной.

Большую научную ценность представляет, как нам кажется, находка глиняного ритона в 1962 г. на Арни-берде, цитадели урартского города Эребуни¹²³. Это краслощенный роговидный сосуд с постепенно расширяющимся прямым кубком и несколько отогнутым венчиком, завершающимся в нижней передней части стилизованной головой птицы (высота 16 см). Наличие третьей разновидности ритона в Урарту—сосуда в виде рога с протомой птицы имеет значение не только для характеристики урартской материальной культуры, но и для выяснения ее роли в деле развития послеурартской торовитики и керамики на Армянском нагорье.

Глиняный фигурный сосуд урартского происхождения с изображением головы газели был найден в Бастаме, Русахинлиан урартских надписей в северо-западном Иране¹²⁴.

Приведенные выше данные, как нам кажется, не оставляют сомнения в том, что урарты были знакомы с сосудами в виде ритонов, которые являлись одной из четко выработанных форм материальной культуры. Вместе с тем имеющиеся данные не позволяют больше при рассмотрении вопросов про-

¹²² R. Joung, The Gordion campaign of 1957. American Journal of Archaeology, v. 62, N 2; R. Ghirshman, Le rhyton, рис. 12, с. 76. По мнению Б. Б. Пиотровского стилистически эти ведерки скорее напоминают ассирийские изделия. (см. „Искусство Урарту“, Л., 1962, с. 62.)

¹²³ Г. А. Тирацян, К вопросу о торовитке и ювелирном деле Армении в ахеменидское время, ИФЖ, 1969, № 1.

¹²⁴ W. Kleiss, Ein urartäisches Gazellenkopf—Trinkgefäß aus Bastam, Archäologische Mitteilungen aus Iran, Bd. 6, 1973, рис. 2, табл. 17.

исхождения и бытования найденных на территории Армении ритонов ахеменидского времени пренебрегать урартским материалом.

Под этим углом зрения особенно интересными кажутся подмеченные связи, в том числе и стилистические, между ритонами, происходящими из Армении, и памятниками урартского искусства. При изучении первых двух ритонов уже были отмечены параллели в некоторых деталях на ритонах Армении ахеменидского времени и урартских предметах. Особенно меткими нам кажутся наблюдения относительно стилистически сходных черт, роднящих козерога на ритоне из Лувра с некоторыми урартскими статуэтками. Более обобщенная моделировка головы козерога, с гладкой поверхностью, оживленная тонкими изящными врезам, возможно отражает традиции урартского искусства. Для некоторых разделов которого характерны широкие, мягкие, округлые плоскости в сочетании с гравированными деталями.

На стенах, вдоль лестниц, ведущих к восточным и северным входам анэданы Ксеркса в Персеполе, изображены представители стран ахеменидской империи, преподносящие царю дары к новому году весной, в день равноденствия. Некоторые трудности, связанные с идентификацией делегации, в основном, кажется, преодолены, благодаря работам Херцфельда, Шмидта, Юнге. В вышеуказанной работе, посвященной специально этому вопросу, армянская делегация отождествлена с изображением первой группы дароносцев у входа, в среднем ряду¹²⁵ (табл. X, 1). Армяне несут в качестве подарка копы и амфоровидный сосуд, все детали которого, в том числе и зооморфные ручки, переданы с поразительной точностью и являются прекрасным образцом тореутики ахеменидского времени¹²⁶ (табл. X, 2).

Сосуды рассматриваемой формы имели широкое распространение, главным образом в ахеменидское время. Следует прежде всего учесть точные аналоги на тех же рельефах из Персеполя (см. изображения представителей из Мидии и Сирии)¹²⁷, а также

¹²⁵ Gerold Walser, Die Völkerschaften auf den Reliefs von Persepolis, Berlin, 1966. Teheraner Forschungen, Bd 2—табл. 10; E. Schmidt, Persepolis I, Pl. 29, B. 74—75.

¹²⁶ P. Amandry, Toreutique, Pl. 20, 1. G. Walser, ук. соч. Taf. 38, 39.

¹²⁷ E. Schmidt, Persepolis II, Plate 70 D. E.

однотипные металлические сосуды того же времени, происходящие из случайных находок или раскопок¹²⁸.

Нам известны также керамические сосуды, повторяющие формы металлических образцов с территории Малой Азии, Азербайджана и Армении. Все они датируются V—IV вв. до н. э.¹²⁹

Рассматривая вопрос о генезисе этой группы сосудов, можно обратиться к ассирийским, раннеиранским и в последнее время мидийским истокам¹³⁰.

Однако, нам кажется, что при рассмотрении вопроса о происхождении этой формы, следует учесть и данные урартской материальной культуры. Находки в Кармир-блуре, Арин-берде, Ошакане и Аргинштихинили не оставляют сомнения в степени распространенности этой формы, в ее раннюю дату¹³¹.

Прекрасный краснолощеный сосуд с ярко выраженными очертаниями был найден в урартском здании города Тейшебани и мог служить убедительным прототипом для сходных сосудов.

Дальнейшие находки подобных сосудов в Армавире и Нор-Армавире подтвердили правильность такого заключения.

В переднеазийском музее в Берлине и в Луврском музее в Париже хранятся две сходные серебряные ручки в виде крылатого козерога. Берлинская ручка найдена в Армении, луврский экземпляр, принадлежащий первоначально собранию графа Тышкевича, найден в Южном Причерноморье и Амисе¹³² (табл. XII, 1, 2).

¹²⁸ P. Amandry, Toreutique, с. 38—51.

¹²⁹ Г. А. Тиранян, Урарту и Армения, ВОНАН, 1968, № 2, с. 29.

¹³⁰ P. Amandry, Toreutique, p. 39; R. Ghirshman, Fouilles de Sialk II, Paris, 1939, t. IV, 1—2. Persian Art, II ed. London, 1931, табл. 14; D. Stronach, Excavations at Tepe Nush-i-Jan, 1967, Iran, VII, 1969, табл. 6, 7.

¹³¹ Г. А. Тиранян, Урартская цивилизация и ахеменидский Иран, ИФЖ, 1964, № 2, табл.; А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы и железа, Ереван, 1964, рис. 103; Г. А. Тиранян, Урарту и Армения, с. 30, Табл. II, 3.

¹³² A. Furtwängler, Erwerbungen der Antiken Sammlungen in Deutschland, Archäologischer Anzeiger, 1892, S. 113; H. Luschej, Achämenidisch-perstische Toreutik, Archäologischer Anzeiger, 1938, Heft 3—4, p. 764; A. Survey of Persian Art, t. IV, Pl. 112, 17; W. Fröhner, La collection Tyskiewicz, Choix de Monuments, 1892, Pl. 3, A Survey of Persian Art, IV, табл. 112, B.

Обе ручки принадлежат, по-видимому, одному и тому же типу амфоровидного сосуда, хотя на сосуде они обе были обращены в одном направлении (козерог на берлинской ручке смотрит вправо, а на парижской—влево), что указывает на существование двух сторон для обозрения сосуда, главной и второстепенной¹³³.

Как своим обликом, так и отдельными деталями козерог примыкает к произведениям ахеменидского искусства, точнее искусству V в. до н. э. Трактовка головы, морды характерна для ахеменидского искусства. Стилизация шерсти хорошо укладывается в общее развитие этого мотива на предметах ахеменидского времени. Человеческая маска у основания, считавшаяся долгое время изображением Спленя сейчас признана головой Беса, имеющего широкое хождение в ахеменидском искусстве¹³⁴. Интересно отметить, что это не первый случай обнаружения изображения Беса на территории Армении и сопредельных стран¹³⁵.

Тем не менее, уже в первых работах, посвященных изучению рассматриваемых ручек, было обращено внимание на ряд черт, несовместимых с принципом ахеменидского искусства, и объяснимых греческим влиянием.

Моделировка тела, головы, ног, разворот головы, наметка у основания, форма крыльев как нельзя лучше выдают это влияние.

Согласившись с наличием поваторских весний в трактовке статуэток, исследователи пришли к выводу о более поздней дате рассматриваемых ручек и отнесли их к первой половине—средине IV в. до н. э.¹³⁶

Форма крыльев, отдаленная от ранних образцов и напоминающая крылья птиц на намятниках IV в. до н. э.¹³⁷, а также изображение Беса, сходное с головой Беса на печати

из Ура IV в. до н. э.¹³⁸, подтверждают эту датировку. Не исключена возможность, что перед нами произведения, относимые к кругу греко-персидских работ, но в том новом понимании этого термина, который в него вложил М. И. Максимова, Г. Сейриг и Н. Никулина¹³⁹ и согласно которой она изготовлена местными или иранскими мастерами Малой Азии, работавшими в традициях иранского и малоазиатского искусства, но испытавшими некоторую долю греческого влияния.

Три серебряных кубка, найденных в Армении, хранящиеся в Британском музее (диам. 4,26 см)¹⁴⁰. Они имеют полусферическую нижнюю часть, переходящую в высокие косые края, завершённые отогнутым наружу венчиком (табл. XIII, 2). Это широко распространенная в ахеменидское и отчасти в раннеэллинистическое время форма, с характерным перехватом, представлена многочисленными примерами в глине, металле, а также на рельефах Персеполя.

Совместное изучение металлических и глиняных сосудов рассматриваемого типа, наглядно указывает на ведущую их форму в ахеменидское время.

Привлечение урартского материала, особенно наконившегося за последние годы, может с наглядностью показать урартские, а может быть и более древние на Армянском нагорье истоки этой ведущей для материальной культуры Армении и Закавказья формы.

Нет никакого сомнения, что все эти типологически однородные формы, выработанные в урартской керамике и терракоте в тесном взаимодействии с материальной культурой Ассирии¹⁴¹, имеют решающее значение при изучении истоков форм кубков, найденных на территории Армении.

В Британском музее хранится серебряная цилиндрическая коробочка с плоским дном и плоской круглой крышкой (диаметр сосуда 12,7 см), найденная около Ерзкана¹⁴² (табл. XIII, 1). Стены коробочки украшены гор-

¹³³ P. Amandry, *Traité de céramique* стр. 50, прим. 95. Вышеказанное в SPA, I, p. 370, прим. I сомнение относительно принадлежности ручек одному сосуду, не находит подтверждения.

¹³⁴ Там же, с. 50.

¹³⁵ Г. А. Тирацян, Некоторые черты материальной культуры Армении и Закавказья V—IV вв. до н. э., С. А., 1964, № 3, с. 71. Фигурка из насти, изображающая Беса, была найдена на Арин-берде и по мнению Б. Б. Пиотровского относится к послеурартскому, ахеменидскому времени.

¹³⁶ P. Amandry, *ук. соч.*

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ E. Porada, *Alt-Iran, Baden-Baden*, 1962, S. 166.

¹³⁹ Н. М. Никулина, Малоазиатская глинитика второй половины V—IV вв. до н. э. и проблема «восточногреческого» и «греко-персидского» искусства (автор. канд. дис.), М., 1966.

¹⁴⁰ O. M. Dalton, *ук. соч.*, fig. 72, с. 44—47.

¹⁴¹ M. Mallowan, *The treasures of Assurnazirpal II. The Illustrated London News*, July 29, 1950, pic. 7, 8; R. Hamilton, *ук. соч.* рис. 3а.

¹⁴² O. M. Dalton, *ук. соч.*, fig. 71, с. 43—44; H. H. von der Osten, *Die Welt der Perser*, 1956, табл. 72.

зонтальными каннелюрами. На лицевой стороне «крышки имеются остатки какого-то орнамента, на оборотной стороне выгравированы стоящие фигуры мужчины и женщины.

Горизонтальные каннелюры, покрывающие коробку, являются, как мы уже сумели убедиться, одним из излюбленных приемов торевтики ахеменидского времени и встречаются также на каменных и стеклянных сосудах.

Что касается изображения на крышке, то оно также находит полную аналогию в материалах ахеменидского времени. Фигуры стоящих мужчин и женщин часто встречаются в ахеменидском искусстве и фиксируются, как правило, какой-нибудь торжественный момент. Одежда мужчины широко распространена на иранских памятниках¹⁴³. Сходный головной убор в обилии представлен на монетах малоазиатских сатрапов и на резных камнях так называемого греко-персидского круга, на золотых пластинках амударьинского клада¹⁴⁴.

Сходные фигуры женщины встречаются на резных камнях «греко-персидского» круга¹⁴⁵. Лotosовый цветок в руках мужчины и женщины, имеющий, по-видимому, символическое и культовое значение¹⁴⁶ и встречающийся ранее на более древних памятниках Передней Азии¹⁴⁷, встречается постоянно и ахеменидское время на Персепольских рельефах¹⁴⁸, на предметах ювелирного искусства¹⁴⁹. Наконец, большие серьги в ушах женщины характерны также для ахеменидского времени¹⁵⁰.

На территории Армении найдены три фиалы из серебра—две орнаментированные, одна гладкая. Последняя и одна из орнаменти-

рованных фиал найдены около Эрзicana и находятся сейчас в Британском музее¹⁵¹ (табл. XI, 1: XIII, 3). Вторая орнаментированная фиала найдена, вероятно, в погребении около Эрзерума и хранится в Луврском музее¹⁵² (табл. XI, 2). Блюдо с гладкой поверхностью, без орнамента, низкое и неглубокое, имеет узкий, несколько отогнутый край (диам. 30 см). На его дне остались следы какого-то радиально расположенного узора, происходящего, по-видимому, от орнаментированного блюда, с которым оно вместе лежало.

Это обычные фиалы, кованные, по-видимому, из толстого листа серебра, с вогнутым внутрь омфалом (выступом) в середине. Они имеют округлое дно и отогнутые наружу гладкие края. Орнаментальная композиция занимает все пространство блюд от омфала до краев и состоит из трех элементов: ряда яйцевидных выступов-бутонов ниже гладкого края с острыми концами, обращенными к центру блюда, розетки, состоящей из листьев или лепестков, поднимающихся от омфала и заходящих своими острыми концами между выступами, и трехлепестковых пальметок, вернее цветков, расположенных между каждой парой яйцевидных выступов сверху. Яйцевидные выступы окаймлены неглубокими желобками, обрамленными, в свою очередь, неширокими рельефными поясками, благодаря чему выступы смыкаются в сплошной пояс. Верхняя половина этих обрамлений входит в схему вышеупомянутого цветка.

Найденные в Армении блюда по особенностям своих орнаментальных мотивов входят в выделенную Г. Лушьеом группу древних фиал с противостоящими выступами¹⁵³. Эта большая группа в свою очередь делится, главным образом по форме листьев, на ряд подгрупп, три из которых, особенно тесно связанные между собой, представлены в ахеменидское время¹⁵⁴ (около трех десятков экземпляров).

¹⁴³ F. Sarre, *Die Kunst des alten Persien*, Berlin, 1923, Tafel 43; O. M. Dalton, *ук. соч.*, Pl. XI, XV, 69; R. Ghirshman, *ук. соч.*, 115.

¹⁴⁴ A. Furtwängler, *Die antiken Gemmen*, Leipzig, Berlin, 1900, Bd. 1, табл. XI, 1, 2, 8, XII, 11, 13; O. M. Dalton, *ук. соч.* Pl. XIV, 48, 49, XV, 51, 69.

¹⁴⁵ A. Furtwängler, *ук. соч.* табл. XI, 6, 10, XII, 11.

¹⁴⁶ P. Junge, *Hazarapatist*, Klio, 1940, t. XXXIII (Neue Folge), XV, стр. 16.

¹⁴⁷ A. Parrot, *Assur*, fig. 43, 110, с. XIII.

¹⁴⁸ R. Ghirshman, *ук. соч.* fig. 215, 255; A. Godard, *ук. соч.* табл. 58, J. L. Huot, *ук. соч.* fig. 34, 35.

¹⁴⁹ H. Kantor, *ук. соч.*, Pl. VIa, fig. 10 C; O. M. Dalton, *табл.* XIV, XV.

¹⁵⁰ G. A. Тириция, *Некоторые черты материальной культуры Армении и Закавказья, V—IV вв. до н. э.*, С. А., 1964, №3, с. 69—70.

¹⁵¹ O. M. Dalton, *ук. соч.*, с. 44, Pl. XXIII, 180.

¹⁵² G. Migeon, *ук. соч.*, с. 17, 18; P. Amandry, *Argenterie d'époque achéménide*, Collection Hélène Stathatos III, Strasbourg, 1963, fig. 157, с; H. Lushey, *ук. соч.*, с. 42.

¹⁵³ H. Lushey, *ук. соч.*, с. 41—61.

¹⁵⁴ К рассмотренным Г. Лушьеом фиалам разного типа ахеменидского времени следует прибавить ряд образцов: A. Hatimi, *Persepolis, Pasargadae*, p. 60 (7000 Years of Iranian Art, New York, 1964—1965, No 450, p. 152); J. L. Huot, *Iran I*, Geneve, 1965, табл. III;

Одна подгруппа, характеризующаяся сравнительно широкими гладкими лепестками, образована находками из Сирии, Кипра, Приуралья, юга Причерноморья, Грузии, Ирана¹⁵⁵.

К данному списку можно добавить ряд образцов из других материалов: из Персеполя—стекло¹⁵⁶, Кипра—серебро, Синопы—серебро¹⁵⁷ и из Приуралья (Юрузань и Зуево)—бронза¹⁵⁸.

Вторая подгруппа характеризуется узкими, не примыкающими друг к другу листьями и представлена в основном находками из Северной Сирии¹⁵⁹ (Деве-уюк, Алеппо, Кархемиш). К этому списку можно добавить стеклянную чашу из Алгети (Грузия)¹⁶⁰ и, с некоторыми оговорками, стеклянную чашу из Литичного отдела Гос. Эрмитажа¹⁶¹.

Третья подгруппа, в которую входят и рассматриваемые два блюда из Армении, характеризуется остроконечными листьями, имеющими продольное среднее ребро, и представлена находками из Малой Азии, Египта и Приуралья¹⁶².

Датировка найденных в Армении фиал представляет некоторые трудности, так как обстоятельство их находок остаются неизвестными. Так, например, нет полной уверенности, образуют ли предметы, значившиеся из Ерзнка, в том числе и одна из орнаментированных фиал, единый комплекс. Тем не менее интересно отметить, что все эти предметы (ритон, коробка, фиалы) могут относиться к одному и тому же времени—V в. до н. э. с незначительными хронологическими отклонениями. О второй фиале мы знаем, что

она найдена в Эрзеруме¹⁶³, в погребении¹⁶⁴, но каких-нибудь дополнительных данных о ее датировке мы не имеем.

Стилистический и типологический анализ, проведенный в свое время Г. Лушем, заставляет его остановиться на середине V в. до н. э. как на наиболее вероятной дате фиал, найденных в Армении, более ранним образцом для них может считаться блюдо из Малой Азии (Дюздние)¹⁶⁵, а более поздним—блюдо из Прохоровки¹⁶⁶ и Египта¹⁶⁷. На такую же дату указывает, по мнению Лушея и сравнение фиал из Армении с так называемыми чашами Артаксеркса несколько отличающимися своей орнаментальной схемой, но очень близкие по всем остальным признакам. Независимо от имеющейся на них надписи они датируются серединой V в. до н. э.¹⁶⁸ Не исключена однако и несколько более поздняя датировка, особенно Ерзниканской фиалы—второй половины V в. до н. э., проявляющей много сходных черт с изделиями IV—III вв. до н. э., какими являются блюда из Прохоровки и Северного Причерноморья (собр. Ханенко)¹⁶⁹.

Перечисление всех находок основных типов фиал с противостоящими выпуклками, показывает, что по крайней мере шесть из них были найдены на территории Армении, Грузии и южного Причерноморья. Известно, что на этой же территории были найдены еще многие другие фиалы, но иного типа. Если к этому чис-

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ G. Migeon, ук. соч., с. 17.

¹⁵⁷ E. Herzfeld. Eine Silberschüssel. Artaxerxes I Archäologische Mitteilungen aus Iran. B. VII, Berlin, 1935, Tafel IV.

¹⁵⁸ М. Ростовцев, Курганные находки Оренбургской области, Материалы по археологии России, № 37, табл. 1, 2.

¹⁵⁹ E. Verrier Bijoux et orfèvrerie, Le Caire, 1927, T. CVIII. CIX, W. von Bissing, Metallgefäße, (Catalogue du Musée du Caire), Vienne, 1901, Tafel III; A. Hasting, A silver bottle of the ptolemaic period. Bulletin of the Metropolitan Museum of Art, v. XXXIII, No 9, 1938, fig. 1.

Следует однако учесть, что отдельные предметы из Таунс-Мендеса, дельты Нила, а также Тух-эл Гармуса имеют точные аналоги в хорошо датированных V в. до н. э., даже его первой половины, комплексах Грузии (Кеанское ущелье, Ахалгорн). См. Г. А. Тирицян, К вопросу о торевнике и ювелирном деле, с. 197—198, прим. 42.

¹⁶⁰ H. Luschey, ук. соч., с. 51.

¹⁶¹ А. А. Нессен, ук. соч., с. 218.

L. Vanden Berghe, ук. соч., табл. 124 A. Godard, L'art de l'Iran ancien, Paris, 1962, Pl. 76, Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триаleti, Тбилиси, 1941, табл. VII. R. Amandry, Argenterie d'époque achéménide. Collection Stathatos III, Strasbourg, 1963, p. 262, Note 2.

¹⁵⁵ Там же, с. 41—42.

¹⁵⁶ E. Schmidt, Persepolis II, Pl. 67, 3.

¹⁵⁷ P. Amandry, ук. соч., fig. 156, Pl. XXXVII, fig. 157b.

¹⁵⁸ А. А. Нессен, Ранние связи Приуралья с Ираном, С. А., XVI, 1952, p. 14.

¹⁵⁹ A. Luschey, ук. соч., с. 42.

¹⁶⁰ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триаleti, табл. VIII.

¹⁶¹ «Художественное стекло» (альбом), Л., 1967, № 3.

¹⁶² H. Luschey, ук. соч., с. 42.

лу фиал добавить небывалую концентрацию находок предметов торевтики и ювелирного искусства ахеменидского времени на данной территории, то возникает вопрос о существовании местного производства, хотя бы части найденных здесь предметов, в том числе и фиал.

Истоки рассмотренных фиал Лушей видит в ассирийских типах¹⁷⁰. Находки в кладовых Асура указывают на основные этапы развития чаш с противостоящими выступами¹⁷¹, однако, известные нам по раскопкам урартских центров металлические и глиняные фиалы, и особенно богатая коллекция с орнаментировкой, заставляет критически отнестись к рассмотрению Ассирии как единственного центра производства этого вида посуды.

Интересно отметить, что параллельно с металлическими фиалами урарты изготавливали и глиняную сходную посуду. Благодаря раскопкам Арин-берда и Армавира имеется интересная коллекция глиняных чаш, украшенных резными узорами, в том числе и выпуклыми. Среди них особое значение имеют несколько экземпляров, близких к фиалам с противостоящими выступами¹⁷². Тем не менее, для рассматриваемого вопроса главный интерес представляют урартские металлические образцы.

На Кармир-блуре, в 1954 и 1956 гг. были найдены чаша и блюдо типа фиал с противостоящими выступами и радиально расположенными листьями, чаша с гладкими листьями¹⁷³, блюдо с листьями, имеющими срединное ребро (хранятся в Историческом музее Армении). Эти находки, как нам кажется, имеют большое значение для выяснения вопроса об истоках основных типов фиал, встречающихся в ахеменидское время на территории Армении и сопредельных странах. И на самом деле, если найденные в Ерзкане и Эрзеруме фиалы по своему типу восходят к кармирблурскому блюду, то ахалгорийская фиала с противостоящими выступами и гладкими листьями примыкает к найденной на Кармир-блуре чаше, чем подтверждается высказанное в свое время Г. Лушеем предположе-

ние о связях ахалгорийских вещей с металлургическими центрами Армянского нагорья¹⁷⁴.

Во время первой мировой войны, в Хасанкале около Эрзерума, в каменном склепе разрытого кургана, была обнаружена золотая гривна, украшенная на концах головами львов (табл. XIV, 2). Предмет утерян, но сохранилась фотография в издании С. В. Тер-Аветисяна¹⁷⁵. Привлеченный при исследовании сравнительный материал выявляет типологические, иконографические сходства с хасанкалинской гривной¹⁷⁶.

Особенно наглядными в этом смысле являются устанавливающиеся параллели между некоторыми Сраслетами и гривнами амударьинского клада с рассматриваемым предметом. Несколько сложнее представляются вопросы, связанные с стилистической характеристикой гривны.

Голова льва гривны из Хасанкале во многом лишена как будто характерного стилистического приема ахеменидского искусства. Уже сама структура головы несколько иная, более расплющенная, продолговатая, с более мягкими чертами. Наблюдается большое внимание к анатомической правде, достигнутой в ущерб декоративному эффекту. Отличается и прием изображения гривны — вместо встречающихся повсеместно стилизованных локонов здесь имеются более или менее длинные, параллельные прямые пряди¹⁷⁷. Этим своим чертами хасанкалинская гривна приближается к изображению животных раннеэллинистического времени, IV—III вв. до н. э., отличающихся своим более реалистическим обликом, более богатой моделировкой. Ряд ювелирных изделий раннеэллинистического времени, главным образом браслеты и гривны с изображениями животных, могут подтвердить правомерность такого сопоставления¹⁷⁸.

¹⁷⁴ Н. Lushey, ук. соч. стр. 51.

¹⁷⁵ С. В. Тер-Аветисян, Курганы Хасанкале. Изв. Кавказского историко-археологического института, т. IV, Тбилиси, 1926, таб. II.

¹⁷⁶ Г. А. Тирацян, К вопросу о торевтике и ювелирном деле Армении в ахеменидское время. ИФЖ. 1969, № 1.

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ С. Carducci, Ori e argenti dell'Italia antica, Milano, 1962, Taf. 37, a, p. XVI (IX в. до н. э.); Н. Hoffman, P. Davidson, Greek gold jewelry from the age of Alexander, Boston, 1965, fig. 27, 53a, Pl. IV, (IV—III вв. до н. э.); R. A. Higgins, Greek and roman jewelry, London, 1961, Pl. 51 (II—I вв. до н. э.).

¹⁷⁰ Н. Lushey, ук. соч., с. 45 и след.

¹⁷¹ Там же, Abb. 13—17.

¹⁷² Г. А. Тирацян, Урартская цивилизация и ахеменидский Иран, с. 160; С. И. Ходжаш, Керамика Эрбунни. Сообщения Гос. Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, IV, М., 1968, с. 136. Табл. 1, 2.

¹⁷³ Г. А. Тирацян, там же, с. 161.

Эти сопоставления, таким образом, показывают, что гривна из Хасан-кале, несмотря на свои типологические связи с ахеменидским искусством, стилистически входит в сферу предметов раннеэллинистического времени IV—III вв. до н. э.

Следует указать на то, что, по мнению Я. И. Смирнова, гривна датируется III—II вв. до н. э., и что она является произведением не восточного, а эллинистического искусства¹⁷⁹. Раннеэллинистическим временем датировал этот предмет во время личной беседы и проф. Страсбургского университета П. Амадрий.

При раскопках Армавирского холма была найдена золотая пектораль месяцевиной формы¹⁸⁰ (табл. XIV, 1). Концы ее изображают обращенных в противоположные стороны птиц, между которыми помещены схематизированные изображения трех деревьев. Вся нижняя часть пекторали окаймлена рядом чередующихся цветков и бутонов лотоса. Примечательно, что все эти изображения переданы при помощи инкрустации разноцветных камней, вставленных в специальные ячейки.

Сходные по форме пекторали известны в Ассирии, Манае и Урарту. Особенно большой интерес представляют урартские нагрудные украшения, будь то сами предметы, найденные во время раскопок или их изображения на урартских статуэтках. Это наиболее многочисленная группа древневосточных пекторалей, сходная по форме и размерам с Армавирской.

Однако тщательное изучение пекторали показывает, что по ряду признаков она была позднего времени и, по всей вероятности, относится к кругу изделий ахеменидского времени. Украшение инкрустацией—характерная черта для ювелирных изделий ахеменидского Ирана, и как по своим техническим, так и по своим художественным признакам перекликается с украшениями армавирской пекторали. Изучение пекторали в связи с произведениями ахеменидского искусства позволяет выделить общие мотивы и стилистические детали. Изображение на пекторали птицы, по всей вероятности голуби, встречаются часто на иранских памятниках ахеменидского времени, причем напращиваются параллели как между отдельными деталями (передача оперения в виде чешуек,

всереобразный хвост, характерная изогнутость крыльев), так и между общей геральдической позой птиц. Остальные мотивы деревьев, лотосового цветка и бутона находят также свое подтверждение в памятниках ахеменидского искусства Персеополя и Суз.

Если по своему общему облику и стилю армавирская пектораль может войти в круг ахеменидского искусства, то это не означает, что она непременно изготовлена на территории самого Ирана.

Как мы увидим, месяцевидное нагрудное украшение уже было известным в урартский период¹⁸¹. В это же время была распространена и техника инкрустаций. Нет ничего удивительного следовательно в том, что армавирская пектораль могла быть изготовлена в Армении, на той территории, где в предшествующий, урартский период расцвела техника и ювелирное искусство. В этой связи небезынтересно указать, что анализ золота армавирской пекторали совпадает по своим основным признакам с данными о золоте Зодских рудников на юго-востоке Сванского озера, разработка которых засвидетельствована начиная с эпохи бронзы.

Если после рассмотрения всех предметов данной коллекции попытаться подвести некоторые итоги, то станет ясным, что эта коллекция в целом отражает признаки искусства ахеменидского времени. Изображения животных (на ритонах, амфоровидных сосудах, гривне) и птиц (на пекторали) хорошо увязываются с характерным для искусства ахеменидов так называемым звериным стилем, восприимчивым в самом широком его смысле.

Поперечные стволы канелюр на кубках ритонов, гофрированные рога грифонов и львов, широкое применение позолоты и инкрустации при помощи цветных камней сближаются с некоторыми техническими приемами декоративки ахеменидского искусства.

Наконец, непосредственная стилистическая связь, а порой и тождество между предметами прикладного искусства и памятниками монументального искусства, наблюдаемые на примере ряда предметов данной коллекции, также являются чертой, характерной для ахеменидского искусства.

¹⁷⁹ С. В. Тер-Аветисян, ук. соч., с. 74.

¹⁸⁰ Г. А. Тирицян, Золотая пектораль из Армавира (Армения), С. А., 1968, № 4, с. 190—198.

¹⁸¹ Г. А. Тирицян. К вопросу о тюретике и ювелирном деле Армении в ахеменидское время. См. еще А. Tasyurek, Urartian Jewelry and needles in the Adana regional museum. Turk arkeoloji Dergisi Sayı, XXII, 2, 1975, табл. 1.

Вместе с тем, в результате все более интенсивного изучения урартской культуры, создалась возможность для более разностороннего подхода к найденным на территории Армении предметам—торевтики и ювелирно-искусства—ахеменидского времени.

По ходу изложения мы убедились в необходимости и правомерности привлечения урартского материала, проливающего новый свет на ряд вопросов, связанных с изучением

представленной коллекции. Типологические соответствия между отдельными урартскими предметами и найденными на территории Армении предметами ахеменидского времени, а также наметившиеся стилистические точки соприкосновения недвусмысленно указывают на наличие прямых связей между некоторыми отраслями урартской и армянской металлургии.

ГЛАВА V

ГЛИПТИКА

Рассматриваемые в данной главе печати изготовлены из камней разных пород и из стекла, и по форме делятся на два основных типа—многогранники и скарабеонды¹. Число печатей уже превышает два десятка. Карта их находок, включающая многочисленные районы Армении, говорит о их распространении в древнее время (Араратская равнина—Армавир, Арташат, Двин, Ошакан, ее предгорье—Гарни, Такна, Ширак—Ленинакан, Магмиджух, Севанский бассейн, Разданский район—Атарбекян, Западная Армения—Эрзерум, Ван). Изучая форму раннеармянских и даже эллинистических печатей, особенности и стили изображений на них, ученые неизбежно обращаются к искусству Малой Азии, в первую очередь к ее глиптике, где находятся прямые аналоги рассматриваемых предметов.

Один из крупнейших исследователей античной глиптики А. Фуртвенглер впервые выделил из совокупности греческих гемм эпохи свободного стиля две стоящие особняком группы, связанные между собой, как выяснилось в дальнейшем, формой (многогранники и скарабеонды) и местом изготовления (западная Малая Азия)². Печати первой группы, названные А. Фуртвенглером греко-персидскими, были изготовлены, по его мнению, греческими мастерами, обслуживавшими пер-

сидских заказчиков, и сюжеты печатей отвечают их требованиям. Что касается второй группы, названной восточногреческими, то, как показал А. Фуртвенглер, они выполнены греческими мастерами малоазийских греческих городов и имеют черты, характерные для памятников ионийского искусства. Следует отметить, что, несмотря на показанную в дальнейшем спорность выдвинутых Фуртвенглером положений, они вышли за рамки узкой проблемы, связанной только с глиптикой, поставили вопрос о «греко-персидском» круге более широко, привлекая некоторые произведения торевтики, соединяющие в себе элементы греческого и персидского искусства³. Точка зрения Фуртвенглера нашла живой отклик среди исследователей. Одни защищали ее, другие опровергали, и, как нам кажется, не без оснований. Американская исследовательница Дж. Рихтер попыталась подкрепить выводы Фуртвенглера, исходя из данных найденной в Сузах стронтовой издипсе Лария, свидетельствующей о том, что в стронтовых работах и прежде всего в создании ахеменидских рельефов, участвовали ионийские, греческие мастера⁴.

³ Н. М. Никулина, Малоазийская глиптика второй половины V—IV вв. до н. э. и проблема «восточногреческого» и «греко-персидского» искусства (Автореф. канд. дис.), М., 1966, с. 7; *ее же*, К вопросу о «восточногреческом» и «греко-персидском» искусстве (по материалам глиптики V—IV вв. до н. э.), ВДИ, 1969, № 3, с. 106 и след.

⁴ G. M. A. Richter, The Late "Achaemenian" or "Graeco-persian" Gems, *Hesperia Suppl.* VIII, 1949, с. 291—298.

¹ Г. А. Тиранян, Армянская культура VI—IV вв. до н. э., История армянского народа, т. I, Ереван, 1971, с. 477—478; *его же*, Опыт периодизации истории материальной культуры древней Армении (VI в. до н. э.—III в. н. э.), ИАНОН, 1957, № 2, с. 81—82.

² A. Furtwängler, Die antiken Gemmen, т. III, Leipzig-Berlin, 1900, рис. 116.

Однако со временем появились работы, в которых основные положения Фуртвенглера были подвергнуты критике (Ж. до Фовиль, А. Моортгат и особенно Т. Н. Киппович)⁵. Эти работы обобщены в фундаментальном исследовании М. И. Максимовой, пришедшей в результате развития их идей к выводу, прямо противоположному положению А. Фуртвенглера⁶. Он заключается в том, что резниками греко-персидских камней были персидские мастера, жившие в Малой Азии при дворах персидских владык и местных князей и испытавшие сильное влияние греческого искусства и его образцов. Стиль этих произведений, по мнению М. И. Максимовой, имеет смешанный характер, отдаляющий их от чисто персидских печатей, однако в своей основе он остается персидским. Камни «греко-персидской» группы она датирует столетним периодом от 430 до 330 гг. Как в указанной работе, так и в последующих, М. И. Максимова обосновала мысль о создании в то же время на территории Малой Азии стилистически единой группы печатей, отличной от «восточно-греческих» и «греко-персидских»⁷. Эти положения нашли поддержку в работах А. Серига, В. В. Павлова и др.

Проблема в целом была подвергнута тщательному исследованию в трудах Н. М. Никулиной, сделавшей вывод, что «греко-персидские» геммы нельзя считать произведениями ни греческих, ни персидских мастеров⁸. Они возникли в русле искусства малоазийских народностей, входивших в состав Ахеменидской державы, испытавшего на себе влияние как персидского, так и греческого искусства. Стиль этих печатей и стиль «греко-персидского» искусства в целом правильнее называть поэтому «малоазийско-греко-персидским».

Переходим к рассмотрению глиптики Армении ахеменидского и эллинистического времени; оно обнаружит прямые и опосредство-

ванные контакты между глиптикой и резными камнями Малой Азии независимо от стилистической принадлежности последних.

Одна из многогранных печатей, изготовленная из желтоватого камня, найдена вместе с египетским скарабеем у Армавирского холма⁹ (табл. XV, 3). На нижней гладкой стороне печати вырезано занимающее всю ее изображение всадника. В поднятой на уровне головы руке он держит копье, приготовившись к броску. Хотя всадник показан в действии, на охоте или в бою, и изогнутые ноги коня должны указывать на его бег, изображение в целом оставляет впечатление торжественной статичности. Фигура коня моделирована обобщенно и в какой-то мере статуарно, хотя отмечены некоторые детали—грива, часть сбруи, хвост. Всадник, с его маленькой головой в виде кружка и несоразмерно длинной шеей, передан более грубо. Изгиб руки довольно неестественный и непонятно, какую руку он поднимал, правую или левую. Иконографически армавирский многогранник, несомненно, тяготеет к «греко-персидским» камням¹⁰, хотя стилистические черты роднят его с камнями малоазийского местного происхождения¹¹.

Следующий многогранник найден в кувшинном погребении в Двине; изготовлен из зеленоватого камня, вероятнее из стекла¹² (табл. XV, 7). На нем изображена сцена боя всадника с пешим при помощи коня. На первом плане всаднику помогает собака. Сюжет изображения, его композиционные особенности с первого взгляда вызывают в памяти «греко-персидские» камни¹³. Фигура коня с приподнятыми передними ногами, положенные копыта, которым всадник пытается поразить пешего, характерный изгиб тела последнего, сопровождающая всадника собака тоже напоминают стилистические приемы «греко-

⁵ Т. Н. Киппович, «Греко-персидские» резные камни Эрмитажа, Сборник Гос. Эрмитажа, вып. III, 1926.

⁶ М. А. Максимова, Die Griechisch-perische Klein-kunst in Kleinasien nach den Perserkriegen, Archäologischer Anzeiger, 34.

⁷ М. И. Максимова, Стеклопечать многогранных печати, найденные на территории Грузии, Изв. Ин-та языка, истории и материальной культуры им. акад. Н. Я. Марра, X, 1941, с. 75—92.

⁸ Н. М. Никулина, К вопросу о «восточно-греческом» и «греко-персидском» искусстве.

⁹ С. Тер-Акопян, Вторая армавирская греческая надпись, Материалы по истории древней Армении, Ереван, Тр. Ин-та истории культуры Армении, т. I, Ереван, 1935, рис. 3а; Б. Б. Пиотровский, Древнеегипетские предметы, С. А.; 1958, № 1; Б. Н. Аракелян, Очерки по истории искусства древней Армении, Ереван, 1976, табл. 6.

¹⁰ А. Фуртвэнглер, ук. соч., том II, табл. XI, 13.

¹¹ Там же, табл. XI, 5, XI, 15, XII, 17.

¹² К. Г. Кафадарян, Город Двина и его раскопки, Ереван, 1952, с. 82, рис. 57 (на арм. яз.).

¹³ Ж. Д. Хачатрян, Многогранные печати, найденные в Армении, ИФЖ, 1965, № 1, с. 273, рис. 1.

персидского» искусства¹⁴. Однако в целом печать следует причислить к изделиям местных художественных школ: об этом говорит в общем грубое качество работы, суммарная трактовка фигур, несоразмерность изображений, например, маленький по сравнению с остальными фигурами, как будто игрушечный конь¹⁵.

Большой интерес представляет другой, сердоликовый, многогранник из Двина, на нижней гладкой стороне которого вырезана сцена борьбы всадника с пешим. Как известно, эта тема была очень популярна в «греко-персидской» глиптике¹⁶. Композиционно сцена выгодно отличается от подобных сцен на многих «греко-персидских» камнях удачным расположением фигур и свободной их трактовкой. Особенно хорошо это видно на примере живо переданного коня: передние ноги не вытянуты, как обычно, а естественно согнуты. Напряженность коня выявляет особенности его тела. Эта рассматриваемая печать напоминает даже восточно-ионийские произведения, но следует сразу же оговориться, что довольно грубое исполнение некоторых деталей—голов сражающихся, рук, ступней ног и т. д. снижает художественные достоинства резного камня. Все же целый ряд «греко-персидских» черт¹⁷ не оставляет сомнений в том, что и стилистически этот многогранник относится к указанной группе.

Многочисленнее найденные в Армении каменные скарабеонидные печати. Скарабеонд из Атарбекяна, изготовленный из желтоватого камня имеет на нижней поверхности сильно стилизованные изображения оленей в ге-

ральдической позе с ветвистыми рогами (табл. XVI, 2)¹⁸. Изображения не имеют аналогов в «греко-персидской» глиптике, поэтому в них следует усматривать следы влияния каких-то местных художественных течений. Иконографически им ближе геральдические козероги на микенском резном камне¹⁹.

На чернокаменном скарабеонде из Такин изображено фантастическое бегущее животное²⁰ (табл. XVI, 3). Тематически явно перекликаясь с изображениями на греко-персидских резных камнях²¹, оно очень сильно отличается от них стилистически. Правильно указывают, что трактовка животного, его острые когти, хвост и своеобразная голова возможно с длинными ветвистыми рогами, напоминают рисунки на кавказских бронзовых поясах²². Мы не ошибаемся, если скажем, что стиль этой печати восходит к памятникам первобытного искусства, распространенным на более широкой территории и имеющим общие черты²³. Интересно, что стилистически близкие изображения животных есть на расписной чаше, найденной в послехеттском, фригийском слое Алишара-Уюка²⁴.

Скарабеонд из халцедона с прекрасным изображением бегущего медведя был найден Е. Лалаяном на берегу озера Севан²⁵ (табл. XVI, 8). Уже при первом знакомстве с ним ясно, что это привозной камень восточно-ионийского происхождения. Неоднократно от-

¹⁴ A. Furtwängler, ук. соч., табл. XI, 2, 3, 9, табл. XII, 14, 17; G. M. A. Richter, Late, „Achämenian“ or „Graeco—perstan“ gems, Hesperia, VIII, (Supplement), 1944, табл. 32, 3, табл. 34, 4; R. Ghirshman, Village perse-achéménide, Paris, 1951, табл. 22, 2.

¹⁵ М. И. Максимова, Стекланные многогранные печати, найденные на территории Грузии, Изв. Ин-та языка, истории и материальной культуры им. акад. И. Я. Марра, Тбилиси, 1941, X, с. 90, рис. 13. См. примеры малоазийского искусства; H. Metzger, Anatolia II, Genève, 1969, табл. 41.

¹⁶ A. Furtwängler, ук. соч., XI, 9, 15, XII, 17, 18; Т. А. Книпович, «Греко-персидские резные камни Эрмитажа», Сб. Гос. Эрмитажа, III, 1926 табл. III, 1.

¹⁷ A. Furtwängler, ук. соч., табл. XI, 15, XII, 17; L. Delaporte, Catalogue des cylindres orientaux (Musée du Louvre), том II, Paris, 1923, табл. 107, 32.

¹⁸ А. О. Мнацаканян, Раскопки могильников у селения Атарбекян в Армянской ССР, КСИИМК, 1955, 60, рис. 9; 2.

¹⁹ A. Furtwängler, Beschreibung der geschnittenen Steine im Antiquarium, Berlin, 1896 табл. I, 35; С. М. Казиев, Альбом кувишских погребений, Баку, 1960, табл. X, IV.

²⁰ А. О. Мнацаканян, ук. соч., рис. 9; 5.

²¹ См. например М. I Maximowa, Griechisch-perische Klein Kunst in Kleinasien nach den Perserkriegen. Archäologischer Anzeiger. 1928. 3/4, табл. 27.

²² А. А. Мартиросян, Город Тейшебаини, Ереван, 1961 с. 148, (С. М. Казиев, ук. соч., табл. XLIV).

²³ W. Lucke, O. H. Frey, Die Situla in Providence. (Rhode Island). Römische-germanische Forschungen, Berlin, 1962, рис. 26; J. Potratz, Die Skythen in Südrussland. Basel, 1963, рис. 63. Enciclopedia dell'arte antica classica e orientale, vol. V, 1963, с. 922, рис. 760.

²⁴ The Alishar Hüyük (Season of 1930—1932), р. II, табл. VIII и с. 357, рис. 407, р. III, рис. 42 и табл. X

²⁵ С. В. Барнавели, К двум геммам (геммы из Гокчи в Пртена) Сообщ. АН Груз. ССР, том VI, № 7, 1945.

мечалось, что излюбленным мотивом «греко-персидской», да и восточно-ионийской глиптики являются бегущие животные. Особенно часто встречается бегущий медведь, изображенный, как на рассматриваемом скарабеоиде, вытянутым, почти распластанным²⁵. Стилистически это изображение близко «восточно-греческим» произведениям с их свободным расположением фигур, прекрасной моделировкой и безупречной передачей деталей.

Следующий скарабеоид пронесходит из Двина и изготовлен из камня желтоватого цвета (табл. XVI, 6). На нижней его поверхности изображен всадник двух воинов, держащих над головой копье, а в другой руке щит. Работа отличается общей грубостью и несовершенством, фигуры похожи на деревянных кукол с круглыми головами, держащимися на стержневидных шеях; у них несуразные тела без всяких следов моделировки, несестественно поднятые согнутые руки в виде петель и короткие ноги. В композиции, стремящейся к строгой симметричности, видна та же примитивность и условность. Эта печать представляет собой образец местного искусства Армении, имеющий стилистическую общность с местными малоазийскими камнями²⁸.

Найденный в Западной Армении²⁹ скарабеоид из сердолика, хранящийся в Гос. Эрмитаже отличается тем, что имеет изображение не только на плоской, но и выпуклой стороне (табл. XVI, 9). На первой вырезан лежащий баран с длинными закрученными рогами и непропорционально малый по сравнению с бараном лев, прыгающий ему на спину. Такой сюжет часто встречается в «греко-персидской» глиптике, но здесь резчик отступил от обычной схемы. Поэтому прав В. В. Павлов, говоря, что композиция этого изображения «сводится как бы к двум позорно задуманным животным»³⁰. На выпуклой

стороне камня изображен мчащийся всерь, сверху и снизу которого идет арамейская надпись: «печать (амулет), принадлежащая Митрачитре»³¹. Двустороннее изображение на этой печати делает ее, как считают, необычной, хотя следует заметить, что подобные включения встречаются среди резных камней «греко-персидского» и восточно-ионийского круга³². По стилю изображения на обеих сторонах печать относится к «греко-персидским» камням в новом понимании этого термина у Н. М. Никулиной, справедливо указывающей на их малоазийскую основу³³.

Серию каменных печатей завершают скарабеоиды из Гарни, Ошакана, Сиссана и Вардакара³⁴, изготовленные из фалседона, горного хрусталя и сардонна. На них изображены сцены единоборства ахеменидского царя со львом, копыносца с медведем, грека с персом, за которым стоит медведь; на одном изображена сидящая богиня с львиной головой. Единоборство царя со львом, медведем или чудовищем — широко распространенный в ахеменидском искусстве мотив, о чем свидетельствуют и персепольские рельефы. Встречается он также на произведениях глиптики — царь в зубчатой короне поражает мечом стоящего на задних лапах льва³⁵. Таким образом, как по иконографии, так и по стилистике изображения на скарабеоиде из Вардакара он относится к собственно ахеменидской глиптике³⁶. Вторым образцом печати чисто персидского стиля, по-видимому,

²⁵ Н. П. Вишиков, Об одной арамейской печати в собраниях Гос. Эрмитажа в Ленинграде, Краткие сообщения Ин-та народов Азии, 86. История и филология Ближнего Востока, М., 1965, с. 18—10; В. В. Павлов, ук. соч., стр. 334, прим. 28.

²⁶ А. Furtwängler, ук. соч., табл. XII, 8, 9, 38, 39.

²⁷ Н. М. Никулина, К вопросу о «восточногреческом» и «греко-персидском» искусстве (по материалам глиптики V—IV вв. до н. э.), с. 116.

²⁸ Б. Н. Аракелян, Очерки по истории искусства древней Армении, табл. XLIX, 6, 7, 8, с. 32—33; Ж. Д. Хачатрян, Замечания о глиптике Армении эллинистического времени, ВОНАН, 1974, № 7, рис. 2; О распространности скарабеоидов «греко-персидского» стиля говорят и находки из Средней Азии, Кой-Кылыган кала, Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. V, М., 1967, с. 215—219, рис. 81—82.

²⁹ М. J. Maximova, ук. соч., рис. 20.

³⁰ Б. Н. Аракелян, ук. соч., с. 32.

²⁵ М. J. Maximova, соч. рис. 27d, L. Delaporte, ук. соч., табл. 107, 39 с; P. Zazoff, Gemmen der Privatsammlung Dr. Janitz, Archäologischer Anzeiger, 1963, Heft 1, табл. 3, 11.

²⁷ К. Г. Кафадарян, ук. соч., рис. 57.

²⁸ М. J. Maximova, ук. соч., с. 675; М. Н. Максимова, ук. соч., с. 78, 83, 88, 89 и дальше.

²⁹ К. В. Тревер, Очерки по истории культуры древней Армении, М.—Л., 1953, с. 174; В. В. Павлов, К вопросу о малоазийской глиптике, «Древний Мир», М., 1962, рис. 43, 6—7, с. 333—334.

³⁰ В. В. Павлов, там же, с. 334.

следует считать неизданный резной камень из Вана, хранящийся в Государственных музеях в Берлине. Скарабеонд из Сиснапа причисляется к «греко-персидским»³⁷, а скарабеонды из Гарни и Ошакана к местным произведениям³⁸.

За последние годы увеличилось также число найденных в Армении стеклянных печатей, многогранных и скарабеондных, число которых сейчас перешло за несколько десятков³⁹. Анализ содержания и стиля изображений на них недвусмысленно показывает, несмотря на некоторый хронологический разноряд, их принадлежность к тому же культурному кругу, к которому отнесены рассмотренные выше каменные печати. Многие стеклянные печати имеют изображения животных—на двух скарабеондах из Гарни и Махмнджух изображен идущий вправо лев (табл. XVI, 1, 4), на двух других (из Такни и Гехамских гор)—собака (табл. XVI, 7), на двух многогранниках—птица на спине бегущего оленя и коня (табл. XV, 4), имеются многогранники с изображениями коня и жеребца, многогранник, на котором лев преследует оленя, многогранник и скарабеонд с изображением борьбы человека со львом и вепрем и многогранник со сценой поединка между всадником и пешим (табл. XV, 1, 5, 7). Изображениям на этих печатях, в отличие от «грекоперсидских» и восточно-греческих, свойственны грубость выполнения и некоторая примитивность композиции. Бросятся в глаза скованность фигур, непропорциональность отдельных из них. Вместе с тем фигуры собаки и особенно львов с разинутой пастью непосредственно восходят к ахеменидским прототипам.

Давно высказана мысль, что стеклянные печати являются копиями каменных⁴⁰. В этой

связи очень важно то, что найденные в Армении стеклянные печати аналогичны печатям соседних районов не только по тематике и стилю своих изображений, но и в композициях, отдельных деталях, размерах фигур. Многогранники из Гарни, Ленинанкана, Арташата, Махмнджуха имеют точные аналоги в иберийском материале⁴¹. Скарабеонды с изображением льва и собаки встречаются в древних погребениях Албании⁴². Все эти совпадения неслучайны, и права М. Лордкипанидзе, считающая их «вещественным подтверждением массового производства и систематического применения одной и той же формы для отливки»⁴³.

Вопросы датировки каменных и тем более стеклянных печатей требуют пристального внимания. Как ни странно, из немногим менее полутора десятков каменных печатей только одна найдена в погребении V—IV вв. до н. э. (Атарбекян). Остальные или являются случайными находками, или происходят из погребений эллинистического времени. Но все эти печати, объединенные сходными чертами, общностью формы, сюжетов и стиля, несмотря на отличия в деталях, обнаруживают разительные соответствия в датироваемых V—IV вв. до н. э. хорошо известных западно-малоазийских, так называемых «грекоперсидских» и «восточно-ионийских» групп камней. Не вызывают сомнений в своей датировке Двина и многогранник из Армавира, скарабеонды из Такни и Атарбекяна, многогранники из Двина и многогранник из Армавира, скарабеонды из Западной Армении и из Вардакара. По видимому, камни, найденные в более поздних погребениях эллинистического времени, тоже изготовлены в это время.

Сложнее проблема датировки стеклянных многогранников, обнаруженных в последние годы, большинство из которых найдено в погребениях позднеэллинистического времени и даже в погребении I в. н. э. Это обстоятельство, конечно, не может быть обойдено, тем более, что ранних образцов таких печатей нет или они очень редки. Из обнаруженных на территории Армянской ССР стеклянных многогранников самым ранним сле-

³⁷ Ж. Д. Хачатрян, ук. соч., с. 100.

³⁸ Б. Н. Аракелян, ук. соч., стр. 32.

³⁹ Б. Н. Аракелян, ук. соч., табл. L; Ж. Д. Хачатрян, ук. соч., рис. 1, 5, 6; его же, Многогранные печати, найденные в Армении, ИФЖ, 1965, № 1, рис. 2, 3, 4, 5; С. Есалян, А. Калаятарян, Античный некрополь Ошакана, ВОНАН, 1976, № 12, табл. IV, 2, II; А. А. Мартиросян, Р. М. Торосян, К. К. Кафадарян, В. Р. Исраелян, Л. А. Петросян, Водохранилище Аринтихинили и некоторые вопросы урартского гидростроительства, ВОНАН, 1976, № 10, рис. 3; В. Г. Алиев, Кувшинные погребения античного периода г. Нахичевани, Изв. АН АзССР (Серия истории, философии и права), 1976, № 1, табл. III, 6, 7.

⁴⁰ М. И. Максимова, ук. соч., с. 76—77.

⁴¹ М. Н. Лордкипанидзе, Иберийские копии с малоазийских гемм позднеахеменидского времени, Вестн. отделения общественных наук АН ГрузССР, 1963, № 6, рис. 2, 5, 9, 16, 18.

⁴² С. М. Казиев, ук. соч., Баку, 1960, табл. XIV, 5.

⁴³ М. Н. Лордкипанидзе, ук. соч., с. 154

дует считать многогранник из Гехадира⁴¹, найденный в каменном саркофаге вместе с монетой Александра, что позволяет датировать его раннеэллинистическим временем. Немного лучше обстоит дело с ранними стеклянными многогранниками в соседней Грузии. Пересмотр датировки погребений в Нерон-Дереси и Банбери, заставляя передатировать найденные в них многогранники позднеэллинистическим временем⁴⁵. Фактически единственными ранними десятигранниками, найденными на территории Грузии, являются печати из каменных ящичков в Лочини⁴⁶.

В свете этих фактов следует признать, что стеклянные многогранники производились в основном в эллинистический период, тем не менее не отрицая их связи с каменными печатями ахеменидского времени. Высказанное в свое время М. И. Максимовой предположение о том, что стеклянные многогранники представляют собой копии с малоазийских каменных печатей, не утратило своей актуальности. Общность формы стеклянных и каменных изделий, их сюжетов и стилистических черт убеждает в том, что хотя произ-

водство стеклянных многогранников и скарабеондов было валажено позже производства каменных, культурно-исторически они примыкают к ним.

Обзор всех печатей, как каменных, так и стеклянных, дает основание для их группировки по нескольким художественным направлениям. Пригозой скарабеонд, найденный в районе оз. Севан, принадлежит к восточноионийскому художественному кругу. Незаданный многогранник из Двина и скарабеонд из Сиспана—«греко-персидские» изделия. Отливкой с камня «греко-персидского» стиля является стеклянный многогранник из Гехадира. К чистого персидскому стилю следует отнести скарабеонд из Вардакара. Отливками с камней персидского стиля должны считаться все четыре стеклянных скарабеонда, особенно с изображением льва. Малоазийские по стилю—каменные скарабеонды из Западной Армении и Неркии Двина, а также подавляющее большинство стеклянных отливок. Остальные камни местного направления. Часть их стилистически примыкает к произведениям бронзового века, другая часть отражает малоазийские влияния⁴⁷.

⁴¹ Ж. Д. Хачатрян, Археологические находки в Гехадире, ВОНАН, АрмССР, 1966, № 1, с. 92—93.

⁴⁵ Ю. М. Гагошидзе, К датировке могильника Нерон-Дереси, Мацне, № 2, 1975, с. 91—94.

⁴⁶ М. Н. Лордкипанидзе, ук. соч., с. 153, прим. 4.

⁴⁷ Ж. Д. Хачатрян, Замечания к глиптике Армении эллинистического времени, ВОНАН, 1974, № 7, с. 103—104. (на арм. яз.).

В Ы В О Д Ы

Значение рассмотренного в первом разделе археологического материала не только в том, что он позволяет более или менее полно реконструировать культуру Армении ахеменидского времени. Основываясь на его данных, можно также осветить некоторые вопросы политической и социально-экономической истории Армении этого периода.

Сообщения письменных источников о центрах ахеменидских сатрапий на Армянском нагорье и в соседних районах, довольно скудны. Единственным автором, оставившим нам некоторые сведения об этом, является Ксенофонт, который, как известно, на рубеже V—IV вв. прошел с греческим войском через Армению с юга на север. Из его описания

этого похода узнаем, что вскоре после переправы через р. Кенрит, на южной границе сатрапии Армения войско дошло до большой деревни, в которой стоял замок сатрапа, *Ἰαζύβια* (Анабасис, IV, 4; 2). В дальнейшем, проходя по территории, названной Ксенофонтом Западной Арменией, греки встретили второй замок, окруженный деревьями (Анабасис, IV, 4; 7).

Для правильного толкования этих сведений следует учесть административное деление Армении конца V в. до н. э. Ксенофонт сообщает о существовании двух Армений—одну «обширную и богатую», где правил Оронт, он называет просто «Армения» и вторую—правителем которой был Тирибаз—«Западная

Армения». В Армении Оронта местом пребывания сатрапа была деревня на юге страны со специальным замком. Так как есть все основания полагать, что сатрапия «Армения» охватывала многочисленные районы Армянского нагорья (недаром Ксенофонт называет ее «обширной»), трудно поверить, что упомянутая в «Анабасисе» резиденция была единственной. Более того, ее расположение на самом юге сатрапии, недалеко от границы, на дороге, ведущей из долины Восточного Тигра (Кентрита) к источникам Западного Тигра, делает правдоподобным предположение о существовании по крайней мере еще одной, главной резиденции, которая была бы административным центром сатрапии. В качестве таковой ахемениды всегда выбирали игравшие в прошлом ведущую роль центры, поэтому очень вероятно, что их выбор остановился на городе Ван—древней столице бывшего урартского государства—и на его цитадели. В пользу этого говорит трехязычная надпись Ксеркса I (486—465) на Ванской скале, в которой сообщается, что еще его отец Дарий приказал приготовить здесь место для надписи, а он, Ксеркс, высек ее и прославил постройки своего отца и свои собственные¹. Такая надпись должна была быть поставлена в центре сатрапии, каким, по-видимому, и являлся Ван. Свидетельства армянских средневековых источников, указывающие на непосредственную связь города с первыми сатрапиями, Оронтидами доармавирского, ахеменидского периода, а также некоторые археологические материалы еще больше убеждают в этом предположении.

Сведения Ксенофонта дают представление, правда очень общее, об административном делении Армении конца V в. до н. э. Однако существовало также и более раннее деление, которое, как нам кажется, может способствовать выявлению и оценке других центров. По сообщению Геродота (III, 94), при Дарии было проведено административное размежевание империи, в результате чего на Армянском нагорье образовались две сатрапии—XIII, охватывающая Пактику, Армению и их соседей до моря, и XVIII, включающую адародиев, саспейров и матиев. Если XIII сатрапия с центром в Ване включала, как можно думать, земли бывшего армянского царства, уничтоженного Ахеменидами в 20-

¹ F. H. Weissbach, Die Keilschriften der Achämeniden, Leipzig, 1911, p. 116—119.

гг. VI в. до н. э., то XVIII сатрапию принято локализовать в северных, северо-восточных и восточных районах Армянского нагорья, которые, по сообщению Геродота, были местом обитания племен (сасперы, алародии, матиены), входивших в эту сатрапию.

Образование новых административных единиц требовало выделения их центров. Одним из них, очевидно, стала цитадель бывшего урартского города Эребуни² (Арин-Гьрд). Выбор мог остановиться на этом месте не случайно. В урартское время Эребуни играл важную роль в жизни северо-восточных областей государства. Основанный раньше Аргиштихильи, он был первым урартским административным центром в Араратской долине, причем преимущественно военно-стратегическим, в отличие от Аргиштихильи, в котором была, по-видимому, сосредоточена хозяйственно-экономическая деятельность. Естественно, поэтому, что в ахеменидское время цитадель Эребуни приобрела большое значение. Она находилась в центре Араратской равнины, которая являлась главным экономическим районом XVIII сатрапии с издавна высокоразвитым сельским хозяйством. От урартов было унаследовано целое крепостное сооружение с оборонительными стенами, различными постройками и т. д. У самой крепости начиналась дорога, ведущая из Араратской равнины в район бассейна оз. Севан и дальше в долину р. Куры.

На этой дороге, около современного г. Казах, на холме Сары-тепе, вероятно, находится другой центр ахеменидского времени³. Интересно в этой связи отметить, что он возник на месте завоеванных урартами в середине VIII в. поселения и крепости эпохи поздней бронзы—раннего железа. Сравнительный анализ стратиграфических данных древних памятников Араратской долины и Сары-тепе позволил Э. В. Ханзадян сделать вывод о существовании урартской крепости или поселения на Сары-тепе⁴, освоенной в ахеменидское время.

Архитектурный комплекс ахеменидского времени, раскрытый на холме Сары-тепе, сос-

² Г. А. Тирицян, Колонный зал на Арин-берде и вопрос о сатрапских центрах на Армянском нагорье, ИАНУН, 1960, № 7—8, с. 72—74 (на арм. яз.).

³ Г. А. Тирицян, Некоторые черты материальной культуры Армении и Закавказья V—IV вв. до н. э. С. А., 1964, № 3, с. 72—74.

⁴ Э. В. Ханзадян, К. А. Мкртчян, Э. С. Парсаян, Мецамор, Ереван, 1973, с. 57—58, (на арм. яз.).

тонт из зданий и обводных стен⁵. В здании сохранились остатки семи помещений, одно из которых по величине и расположению напоминает зал. Остальные помещения охватывают его с трех сторон и сообщаются между собой проходами. Обводные стены аналогичны сооружениям в древневосточной архитектуре. Внутри, вдоль стены, расположены большие помещения, выходящие во двор здания. С внешней стороны, на равном расстоянии друг от друга, сооружены квадратные в плане башнеобразные постройки, а также выступы типа конгрфорсов.

Археологический материал из Сары-тепе немногочисленен, но весьма характерен. Керамика имеет прямые аналоги среди сосудов V—IV вв. до н. э. Самой примечательной находкой, безусловно, являются две каменные колоколовидные базы с плоской круглой подушкой сверху. Корпус баз украшен рельефными свисающими пальмовыми листьями. Между расходящимися округлыми нижними концами листьев имеются ромбовидные украшения. Арсал распространения таких баз известен—это, в основном, территория, образованная треугольником между Хамаданом, Сузами и Персеполем. Подобные базы были найдены в Персидском заливе на острове Файлака (Икарос)⁶. Крайним западным пунктом их распространения является Вавилон⁷. Базы Сары-тепе, обнаруженные в одном из самых северных пунктов, имеют большое значение для выявления культурно-исторических связей Закавказья в рассматриваемый период.

В последние годы число известных архитектурных памятников, так или иначе связанных с центрами ахеменидского времени в Закавказье, стало увеличиваться. Раскопки Г. Г. Цитишвили на правом берегу р. Куры, в 40 км западнее Тбилиси выявили многослойный памятник Цихия-Гора. Значительный интерес представляет 3-й слой, датируемый позднеахеменидским и раннеэллинистическим временем, который представлен остатками большого комплекса сооружений, включающего храм с оградой и высоким алтарем во дворе перед ним, дворец и амбар. Во двор-

це найдена чрезвычайно интересная каменная капитель ахеменидского стиля, выполненная в виде двух протом быков. Как справедливо замечает автор раскопок, по своей конструкции и скульптуре она идентична капителям дворца Артаксеркса II в Сузах⁸.

Храм огня ахеменидского времени, по своим планово-композиционным особенностям напоминающий уратские храмы, был раскопан Ю. М. Гагшидзе в Самадло на правом берегу Куры.

Остатки колонного зала с типичными ахеменидскими базами раскрыты в Кахетин, в Алазанской долине⁹. Все это говорит о довольно ярких проявлениях присутствия Ахеменидов в Армении и Закавказье. Некоторый след, оставленный ахеменидской культурой, виден на раскопанном храмовом комплексе Дедоплис-Миндори II—I вв. до н. э. в Восточной Грузии, планово-композиционные особенности которого сближают его не только с синхронными храмами Парфии, но и с более ранними храмами, едва ли не ахеменидского времени¹⁰. Большое значение имеют обнаруженные здесь капители, представляющие собой пересмысленные на свой лад ахеменидские колоколовидные базы.

Для определения времени основания сатрапского центра Арни-берд имеет значение вопрос датировки образования XVIII сатрапии; оно не может быть отнесено ко времени после середины V в. до н. э.—это самый поздний рубеж, когда Геродот мог зафиксировать изменения в сатрапском устройстве. Вероятнее всего, если не к 500 г., то уже в первой половине V в. до н. э. Арни-берд стал административным центром (правда, не единственным) XVIII сатрапии¹¹. Следы деятельности Ксеркса в Ване (трехязычная надпись на Ванской скале) и некоторые находки на Арни-берде (милетские монеты, выпущенные

⁵ Г. Г. Цитишвили, Археологические раскопки в Цихия-Гора. XIV Международная конференция античников социалистических стран, Тезисы докладов, Ереван, 1976, с. 481—482.

⁹ Устные сообщения К. И. Пинхелаури и Ш. Ш. Дедзбришвили.

¹⁰ Ю. М. Гагшидзе, Храмовый комплекс Дедоплис-Миндори II—I вв. до н. э., XIV Международная конференция античников социалистических стран, Тезисы докладов, Ереван, 1976, с. 64—65.

¹¹ Г. А. Тирацян, Колонный зал на Арни-берде и вопрос о сатрапских центрах на Армянском нагорье, ИАНОН, 1960, № 78, с. 113, (на арм. яз.).

⁵ И. Нариманов, Находки баз колонн V—IV вв. до н. э. в Азербайджане. С. А., 1960, № 4, с. 162—164.

⁶ К. Yeppesen, The hellenistic temple of Falaka, Kuml, 1960, рис. 6, 9, 10, 14.

⁷ R. Koldewey, Das wiedererstehende Babylon, Leipzig, 1925, рис. 78.

после 479 г. до н. э.) позволяют предположить, что освоение урартского центра и окончательное оформление сатрапской резиденции относится к годам правления Ксеркса I (485—465 гг. до н. э.).

Рассмотренный нами в первом разделе археологический материал V—IV вв. до н. э. тесно связан с культурами предшествующих эпох железа и бронзы, но вместе с тем в ряде случаев он несет на себе отчетливые следы влияния, главным образом иранской культуры¹². Анализ материала показал, что в погребальном инвентаре раннеармянских захоронений северо-востока Армении, долины р. Заигу, Араратской равнины преобладают элементы местной культуры. То же самое бросается в глаза при ознакомлении с синхронными материалами из Трналети¹³ (Бешташени, Дманиси), Самтавро, Мингечаур и др., это рядовые погребения с незначительными элементами ахеменидской культуры. Будучи органическим продолжением материальной культуры эпохи развитого железа, они дают широкое представление о местном характере культуры рассматриваемого времени.

Иная картина вырисовывается при знакомстве с предметами роскоши, принадлежащими знати. Примером этого служат материалы из Ахалгори, Алгети, а также из Ерзика, Эрбуни, Вана, Казбека и др.; они обнаруживают теснейшие связи с ахеменидским культурным миром. Эти связи становятся отчетливей при ознакомлении с материалами, главным образом архитектурными, из таких древних центров как Арии-берд, Сары-тепе и др.

Привлечение всего археологического материала и его детальное изучение еще яснее показывает наличие двух основных типов комплексов, богатого и рядового, свидетельствующих о дифференциации общества на данной территории в рассматриваемое время.

В итоге в ахеменидское время вырисовывается следующая картина:

Восточные части Армении и соседние страны, входившие в XVIII сатрапию имели такие центры как Арии-берд—Эрбуни, крепость Сары-тепе (около Казаха), возможно

Цихиа-гора и Самадло у р. Куры и Гумбати в Алазанской долине. Вокруг них группируются отдельные находки и комплексы рядового населения (Бешташени, Дманиси, Астхиолур, Берд, Джрарат, Мингечаур и др.), с одной стороны, и верхушки общества (Эрбуни, Казбеки, Алгети, Ахалгори и др.)—с другой.

Западные части Армении, входившие в XIII сатрапию, имели такие центры, как Ван и сатрапская резиденция в южной части Армении, у р. Кентрит; вокруг них группируются отдельные находки и комплексы рядового населения (Чавуш-тепе—Айкаберд), с одной стороны, и верхушки общества—дорогостоящие предметы, утвари из районов Ерзика и Эрзерума—с другой.

На основе приведенных данных проясняются некоторые вопросы социально-экономической истории рассматриваемого периода, хотя археологические факты еще недостаточно многочисленны. Центральным равнинным областям Армении, земледельческим в своей основе, противостояла горная окраина, где преобладало скотоводство. С. А. Есаян и И. А. Карапетян, изучившие крепости-поселения раннеармянского времени в северо-восточной Армении, выявили особенности развития этого района, скотоводческой в своей основе, но где, как показывают находки огромных серпов, прокладывало себе дорогу земледельцев. Археологические находки указывают на то, что на этой территории хозяйство середины I тыс. до н. э. мало чем отличалось от хозяйства эпохи поздней бронзы—раннего железа. Изучение крепостей-поселений, часть которых, как известно, появилась в раннеармянское время¹⁴, имеет большое значение. По своему характеру они перекликаются с циклопическими крепостями Армении эпохи разложения родового строя. Попытка их социологической интерпретации выявляет ряд общих черт этой области с другой периферийной областью Армянского нагорья, страной Тао-Тайк, в которой, по описанию Ксенофонта, на рубеже V—IV вв. господствовала политическая раздробленность и имела место межплеменная вражда из-за пастбищ и скота¹⁵.

То, что в V—IV вв. до н. э. в близких к

¹² Г. А. Тирацян, Некоторые черты материальной культуры Армении и Закавказья V—IV вв. до н. э., с. 64 и далее.

¹³ Ц. О. Давлианидзе, Культура Квемокарти (Трналети) во второй половине I тыс. до н. э. (Автореф. канд. дис.), Тбилиси, 1977.

¹⁴ С. А. Есаян, Древняя культура племен Северо-восточной Армении, Ереван, 1976, с. 44 и далее.

¹⁵ Г. А. Тирацян, Возникновение армянского государства, ИФЖ, 1966, № 4, с. 97 (на арм. яз.).

центральных областях районах традиции родового строя были еще сильны, показывает интересное коллективное погребение в селении Джрарат, недалеко от оз. Севан¹⁶.

Вместе с тем, по свидетельствам письменных источников, южные и центральные области Армении переживали новый социально-экономический подъем¹⁷. Сведения о развивающихся двух основных формах хозяйства рассматриваемого периода—земледелия и скотоводства содержатся в «Анабасисе» Ксенофонта (IV, 1, 5). Судя по этим сведениям, земледелие, по ряду черт сходное с урартским, находилось на сравнительно высоком уровне и имело многоотраслевой характер; наряду с зерновым хозяйством существовало виноградарство, обеспечивающее, между прочим, экспорт вина, на базе орошаемого земледелия выращивались и технические культуры. Скотоводство было также достаточно развито, но удельный вес земледелия в экономике страны был очевидно значительнее. По-видимому, прибавочный продукт, получаемый от земледелия, стал устойчивее и больше, нежели получаемый от скотоводства. В земледельческих общинах началось классовое расслоение и ведущая роль в хозяйстве перешла к земледелию. Подъем земледелия, засвидетельствованный у армян Ксенофонтом, обусловил процесс образования государства.

Рассмотренные в первом разделе в этой связи археологические данные могут способствовать дальнейшей характеристике хозяйственной структуры древнеармянского общества. Удила из Александрополя (Ленинакан) и Арин-берда, относящиеся к ахеменидскому времени, персепольские рельефы с изображениями данников-армян, преподносящих «царю царей» коня, являются наглядной иллюстрацией к сведениям письменных источников, по которым можно судить о высоком развитии коневодства в Армении того же периода (Ксенофонт «Анабасис», Страбон «География»).

О ремеслах и ремесленниках Армении мы располагаем ограниченными данными. Ксенофонт (Киропедия, III, 2, 11) упоминает лишь каменщиков и плотников, а археологические материалы рисуют далеко не полную картину ремесленного производства. Пока

бесспорно можно говорить о наличии гончарного производства, металлообработки, изготовления оружия и орудий труда, обработки камня¹⁸. Но все эти данные, полученные из сопоставления письменных и археологических источников имеют большей частью отношение к домашним ремеслам, во всяком случае, к отраслям, игравшим второстепенную роль в экономике страны.

Большой интерес представляют находки предметов художественного ремесла—торевтики и ювелирного дела VI—IV вв. до н. э.¹⁹. Все более увеличивающееся на территории Армении число найденных произведений торевтики наводит на мысль, что часть из них производилась на месте. Существование необходимой сырьевой базы на территории Армянского нагорья и данные персепольских рельефов дают основание полагать, что в Армении ахеменидского времени имелись высокоразвитые торевтические мастерские. Вместе с тем типологические соответствия между отдельными урартскими предметами и найденными на территории Армении предметами ахеменидского времени, а также наметившиеся стилистические точки их соприкосновения с определенностью указывают на наличие прочных связей между некоторыми отраслями урартской и армянской металлургии. Исследователи даже находят возможным локализовать торевтические мастерские в северо-западной Армении в районе Эрзерума и Ерзика, где накопилось особенно много находок. Учитывая засвидетельствованные связи с урартскими изделиями, можно усмотреть в этих мастерских древние урартские ремесленные центры, некогда славившиеся производством предметов художественной металлургии; по-видимому, они продолжали свою деятельность во времена армянского царства VI в. до н. э. и ахеменидского владычества, приспособившись к новым пормам и выработанным в столицах ахеменидской империи художественным и стилистическим принципам. Не исключено, что такие мастерские существовали в одном из кварталов еще не раскопанного урартского города, расположенного у подножья мощной цитадели Аргинни

¹⁶ А. О. Мнацаканян, Г. А. Тирацян, Новые данные о материальной культуре древней Армении, ИАНОН, 1964, № 8, с. 80.

¹⁷ Г. А. Тирацян, Возникновение ..., с. 96.

¹⁸ Г. А. Тирацян, Материальная культура Армении VI—IV вв. до н. э., на арм. яз., ИФЖ, 1969, № 4, с. 147—156.

¹⁹ Г. А. Тирацян, К вопросу о торевтике и ювелирном деле Армении в ахеменидское время.

II и его преемников на холме Алтын-тепе, сколо Ерзика.

Письменные источники, археологические находки, монеты, а также существующие дороги указывают на наличие в VI—IV вв. до н. э. торговых сношений Армении с рядом ближних и дальних стран и областей. Подробно описанная Геродотом (V, 52) царская дорога, соединявшая столицу Ирана Сузы с бывшей столицей Лидии Сардами, проходила через юго-западные области Армении. Она, конечно, играла важную роль в развитии торговли с соседними странами²⁰. О качестве дороги можно судить по раскрытому археологами во Фригии участку. Тесные культурные и экономические связи с Ираном, свидетельством которых служат найденные предметы торевтики²¹, резные камни²², по-видимому, иранского происхождения, а также ахеменидские монеты²³, в значительной мере осуществлялись через эту дорогу. Помимо царской дороги, связи могли осуществляться по известной нам на основании более поздних источников дороге, шедшей из северо-западных областей Ирана (Мидия) вдоль Аракса в Араратскую долину²⁴.

Вторая группа стран и областей, с которой Армения поддерживала торговые связи, засвидетельствована пока только письменными источниками. Это расположенные к югу Ассирия, Вавилония, Сирия²⁵. Прежде чем дойти до территории собственно Ирана, царская дорога из Армении проходила через территорию Ассирии и Матены, что создавало благоприятные условия для налаживания торговли с упомянутыми областями. Наиболее достоверные сведения о торговых связях

с южными странами содержатся у Геродота (I, 194), описывающего торговлю вином Армении с Вавилоном по Евфрату. Как известно, в роли посредников в этой торговле выступали ассирийские купцы—в данном случае, видимо, сирийские или арамейские.

Пересекающая всю Малую Азию от Евфрата почти до Эгейского моря царская дорога активизировала связи населения Армянского нагорья не только со странами, по которым она проходила, но и с более дальними государствами, например с Грецией²⁶. Эти связи находят все большее подтверждение в археологическом материале, обнаруженном особенно в последние годы на территории Армении. Следует напомнить, что они уже существовали в предшествующий, урартский период, о чем говорят материалы из раскопок Кармир-блур²⁷, происходящие из районов восточного бассейна Средиземноморья и эгейских стран или обнаруживающие тесные контакты с малазийским культурным миром. Находки афинской монеты VI в. в Зангезуре на юге северо-восточной Армении, милетских монет V в. на Арни-берде, предметов торевтики в Западной Армении и в окрестностях Арни-берда, чеканенных, по-видимому, в западной Малой Азии, резных камней восточногреческого и греко-персидского происхождения, керамики и ряда других предметов, указывающих на связь с той же областью, могут служить наглядным доказательством этого предположения²⁸.

Наконец, четвертая основная линия торговых путей связывала Закавказье с Северным Кавказом и Приазовьем²⁹. Я. А. Манандян предложил свое объяснение некоторых свидетельств Ксенофонта в «Киропедии» (III, 2), позволяющее предположить наличие в мидийско-ахеменидское время торговых сношений жителей Армянского нагорья со страной скифов, близ Азовского моря. Эта гипотеза может найти подтверждение в относящихся возможно к более позднему времени данных Страбона (XI, 5, 8) о путях, по которым велась караванная торговля индийскими и вавилонскими товарами, поступавшими при

²⁰ Я. А. Манандян, О торговле и городах Армении, II изд. Ереван, 1954, с. 16—18.

²¹ Г. А. Тирацян, К вопросу о торевтике и ювелирном деле, с. 87—106.

²² Хранится в Переднеазиатском музее в Берлине, готовился к изданию его директором проф. Г. Р. Майером.

²³ А. Н. Зограф, Распространение находок античных монет на Кавказе, Труды отдела нумизматики Гос. Эрмитажа, т. I, Л., 1945, с. 57; см. Х. А. Мишелян, Нумизматические данные относительно Еревана, ИФЖ, 1968, № 3, с. 27—28. (на арм. яз.).

²⁴ Я. А. Манандян, ук. соч., с. 40, 57—62.

²⁵ Г. А. Тирацян, К вопросу о городах Армении доэллинистического времени (VI—IV вв. до н. э.), Древний Восток, Города и торговля, Ереван, 1973, с. 92.

²⁶ Там же.

²⁷ Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, табл. XVI, а; его же, Кармир блур, III, Ереван, 1955, рис. III; Р. М. Джанилодян, О трех образцах стекла из Кармир-блур, С. А., 1964, № 1, с. 307—312.

²⁸ Г. А. Тирацян, К вопросу о городах ..., с. 92.

²⁹ Там же.

посредстве армян и мидян, с одной стороны, и аорсов, с другой, в Боспорское царство и Приазовье.

Археологическое изучение Армении, в частности раскопки в Эребуни и Астхи-блуре, позволяет также несколько расширить имеющиеся на основе письменных источников представления о верованиях раннеармянского времени. Нет сомнения в том, что строительство храмов огня в Эребуни связано с культурной политикой ахеменидских царей. Это строительство, по справедливому замечанию К. Л. Оганесяна, имеет отношение к официальным мероприятиям Ксеркса I, нашедшим свое отражение в так называемом антидэвовской надписи из Персеполя³⁰. Эти мероприятия преследовали цель унификации верований в персидской империи путем упразднения местных культов и введения всеобщего почитания огня.

В народных представлениях раннеармянского времени продолжали бытовать местные верования, уходящие глубокими корнями в предшествующие века, о чем сви-

³⁰ К. Л. Оганесян. Архитектура Эребуни (Археологический музей, Ереван, 1961, с. 94—97.

детельствуют находки модели храма, обнаруженной в упоминавшемся уже Астхиблуре³¹. По мнению С. А. Есяна святилище было посвящено богу неба и бури, и отражало почитание природных явлений, природной стихии.

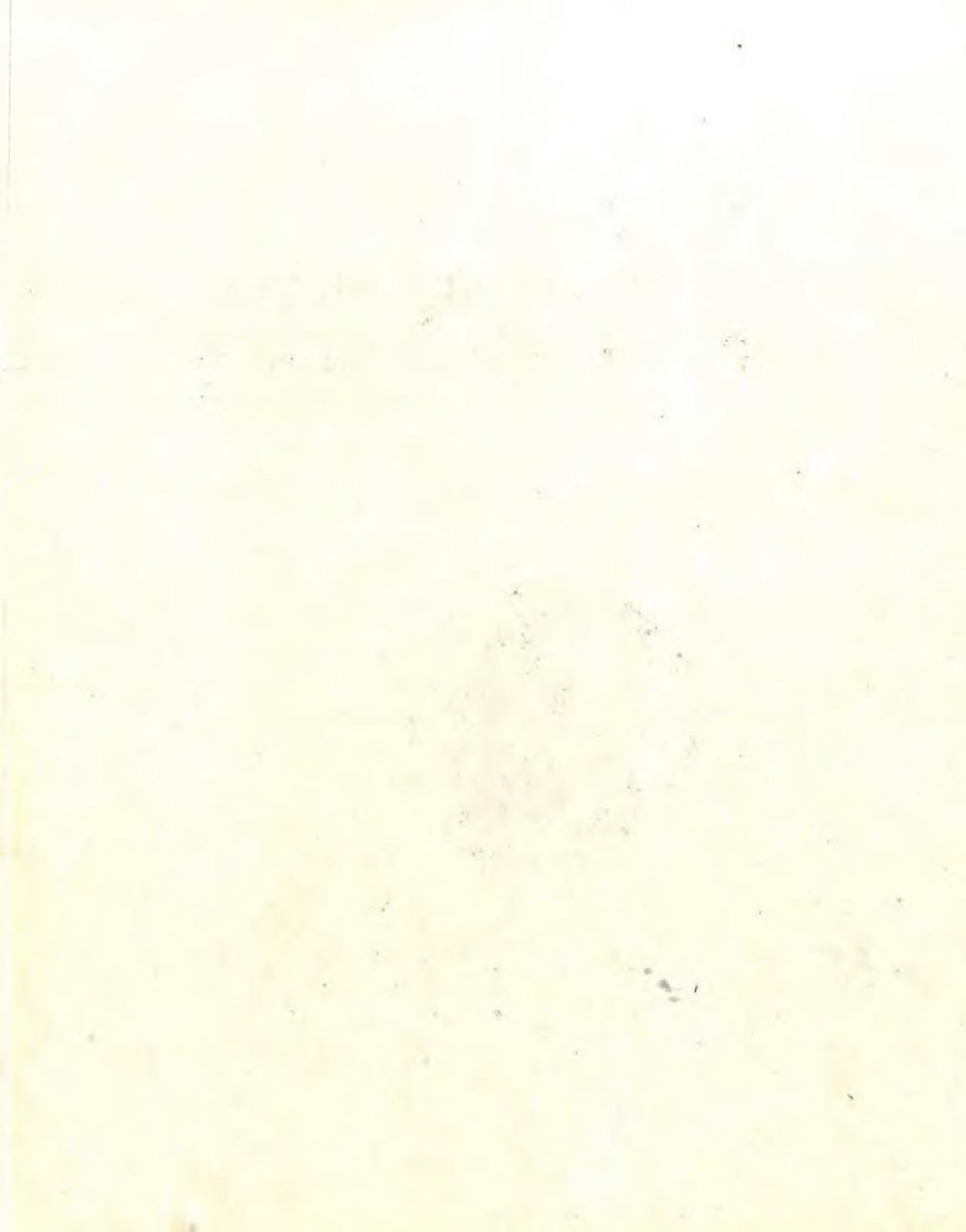
Рассмотренный в первом разделе археологический материал позволяет очень бегло коснуться вопросов этнического состава разных центров Армянского нагорья в ахеменидское время. Принимая во внимание также поразительное сходство некоторых форм материальной культуры Урарту и Армении, можно предположить существование урартского элемента в послеурартское время. Подобное сходство можно отчасти объяснить наличием на первых порах урартских мастеров в раннеармянских производственных центрах, часть которых должна была находиться в городах. В таком случае археологические данные как нельзя лучше согласуются со сведениями Геродота, называющего алародиев—урартов среди жителей Армянского нагорья в ахеменидское время.

³¹ С. А. Есян, Астхиблурский могильник, ВОНАН, 1968, № 6, с. 96.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

КУЛЬТУРА АРМЕНИИ III—I вв. до Н.Э.

ГОРОДА АРМЕНИИ

Вопрос истории древнеармянских городов—один из наиболее хорошо разработанных в историографии Армении. Являясь органической частью общественного строя страны, древнеармянский город привлек к себе пристальное внимание советских историков. основополагающий труд акад. Я. А. Манандяна «О торговле и городах Армении», оставивший глубокий след в армянской историографии, во многом способствовал дальнейшему изучению этой проблемы¹. В трудах С. Т. Еремяна, Г. Х. Саркисяна, С. М. Кркияшаряна и других была дана всесторонняя характеристика древнеармянских городов, выявлены их социально-экономические особенности, определена их роль в политической жизни страны².

Однако из-за неудовлетворительной степени археологической изученности древней Армении указанные авторы не могли существенным образом использовать данные раскопок, бросающие свет на материальную жизнь города, на его градостроительную структуру и т. д. Успехи античной археологии в настоящее время, когда изучаются сразу несколько городов, с одной стороны, и значительные достижения в исследовании урартского градостроительства, способствующие разрешению вопросов генезиса древнеармянских городов, выявляющие типологические общности разных аспектов и т. д., с другой стороны, создают необходимые условия для дополнения характеристики древнеармянской градостроительной культуры целым рядом новых черт.

Армавир. По преданию, сохранившемуся у Моисея Хоренского, Армавир—древнейший

город Армении и первая ее столица. Это верно только отчасти, так как древнейшей столицей первого государственного образования армян должен был быть город Ван, о чем уже говорилось. Однако предание полностью отражает историческую действительность эллинистического времени. Армавир в самом деле древнейший город эллинистической Армении и ее первая столица, поэтому рассмотрение древних городов Армении мы начинаем именно с него.

Неслучайно ореол древности сопровождается имя города. В 1869 г., когда была найдена первая клинописная надпись на армавирском холме, стало известно о существовании здесь еще более древнего урартского города Аргиштихинили, что усилило интерес к древнеармянскому городу. Начатые в 1962 г. систематические раскопки полностью подтвердили данные письменных источников, выявив остатки двух разновременных городов³, но безусловно связанных друг с другом. Без этой связи непонятны многие особенности городской цивилизации древней Армении, и поэтому, а также для правильного осмысления многих конкретных явлений культуры Армавира, следует вкратце остановиться на характеристике урартского города.

В 776 г. до н. э. урартский царь Аргишти I основал город Аргиштихинили. После строительства Менуахинили на правом берегу р. Аракс (790 г.), Эребуни в средней части равнины (782 г.) и крепостей-поселений на Джраовитском и Хорвирабском холмах в южной ее части (780 г.) основание Аргиштихинили на западе Араратской равнины завершило ее освоение. Данные письменных источников и археологических раскопок показывают большое значение этого района для урартской экономики, в которой важнейшую роль играли города.

Западная часть Араратской долины образует довольно компактную территорию, границами которой являются: с юга р. Аракс, с запада р. Ахурян, с востока р. Касах, и с севера отроги горы Арагац. На этой террито-

¹ Я. А. Манандян, О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен, II изд., Ереван, 1954.

² С. Т. Еремян, Развитие городов и городской жизни в древней Армении, ВДИ, 1953, №3; Г. Х. Саркисян, Тигранакерт. Из истории древнеармянских городских общин, М., 1960; С. М. Кркияшарян, Очерки истории городов древней Армении и Малой Азии, Ереван, 1970 (на арм. яз.); Г. А. Тирацяян, К вопросу о городах Армении доэллинистического времени (VI—IV вв. до н. э.), Древний Восток, Города и торговля, Ереван, 1973.

³ Б. Н. Аракелян, О некоторых результатах археологического изучения древнего Армавира, ИФЖ, 1969, №4.

рии Аргиштихинили занимал господствующее положение⁴. Существование города обуславливалось превосходной ирригационной системой. Данные клинописных надписей урартских царей, особенности рельефа, а также направление современных каналов позволяют восстановить ее с большой долей вероятности. После обнаружения каракалинской надписи Аргишти I стало ясно, что основной канал был отведен от Аракса западнее Аргиштихинили и шел на северо-восток мимо западных окраин Аргиштихинили. От главного канала, севернее и южнее скалистой гряды отходили в восточном направлении два других канала. Еще два канала, вероятно, начинались у Аракса восточнее Каракалы и предназначались для орошения восточной части города и его земель. Бесперебойное водоснабжение обеспечивало процветание города, а разрушение каналов на рубеже VII—VI вв. до н. э. было причиной его окончательной гибели.

Город был расположен вблизи Аракса, местами у самого его берега, на пространстве между холмом св. Давида и Армавирским, где находились две его цитадели. Территорию города занимали прекрасные особняки, планы и многие другие архитектурные особенности которых были раскрыты во время раскопок. Особняки образовывали кварталы, границы которых удалось очертить. Они составляли так называемый внутренний город, обнесенный оборонительной стеной, сохранившейся кое-где с южной стороны.

Цитадели представляли собой хорошо защищенные оборонительными стенами крепости. Западная цитадель местами защищенная тройной стеной, имела несколько входов, интересных с архитектурно-фортификационной точки зрения. Внутри располагались дворец, храм, помещения казарменного типа, кладовые и т. д.

Восточная цитадель Аргиштихинили стояла на Армавирском холме, имеющем крутые склоны (высота 76 м)⁵ (табл. XVII, 1). По всему периметру цитадель была обнесена оборонительной стеной, двойной в западной части. Вход находился недалеко от западного конца северной стены; к нему вел земляной пандус, а также каменные ступени. Стена была сложена из камня (нижние ряды) и

кирпича-сырца (верхняя часть). Большая часть стены состоит снизу из грубообработанных блоков, гладкой стороной наружу. Этот способ обработки камней восходит к местным традициям, так называемой циклопической кладки. Довольно длинный участок северной стены выложен из прекрасно обработанных камней с аккуратно вытесанной каймой и рельефной срединной частью (техника рустовки). Отнесение этого способа обработки камней к урартскому времени не подлежит сомнению. Как заметил М. В. Никольский имеются подобные камни с урартскими надписями. Из таких же камней была построена платформа храма Халди в Топраккале. Рустованные камни встречаются и в других урартских памятниках (Доври-Покран, Ошакан). Наконец, в восточной части северной и южной стен имеются камни с равномерно сглаженными лицевыми прямоугольными сторонами—излюбленный способ обработки камней у урартских мастеров. Использованный камень—базальт, привезенный с западных скалистых частей города. Стены со всех сторон оснащены прямоугольными выступами—башневидные в западной наружной стене. Северная стена местами поставлена прямо на скале, с этой целью скала обработана в виде ступеней, на которых лежат каменные ряды стены. Этот способ возведения стен засвидетельствован в Ванской цитадели, в Чавуш-тепе, в Бастаме и в западной крепости Аргиштихинили и т. д.

Территория цитадели была застроена множеством зданий, некоторые из них были раскрыты во время раскопок (рис. 15). Два здания, расположенные в восточной части цитадели, имеют общее направление (восток-запад) и примыкают к оборонительным стенам, одно к южной, другое—к северной, Их разделяет узкий коридор.

Большее из них состояло из пяти помещений, меньшее из трех. В обоих зданиях имелись помещения хозяйственного назначения со вкопанными в пол карасами. Изучение зданий затруднено тем обстоятельством, что их комнаты были использованы в античный и даже средневековый периоды.

На макушке холма уже в начале раскопок виднелись остатки большого здания, по-видимому, культового значения. К сожалению, как это окончательно стало ясно при его окомтуривании и раскрытии снаружи, оно неоднократно перестраивалось в разные эпохи. Наряду со средневековыми переделками засвидетельствованы камни античного време-

⁴ А. А. Мартирссян, Аргиштихинили, Ереван, 1974.

⁵ Б. Н. Аракелян, ук. соч., с. 157 и далее; Г. А. Тирация, Урартский Армавир, «Культура Востока. Древность и раннее средневековье». Л. 1978.

ни, что же касается урартской основы здания, то она виднеется в южной части сооружения, где сохранилась рустованная кладка. Прекрасно обработанные камни, явно урартские, имеются и в восточной части здания.

На западном склоне холма были раскрыты параллельные длинные стены, образующие, быть может, продолговатые комнаты, напоминающие, по мнению Б. Б. Piotровского, помещения хеттского времени из Богазкея.

прослеживаются и в его восточной крепости в Армавире. Здесь можно выделить три основных этапа. Первый связан с основанием крепости Аргишти I. Крепость занимала пространство чуть меньше известного по раскопкам. С запада она простиралась до оборонительной стены, раскрытой в последние годы. Как мы уже знаем, при Сардури II, преемнике Аргишти, крепость была расширена с западной стороны, где была поставлена новая

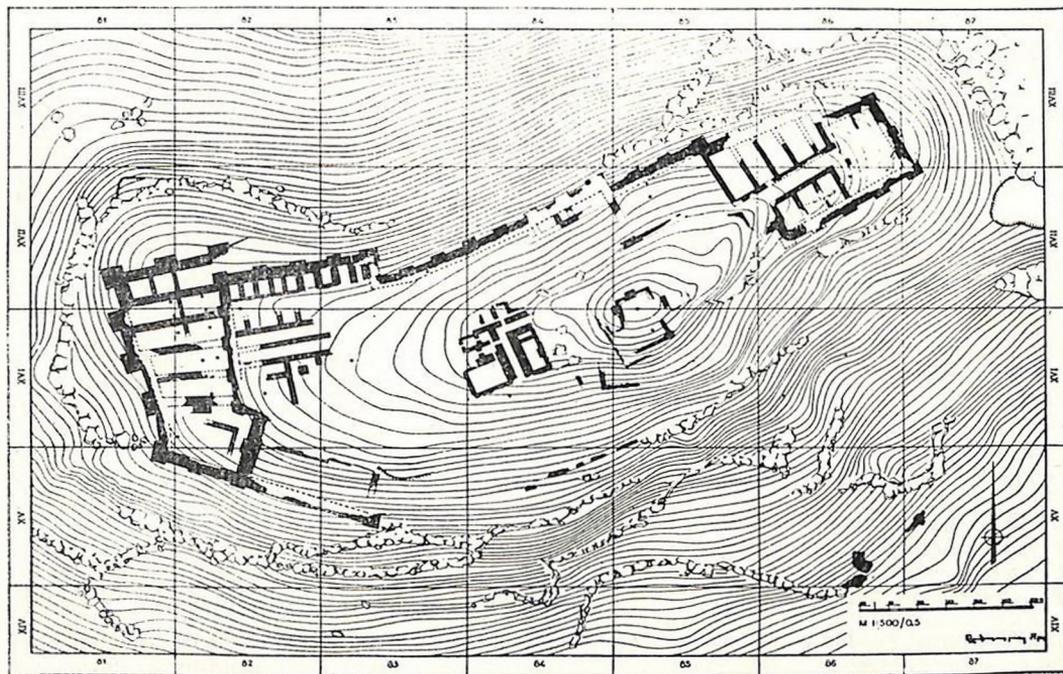

Рис. 15. План цитадели (Армавир)

Здесь же обнаружена и сырцовая стена более поздняя по сравнению с вышеупомянутыми.

У северной оборонительной стены, внутри у входа расположены однотипные прямоугольные комнаты—вероятно казармы.

Анализ архитектурных остатков города, археологические материалы и данные урартских надписей, из которых две найдены сравнительно недавно позволяют восстановить картину хронологического развития города в целом. Этапы строительства хорошо

стена, параллельная первой и устроен новый вход. Находящиеся здесь здания, вернее продолговатые комнаты, по-видимому кладовые, относятся к этому времени. Какие из остальных построек относятся ко времени основания крепости Аргишти I, а какие к его сыну Сардури II сказать трудно.

Раскопки выявили также остатки третьего строительного периода, связанного, по-видимому, с именем Русы III. Это сырцовая стена со следами пожара, напоминающая обстановку, зафиксированную на Кармир-блу-

ре, и расположенный в западной части колонный зал.

Овладевшие городом враги—следы их опустошения видны повсюду—не только подожгли город, но вывели из строя питающие его и сельскую округу основные водные артерии, чем был вынесен смертный приговор городу. Лучшим доказательством его усадьки служат найденные во время раскопок могилы позднего времени, устроенные среди развалин города. На полу особняков были найдены карасные погребения и погребения, сложенные из камней, датируемые раннеармянским, вернее эллинистическим временем⁶. Данные письменных источников показывают однако, что жизнь продолжалась в восточных частях города. Не зависящая от вод основательно разрушенного главного канала восточная часть продолжала существовать благодаря текущей вблизи реке, за счет старых, менее мощных, но, возможно, уцелевших каналов, или же просто заново вырытых. Хотя археологические раскопки не выявили достоверных следов ахеменидского-раннесармянского времени (этим временем точно датируется найденная здесь золотая пектораль и, быть может, некоторые другие предметы), ряд косвенных данных позволяет говорить о возможности продолжения жизни в восточной части города в это время⁷.

Город эллинистического времени. Швейцарский путешественник Дюбуа де Монпер, посетивший в 30-х г. прошлого столетия Армавир, отметил остатки стен цитадели; отсутствие же следов городских кварталов на равнине он объяснял тем, что постройки были глинобитными. От самого города, лежащего вокруг холма, сохранились, по его свидетельству, некоторые остатки каменных зданий, имевшие особое значение для характеристики города. К сожалению, вскоре они исчезли вовсе. Экспедициям, производившим здесь впоследствии (1880, 1892, 1927) работы разведочного характера, уже неизвестны какие-либо следы города.

Вопрос о научном исследовании города был поставлен лишь после начала систематических раскопок. Хотя по сравнению с раскопками на холме в цитадели в этом направлении сделано немного, уже сейчас напрашиваются некоторые выводы. Город вытянулся, главным образом, в западном направлении, занимая пространство между Армавир-

ским холмом и его отрогами на востоке, руслом реки Аракс на юге и восточным концом цепи норармавирских холмов на западе. Северная граница определяется с трудом, во всяком случае, она не должна была находиться слишком далеко от Армавирского холма. К югу от него, не доходя до старого русла Аракса находился городской культовый комплекс, возможно и платановая роща, служившая пророчищем. На такое местоположение культового центра как будто намекают и найденные здесь греческие надписи конца III в. до н. э.⁸

Во время обследования подступов к холму, а также территории на юге и на западе от цитадели были найдены черепки эллинистического времени. Особенно показательна концентрация этой керамики, в том числе характерной расписной, зафиксированной Б. Н. Аракеляном на небольшой возвышенности в 600—700 м к юго-западу от холма, близ высохшего русла реки⁹. Черепки III—I вв. встречаются на пашнях и в виноградниках приблизительно в 1 км западнее холма. На этой территории были произведены разведочные раскопки и заложены шурфы, в которых на глубине 0,8 м—1,4 м были обнаружены каменные основания стен (шириной около 1 м), жилищ, а также керамический материал, имеющий определенное сходство с найденными на холме черепками. Важные находки были зафиксированы отрядом норармавирской экспедиции у восточного конца норармавирской гряды холмов недалеко от излучины действующего канала, протекающего у сел. Джрашен¹⁰. Здесь, на западной окраине города, обнаружены каменные основания большого здания, вероятно усадьбы, состоящей из жилых и хозяйственных помещений (рис. 16). Жилые комнаты отапливались встроенными в стены камнями, напоминающими прекрасно сохранившиеся камни эллинистического города Ай-Ханум. В хозяйственной части усадьбы были обнаружены две виноградные давильни. Этот материал дает нам первые самые общие сведения об архитектуре городских строений. Там же выявлен очень большой и интересный ма-

⁸ К. В. Тревер, Очерки по истории культуры древней Армении, М.—Л., 1953, с. 105—106.

⁹ Б. Н. Аракелян, ук. соч., с. 162—163.

¹⁰ Там же, с. 163; А. А. Мартиросян, ук. соч., с. 58. Раскопки были продолжены армавирской экспедицией См. Г. А. Тирацян, И. А. Карапетян, Раскопки Армавира в 1977—1978 гг. ИФЖ, 1979, № 4.

⁶ А. А. Мартиросян, ук. соч., с. 55 и далее.

⁷ Г. А. Тирацян, К вопросу о городах..., с. 94—95.

териал, исключительно керамический, легко поддающийся классификации, в ходе которой устанавливается полное совпадение форм его с керамикой Армении эллинистического времени (прежде всего с керамикой из Армавирской цитадели, Гари, Арташата и др.). Указанная керамика состоит из чаш-фиал с профилированными венчиками, полушаровидных чаш, сосудов с профилированным носком, узкогорлых сосудов типа гидрий. Примеча-

участке и продолженные затем силами армавирской экспедиции, удачным образом дополнили полученные ранее данные.

В свете этих данных требует более серьезного обоснования попытка определить направление оси города на север от Армавирского холма. Отмеченная попытка основывается на сведениях о находках в сел. Бамбакашат, к северо-западу от Большого Армавирского холма¹¹. Эти находки, незафиксированные

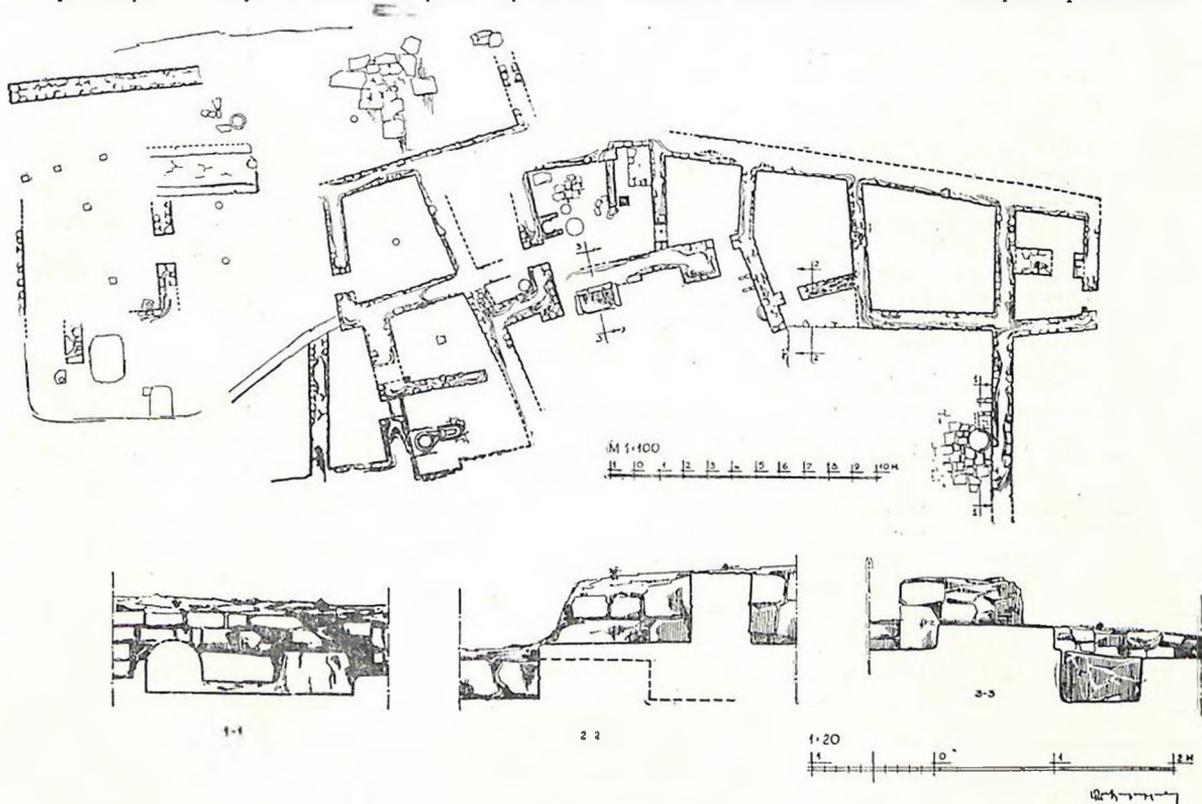

Рис. 16. План усадьбы (Армавир)

тельной ее особенностью, имеющей немаловажное значение для датировки всей коллекции является роспись. Это нанесенные коричневой и красной красками по светлому ангобу охристого, кремового или красного цвета узоры, от самых простых, в виде поясков, до сложных—геометрического и растительного характера.

Раскопки осени 1975 г., произведенные норармавирской экспедицией на этом же

специалистами и неизданные, известны по устным сообщениям крестьян и поэтому не могут служить основанием для датировки и тем более для таких ответственных выводов, касающихся направления застройки города. Если даже согласиться с тем, что разрытое в свое время маленькое всхолмление в Бамбаканате, скрывавшее руины построек, базы

¹¹ А. А. Мартirosян, ук. соч., с. 55.

от колонн и другие архитектурные детали, большие карасы, фрагменты сосудов смешанного урарто-ахеменидского типа и даже большое количество золотых изделий, можно отнести к ахеменидскому или эллинистическому времени, то это еще не является доказательством распространения города в северном направлении, особенно если учесть отсутствие промежуточных находок. Выходящее с указанным материалом в крайнем случае может свидетельствовать о наличии здесь, т. е. на расстоянии 2 км к северу от города и его цитадели, маленького поместья или поселения, входившего в состав городской округи.

Таким образом, даже эти скудные, но полученные в ходе целенаправленных раскопок, пусть даже разведочного характера, данные позволяют определить продольную ось города с востока на запад.

На востоке от цитадели, по всей вероятности, находились основные обрабатываемые земли города.

Цитадель эллинистического времени. Одним из самых важных результатов проведенных на Армавирском холме раскопок является установление того факта, что урартская цитадель успешно функционировала в эллинистическое время. Оборонительные сооружения, дворцовые здания, храмы, даже жилые помещения после некоторых значительных переделок стали служить новым хозяевам, что говорит о сохранности этих сооружений в послеурартский период. В силу этих обстоятельств, а также благодаря стратегическим данным холма, Армавир, по-видимому в 30-х гг. IV в. до н. э., т. е. после битвы при Гавгамеле, стал столицей армянского государства Оронтидов, чем было предопределено его дальнейшее развитие в качестве городского центра.

Крепостные стены, окружавшие цитадель, не были подвергнуты значительным переделкам. Возможно, что местами была восстановлена сырцовая кладка верха стен, хотя сохранившийся изнутри участок сырцовой кладки в западной стене относится к урартскому времени и не имеет никаких следов изменений.

Только в северо-западной части холма ниже по склону была воздвигнута полукруглая башня. Следует сказать, что эта часть цитадели, где, кстати находился вход, была наиболее доступной из-за соседних высот, которые облегчали наступательные действия против цитадели. Судя по характеру скрепления камней кладки, башня безусловно относится к послеурартскому, эллинистическому

времени. Камни имеют у концов углубления в виде ласточкина хвоста, куда вставлялись металлические или каменные скрепы (табл. XVII, 2). Эта особенность строительной техники характерна для эллинистического времени¹². На холме внутри цитадели имеется несколько зданий, использовавшихся в эллинистическое время.

На самой вершине холма оконурено большое здание, которое, к сожалению, неоднократно подвергалось переделкам; последняя (средневекового времени) искажила его первоначальный облик. Сохранившиеся в восточной части квадраты с углублениями в виде ласточкина хвоста показывают, что восточная часть сооружения была несколько переделана в эллинистическое время. До основательного изучения здания трудно судить о нем с определенностью. Учитывая господствующее положение здания, наличие платформы и характерную кладку, было бы соблазнительно усмотреть в нем урартский храм, использовавшийся как таковой и в более поздний период.

Продолжали функционировать в эллинистическое время два больших здания двопланового типа в восточной части крепости, одно из которых состояло из пяти помещений, другое — из трех. В одном из помещений со впадинами в пол карасами урартского периода хорошо видны следы поздних переделок. Верх карасов был срезан, пол выровнен, а комната была вторично использована, о чем свидетельствуют найденные здесь черепки эллинистического времени¹³. Расположение зданий, их удобная ориентация по сторонам света, особенно пятикомнатного здания, дают возможность усмотреть в них двоплановые сооружения, царские покои армянских Еруандидов.

Помещение эллинистического времени было зафиксировано также у западной крепостной стены снаружи. Это превращенная в кувачину комната с карасами урартского времени, при переделке которой были срезаны верхние части карасов и выровнен пол¹⁴. Раскопки выявили здесь многочисленную керамику, явно эллинистического времени, образующую довольно толстый слой.

¹² Б. Н. Аракелян, ук. соч., с. 166; Г. А. Тирацян, Новые археологические материалы послеурартского времени на территории Западной Армении (Турция) и их место в истории древнеармянской культуры Древний Восток, 2. Ереван, 1976, с. 149 и след.

¹³ Б. Н. Аракелян, ук. соч., с. 163.

¹⁴ Там же, с. 166.

Богатый археологический материал того же периода был найден на западном склоне Армавирского холма, на участке между двумя западными урартскими оборонительными стенами. Здесь зафиксированы следы многочисленных жилищ эллинистического времени. Разные уровни их залегания позволяют выделить несколько строительных периодов¹⁵ (рис. 17).

следующем правителе Сардури II с этой целью здесь была построена новая оборонительная стена, что увеличило площадь крепости на 1/4 га.

Пространство между старой и новой западными стенами урартской крепости было разделено на большие отсеки мощными поперечными параллельными стенами (длина—30,5, ширина—2,80 м), идущими от первой

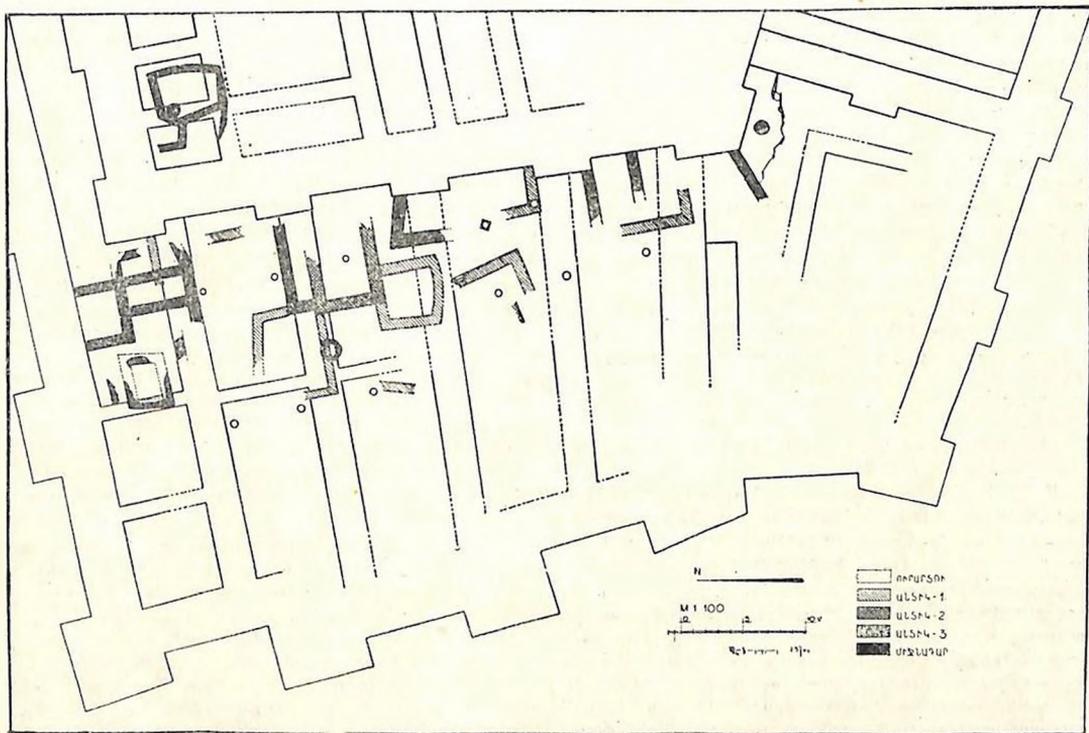

Рис. 17. План западного участка цитадели (Армавир)

Как было сказано выше, вскоре после сооружения царем Аргишти I урартской крепости на Армавирском холме, ставшей цитаделью города Аргиштихинили, возникла необходимость расширить территорию крепости с западной стороны. По-видимому, уже при

оборонительной стены ко второй. Менее толстые стены (ширина 1,15—1,20 м), перпендикулярные к поперечным, в свою очередь делили отсеки на большие помещения, назначение которых не совсем ясно. Они могли служить хозяйственным нуждам (кладовые), но разбивка освоеной территории на многочисленные участки могла преследовать и оборонительные цели, если учесть, что вход в крепость вел через это пространство.

Вероятно, к концу существования урартской крепости здесь были предприняты восстановительные работы; они, кстати, засви-

¹⁵ Г. А. Тирацян, Раскопки Армавира, ВОНАН, 1972, № 2 (на арм. яз.); *его же*, Археологические работы в Армавире, ВОНАН, 1973, № 5 (на арм. яз.); *его же*, Раскопки Армавира, ВОНАН, 1974, № 12 (на арм. яз.); *его же*, Из материалов раскопок Армавира в 1973 г., ИФЖ, 1974, № 3 (на арм. яз.).

детельствованы и в других частях крепости. Стратиграфия западного участка крепости позволяет утверждать, что к этому времени верхняя, сырцовая, часть указанных поперечных стен разрушилась. С разрушением стен, от которых остались только фундаменты, появилась необходимость реорганизации пространства во время чего были поставлены колонны, несшие перекрытия новообразованного помещения. В ходе раскопок здесь обнаружено 10 каменных баз от деревянных колонн, позволяющих говорить о существовании трех рядов колонн по семи в каждом (расстояние колонн друг от друга примерно 6 м).

Факт знакомства урартов с колонными сооружениями (зал в Алтын-тепе (3X6 колонн), вытянутые залы с двумя десятками колонными рядами в западной крепости Аргинтихинили и в Бастаме—Русахинили) и урартский тип большинства баз не оставляют сомнения в том, что колонны были поставлены еще в урартское время, возможно, перед самым падением крепости. Надпись одного из последних царей Урарту Русы III, найденная в Армавире, в которой упоминаются предпринятые здесь строительные работы, допускает такую интерпретацию строительных остатков¹⁶.

Выше каменных оснований поперечных

¹⁶ Г. А. Тиранян, Раскопки Армавира, ВОНАН, 1974, № 12, с. 55. (на арм. яз.); *его же*, Археологические работы в Армавире, ВОНАН, 1973, № 5, с. 102; См. Г. А. Меликшиани, УЖН, 288. Урартский облик большинства баз, раскрытых в западной части крепости очевиден. Верх их в виде барабана имеет сглаженную поверхность и такую же боковую часть, а низ, более широкий, обработан грубо (такие же базы с урартскими клинописными надписями найдены в Эребуни и в западной крепости Аргинтихинили). Наличие среди армавирских баз одной или двух несколько иной формы дало повод Б. Н. Аракеляну и Ф. И. Тер-Мартirosову усомниться в урартском происхождении колонного сооружения, относимого ими к ахеменидскому времени (см. Ф. И. Тер-Мартirosов, К стратиграфии Армавирского холма. Вест. общественных наук, 1974, № 1, с. 62). Обнаруживающие некоторые отклонения базы типологически тесно связаны с остальными, несомненно урартскими, базами: их отличия от последних следует отнести к позднеурартскому времени, когда грубо обработанные основания более ранних баз принимают квадратную форму. Надо заметить, что даже в западной крепости Аргинтихинили, где нет никаких строительных следов послеурартского времени, некоторые из баз отклоняются от классической формы, но это не позволяет усомниться в их урартском происхождении.

урартских стен, а также каменных баз, а в ряде случаев на одном уровне с ними, но явно отличающиеся своими внешними признаками (строительная техника, размеры), показались остатки построек послеурартского времени, о которых пойдет сейчас речь. Считаем великим отметить, что сама по себе убедительная стратиграфическая картина на разных участках удачно дополняется остатками средневекового времени, зафиксированными над послеурартским слоем и с несомненностью свидетельствующими о существовании на Армавирском холме так называемого промежуточного слоя между урартским и средневековым слоями.

Уже в начале сплошного археологического обследования западного участка Армавирской крепости, когда строительные остатки указанного промежуточного слоя еще не позволяли составить общего представления об архитектурном облике этого участка в послеурартское время, они были достаточны для доказательства существования следов указанных построек. При этом следует учесть, что разрушения средневекового времени в интересующих нас слоях, с одной стороны, и скромный в целом облик строительных остатков из-за интенсивного освоения данной территории, с другой стороны, затрудняют изучение участка, хотя накопившийся постепенно материал и позволяет сделать некоторые выводы.

Перед нами раскрывается более или менее связная картина строительных остатков послеурартского времени, которые с определенностью указывают на наличие здесь жилищ рядового типа. Частое чередование строительных остатков, указывающее на довольно оживленный характер строительной деятельности в послеурартский период, а также глубинные вторжения в средневековый период не дают возможности зафиксировать уровень полов, наличие проходов, дверей и другие детали изученных жилищ, прямоугольный план большинства которых удается установить.

Важнейшей особенностью планировки рассматриваемого участка следует признать причисление жилищ к тогда еще стоявшей первоначальной урартской оборонительной стене. Это видно по всем строительным периодам. Хотя большинство комнат примыкают непосредственно к оборонительной стене, это не значит, что комнаты не строились ниже по склону. Остатки двух комнат раннеэллинистического времени находятся дальше от стены, ряд же следов позволяет предполо-

жить, что и остальное пространство вплоть до внешней оборонительной стены могло быть застроено. Более того, как уже говорилось, примыкавшее к этой стене урартское помещение не использовалось и в эллинистическое время (выровненный пол, следы кузницы и послеурартская керамика). Вообще следует учесть, что в нижней части склона слой дошел до нас в неудовлетворительном состоянии, поэтому сохранность как строительных, так и археологических остатков оставляет желать лучшего. Мы уже видели, что стены этих жилищ отличаются от урартских—более основательных и прочных. Ширина стен эллинистического времени не превышает 1 м. Что касается строительной техники, то здесь наблюдается продолжение урартской и еще более древней традиции, по которой стены по краям складывались из более крупных камней, а в середине из более мелких.

Полученный за последние годы на западном склоне археологический материал позволяет точнее датировать так называемый промежуточный слой Армавира в целом III—I вв. до н. э.¹⁷ Такая датировка основывается на анализе железных наконечников стрел, остатков стеклянных изделий, терракотовых статуэток, а также привозных изделий. Ее подтверждает обследование богато представленного керамического материала. Но так как на дальнейшее хронологическое размежевание пока рассчитывать не приходится, сейчас затруднительно увязать остатки того или иного строительного периода с конкретным археологическим материалом. Наблюдаемая уже неоднократно однородность и однотипность археологического материала от верхних горизонтов эллинистического слоя до нижних делает такую задачу очень сложной.

Хотя сохранность строительных остатков крайне неудовлетворительная, сейчас, когда раскопанная площадь занимает широкую территорию, можно выявить особенности планировки. Эти вопросы тесно связаны с вопросами стратиграфии Армавирского холма, поэтому без их выяснения невозможен анализ архитектуры послеурартского времени.

Самые ранние строительные остатки послеурартского времени (античный слой I) зафиксированы над каменным основанием второй урартской поперечной стены, затем между третьей и четвертой поперечными стенами, а также у оборонительной стены перед от-

дельными ее участками и у контрфорсов № 1 и 4.

Остатки одного из первых жилищ, возникших в послеурартский период на западном склоне Армавирского холма, раскрыты на расстоянии 7 м от оборонительной стены в средней части второй урартской поперечной стены; жилище образует неправильный прямоугольник (6,4×4 м). Сохранившиеся стены сложены в основном из необработанных базальтовых камней гладкой стороной наружу. Были использованы также каменные глыбы больших размеров¹⁸. Стратиграфическая картина этого места очень убедительна. Южная стена комнаты шириной в 0,8 м проходит над урартской поперечной стеной (ширина 2,8 м.) в том же самом направлении. Между двумя стенами лежит слой земли высотой в 0,3 м. Два угла комнаты, юго-западный и юго-восточный, также покоятся на урартской стене. Восточная и западная поперечные стены, перекрывая урартскую, продолжают на материке и соединяются с северной стеной. Несомненно, что перед нами остатки жилища, возникшего тогда, когда урартская продольная стена была разрушена. Поэтому жилище может быть отнесено к начальному периоду освоения данного участка в послеурартское время. О его древности свидетельствует, кстати, и значительный культурный слой, накопившийся над его стенами, особенно над южной, где зафиксированы более поздние галечный пол, хозяйственная яма и остатки нескольких строительных периодов.

Остатки другой комнаты раннего периода найдены между третьей и четвертой продольными урартскими стенами¹⁹. Сохранившаяся стена комнаты (длина 5,6 м) образует угол, в кладке которого использована базальтовая база урартской колонны. Комната, по всей вероятности прямоугольная, никак не вяжется с планировкой урартских строений; более того, она задевает одним углом урартскую стену, возможно, даже перекрывая ее. Уцелевший последний ряд кладки или фундамент стены состоял из необработанных рваных базальтовых камней средней величины, некоторые из которых поставлены плашмя.

Особого внимания заслуживает несомненно поставленная на ребро большая урартская база, служившая угловым камнем. Она со всей очевидностью указывает на послеурарт-

¹⁸ Г. А. Тирация, Раскопки Армавира, ВОНАН, 1972, № 2, с. 39.

¹⁹ Г. А. Тирация, Археологические работы в Армавире, ВОНАН, 1973, № 5, с. 98.

¹⁷ Г. А. Тирация, Из материалов раскопок Армавира в 1973 г., ИФЖ, 1974, № 3.

ский характер стены, несмотря на то, что стена находится почти на одном уровне с соседними урартскими стенами, с которыми она, как отмечалось, никак не вяжется. Характер кладки стены и вторично использованная база явно урартского времени говорят о том, что это остатки жилища, относящегося к первому строительному периоду послеурартского времени на рассматриваемом участке.

Рядом, по другую сторону урартской поперечной стены № 3, вырисовываются контуры жилища (размеры 3,4×1,7 м), стены которого стоят почти что на материке. Любопытно, что комната с одной стороны углублена в фундамент урартской стены, камни которого служат южной стеной комнаты²⁰. Противоположная северная стена сложена из трех больших камней красного цвета. Две другие стены местами сложены из отдельных камней, местами же стену образует природная скала. В этой комнате, особенно под урартской стеной, был найден археологический материал эллинистического времени (керамика, ножка каменной вазы).

В некоторых местах обнаружены остатки жилища первого строительного периода, примыкающие непосредственно к оборонительной стене. Северный край поперечной первой урартской стены, опирающейся на контрфорс № 1, переделан, по всей вероятности в послеурартское время, в отдельную стену. Как и урартская стена, она лежит непосредственно на материке и образует часть древней комнаты, расположенной в начале оборонительной стены²¹.

Остатки стен, образовывавших прямой угол, раскрыты у северного угла контрфорса № 4. Они примыкают к скалистому фундаменту оборонительной стены, но находятся чуть выше и даже частично перекрывают каменные основания четвертой поперечной урартской стены. Сохранившийся нижний ряд кладки послеурартской стены состоит из плоских красных среднего размера камней вулканической породы. Стена этого же времени завершала примыкавшую к оборонительной стене комнату с западной стороны, придавая ей более или менее правильные прямоугольные очертания²². Остатки ранней стены имеются у самой оборонительной стены между контрфорсами № 1 и 2. Она лежит прямо на материке и находится в плохой сохранности.

²⁰ Г. А. Тиранян, Раскопки Армавира, ВОНАН, 1974, № 12, с. 56.

²¹ Там же, с. 54.

²² Там же, с. 54—55.

Видно, что она шла параллельно оборонительной стене. Около нее, также на материке, лежала база из туфа кубической формы (размеры 0,45×0,4×0,37 м). Здесь же у урартской поперечной стены были найдены обгоревшие остатки столба (15×15 см). В этих лежавших на самом материке, порой ниже соседних урартских сооружений (поперечные стены, база), остатках следует видеть следы древних жилищ, возникших в послеурартский период²³.

Незначительные остатки стен раннего периода зафиксированы и в других местах интересующей нас территории, но по причине своей маловыразительности они здесь не рассматриваются.

Следует упомянуть однако две хозяйственные ямы. Одна (диаметр 1,05, глубина 0,5 м) найдена по склону, у второй поперечной стены²⁴. Дно ямы образует скалистый грунт. В ней находились характерные образцы эллинистической керамики. Жилище, к которому относится яма, не сохранилось, так как здесь, в нижней части склона, слой был размыт.

Вторая, более глубокая яма раннего периода (диаметр 1 м, глубина 1,5), вырублена в скале перед южной стеной угловой башни урартской оборонительной стены²⁵. Найденные здесь предметы, главным образом черепки глиняных сосудов, также относятся к эллинистическому времени.

Выявленный участок глиняного утробованного пола лежит на уровне урартской каменной базы. И база, и пол находятся на довольно толстом слое земли, богатом культурными отложениями выше материка, по видимому, урартского времени, что указывает на ранний период уровня залегания пола.

Над той же второй поперечной урартской стеной, но уже ближе к оборонительной стене, были обнаружены фундаменты прямоугольной комнаты, которую по стратиграфическим соображениям можно отнести ко второму строительному периоду²⁶. В самом деле, северная стена комнаты, располагавшаяся выше урартской стены на 0,85 м и имеющая

²³ Г. А. Тиранян, Археологические работы в Армавира, ВОНАН, 1973, № 5, с. 96.

²⁴ Г. А. Тиранян, Древнеармянская керамика из раскопок Армавира (Опыт классификации и датировки), ИФЖ, 1971, № 1, с. 255.

²⁵ Г. А. Тиранян, Из материалов раскопок Армавира в 1973 г. ИФЖ, 1974, № 3, с. 171.

²⁶ Г. А. Тиранян, Раскопки Армавира, ВОНАН, 1972, № 2, с. 39.

то же направление, одновременно перекрывает юго-восточный угол рассмотренной комнаты первого строительного периода. Отметим, что стратиграфическая картина строительных остатков на этом участке очень наглядна, так как над описанными фундаментами залегают остатки другой стены, относящейся уже к третьему строительному периоду.

Плохо сохранившиеся фундаменты указанной комнаты сложены из мелких камней. Ширина фундаментов—0,5 м, тогда как урартская стена, над которой лежит один из них, имеет ширину 2,8 м. Вообще надо сказать, что эта стена сильно отличается от урартской.

К тому же второму строительному периоду, вероятно, относятся прямоугольное помещение, две стены которого отходят от оборонительной стены (угол контрфорса № 4 и сама стена) в западном направлении (длина стен 4,8 и 5,6 м, ширина 0,7—0,8 м, расстояние между ними 3 м)²⁷. Основания стен, вернее фундаменты, плохо сохранились, но видно, что они были сложены из красных необработанных камней вулканической породы. О длине комнаты судить трудно, так как остатки фундаментов четвертой стены, найденные с западной стороны и лежащие на материке, находятся на более низком уровне. Возможно, что эта стена более ранняя, она принадлежала к другой комнате, относящейся к первому строительному периоду, и также примыкавшей к оборонительной стене. Следует учесть то, что там, куда попадает помещение второго строительного периода, культурный слой довольно глубокий и он продолжался фундаментами комнаты на 1,70 м (эта отметка зафиксирована под оборонительной стеной).

Остатки другой стены, отходящей от угловой башни оборонительной стены (длина стены 4,25 м), свидетельствуют о существовании здесь комнаты²⁸, тем более, что вблизи была найдена выдолбленная в скальном грунте хозяйственная яма эллинистического времени.

С этим же строительным периодом связан, по-видимому, галечный пол, занимающий довольно большое пространство²⁹. Пока

²⁷ Г. А. Тирацян, Раскопки Армавира, ВОНАН, 1974, № 12, с. 54—55.

²⁸ Г. А. Тирацян, Из материалов раскопок Армавира в 1973 году, ИФЖ, 1974, № 3, с. 171.

²⁹ Г. А. Тирацян, Раскопки Армавира, ВОНАН, 1972, № 2, с. 39; его же, Археологические работы в Армавира, ВОНАН, 1973, № 5, с. 98, 99.

трудно сказать, покрывал ли он большой двор или, что вероятнее, образовывал полы разных помещений.

В разрезе восточной стены раскопанного здесь квадрата галечный пол лежит на высоте 0,68—0,86 м от материка холма. Здесь же, а также в соседнем квадрате, галечный пол зафиксирован над каменным основанием первой поперечной урартской стены и урартской базы. На уровне галечного пола был раскрыт горелый слой, а также остатки глиняного утробованного пола. Ниже галечного пола находки продолжались; по-видимому, их следует относить к первому строительному периоду, о существовании которого, как мы уже видели, свидетельствуют остатки стены и квадратная база. Толщина этого слоя равна 0,35 м (высота галечного пола над фундаментом урартской стены) + 0,22 м (высота фундамента урартской стены, античный слой, его археологические и архитектурные остатки доходят до самого материка, т. е. ниже каменного основания урартской стены).

Остатки галечного пола зафиксированы также над фундаментами второй поперечной урартской стены.

Слой гальки перекрывает стоящую над урартской стеной южную стену комнаты раннего периода. Галечный пол здесь обнаружен на высоте 0,65—0,7 м от урартской стены и на высоте 0,4—0,45 м от стены раннего периода. В угловой части одного из квадратов на галечном полу был обнаружен аск на 1 м выше урартской стены.

В квадрате 6 Е галечный слой перекрывает поперечную урартскую стену и базу на высоте 0,1 м и упирается в восточную стену более ранней комнаты. Слой зафиксирован также над ее северной стеной.

Плохо сохранившиеся остатки галечного пола обнаружены также, над поперечной урартской стеной, от которой их отделяет слой земли. Пол не только не перекрывает стену второго строительного периода, но и находится чуть ниже него.

Галечный пол найден и в соседнем квадрате, где он пересекает стены жилища, относящегося к первому строительному периоду, рассмотренного выше. Здесь зафиксирован также угольный слой.

Наконец, остатки галечного пола вперемешку с глыбами мозаичного пола раскрыты вместе с типичным эллинистическим материалом над каменным основанием пятой поперечной стены урартского времени.

Третий строительный период также представлен остатками стен жилищ. Угловая сте-

на стоит над второй поперечной урартской стеной, на высоте 1,58 м от нее³⁰. Как уже отмечалось, этот участок имеет особое значение с точки зрения стратиграфии. В самом деле, здесь хорошо видно, как угловая часть первой стены перекрывает (соответственно на 1,58 м и на 0,83 м) находящиеся одна под другой стены первого и второго строительного периодов. Как видно по остаткам стен, комната имела прямоугольную форму, четвертую ее стену образовывал сложенный из кирпича-сырца верх оборонительной стены. Угол комнаты отстоит от оборонительной стены на 7,5 м; это расстояние является ее длиной. Угловая стена, ширина которой достигает 1 м, сложена из необработанных базальтовых камней сравнительно большого размера. Над ней при раскопках в указанном квадрате были обнаружены незначительные остатки каменных стен. Их можно отнести к средневековому времени.

Другая комната того же периода находилась около контрфорса № 3³¹. Одна стена (длина 2,6 м) этой комнаты, идущая параллельно контрфорсу на расстоянии 3,5 м от него, перекрывает каменное основание третьей поперечной урартской стены на высоте 1,30 м. Вторая стена отходила от первой и примыкала к контрфорсу или даже продолжалась над каменным основанием урартской оборонительной стены. Здесь видны остатки поздних стен, которые могут иметь непосредственное отношение к этой комнате. Отметим, что найденный здесь и тем более на участке, по уровню совпадающий с каменным основанием, археологический материал, безусловно относится к эллинистическому времени.

Мы видим, таким образом, что у оборонительной стены в третий оборонительный период появилась комната, образующая неправильный прямоугольник. Сохранившиеся нижние ряды кладки стены (ширина 1,1 м) состоят из красноватых необработанных средних размеров камней вулканической породы. В 1962 и 1968 гг. были найдены остатки хозяйственных ям, относящихся к этому периоду. Одна находилась около контрфорса № 4. Верхние камни кладки которого выступали из-под земли. Здесь, на поверхности, обнаружены ямы с ярко выраженной эллинистической керамикой. В последующие годы на этом

же месте были раскрыты комнаты, относимые нами ко второму строительному периоду.

Вторая яма обнаружена над фундаментом второй поперечной урартской стены³². От нее осталось утрамбованное дно и нижняя часть стенок. Яма лежит над галечным слоем, восходящим ко второму оборонительному периоду, под которым обнаружена стена комнаты, относимой нами к первому периоду.

ГОРОДА ЗАПАДНОЙ АРМЕНИИ III В. ДО Н. Э.

Армавир—город, возникший «стихийно», то есть не в связи с градостроительной деятельностью царя, хотя его провозглашение столицей во второй половине IV в. до н. э. послужило толчком для его дальнейшего развития. Появление более поздних городов Армении было непосредственным результатом царской власти, политики, что характерно для всего эллинистического мира³³. В наши цели не входит рассмотрение градостроительной деятельности армянских царей, основательно изученной армянскими советскими историками. Отметим только, что одно из характерных явлений этой деятельности—называние городов по имени основавшего его царя или отца этого царя,—позволяет определить с большей долей вероятности дату возникновения города. При учете этого обстоятельства целый ряд городов западных областей Армянского нагорья надежно датируется второй-третьей четвертью III в. до н. э. Данные письменных источников, lapидарные надписи соседней с Арменией страны Коммагены и античные нарративные тексты, а также топографические сведения позволяют установить, что в первой пол. III в. произошло выделение из состава Армянского царства Еруандидов Софено-Коммагенского царства³⁴. Софенская часть этого царства изначально входила в Армению, Коммагена же была включена в состав Армении, вероятно, во времена сатрапии или при провозглашении во второй половине IV в. Армянского царства Еруандидов, хотя полной уверенности в этом нет. Ясно то, что династия Еруандидов разделилась на две ветви, одна из которых правила объединенной Софено-Ком-

³⁰ Г. А. Тирацян, Раскопки Армавира, ВОНАН, 1972, № 2, с. 39.

³¹ Г. А. Тирацян, Археологические работы в Армавира, ВОНАН, 1973, № 5, с. 97.

³² Г. А. Тирацян, Древнеармянская керамика из раскопок Армавира, ИФЖ, 1971, № 1, с. 225.

³³ Г. Х. Саркисян, Тиграканерт, М., 1960.

³⁴ Г. А. Тирацян, Страна Коммагена и Армения, ИАНОИ, 1956, № 3.

магенской страной, а другая—в оставшейся части Армении. Это обособление западных земель, как указывал еще акад. Я. А. Манандян, могло быть вызвано и экономическими условиями³⁵. Факт возникновения здесь городов, а также чеканки первых армянских монет хорошо подтверждает эту мысль.

Древнейшими городами Софено-Коммагенского царства были Самосата и Самокерта. Давно доказано, что названия этих городов восходят не к имени Сама, деда коммагенского царя Антиоха I, правившего во II в. до н. э., а связаны с другим коммагенским царем—Самом, который правил в первой половине III в. до н. э. То, что города Самосату и Самокерту основал Сам I, видно также из того, что Самосата существовала уже при жизни географа Эратосфена, т. е. около 245 г., как это вытекает из одного отрывка Страбона, а Самокерта находилась, по сведениям ранневизантийских историков, на крайнем востоке Софены, вернее в Арзанесе: при Саме II Софена и Коммагена уже были разделены, и коммагенские цари не могли заниматься градостроительной деятельностью на территории восточнее Евфрата.

Если о Самокерте мы больше ничего не знаем, то о Самосате известно, что она стояла на Евфрате и что через нее проходила дорога из Малой Азии в Армению. Возможно, на ее месте в хеттское время существовала крепость или поселение. Материалы по эллинистическому периоду весьма небогаты—это остатки рельефов и греческих надписей, из которых понятно, что здесь находилось святилище для отправления царского культа³⁶.

О городах, связанных с именем правившего в 40-х гг. III в. до н. э. царя Аршама, благодаря археологическим раскопкам известно немного больше. На берегу Восточного Евфрата (Арацани, Мурад-Су) находилась новая столица Софены Аршаманат (Арсамосата античных авторов), сменившая Самосату. Местонахождение этого города указано Полибием, по словам которого он стоял «в так называемой прекрасной равнине между Евфратом и Тигром» (VIII, 25). Согласно Плинию, Аршаманат находился очень близко от Евфрата—Арацани (VI, 10). На основе этих сообщений, подкрепленных данными армянских и арабских источников, полагают, что новая столица Софены располагалась

недалеко от левого берега Арацани (между нынешними Харпутом и Балуду). Я. А. Манандян писал: «Для окончательного выяснения точного места Аршаманата необходимо, несомненно, произвести топографические и археологические изыскания в районе между Харпутом и Балуду»³⁷. Раскопки были произведены здесь совсем недавно. Их организация связана с затоплением большой территории вдоль собственно Евфрата и его крупного восточного притока Арацани (Мурад-су) после окончания строительства Кербанской плотины³⁸.

Большой интерес вызвали раскопки на холме Шимшат-калеси у берега Восточного Евфрата (Арацани), близ сел. Хараба между Элязником и Палу в восточной части Харбердской долины (работы велись Анкарским университетом, руков. Б. Эгюн)³⁹. Этот интерес обусловлен как обнаруженным здесь археологическим материалом, так и названием холма, позволяющим отождествить его с названием Аршаманата-Арсамосаты. Этим нашло свое подтверждение высказанное

В. Томашеком предположение о локализации города на левом берегу Восточного Евфрата на месте развалин около нынешнего селения Хараба⁴⁰.

Холм, с двух сторон омываемый Восточным Евфратом и господствующий над равниной по обеим сторонам реки, ввиду своей стратегически выгодной позиции вполне мог служить местом для цитадели эллинистического города, каким был Аршаманат. Древнейшие слои холма датируются хеттским и урартским временем, часть открытых на холме стен, вернее их фундаментов, может быть отнесена к эллинистическому и римскому периодам.

Из строительных остатков несомненно эллинистического времени особенно важны остатки прямоугольной в плане башни оборонительной стены цитадели. Башня была сложена

³⁵ Я. А. Манандян, ук. соч., с. 33.

³⁶ Kebab Project 1969 Activities, Ankara, 1971, Kebab Project 1970 Activities, Ankara, 1972 (Middle East Technical University Kebab Project Publications), Se tes 1, No 2, 3.

³⁷ B. Ögün, Haraba Excavations, 1969, Kebab, 2, с. 43—46, табл. 34—41, см. также Kebab, 3, с. 77—78, табл. 50—53.

³⁸ Г. А. Тирацян, Новые археологические материалы послеурартского времени на территории Западной Армении (Турция) и их место в истории древнеармянской культуры, Древний Восток, 2, Ереван, 1976, с. 135—138; Я. А. Манандян, ук. соч., с. 33.

³⁵ Я. А. Манандян, О торговле и городах Армении, II изд., Ереван, 1954, с. 30 и далее.

³⁶ K. Humm, O. Puchstein, Reisen in Kleinasien und Nordsyrien Textband, Berlin, 1890.

без применения раствора из ровных рядов прямоугольных хорошо обработанных камней средней величины. Значение ее для изучения архитектуры и строительного дела Армении эллинистического времени очевидно. Были раскрыты также остатки большой полукруглой башни рядом с городскими воротами, выходящими на реку, и остатки стен, верхние ряды кладки которых датируются средневековым временем, а нижние, по мнению Б. Эгюна, урартского происхождения.

Среди найденных на холме археологических материалов преобладают предметы III в. до н. э.—III в. н. э. Фрагмент чернолакового сосуда с поясками черного и коричневого цвета происходит из Аттики и датируется раннеэллинистическим временем (IV—III вв. до н. э.). Это один из первых образцов аттического импорта на Армянском нагорье. К тому же или к несколько более позднему времени относятся глиняный веретенообразный бальзамарий и глиняные светильники. Число найденных привозных бальзамариев постепенно увеличивается, в частности благодаря раскопкам восточных центров эллинистической Армении (Армавир, Арташат). Фрагмент чаши-фиалы Б. Эгюн увязывает с фригийской керамикой, хотя он имеет многочисленные аналоги среди археологического материала городов и крепостей Армении эллинистического времени. Чаши-фиалы с перехватом, округлым дном и расходящимся венчиком представляют собой одну из основных форм древнеармянской керамики. К первым векам н. э. относятся фрагмент краснолащенного блюда и светильник.

Как известно, царь Аршам основал также два города по названию Арсамея, находившихся в коммагенской части царства. Один из них Арсамея-на-Евфрате (Гергер) был обнаружен еще в XIX в. неутомимыми путешественниками и исследователями Хумпом и Пухштейном⁴¹. К сожалению, от города мало что сохранилось; известно только, что здесь на скалистой крутой возвышенности стояла крепость, отличавшаяся прекрасными оборонительными качествами, что было замечено уже фельдмаршалом Мольтке. Хотя это место не хеттское, как многие думают, но хеттские традиции здесь дают о себе знать. Надписи и рельефы указывают на существование в городе святилища не только Антиоха, но и его предков. Из этих же надписей мы узнаем название города и то, что он был

основан в начале второй пол. III в. царем Аршамом, сыном Сама. Арсамея-на-Евфрате, так же как обнаруженная впоследствии Арсамея-на-Нимфес, занимая стратегически выгодное положение, должны были защищать страну от селевкидских нападений.

Второй город Арсамея-на-Нимфес (Кнахта-чай, правый приток Евфрата), был расположен недалеко от первого. Примерно на половине пути от одной Арсамеи к другой находится знаменитое святилище коммагенского царя Антиоха на горе Немруд-даг.

Целый ряд первоклассных памятников, обнаруженных на поверхности и затем в ходе систематических раскопок этого города-святилища, дает разнообразные сведения о нем, относящиеся, правда, к I в. до н. э.⁴² Что же касается города III в., то о нем можно судить по обнаруженной здесь большой надписи, данные которой дополняются топографическими наблюдениями и раскопками. В этой надписи говорится, что святилище, заложное Митридатом Каллиником, царем Коммагены в конце II—начале I вв. до н. э., было достроено его наследником Антиохом I и приспособлено для отправления совместного культа отца и сына. Важно то, что, согласно надписи, святилище находилось в предместье Арсамеи-на-Нимфес. По той же надписи, город был основан предком Антиоха Арсамом, заложившим его на двух скалистых холмах, между которыми несли свои воды рек Нимфей. Арсам обвел эти холмы оборонительной стеной, после чего этот двойной город стал служить важным военным опорным пунктом и убежищем. Приведенные данные касаются расположенной на двух холмах цитадели, остатки же самого города лежат под современным поселением Ески-Кнахта у подножья одного из холмов. Больше ничего не известно о городе III в. до н. э. В нем могло иметься также святилище более древнее; возможно, на месте города находилось древнейшее поселение. Обнаруженные здесь сооружения, рельефы и прочий археологический материал в основном относятся к I в. до н. э., отчасти и ко II в. до н. э. Находки, главным образом, архитектурные, позволяют проследить урартские истоки некоторых явлений этой по существу городской культуры⁴³. Хотя эти явления укладываются

⁴² F. K. Dörner, Th. Goell, Arsameia am Nymphaios, Berlin, 1963 (Istanbuler Forschungen, Band 23).

⁴³ Г. А. Тирация, Новый эллинистический центр в стране Коммагене. реч. на F. Dörner, Th. Goell, Arsameia am Nymphaios, ВОНАН, 1969. №3, с.94. (на арм. яз.)

⁴¹ K. Humann, O. Puchstein, ук. соч.

в хронологические рамки II—I вв. до н. э., они не могут не иметь значения для исследования культуры более ранних времен, в частности III в. Речь идет об архитектурных особенностях монументального входа в зал, вырытый в толще скал, помещений, цокольных сооружений, террасировки склонов и о других многочисленных примерах хорошего владения приемами обработки камня.

Еруандашат. Раннесредневековый историк Мовсес Хоренаци в числе причин, побудивших последнего царя из династии Еруандуни (конец III в. до н. э.) перенести столицу из Армавира в Еруандашат, особо выделяет удаленность реки от городских построек Армавира («История Армении», II). Это сообщение надо понимать в том смысле, что постоянно меняющееся русло реки мешало бесперебойному функционированию каналов, доставлявших воду городу и его полям, хотя раскопки западного склона Армавирского холма ясно показывают продолжение жизни здесь после III в. до н. э. Так или иначе, в последней четверти III в. возникает новая столица армянского царства Еруандашат. Местонахождение этого города долгое время было предметом споров. Хотя на предполагаемой территории города раскопки не проводились, посещавшая ее в последние годы группа специалистов-археологов, архитекторов и историков под руководством Б. Н. Аракеляна нашла развалины древнего города, оборонительных сооружений, улицы и дома у слияния Аракса с его левобережным притоком — рекой Ахуриан (Аричай), на северном берегу Аракса и восточном берегу Ахуриана⁴¹.

Прежде чем перейти к описанию и интерпретации архитектурных остатков города, следует рассмотреть вкратце сведения Мовсеса Хоренаци о нем. Историк отличает акрополь от города. Акрополь, по его словам, был расположен на скалистом холме, который огнибают Аракс, а с противоположной стороны которого течет Ахуриан. Хоренаци сообщает, что Еруанд обвел холм стенами и во многих местах прорезал скалы ниже фундамента стены до уровня реки, чтобы вода могла стекать в цистерну, вырытую для удовлетворения нужд жителей. В. М. Арутюнян справедливо указывает, что тут мы имеем прямое указание о наличии в крепости специальных водохранилищ, пополняемых водой из реки, и из этого же сообщения можно

заключить, что город имел оборонительную стену со стороны реки⁴².

«Вышгород, по словам Хоренаци, царь укрепляет высокими стенами, в середине которых устанавливает медные ворота и чугунную (железную) лестницу снизу до самой двери. Между ступеньями последней устраивает какие-то потаенные западни, в которых мог бы быть пойман тайком пробирющийся по ним для покушения на жизнь царя» («История Армении», II, 39).

Возможно, что упомянутую историком чугунную (железную) лестницу, которая вела к медным воротам, в случае необходимости можно было убрать. Картина, нарисованная Мовсесом Хоренаци, не раскрывает подлинного облика огромного города, который прояснится лишь после проведения геодезической съемки, а тем более после археологического изучения, однако уже сейчас по развалинам можно представить себе некоторые особенности города.

По-видимому, Еруандашат в целом был более неприступным, чем Армавир, местом. Просторная возвышенность, на которой находился город, была обращена скалистыми обрывами к рекам, защищавшим ее с двух сторон. С третьей стороны она граничила с высокими холмами, которые затрудняли доступ к городу. В него легче всего можно было попасть по ущелью реки Аракс.

Город был расположен на двух террасах, большей — верхней и меньшей — нижней, которая, впрочем, находится значительно выше уровня реки. Создается впечатление, что город состоял из двух частей, нижней и верхней. Он был оцепан длинными крепостными стенами с башнями, следы которых видны во многих местах. Толщина стен 2—2,5 м, сложены они из необработанных каменных глыб. На территории города также найдены остатки массивных стен, шедших в основном параллельно руслу Аракса и разделивших город на ряд кварталов. Не исключено, что, как предполагает Б. Н. Аракелян, эти кварталы занимали переселенные при Тигране II и Артавазде II жители соседних эллинистических стран⁴³. Нижний город был хорошо застроен; следы зданий видны на всей его территории. Особое внимание привлекает фундамент большого здания с контрфорсами и угловыми выступами. Мно-

⁴¹ В. М. Арутюнян, К вопросу о градостроительной культуре древней Армении, ИАНОН, 1955, № 9, с. 55.

⁴² Б. Н. Аракелян, ук. соч., с. 92.

⁴¹ Б. Н. Аракелян, Где находились города Еруандашат и Еруандакерт, ИФЖ, 1965, № 3. (на арм. языке).

гочисленны строительные остатки и верхнего города: кроме упомянутых кварталов, четко виднеются улицы, по обеим сторонам которых расположены развалины стоявших здесь зданий. Интересно здание со стенами из огромных необработанных камней, особенностью которого являются его выступающие углы.

Мнение о том, что первоначальное ядро города находилось на возвышенности около сел. Хербеклу и что город разрастался в сторону упоминавшихся выше северной и южной террас, а также в сторону р. Ахурия, должно быть, не совсем верно. По всей вероятности, город возник на стратегически наиболее выгодной прибрежной территории. Вопрос местоположения вышгорода решить не просто. Возможно, он находился на возвышенностях в юго-западной части города, у р. Ахурия. На одной из них имелась сложенная из больших необработанных камней стены, которые по наблюдениям Т. Торомаяна местами достигали высоты 4—5 м. Такие же стены видны и на склонах. Неоднократно обследованные развалины Еруандашата приводит к заключению, что это был огромный город: по данным письменных источников, он существовал более 500 лет. Как и остальные города Армении, Еруандашат был разрушен в 360-х гг. н. э. персами, а население города, угнано в Персию. Жизнь возобновилась здесь лишь в эпоху зрелого средневековья, судя по памятникам этого времени, разбросанным на территории бывшего города. Точно определенные хронологические границы эллинистического города (конец III в. до н. э.—60-е гг. IV в. н. э.), казалось бы, должны облегчить задачу его исследования, однако, все же некоторые особенности архитектуры и строительного дела допускают существование на этом месте крепости и поселения доурартского и урартского времени. Раскопки могли бы помочь разграничить также доантичное от античного.

Арташат. Город Арташат (Артаксата античных авторов), как показывает уже его название и как известно из письменных источников, был основан царем Арташесом (Артаксием) I, объединителем армянских земель. До рассмотрения градостроительно-архитектурных остатков этого прославленного города древней Армении укажем несколько других городов, появившихся, согласно недавним исследованиям, в результате градостроительной деятельности того же царя. Это три города с одним и тем же названием Зарехаван и два города с названием Заршнат, располагавшихся цепью с севера на

ют от Карского плато до Урмийского озера⁴⁷. Названы они по имени Зареха, отца Арташеса, упоминаемого в арамейских надписях последнего. К сожалению, проверенные вещественные данные об этих городах, точно не локализованных, полностью отсутствуют. То же самое относится к другому городу, основанному Арташесом и носящему его имя,—к Аркеате, лежавшей, по свидетельству Страбона, также на Араксе, но южнее Артаксаты, на границе с Атропатеной.

Судя по всему, Артаксата была основана в конце 90-х гг. II в. до н. э. К этому времени объединение армянских земель в состав единого государства подходило к концу, и появилась необходимость в создании нового политического, экономического и культурного центра. О местоположении города сообщает главным образом Страбон и Мовсес Хоренаци, некоторые данные на этот счет имеются и у других историков. Эти сведения позволяют локализовать новую столицу в Араратской долине, на левом берегу р. Аракс, там, где в нее впадает р. Мецамор. Основываясь на раннесредневековых армянских источниках, можно поместить цитадель города на хорвиранских холмах. Как будет видно ниже, археологические изыскания полностью подтвердили данные письменных источников. Последние сообщают также, что город находился на перешейке, защищенном с трех сторон водами Аракса и Мецамора, а с четвертой, где находился перешеек,—рвом и валом. Хотя обе реки были довольно глубокими и могли служить естественным средством защиты, город окружала мощная оборонительная стена, идущая по берегу. Из-за большой длины стены, римляне предпочли разрушить город, под предлогом того, что у них не было большого гарнизона для его охраны. По всему видно, что он строился по всем правилам эллинистического градостроительства. Город был назван по имени царя-основателя, и как видно из одного очень интересного сообщения Плутарха, построен по единому, заранее разработанному плану⁴⁸.

Имеется достоверное свидетельство Страбона о том, что город был построен при помощи сипийкизма—переселения жителей, часто насильственного, из других мест⁴⁹. Употребление этого применяемого ко многим

⁴⁷ Г. Х. Саркисян, ук. соч., с. 43.

⁴⁸ Там же, с. 42.

⁴⁹ С. Крклишарян, Сипийкизм в эллинистической Малой Азии и Армении, ИФЖ, 1964, № 1. (на арм. яз.).

городам эллинистического мира термина по отношению к Арташату имеет немаловажное значение. Льготы, предоставленные горожанам при строительстве города, наводят на мысль о наличии здесь института литургии⁵⁰, явления тоже весьма распространенного в эллинистическом мире, облегчающего задачу быстрого благоустройства городов. В связи с этим мы не можем не учитывать сведения письменных источников, упоминающих целый ряд архитектурных сооружений Арташата.

Оборонительные сооружения города, упоминаемые источниками, были рассмотрены выше: здесь мы остановимся на сведениях об арташатских мостах и других сооружениях.

Мост через Араке упоминает Тацит в связи с занятием города войсками Корбулона в 58 г. н. э. Несомненно, что он был построен уже при основании города для обеспечения связи столицы с западными областями страны. Этот главный городской мост упоминается в раннесредневековых источниках под названием Таперакан. По наблюдениям Б. Н. Аракеляна, остатки его бычков сохранились до сих пор. Мосты стояли и над р. Мецамор, огнивающей город или цитадель с северной стороны, и, возможно, над рвом, дополняющим естественные водные преграды.

Греко-римские и армянские историки сообщают о царском дворце, расположенном в цитадели. Вероятно, этот дворец находился на хорвирапском холме, где сейчас находится церковь XVII в. В этом дворце, в одном из его залов силами греческих актеров были инсценированы «Вакханки» Еврипида. Рядом с дворцом находилась темница для особо опасных преступников.

В городе имелся целый ряд зданий общественного назначения, по-видимому, выделяющихся своими архитектурными достоинствами. Армянские источники упоминают два основных языческих храма, храм Луны в городе и храм Солнца за городом, на главной дороге, которая вела в Валаршапат. Трудно сказать, почему один храм находился за чертой города: известно, что в Армавире, а также в Багаране Солнце и Луна почитались вместе. В Арташате происходит разделение их культов, зафиксированное позже и в Валаршапате⁵¹. Здания храмов Луны (Анант—

Артемиды) и Солнца (Тира—Аполлона) были безжалостно уничтожены при принятии христианства, поэтому можно надеяться найти лишь основания этих зданий. Из описания разрушения храма Анант у Агафангела ясно, что перекрытие здания было деревянным, так как оно воспламенилось со страшной силой. Интересно, что перекрытие храма, вероятно, тоже посвященного богине Анант, в Восточной Грузии (Деололис Миндори), найденное археологами на полу здания, также было деревянным⁵².

В этой связи следует коснуться точки зрения В. М. Арутюяна на архитектурные формы армянских храмов. В сообщениях Мовсеса Хоренаци о статуях предков и богов, стоявших в храмах, он видит указание на существование в Армении языческих храмов двух типов: «местных, в котором ставились статуи «богов своих предков» и храмов античного типа, в которых ставились статуи эллинизированных богов языческих армян»⁵³. Хотя мысль о существовании древних храмов двух (или даже нескольких) типов верна, неправильно объяснять их различие стоявшими в них статуями, тем более что, как видно из сообщений Хоренаци, эти статуи, независимо от того, кого они изображали, ставились вместе в одном и том же храме. Трудно сказать на этом основании что-нибудь определенное о характере архитектурных форм арташатских храмов. В. М. Арутюян безусловно прав, считая, что храм Артемиды не был единственным в Арташате, и что, по-видимому, в городе были и другие храмы, построенные как при Арташесе I, так и его преемниках⁵⁴.

Вопрос о существовании в Арташате здания театра остается открытым: его должны решить раскопки. Высказанные с уверенностью мысли о существовании такого здания в Арташате основываются исключительно на косвенных данных (существование театра в Тиграпакерте и театральное представление в арташатском царском дворце)⁵⁵.

на дороге так как Аполлон считался покровителем торговли.

⁵⁰ Ю. М. Гагошидзе, Храмовый комплекс Деололис Миндори, II—I вв. до н. э. XIV Международная конференция антиковедов социалистических стран, Тезисы докладов, Ереван, 1976, с. 84—85.

⁵¹ В. М. Арутюян, ук. соч., с. 64.

⁵² Там же.

⁵³ Г. Голян, Два тысячелетия армянского театра, том I, Театр древней Армении, М., 1952, с. 101 и далее.

⁵⁰ Г. Х. Саркисян, ук. соч., с. 70.

⁵¹ Г. А. Тирациян, К вопросу о градостроительной структуре и топографии древнего Валаршапата, ИФЖ, 1977, № 2. Святилище Солнца-Аполлона могло стоять

Находки монет, чеканенных в Арташате, не только от имени царя, но и от имени города⁵⁶ показывают, что город располагал своим монетным двором, здание которого предстоит обнаружить.

Ряд данных говорит о том, что город играл важную роль в торговле между Востоком и Западом. Будучи значительным перевалочным пунктом, он должен был иметь особое здание таможи.

В. М. Арутюнян справедливо отмечает: «все это уже общезвестные факты при исследовании вопроса о градостроительной культуре,—мы бы добавили вообще городской культуры, архитектуры и материальной культуры,—приобретают совершенно новый смысл, раскрывая общие черты городской жизни и архитектурный облик городов древней Армении, в том числе и Арташата»⁵⁷. Этот новый смысл усиливается в свете данных раскопок, начатых в 1970 г. Еще до начала систематических раскопок был сделан ряд важных открытий, позволяющих более определенно судить о городе. Хотя территория самого города в целом не оказалась затронутой раскопками, результаты археологических работ в цитадели, а также в некрополях города вместе с приведенными данными характеризуют лучше, чем когда бы то ни было, градостроительство Арташата. Благодаря ряду обстоятельств возникает возможность определения примерных границ городской территории; с некоторыми из них следует познакомиться подробнее.

В 1967 г. примерно в 2,5 км северо-восточнее хорвиранских холмов, т. е. цитадели города, на южной окраине сел. Покр Веди, куда, по всей вероятности, доходили кварталы древнего города, случайно были сделаны важные находки, среди которых выделяется большая латинская надпись императора Траяна⁵⁸. Находка еще одной надписи—латинской эпитафии, а также ряда архитектурных деталей (базы колонн, камни с гнездами для металлических скреп, часть вымостки

пола из неотесанных камней) свидетельствует о том, что здесь, по-видимому на северо-восточной окраине города, стояло какое-то здание, на сооружение которого как будто указывает большая надпись, и которое, судя по его расположению относительно цитадели и учитывая его расстояние от нее, могло обозначать границу города. Большую ценность имеют также находки на пашнях, окружающих холмы цитадели многочисленных черепков. Особенно важны сделанные также до начала раскопок находки на участке между упомянутыми холмами и сел. Покр Веди. Здесь, к востоку от цитадели, во время земледельческих работ была сровнена с землей маленькая возвышенность, скрывавшая остатки здания, о чем говорят найденные здесь обломки кровельной черепицы, фрагменты стеной росписи, архитектурного убранства и большое число черепков. Можно быть уверенным в том, что это остатки какой-то городской постройки. Следы обитания имеются и на двух холмах к востоку от цитадели, в непосредственной близости от нынешнего сел. Лусарат. Все эти данные показывают, что древний город, занимавший территорию до 500 га, распространялся в основном на восток и северо-восток от теперешних хорвиранских холмов, на которых стояла цитадель города⁵⁹. Его южной границей была р. Аракс, восточная граница доходила до сел. Лусарат и до пашен сел. Нов-Кянк, северо-восточная—до сел. Покр Веди. Заболоченные места на западе от цитадели мешали росту города в этом направлении. Здесь на возвышенностях зафиксированы современные городу погребения, составляющие отдельный некрополь. Отметим, что расположение городских некрополей тоже помогает правильно определить территорию города. Некрополи—кроме упомянутого западного, один восточный, другой юго-восточный—находились за городской чертой, второй на довольно большом расстоянии (могилище у сел. Шираз)⁶⁰.

Для правильного осмысления городской архитектурно-планировочной структуры следует остановиться и на вышгородце Арташата, выделяющемся своей величиной и сложной системой оборонительных сооружений⁶¹. Об-

⁵⁶ Н. Seyrig, *Trésor monétaire de Nisibe*, *Revue Numismatique*, 1955, с. 114—115; Б. Н. Аракелян, *Древний Арташат*, Ереван, 1975, с. 45—46 (на арм. яз.); Х. А. Мушегян, *Денежное обращение в античной и средневековой Армении по нумизматическим данным* (авторсф. докт. дис.), Ереван, 1975, с. 12; М. О. Зардарян, *Об одном типе монет арташатской чеканки*, *ВОНАН*, 1977, № 2.

⁵⁷ В. М. Арутюнян, *ук. соч.*, с. 64.

⁵⁸ Б. Н. Аракелян, *Латинские надписи из древней столицы Армении Арташат*, ИФЖ, 1967, № 4.

⁵⁹ Б. Н. Аракелян, *Основные результаты раскопок древнего Арташата*, в 1970—1973 годах, ИФЖ, 1974, № 4, с. 47.

⁶⁰ Ж. Д. Хачатрян, *Кремация в Армении*, ИОНАН, 1975, № 2. (на арм. яз.).

⁶¹ См. Б. Н. Аракелян, *Древний Арташат*, Ереван,

следование местности, а затем раскопки окончательно установили, что вышгород был расположен на хорвирапских холмах. Благодаря своему стратегически выгодному положению эти холмы привлекали внимание еще урартских царей. Найденный здесь, а впоследствии и в равнине, археологический материал показывает, что урарты, по-видимому после основания Эребуни, овладели и южной частью Араратской равнины, где их опорными пунктами стали джраовитский и хорвирапские холмы.

Теперь документально установлено, что холмы № 1, 2, 7, 8 были освоены уже при основании города во II в. до н. э. Нет сомнения, что и большой хорвирапский холм был освоен тогда. более того, здесь, по-видимому, стоял царский дворец, что именно утверждают раннесредневековые историки. Особое его местоположение—близ реки, напротив горы Арарат, величина и высота холма обуславливают его главенствующую роль. Хотя не все холмы охвачены раскопками, более чем вероятно, что большинство их входило в единую систему цитадели, занимающей в целом площадь в 100 га. Единство всех холмов обеспечивалось общей системой оборонительных сооружений. Крепостные стены, опоясывавшие каждый холм, связывались между собой узкими «коридорами», шедшими по седловинам между холмами. Стены были сложены из местного красноватого камня и серого мрамора, который в неполированном виде не отличается от обычного камня. Верхние ряды стен были кирпичными; в некоторых местах оборонительной стены холмов № 1 и 2 остатки сырцової кладки хорошо прослеживаются до сих пор. У подножья холмов сохраняются следы широкого рва, заполнявшегося водой, и земляной насыпи вала за ним.

Холм № 1 занимает крайнее положение в северной части цитадели. Раскопки показали, что крепость на нем была заложена в начале II в. до н. э., т. е. при основании города. Крепость просуществовала, судя по результатам раскопок, до середины I в. н. э. По-видимому, от разрушений, причиненных войной римлянами, пострадала и крепость. Во всяком случае верхние слои холма говорят о том, что жизнь здесь не возобновлялась.

1975, с. 13 и далее; *его же*: Основные результаты раскопок древнего Арташата в 1970—1973 годах. ИФЖ, 1974, № 4. Ж. Д. Хочатрян, А. Г. Концян, Стратиграфия VII холма Арташата, ВОНАН, 1974, № 9. (на арм. яз.).

Из сказанного видно, что перед нами входящая в систему цитадели крепость и что найденные материалы в ней относятся в основном к эллинистическому периоду (II—I вв.), что имеет, естественно, немаловажное значение для изучения начального периода истории города.

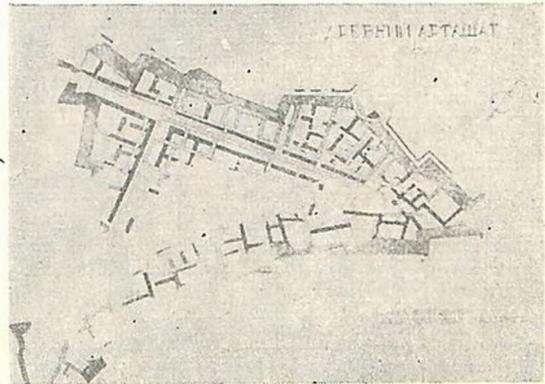

Рис. 18. План I холма вышгорода (Арташат)

Крепостная стена, следуя общим очертаниям холма, образует в плане неправильный треугольник (рис. 18). Стена оснащена выступами-контрфорсами и башнями, прямоугольными и полукруглыми. Сочетание этих двух видов башен в стене, целиком относящейся к одному времени—примечательное явление в фортификационном деле древней Армении. Внутри крепости открыто множество помещений, расположение которых показывает, что они построены по единому плану. В северной и западной частях крепости помещения расположены по сторонам «коридоров», вследствие чего один ряд помещений примыкает к внутренней стороне оборонительной стены, а другой к среднему двору. Двор замыкается с третьей, южной стороны рядом помещений, также примыкающих к оборонительной стене.

Интересно, что, хотя здесь выявлены два основных строительных периода, более ранний и более поздний, комплексы по планировке во многом совпадают.

Заслуживают внимания два сходных в плане комплекса—мастерские для кузнецов-оружейников, где в одной из комнат находился горн, в соседней комнате хранилось топливо, а третья была общей.

Однотипные помещения, примыкающие к крепостным стенам, по-видимому, занимали

воны. О наличии на этом холме воинской части свидетельствует найденное здесь в большом количестве оружие, особенно железные наконечники стрел.

Первый стрателный период, возможно, приходится на II в. до н. э., второй период — на I в. до н. э. — первую пол. I в. н. э.

показали, что жизнь продолжалась здесь до конца существования города, т. е. почти до IV в. н. э. К первым двум векам до н. э. относятся нижние строительные горизонты холма, застроенные как и верхние горизонты I—II вв. н. э. по одному плану. Здесь помещения также образуют вдоль разделяемые

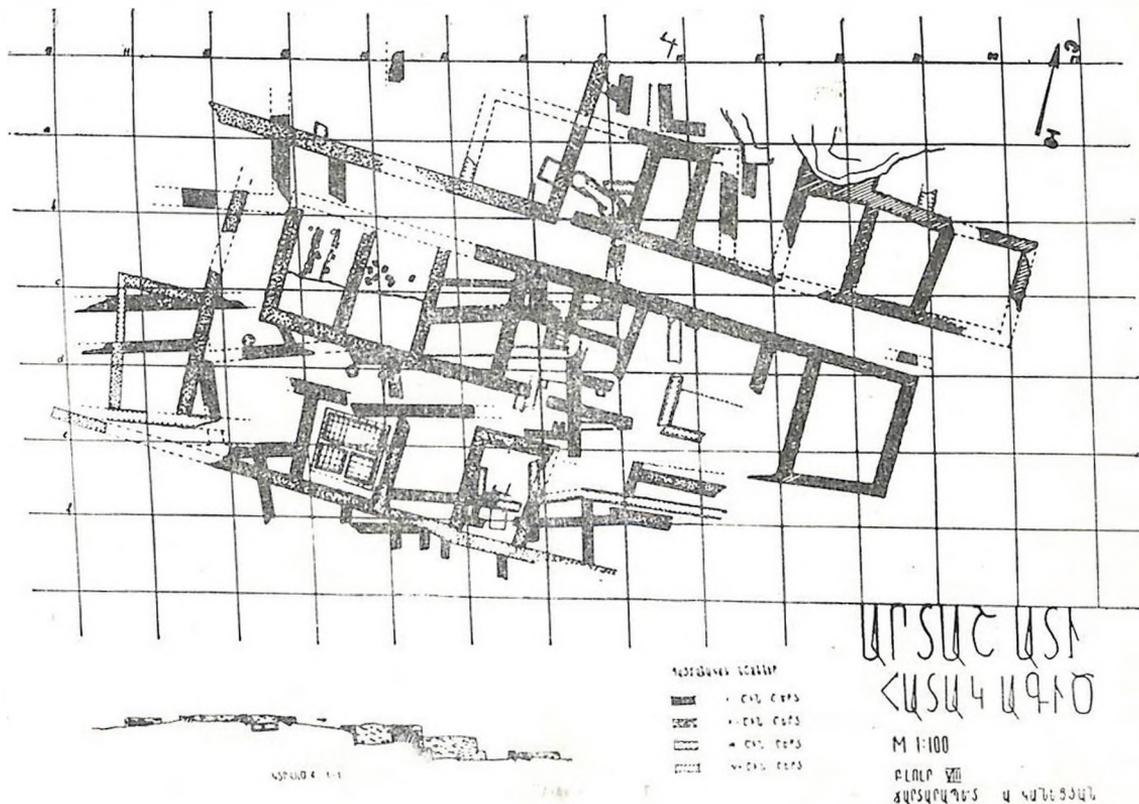

Рис. 19. План VIII холма вышгорода (Арташат)

На северо-восточном склоне холма № 2 были открыты остатки двух оборонительных стен. Одна из них наружная, имевшая прямоугольные контрфорсы, другая внутренняя, шедшая параллельно первой, местами сохранившаяся на высоту до трех метров. На этом холме, где раскопки прекращены рано, видны следы жилищ и других сооружений.

Холм № 7 в юго-западной части цитадели тоже был оцепан крепостной стеной. Здесь также выделяются два слоя.

Холм № 8 находится ближе описанных выше холмов к Араксу (рис. 19). Проводящиеся на большой площади раскопки холма

коридором ряды, один из которых примыкает к крепостной стене, а другой выходит на двор. Поды помещений выстланы утрамбованной глинной или камнями разной величины. Профилированные гипсовые фрагменты использовались для внутренней отделки комнат. Найденная здесь и на других холмах, а также на территории города черепица свидетельствует о ее широком применении уже в этот период существования города.

Как было сказано выше, в системе холмов арташатской цитадели главное значение имел, по-видимому, большой юго-восточный холм, известный под названием хорвиран-

ского. Здесь должен был находиться царский дворец и другие здания, пришедшие в упадок и снесенные в средние века.

Тигранакерт. Завоевания Тиграна II поставили его перед необходимостью основания новой столицы: старая столица, Арташат, оказалась на северо-восточной окраине образовавшейся державы, а Антиохия находилась за пределами искомной Армении. Местоположение новооснованной столицы Тигранакерт в юго-западной Армении как нельзя лучше соответствовало стоявшим перед нею политическим, экономическим и культурным задачам⁶². Город был основан в 80-х гг. до н. э., по мнению Рейнака,—в 77 г. В 69 г., когда римские войска под предводительством Лукулла подошли к городу, он, по-видимому, продолжал благоустриваться, хотя в основной его части, согласно письменным источникам, строительство уже закончилось и город был обнесен стенами.

По сообщению Аппиана, Тигранакерт стоял на том месте, где в свое время был коронован Тигран II. По-видимому, на месте будущего города имелось святилище и, вероятно, поселение. Вопрос точной локализации города долгое время был спорным, так как из сообщений источников не ясно, южнее или севернее верхнего течения Тигра находился город. В настоящее время общепринято мнение Леман-Гаупта, считающего, что Тигранакерт был расположен к северу от Тигра, в древнеармянской области Алдзник, на берегу левого притока Тигра Фаркинсу (Никефорий античных авторов), на месте древнего города Нсферкерта, нынешнего Фаркина. Окончательное решение этого вопроса могут дать лишь археологические раскопки.

Город был образован за счет переселения чужестранцев. «Усилившись до такой степени,—пишет Страбон,—он (Тигран) основал город..., который назвал Тигранакертом; он поселил в нем жителей двенадцати эллинских городов, им же разоренных» (XI, 14, 15). Из этого не следует, что население города состояло только из переселенных чужестранцев; из одного сообщения Плутарха видно, что в него входили также местные жители—частные лица и знать (Лукулл. XXVI).

О структуре города можно сделать некоторые выводы, исходя из в общем скудных данных письменных источников. Из них особого внимания заслуживает следующее сообщение Аппиана: «Этот город царь (Тигран)

заложил в этом месте в свою честь: сюда собрал знатных лиц, угрожая при этом, что все то, что они не возьмут с собою, будет конфисковано. Он окружил город стенами высотой в 50 локтей. В толще их было устроено много лошадных стойл: в предместье города он воздвиг дворец с большими парками, охотничьими ловами и озерами. Рядом было воздвигнуто сильное укрепление» (Митридатовы войны, 84). Из этого сообщения ясно, что город был обнесен крепостными стенами, о мощи которых говорит их высота в 25 м и их необыкновенная толщина. О массивности и неприступности тигранакертских стен говорят и другие историки.

Приведенное сообщение, удачно дополняется Плутархом, писавшим о Тигранакерте как о большом, хорошо застроенном и богатом городе: «Так как все частные лица и знать из-за любви и уважения к царю заботились о росте и застройке города, то он был богат сокровищами и зданиями». Среди этих зданий особое значение имеет театр, который по сообщению писателя, был построен как раз перед взятием города римлянами, в 69 г. до н. э.

Плутарх рассказывает, что «Узнав, что в городе находится множество актеров, которых Тигран отовсюду набрал для торжественного открытия выстроенного им театра, Лукулл использовал их для игр и театральных представлений, по случаю своей победы» (Лукулл, XXIX). Наконец, как увидим дальше, большой интерес представляет сообщение Аппиана о царском дворце с большими парками, охотничьими ловами и озерами за чертой города, в предместье, и об укрепленном вблизи замке. Хотя источники сообщают, что город и его стены были разрушены, но, согласно свидетельству Тацита, во время римско-парфянских войн, при Корбулоне и Трдате, Тигранакерт был довольно крупным городом с высокими стенами. Часть этих стен стояла на берегу довольно широкой реки Никефорий, а остальная часть защищалась глубоким рвом. Еще в IV в. н. э. «великий» город Тигранакерт был известен своими стенами, но вскоре он окончательно пришел в упадок.

Кроме Тигранакерта, в Алдзнике при Тигране появились другие города и поселения, носящие его имя—Тигранакерт в Арцахе, Тигранакерт в Утике, Тигранаван в Гохтне, о которых больше ничего неизвестно. Очень вероятно, что, помимо основания новых городов, при Тигране II происходило расширение за счет переселенцев старых—

⁶² Г. Х. Саркисян, ук. соч. с. 49 и далее.

Арташата, Армавира, Еруандашата, Зарехавана.

Данные археологических исследований позволяют значительно уточнить и дополнить картину древнесармянского города эллинистического времени, рисуемую письменными источниками. Эти данные раскрывают неизвестный, так сказать, материальный аспект города, представляющий самостоятельный интерес, облегчая исследования социально-экономической сущности древнесармянского города, проводившиеся до сих пор только на основании письменных источников.

Результаты раскопок ясно показывают упадок урартских городских центров; некрополи ахменидского и эллинистического времени, обнаруженные в кварталах урартских городов Тейшебани, Аргиштхинили и в Ошакане, являются верным свидетельством этого упадка. Однако те же археологические данные позволяют говорить о неполном угасании городской жизни на Армянском нагорье. Раскопки в Эребуни, Армавире, археологический материал из Вана показывают, что по крайней мере эти три урартских центра продолжали функционировать в новых условиях, хотя и менее интенсивно.

Гораздо важнее роль данных археологии для эллинистического времени, которое характеризуется явлением так называемого «урбанистического взрыва» — массового возникновения новых городов. Полевое обследование их остатков обнаруживает ряд особенностей, на которых хочется здесь остановиться.

Археологическими исследованиями окончательно установлено местоположение Арташата, Еруандашата и Аршамашата. Локализацию этих городов затрудняло отсутствие в письменных источниках достаточно полных данных.

При археологическом изучении развалин и остатков становится очевидным удивительное умение древних градостроителей выбирать место для строительства города, топографические особенности которого отвечали одновременно военно-стратегическим, экономическим и культурным требованиям. Неопценима роль раскопок в выявлении градостроительной структуры города и его топографии.

Археологические раскопки, а также исследования окончательно устанавливают местоположение и соотношения трех важнейших частей города — цитадели, городской терри-

тории и некрополя. Сейчас с полным основанием можно говорить о цитадели городов Аршамашат и Еруандашат, первая из которых находится на берегу Арацани, а вторая у места слияния Аракса с р. Ахурия. Раскопки также доказали правильность высказанного ранее мнения о местонахождении цитадели города Арташат на хорвиранских холмах. Выявлена городская территория и определены приблизительные границы города Армавир — к западу от цитадели, города Еруандашат у слияния рек Аракс и Ахурия, к северу от первой и к востоку от второй, города Арташат к югу, востоку и северу от цитадели.

Определены арташатские некрополи — по видимому, за крепостными стенами города к западу, северо-востоку и востоку, и некрополь Армавира к западу. Приблизительно определяется и площадь древних городов. Армавир занимал площадь в 150 га, Арташат — в 500 га. Судя по описанию Тигранакерта, западноевропейские ученые (Моммсен, Рейнак, Лемман-Гаупт) сравнивали его с Ниневией и Вавилоном. Оспаривая это сравнение, акад. Я. А. Манандян высказал предположение, что Тигранакерт был спланирован по образцу компактных эллинистических городов, в то время как в «Вавилоне и Ниневии на обширных пространствах и среди отдельных кварталов растилялись пашни, луга, сады и фруктовые рощи... Ниневия, как сообщает пророк Иона (III, 2), занимала пространство в три дня пути. Окружность Вавилона, согласно свидетельству Геродота (I, 178), равнялась 480 стадиям (около 85 км)»⁶³. Г. Х. Саркисян, справедливо замечает, что точка зрения названных авторов и возражение Я. А. Манандяна основаны на неверных представлениях о городах Древнего Востока. «Археологические раскопки показали, — говорит Г. Х. Саркисян, — что окружность Ниневии приблизительно равнялась 15 км, а Вавилона не превосходила 18 км»⁶⁴. Разница в данных, характеризующих величину древневосточных городов (окружность Вавилона, согласно Геродоту, равнялась 480 стадиям (85 км), а по данным архитектора Колдсея, исследовавшего Вавилон, окружность его не превосходила 18 км; Ниневия, по одним сведениям, занимала пространство в три дня пути (Иона, III, 2), археологические же раскопки дают другую длину окру-

⁶³ Я. А. Манандян, Тигран Второй и Рим, Ереван, 1943, с. 63.

⁶⁴ Г. Х. Саркисян, ук. соч., с. 62, прим. 45.

ности—примерно 15 км) показывает соотношение между площадями жилых частей города и его хозяйств. Такая же картина раскрывается при раскопках урартского города Аргштихинили, площадь которого также изменяется в зависимости от включения или исключения окружающих город хозяйств⁶⁵.

В связи с этим большое значение имеет вопрос о планировке города, о ее характере, а также об истоках принципов этой планировки. К сожалению, археологические раскопки, ограничивающиеся до сих пор только изучением цитаделей, а не собственно городских территорий, не дают конкретного ответа на эти вопросы. Однако ряд данных говорит о том, что древнеармянские города должны были иметь определенную планировку⁶⁶. Так, например, внешний вид Арташата давал основание утверждать (Плутарху, если он сам видел его, или в противном случае его источнику), что Арташат в свое время был построен по единому плану. «Если это действительно так,—пишет Г. Х. Саркисян, обративший внимание на этот аспект вопроса,—то за образец могла быть взята только планировка эллинистических полисов, поскольку урартские города уже давно исчезли с лица земли»⁶⁷. В основе планировки эллинистических полисов лежит выработанный греческими градостроителями в архаическую эпоху и «модифицированный» уже в V в. до н. э. архитектором Гипподамом из Милета принцип «сетки», по которому улицы должны пересекаться под прямым углом. Этот принцип, широко применявшийся в эллинистическом градостроительстве, возможно, был усвоен армянскими строителями.

Однако, это еще не дает основания полностью отрицать существование подобной древневосточной, в частности урартской, традиции. Г. Х. Саркисян, стоящий, как мы видим, на такой точке зрения, ссылаясь на Унгера, вынужден констатировать: «Внешний вид Вавилона позволяет судить о том, что уже старый Вавилон задолго до того, как греки начали планомерное строительство своих городов, был создан по плану. Улицы пересекались под прямым углом и т. д. То же самое можно сказать об урартских городах, в частности о Тейшебани (Кармир-Блур)»⁶⁸. Как мы уже видели, данные архео-

логических раскопок действительно подтверждали, что большинство урартских городов было окончательно разрушено, но кое-где в Туше-Ване, в Эребуни, в Аргштихинили—Армавире—жизнь продолжалась, а традиции урартского градостроительства могли оказаться живучими. К северу от Ванского озера у местности Зернаки-Тепе английские археологи Барней и Лаусон обнаружили развалины города, который, как показывает исследование местности К. Ниландером, а также судя по данным цитадели, по всей вероятности, является урартским. Характерна планировка города с его пересекающимися под прямым углом улицами и жилыми кварталами, образующими прямоугольные массивы⁶⁹. Существование такого города, пусть даже разрушенного и покинутого, заставляет иначе подойти к вопросу о возможности влияния урартских градостроительных принципов на архитектуру древней Армении. План в виде сетки имеют еще урартские города Анзаф неподалеку от Ванского озера и Дучаги в Иранском Азербайджане⁷⁰.

На неполную зависимость градостроительства древней Армении от эллинистической цивилизации как будто указывает и другой весьма интересный факт, связанный, как это ни странно, с городом, который был призван служить значительнейшим проводником эллинистической культуры в Армении. Обратимся еще раз к сообщению Аппиана о Тигранакерте: «в предместье города он воздвиг дворец с большими парками, охотничьи ловами и озерами. Рядом было воздвигнуто сильное укрепление». Нахождение цитадели города и тем более царского дворца вне городских стен, в предместье, явление не совсем обычное. Царский дворец Еруандидов был построен в цитадели на Армавирском холме, дворец Арташесидов, а затем Аршакидов в Арташате стоял на хорвирском холме или на другом холме цитадели, дворец Аршакидов в Вагаршапате также помещался

⁶⁵ Ch. Burney, *Urartian Fortresses and Towns in the Van region*, *Anatolian Studies*, VII, 1957, с. 49—50; Ch. Burney, G. Lawson, *Measured Plans of Urartian Fortresses*, *Anatolian Studies*, X, 1960, с. 185—188; C. Nylander, *Remarks on the Urartian Akropolis of Zernaki-Tepe*, *Orientalia Suecana*, (1965—1966), Upsala, T. XIV, XV, 1966, с. 141—144; Г. А. Тиранян, Новые археологические материалы послеурартского времени на территории Западной Армении (Турция) и их место в истории древнеармянской культуры, *Древний Восток*, 2, Ереван, 1976, с. 149 и далее

⁷⁰ Г. А. Тиранян, *ук. соч.*, с. 150.

⁶⁵ А. Л. Мартиросян, Аргштихинили, Ереван, 1975, с. 39—40.

⁶⁶ Я. А. Манандян, *ук. соч.*, с. 63.

⁶⁷ Г. Х. Саркисян, *ук. соч.*, с. 42.

⁶⁸ Там же с. 62, прим. 45.

в цитадели. В. М. Арутюнян, отмечая обособленное положение тигранакертского дворца, дает этому следующее объяснение: «Надо полагать, что исключительная живописность местности, ее благоприятные естественные условия вынудили Тиграна построить свой дворец вне городской территории. Возможно и то, что он вынужден был пойти на это из-за неблагонадежности городского населения, в этническом отношении представлявшего исключительную пестроту»⁷¹. Не отрицая правдоподобия такой интерпретации сообщения Аппиана, мы тем не менее считаем возможным предложить другое объяснение.

Строительство царских дворцов, окруженных парками, озерами, охотничьими загонами практиковалось на Древнем Востоке, но особенно распространенным стало это явление в Ахеменидском Иране. Дворцовые комплексы указанного типа часто сопровождали ахеменидские центры, царские или сатрапские. Засвидетельствованы они, как мы попытались показать, и в сатрапской Армении⁷². Довольно обильный сравнительный материал, почерпнутый главным образом из трудов Ксенофонта, показывает, что дворцы-басилеи сатрапов и прочих правителей были окружены парками (парадисами), садами, лесами, разными заповедниками, водоемами и т. д. Не исключено, что, выведя свой дворец, а также замок за стены города, Тигран II вернулся к старой практике сооружения обособленных и вместе с тем окруженных различными угодьями резиденций, характерных для ахеменидского времени. Восточный характер рассматриваемого явления был подчеркнут, хотя совсем в ином плане, еще Т. Моимзеном, писавшим о дворцах, садах и парках Тигранакерта как о неизбежных спутниках султанизма⁷³.

С таким же явлением мы встречаемся в Парфии. Известно, что царский дворец парфянских царей находился за городскими стенами их летней резиденции—Экбатане. Речь идет о Адрабанае, сожженной Тиграном II. По-видимому, распространение этого явления

в эллинистическом мире восходит к ахеменидскому времени.

Казалось бы, образовавшиеся в общей переднеазиатской эллинистической среде города древней Армении должны предстать перед археологами в эллинистическом облике, однако, имеющиеся на сегодняшний день результаты раскопок не подтверждают этого. Примером могут служить цитадели Армавира и Арташата. Хотя раскопки Армавира продолжают уже 20 лет, здесь не было найдено ни одного монументального здания эллинистического типа, зато постоянно встречаются следы использования урартских зданий и оборонительных сооружений в последующую эпоху, в некоторых случаях с небольшими переделками. Арташатская цитадель, более однородна по своему облику, но здесь также мало ярко выраженных эллинистических построек. Планировка крепостей цитадели не несет характерных для эллинистического крепостного строительства признаков; здесь скорее усматриваются местные, возможно, урартские принципы застройки крепостей. Если эти принципы и заимствованы, то из слабо затронутых эллинистическим влиянием глубинных областей Малой Азии и из других сопредельных с Арменией стран. Также пока нет ничего напоминающего эллинистическую архитектуру в другом известном городе древней Армении—Ерундашате.

По этой причине трудно говорить об архитектурном облике городов Армении как о чем-то уже понятном. Конечно, нет сомнения в том, что, например, театры в Тигранакерте и Арташате были построены по образцу театров Малой Азии и Сирии. Эллинистический облик имеет кладка стен аршамашатской цитадели. С эллинистическими строительными особенностями связаны такие детали строительной техники, как скрепы в виде ласточкина хвоста. С другой стороны, не обязательно, чтобы все имевшиеся по письменным источникам в городах Армении храмы были эллинистического типа⁷⁴. Ученые все больше

⁷¹ В. М. Арутюнян, К вопросу о градостроительной культуре древней Армении, ИАНОН, 1956, № 10, с. 77.

⁷² Г. А. Тиранян, Некоторые аспекты внутренней организации армянской сатрапии, ИФЖ, 1972, № 2, с. 100—104. Г. Кошелевко, А. Акопян, Градостроительство Армении и градостроительство Парфии, Ереван, 1978, с. 7.

⁷³ Т. Моимзен, История Рима, т. III, М, 1941, с. 44; Г. Х. Саркисян, ук. соч., с. 24.

⁷⁴ До недавнего времени языческий храм в Гарни считался единственным храмом античного типа на территории Армении. Находка у основания раннесредневековой церкви Рипсиме каменных плит с тождественными гарнийскими узорами, позволяет предположить существование в древности на месте этой церкви или поблизости другого античного храма, разрушенного при христианизации страны. Наконец, третья постройка античного типа, по-видимому, имелась в Багаране. Пиллястры продольных стен багаранской однопелфной церкви увенчаны коринфскими капителями, различ-

убеждаются в том, что храм Солнца, Луны и царских предков в Армавире возник в результате небольшой переделки урартского храма, стоявшего на вершине Армавирского холма. Храм Анаит в Арташате мог иметь уже при построении местные формы. Сведения Агафангела о горевших деревянных частях храма как будто указывают на его возможное сходство с храмом той же Анаит в Дедоплис Миндори (Восточная Гру-

мын) на не совсем удачной фотографии развалин церкви. (табл. XVIII, 1) По предположению Токарского Н. М., капитель принадлежит зданию, построенному до утверждения христианства и в дальнейшем превращенному в церковь, или же она попала сюда из какого-нибудь разрушенного более древнего сооружения (Н. М. Токарский, Архитектура древней Армении, Ереван, 1964, с. 36—37).

зия), деревянное перекрытие которого было найдено на полу в полусгоревшем виде. Местные формы могли иметь и святилище, стоявшее на месте будущего Тигранакерта, где в 95 г. был коронован Тигран II. Весьма вероятно, что святилище было впоследствии сохранено и включено в состав новооснованной столицы.

Города раньше, чем другие объекты, должны дать ответ на вопрос о характере армянской эллинистической культуры; выявить и обосновать ее составные части. Соответствующий материал, даже при привлечении археологических предметов, пока не позволяет сделать окончательных выводов, так как до сих пор не ясно, имеем ли мы дело с синтезом, в котором на равных правах участвовали местные и эллинистические элементы, или же с влиянием греческой культуры на армянскую.

ГЛАВА II

НЕКРОПОЛИ, ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Некрополи городов Армении эллинистического времени еще не обнаружены, за исключением арташатских, но и здесь лишь часть раскопанных погребений относится к первым векам до н. э. Основную информацию дают могильники более скромных поселений, крепостей и т. д. (Определенные сведения представляют также отдельные погребения или группы погребений, которые пока не удается увязать с каким-нибудь конкретным населенным пунктом.

Накопившийся за последние годы материал показывает большое разнообразие погребальных форм и обрядов рассматриваемого времени по сравнению с предшествующим, раннеармянским периодом. Это явление можно объяснить усложнением общественных явлений, намевившимся в эллинистическое время. Это усложнение, связанное в первую очередь с еще большим усилением классовой дифференциации общества, нашло свое выражение также в появлении более значительных погребальных сооружений, требующих большей затраты общественного труда. Наряду со скромными захоронениями сравнительно небольших размеров, зафиксированными в обилии и в предшествующий период, встречаются эллинистические погребения курганного типа, башневидные погребения и скле-

пы, вмещающие останки более знатных или состоятельных людей¹. Отсутствие таких видов погребений в раннеармянский период еще не означает, что процесс классовой дифференциации в это время не зашел далеко. Напротив, имеется много фактов, в том числе археологических, подтверждающих разнородность этого процесса; однако разнообразие погребальных форм эллинистического периода, в особенности появление крупномасштабных и тщательно отделанных погребений лишний раз говорит об усилении социально-экономических сдвигов в древнеармянском обществе, которое нам известно, главным образом, по письменным источникам.

После этих общих замечаний мы переходим к рассмотрению погребальных форм, а также погребальных обрядов Армении эллинистического времени в той мере, в какой это позволяют сделать археологические источники. Кстати, об этой области материальной, а в конечном счете и духовной культуры древней Армении письменные источники, за

¹ Г. А. Тирацян, Новые археологические материалы послеурартского времени на территории Западной Армении (Турция) и их место в истории древнеармянской культуры, Древний Восток, 2, Ереван, 1976, с. 147.

некоторыми исключениями, ничего не сообщают. Роль археологических изысканий здесь трудно переоценить, особенно если учесть, что они начались сравнительно недавно.

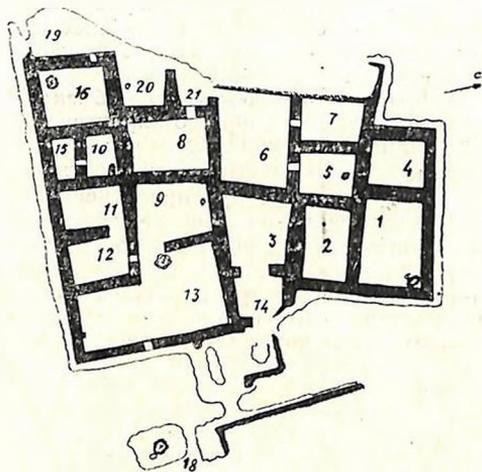

Рис. 20. План урукитских домов и античных погребений (Кармир-блур)

Разбор типов погребений начнем с каменных ящиков; они делятся на несколько подтипов, из которых основной—прямоугольный, среднего или малого размера, выложенный по краям каменными плитами разной толщины и перекрытый также каменной плитой. Такие ящики засвидетельствованы в Гарни² и в Ошакане³. В Гарни они находятся в могильнике около крепостной стены, в северо-западной части деревни, на холме Мардо. По погребальному материалу, браслетам, перстням, керамике можно датировать погребения первыми веками до н. э. Найденная в одном из погребений монета каппадокийского царя Арнобарзана I (96—52 гг. до н. э.) подтверждает правильность этой датировки. В Ошакане каменные ящики обнаружены в большом здании урукитского времени, пришедшем в запустение в последующий период, а также на прилегающей к нему территории. Инвентарь, керамика, браслеты, а также печати, находившиеся в ящиках, позволяют отнести и их к первым векам до н. э.

Каменные ящики имеют долгую историю на Армянском нагорье, будучи еще в эпоху

² Ж. Д. Хачатрян, Гарни, V, Ереван, 1976, с. 21.

³ С. А. Есян, А. А. Калентарян, Античный некрополь Ошакана, ВОНАН, 1976, № 12, с. 27, табл. 1.

бронзы одним из основных типов захоронения, поэтому по меньшей мере странным кажется утверждение об иноземном происхождении каменных ящиков Закавказья античной эпохи⁴.

Рис. 21. План погребения античного времени (Кармир-блур)

Своеобразными каменными ящиками являются погребения могильника эллинистического времени, обнаруженные в 1948 г. в развалинах урукитского города Тейшебани (Кармир блур)⁵ (рис. 20). Они находились недалеко от найденного впоследствии раннеармянского могильника ахеменидского времени, о котором речь шла выше.

Могилы образуют в плане не четырехугольники, а скорее вытянутые пяти- или шестигольники (рис. 21). Сложены они из грубо обтесанных плит. Подобная форма могильного сооружения не случайна: она очень удобна для перекрытия способом так называемого ложного свода, так как увеличивает опорную поверхность первого ряда перекрывающих плит.

К сожалению, не найдено ни одной могилы с сохранившимся целиком перекрытием, однако первый, самый нижний ряд перекрывающих плит удалось обнаружить. Примечательно, что над краем могилы этот ряд

⁴ И. Алиев, В. Алиев, О сармато-аланских памятниках на территории Нахичеванской АССР, С. А., 1976, № 1, с. 181.

⁵ А. А. Вайлин, Г. А. Тирацян, Кармирблурский некрополь эллинистического времени, ВОНАН, 1974, № 8, табл. 1.

выступает на 10—20 см; поэтому можно заключить, что для полного перекрытия могилы гробовалось не менее трех-четырёх рядов. Следовательно, высота могилы не измеряется высотой плит боковых стенок, к которой надо прибавить высоту, образующую пространством ложного свода. Следует подчеркнуть последнее обстоятельство, так как оно дает возможность реконструировать истинное положение поконника при его захоронении.

Погребение № 2 привлекает внимание крайне хаотичным расположением костей скелета. Кости ног и некоторые кости рук концентрируются в северо-восточном углу могилы, лопатки располагаются вдоль северной стенки; позвоночник и грудная клетка — посередине, ближе к восточному краю, голова лежит поодаль и обращена на запад; нижняя челюсть лежит отдельно от головы. Вероятнее всего, покойник был помещен в могилу в сидячем, сильно согнутом положении. Высота могильной ямы плюс высота ложного свода, этому предположению несколько не противоречат, а само наличие ложного свода скорее даже оправдывает его. Сходная картина наблюдается в других погребениях (№ 1, 4), ложный свод которых, а также беспорядочное расположение костей позволяют утверждать, что покойника хоронили в сидячем положении.

Такие погребения, довольно часто обнаруживаемые в Армении в последние годы, характерны и для раннеармянского времени (V—IV вв. до н. э.)⁶. Они найдены на территории городского поселения Кармир-блур, недалеко от только что рассмотренных могил эллинистического периода и не отличаются от последних ни формой, ни конструктивными особенностями и ни способом покрытия. Как было сказано в разделе I настоящей работы, погребения такого вида бытуют с конца II тыс. до н. э.

Об устойчивости этого вида гробниц свидетельствуют и раскопки в Паракаре⁷ и Гарни⁸, где были найдены сходные погребения, датруемые I в. до н. э. (рис. 22). Интересно, что в одном из них (гарнийском) скелет находился почти в сидячем положении⁹.

⁶ А. А. Мартиросян, Город Тейшебани, Ереван, 1961, с. 1939—1941, рис. 64, табл. 19.

⁷ Г. А. Тирация, Башневидное погребение из Паракара и сходные памятники Передней Азии и Армении, Вестн. Ергосунта, 1970, № 1, с. 230, 231, рис. 2.

⁸ Б. Н. Аракелян, Гарни, I, Ереван, 1951, с. 46(7), Гарни, II, Ереван, 1957, с. 15 (№ 37), с. 20 (№ 57).

⁹ Б. Н. Аракелян, Гарни, II, с. 15—16.

Другой разновидностью каменных ящиков следует считать могилы прямоугольной формы (1,4×0,9×0,8 м), три стороны которых выложены из камней, поставленных стоймя, а четвертая состоит из мелких камней. Каждая могила покрыта тремя плитами размером в 1,2×0,5×0,2 м. Дно состоит из мелких камней. Примечательной особенностью этих погребений, раскрытых в окрестностях с. Айгешат в 1971 г. Р. Торосьяном, яв-

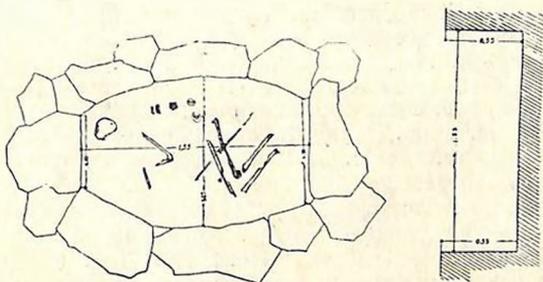

Рис. 22. План захоронения (Паракар).

ляется их кромеховидное оформление: погребения обведены образующими круг камнями средней величины. Поверхность круга покрыта мелкими камнями, возвышающимися в средней части¹⁰ (рис. 23).

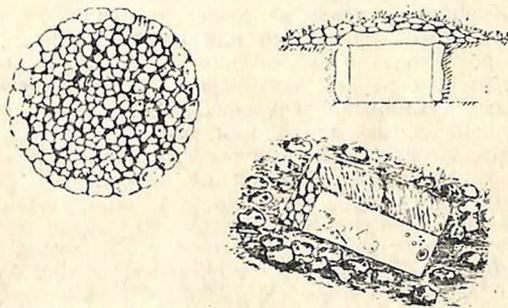

Рис. 23. План погребения эллинистического времени (Айгешат)

Правильной формы каменные ящики эллинистического времени в круге из камней найдены в Ошакане¹¹, Тохмахяне (Гехамские

¹⁰ Р. Торосян, ф. Тер-Мартиросян, Могильники позднего эллинистического периода в селе Айгешат Эчмиадзинского района, ИФЖ, 1976, № 2.

¹¹ С. А. Есяч, А. А. Калантарян, ук. соч., табл. 1—3.

горы)¹². Курган, опоясанный камнями, напоминающий кромлехи первобытнообщинного времени, был раскрит в Канберке недалеко от Эрзерума¹³. Эти захоронения также свидетельствуют о живучести таких древних погребальных форм, как кромлехи.

Грунтовые погребения эллинистического времени встречаются в Гарни и в Арташате¹⁴.

Гарнийские—обычного типа, вырытые в земле, с вытянутыми костяками. В Арташате грунтовые погребения предназначались для кремации; их размеры 1,5×1,5×0,8—1 (глубина) м. Над могилами лежало по два или три бесформенных камня. В могилу помещалась урна. Около могил устроены прямоугольные площадки для отправления заупокойного культа. В Арташате встречаются и другие виды погребений, связанные с кремацией, например могила № 21, круглая в плане, стенки которой выложены из булыжника на растворе (диаметр 0,95 м, высота 0,35—0,52 м)¹⁵. В центре могилы находится яма со стенками из камней. Наличие грунтовых могил, одного из древнейших типов погребений, в эллинистическое время говорит о живучести старых традиций в этой области культуры древней Армении.

Раскопки в Гарни, Калайчике, Ошакане показывают, что погребения в кувшинах (карасах) бытовали в первых веках до н. э.¹⁶. Кувшины имеют довольно устойчивую форму—косо срезанный или округлый венчик, продолговатое тулово и плоское дно с круглым отверстием посередине. Помимо карасных захоронений встречаются и карасы, предназначенные для кремации (Арташат), которые зарывались в стоячем положении¹⁷.

Найденные в карасных погребениях Гарни и Калайчике (Западная Армения) монеты

¹² А. А. Мартиросян, Р. М. Торосян, К. К. Кафадарян, В. Р. Исраелян, Л. А. Петросян, Водохранилище Аргиштихинили и некоторые вопросы урартского гидростроительства. ВОНАН, 1975, № 10, с. 63.

¹³ Г. А. Тирацян, ук. соч., с. 141—142.

¹⁴ Ж. Д. Хачатрян, ук. соч., с. 23 и 28.

¹⁵ Ж. Д. Хачатрян. Кремация в Армении (II в. до н. э.—III в. н. э.). ВОНАН, 1975, № 2, с. 60.

¹⁶ Ж. Д. Хачатрян. Гарни, V, с. 23 и далее; *U. Serdaroglu. Agin and Kalaycik Excavations, 1970, Keban Project 1970 Activities, Ankara, 1972 (Middle East Technical University Keban Project Publications, No 3); С. А. Есаян, А. А. Калантарян*, ук. соч., табл. 1, 4, 5, 6.

¹⁷ Ж. Д. Хачатрян. Кремация в Армении (II в. до н. э.—III в. н. э.), ВОНАН, 1975, № 2, с. 60—61 (на арм. яз.).

Александра Македонского, а также раннеэллинистический инвентарь позволяют приурочить самые ранние карасные захоронения эллинистического времени к IV—III вв. до н. э. В связи с такой датировкой возникает вопрос о времени и путях проникновения на Армянское нагорье захоронений этого типа. По мнению некоторых исследователей, карасные погребения проникли в Армению из Западной Грузии, где они встречаются начиная с VI в. до н. э., или же из Кавказской Албании, где они датируются IV—III вв. до н. э.¹⁸. Однако более вероятно, что захоронения этого вида происходят из областей Двуречья на юге Армянского нагорья. Если это так, то проникновение этого вида, засвидетельствованного в древнейшей Ассирии, следует приурочить ко времени, намного предшествовавшему эллинистической эпохе. При раскопках в Аргиштихинили на древнем могильном поле, заложенном еще во времена Аргишти I, были найдены погребения в кувшинах, что говорит о большой древности указанных захоронений на Армянском нагорье¹⁹.

Довольно распространены были в эллинистической Армении погребения в каменных саркофагах, хорошо датируемые образцы которых найдены в Гехадире, у дороги из Еревана в Гарни. Они изготовлены из туфа и имеют форму не совсем правильного прямоугольника (длина 1—1,3, ширина 0,55—0,65, глубина 0,34—0,45, толщина стенок 0,1—0,15 м). Саркофаги покрывались плитой толщиной 0,16—0,2 м²⁰. Раскопки последних лет показывают, что и этот, казавшийся столь специфическим для эллинистического времени, вид погребений в Армении может иметь урартское происхождение: в 1973 г. в Аргиштихинили был найден саркофаг из туфа с урартскими кувшинами внутри.

Наряду с каменными саркофагами встречаются и глиняные. Хорошо сохранившийся глиняный саркофаг был найден в античном склепе I в. н. э., обнаруженном в Сиснае²¹. Он изготовлен из крупнозернистой глины, поверхность покрыта желтоватым ангобом; размеры 1,15×0,57×0,60 м. На стенках саркофага имеются три рельефных пояса в виде жгу-

¹⁸ Ж. Д. Хачатрян, Гарни, V, с. 27.

¹⁹ А. А. Мартиросян, Аргиштихинили, Ереван, 1974, с. 50, рис. 15.

²⁰ Ж. Д. Хачатрян, Археологические раскопки в Гехадире, ВОНАН, 1966, № 1 (на арм. яз.).

²¹ Ж. Д. Хачатрян. Кремация в Армении (II в. до н. э.—III в. н. э.) с. 57—58 (на арм. яз.).

та. Саркофаг покрывался специальной плитой из такой же глины (1,1×0,52×0,14 м). Глиняный саркофаг, найденный в Ошакане в большой могиле урартского времени, указывает на возможное урартское происхождение и этого вида захоронений²².

Переходим к погребениям больших размеров, построенных более тщательно и основательно, с большей затратой труда. Это склепы, курганы с внутренней погребальной камерой и башневидные сооружения.

Склеп, обнаруженный в Сиснае (Юго-восточная Армения), сложен из хорошо обработанных известняковых камней²³. В плане он образует прямоугольник (2,1×1,8 м, высота 1,66 м). Перекрытие уступчатое: камни двух стен, начиная с четвертого ряда, постепенно сходятся, образуя верх камеры. Вход (0,71×0,65 м) находился в западной стене склепа. Пол выложен из очень тщательно обработанных плит. Над склепом лежат три хорошо обработанные плиты, которые были засыпаны землей и уложены кирпичами. Здесь же находятся две базы от колонн. Этот склеп, по обнаруженным в нем предметам датирован I в. до н. э., хорошо связывается с подобными памятниками эллинистического мира. Степень обработки камней склепа, а также перекрытие в виде уступов находят многочисленные аналоги и в эллинистических странах. Вместе с тем не следует упускать из виду, что такое перекрытие применяется на Армянском нагорье с древнейших времен. Как показывают раскопки некрополей бронзового века в Севанском бассейне, в Лори и Ошакане, этот способ возведения верха камер был весьма распространен^{23, 31}.

Насыпной курган в Хасан-кале, в верховьях р. Аракс, в центре Басенской долины, имеющий склеп и проход к нему (дромос), был срыт в 1917 г., в ходе земляных работ при проложении Эрзерумской железной дороги²⁴ (рис. 24). С. В. Тер-Аветисян, изучав-

ший его остатки, приступил к планомерным раскопкам соседнего кургана. Из рассказа военных строителей, разбирающих первый курган, видно, что сперва был обнаружен проход, а затем сам склеп со стенами, сложенными сухой кладкой из очень чисто тесаных известняковых плит светло-серого цвета длиной примерно в 0,5 м. На полу камеры стоял ящик (2×1,5 м) из каменных плит с перекрытием. В нем оказался скелет и ряд

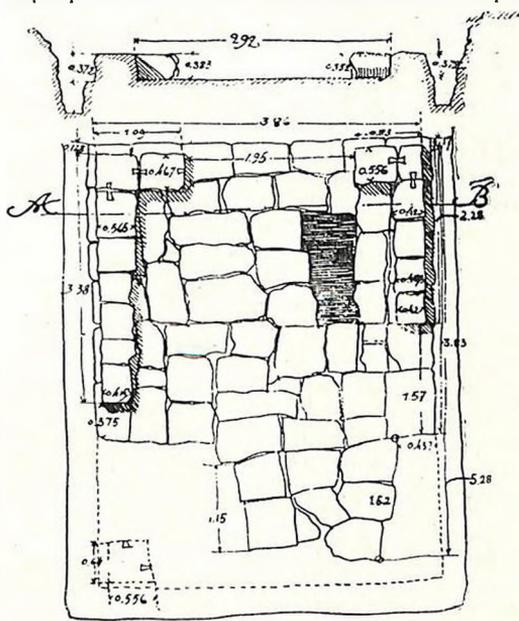

Рис. 24. План остатков склепа эллинистического времени (Хасан-кала)

предметов, к сожалению разрушенных, приблизительный список которых был составлен С. В. Тер-Аветисяном. По словам очевидцев, на поверхности находилась какая-то колесница, вынутая из склепа. При дополнительном исследовании тот же археолог открыл фундамент камеры. Угловые камни имели гнезда для металлических скреп в виде ласточкина хвоста.

На расстоянии около 80 м от первого кургана находился второй (высота 8 м, диаметр 53 м). Его насыпь высотой в 5 м состояла из чередующихся слоев камня и земли. Из-за событий на фронте исследование кургана было прекращено. Уцелевший негатив фотографии золотой гривны из первого кургана позволяет датировать предмет IV—

²² С. Есаян, А. Калантарян, Позднеурартское погребение Ошаканского могильника, ИФЖ, 1976, № 3.

²³ Б. Аракелян, Ж. Хачатрян, Т. Хачатрян, Огробница, открытой в Сиснае, «Советакан Агастан», 1971, 18 мая (№ 113) (на арм. яз.); Ж. Д. Хачатрян, Кремация в Армении (II в. до н. э.—III в. н. э.), ВОНАН, 1975, № 2, рис. 1, 2 (на арм. яз.).

^{23а} Ж. Д. Хачатрян, К вопросу о возникновении ложного свода в Армении, ИФЖ, 1982, № 3 (на арм. яз.).

²⁴ С. В. Тер-Аветисян, Курганы—Хасан-калы, Изв. Кавказского историко-археологического института, т. IV, Тбилиси, 1926.

III вв. до н. э. (табл. XIV, 2). Этой дате как будто не противоречат скудные данные об устройстве кургана и склепа, об особенностях строительной техники, об остальных найденных здесь предметах. С. В. Тер-Аветисян правильно связывает устройство кургана и архитектуру склепа с южнорусскими материалами эллинистического времени.

В 1965 г. К. Кошай и Г. Варн на средства Эрзерумского университета раскопали группу курганов около Канберкея (Алач-сирт, Икизтепелер), примерно в 20 км к северу от Эрзерума²⁵. Из имеющихся здесь пяти курганных погребений изучены три.

Курган № 1 имел у основания каменный круг. большой камень лежал у головной части погребения. Костяк плохо сохранился, но в погребении были найдены подтреугольные железные наконечники копий с остатками древков, фрагмент края железного щита и железный трезубец.

Курган № 4 содержал две погребальные камеры, выложенные из обработанных камней (по Меллинку) или высеченные в скале (по Алкиму), в которые вел коридор-дромос с каменными стенами и перекрытием. Стены одной из камер были оштукатурены. Кроме скелета, в ней ничего не найдено. Погребенный во второй камере имел во рту серебряную драхму Александра Македонского. Вместе с ним были уложены алебастры (около 30 см высоты), глиняные бальзамарины, оградонные амфоры и другие предметы, всего около 25.

Курган № 5 оказался разграбленным. В развалинах его склепа все же удалось найти бусы из полудрагоценных камней и золотые подвески двух типов—дисковидную, с орнаментом в виде двойной петли (так называемый «парик Хатор») и полукруглую с тремя маленькими висячими дисками. Золотые предметы, не обнаруживающие связей с греческим ювелирным искусством, вероятнее всего являются местными произведениями.

Курганные погребения Эрзерумского р-на, датируемые раннеэллинистическим временем, представляют интерес с точки зрения как их устройства, так и найденного в них погребального инвентаря. Курган, опоясан-

ный камнями, напоминает кромлехи первобытнообщинной эпохи. В последние годы, на территории Армянской ССР засвидетельствованы относящиеся к эллинистическому времени, кромлеховидные погребения с характерным каменным кругом вокруг²⁶. Высеченные в скале камеры могут восходить к многочисленным урартским скальным погребальным сооружениям, хотя наличие дромоса скорее указывает на греческое влияние.

Отдельную значительную группу образуют башневидные погребения. В 1961 г. экспедицией Института археологии и этнографии в с. Паракар, вблизи дороги из Еревана в Эчмиадзин, были раскопаны развалины интересного каменного сооружения, в которых нашлась серебряная тетрадрахма Артавазда II (55—34 гг. до н. э.). В ходе работ были обнаружены новые монеты, все без исключения датируемые I в. до н. э. (табл. XX и XXI). Сооружение представляло собой, судя по остаткам, круглую башню или камеру на каменной платформе, которая образует в плане многогранник, приближающийся к кругу (поперечник около 10,5 м). Платформа имеет ступенчатый вид, поверхность ее покатая²⁷.

Стены башневидного сооружения сохранились до высоты 1—1,2 м; они сложены из больших плит, толщиной в 1,1 м. (табл. XIX, 3). Диаметр башни 5 м, вход, во-видному, имелся с восточной стороны. Внутренняя часть башни наполнена камнями, на которых, вероятно, лежал пол. Под ними в середине комнаты была раскрыта могила, выложенная по краям образующим овал камнями, длиной в 1,5 и шириной в 1,1 м. В могиле никаких предметов не найдено, костяк плохо сохранился. Возможно, погребение было разграблено в древности. В сооружении вокруг него найдены черепки древнего облика. Могила находит многочисленные параллели в искрополях древней Армении. Погребения такой же конструкции, встречающиеся в кармирзбургских могильниках ахеменидского и эллинистического времени и в гарнийском могильнике первых веков н. э., рассмотрены выше.

Строительство башневидных сооружений имеет в Армении давние, еще урартские традиции; встречаются они и в ахеменидский

²⁵ М. Mellink, *Archaeology in Asia Minor*, AJA No 2; H. Alkim, *Explorations in Turkey*, 1965, 1966, Anatolica, 11, 1968; Г. А. Тирация, Новые археологические материалы послеурартского времени на территории Западной Армении (Гурния) и их место в истории древнеармянской культуры, *Древний Восток*, 2, Ереван, 1976, с. 143—147.

²⁶ Г. А. Тирация, Башневидное погребение из Паракара... с. 144.

²⁷ Г. А. Тирация, Башневидное погребение из Паракара и сходные памятники Передней Азии и Армении.

период. Относящийся к ним большой материал примерно того же времени был собран архитектором 1-го Торамамяном. Он же обследовал около восьми башневидных построек в районах Ани, Эчмиадзина и Ошакана. Лучшую сохранность имеет такое сооружение в Агавнатуе на землях сел. Уджан Аштаракского р-на (табл. XIX, 2). Стены этой башни, диаметр которой больше 8 м, сохранились до высоты 4,8 м. С северо-западной стороны имеется вход или окно (0,7×0,9 м). (табл. XIX, 4). В 1973 г. отрядом Арташатской археологической экспедиции (руков. Ж. Д. Хачатрян) здесь были произведены раскопки, во время которых была расчищена внутренняя часть башни, однако обнаружить погребение не удалось.

Башневидные сооружения засвидетельствованы в большом количестве в Передней и Малой Азии: в Ликии, Горной Киликии, Вавилоне, Ахеменидском Иране, Сирии и других местах. Конечно, не все они имеют погребальное назначение. Они могли служить различным целям (храмы, наблюдательные пункты и т. д.); большинство башневидных сооружений—прямоугольные или квадратные в плане; встречаются и круглые башни, особенно в соседней Сирии.

Археологические работы показали связь сооружения в с. Паракар с захоронением Кетати, данные древнеармянских преданий и легенд подтверждают связь между погребальными обрядами и башневидными сооружениями, которые образуют интересную группу погребальных памятников древней Армении.

Переходя к погребальным обрядам и обычаям Армении эллинистического времени, заметим, что мы располагаем сравнительно немногочисленными данными по этому вопросу. Установлено, что в рассматриваемое время наряду с труположением практиковалась и кремация²⁸. Документация раскопок фиксирует несколько видов труположения—с вытянутым костяком, скорченным на боку и даже сидячим. Выявить закономерность ориентации могил не удалось. Встречаются могилы, обращенные с юга на север, с востока на запад или имеющие промежуточные ориентации, причем в одном и том же некрополе при наличии одиотипных погребений могут сосуществовать погребения с различной ориентацией по сторонам света²⁹.

В большинстве случаев костяк сопровож-

дался погребальным инвентарем, состоявшим из предметов обихода в рядовых погребениях и из предметов роскоши—в более богатых. Отсутствие керамики в кармирблурском могильнике эллинистического времени не следует, однако, объяснять ритуальными соображениями.

Особый интерес представляет обычай класть монету в рот покойника, засвидетельствованный в разных точках древней Армении (Гарни, Капберкей, Калайчик) и связанный с греческим миром. В Кармир-блуре (погребение № 1) обнаружена во рту покойника серебряная драхма, принадлежащая к очень распространенному типу александрийских монет³⁰ (табл. XIX, 1). На ее лицевой стороне изображена голова Геракла в львиной шкуре; на обратной, слегка вогнутой,—Зевс на троне, в вытянутой правой руке держащий орла, а левой опирающийся на жезл. Под правой рукой Зевса, у его колен, сидит лев с повернутой назад головой. Между жезлом и краем монеты имеются следы надписи, слабые настолько, что прочесть ее нельзя.

Серебряные драхмы этого типа выпускались не только при Александре, но и позднее. При жизни Александра на всех монетах чеканилось его имя с царским титулом или без него. После его смерти, между 323—316 гг. до н. э., на некоторых монетах чеканится имя Филиппа Аридея; со смертью последнего имя Александра вновь появляется на монетах, но начиная с 306—305 гг. быстро вытесняется именами его преемников, объявивших себя царями.

Более или менее определенное указание на город, выпустивший драхму, дает изображение льва на ней. Лев издавна был эмблемой фракийского города Кардии и изображался на кардийских монетах при Филиппе II и Александре. Впоследствии лев фигурирует и на монетах города Лисимаха, его основателя, переселившего жителей Кардии. Исследователь монет Александрии Македонского Л. Мюллер считает, что подобные монеты, с изображением льва с повернутой головой, никогда не встречаются с именем Лисимаха и что их следует причислять к монетам, выпущенным или при Александре или же после его смерти, но от его имени³¹.

Таким образом, кармирблурская монета скорее всего выпущена при Александре Македонском или после его смерти, но от его

²⁸ Ж. Д. Хачатрян, Кремация в Армении (II в. до н. э.—III в. н. э.).

²⁹ Ж. Д. Хачатрян, Гарни, V, с. 21.

³⁰ А. А. Вайман, Г. А. Тирация, ук. соч., с. 63—64.

³¹ L. Müller, Numismatique d'Alexandre le Grand, Copenhagen, 1855; Ср. атлас того же автора.

имени в Кардии или Лисимахи, и датируется последней четвертью IV в. до н. э. не позже 306 г., когда начали чеканиться монеты с именем Лисимаха.

Обычай помещать монету в рот покойника, как принято считать на основании письменных источников и археологических раскопок, специфически греческий. Античные писатели от Аристофана до Страбона и Лукиана объясняют его тем, что душе умершего нужна монета для уплаты Харону за перевоз через Стикс. Эти данные подтверждаются археологическими раскопками³².

Этот обычай был свойствен не только грекам, но и этрускам, латинянам и самнитам. Надо полагать, что он перенесен в Армению из греческого мира. На это указывают время, которым датируются рассматриваемые погребения, греческая монета в качестве ритуального объекта, и наличие монет именно во рту покойника. Однако погребенные здесь не были греками, что видно не только по анализу инвентаря, местный облик которого в большинстве случаев очевиден, но и по тому обстоятельству, что, в отличие от греческих захоронений, где во рту покойника находят обол, здесь положена драхма. Однако само по себе наличие элементов греческого погребального обряда в Армении раннеэллинистического времени весьма примечательно.

Кремация представляет собой не только вид захоронения, но и обряд. Ж. Д. Хачатрян установил многочисленные случаи кремации в некрополях древнего Арташата³³. Судя по месту нахождения обгорелых человеческих костей, она производилась на месте в могиле или рядом. Следы кремации наблюдаются также в урнах и карасах, вкопанных в землю в вертикальном положении. Этот обряд встречается в Армении с древнейших времен — с эпохи ранней бронзы. Особый интерес представляет захоронение этого вида, датируемое VI в. до н. э., в Гёзлу, около г. Шамшадина³⁴, которое по своему устройству и

обрядовым особенностям напоминает арташатские погребения с кремацией.

Несмотря на местные истоки кремации в Армении, устанавливаются контакты с таким же обрядом в античном мире, что, конечно, не удивительно, если учесть, что погребения в Арташате и Гарни датируются I в. до н. э.—III в. н. э.

Изучение арташатских некрополей дает представление также о таких сторонах погребального обряда, как похоронная церемония и трапеза (поминки), которые в целом ряде случаев сопровождали и кремацию и обычное погребение³⁵. В арташатском некрополе рядом с захоронениями обнаружены прямоугольные площадки (1,3×0,6; 1,6×1 м), выложенные камнями разной величины; они были покрыты толстым слоем золы, в котором найдены в большом количестве черепки, а также обгорелые кости. По мнению Ж. Хачатряна, такая площадка имела в сиснанском античном склепе, где также зафиксирован слой земли вперемешку с золой и многочисленными костями и черепками. Эти находки свидетельствуют о том, что погребальный обряд, по крайней мере в Арташате и Сиснани, совершался рядом с могилой и сопровождался жертвоприношением и поминками. При трупосожжении кремация также совершалась рядом или прямо в могильной яме на костре.

Находки многочисленных обломков сосудов, а также костей животных говорят о довольно пышном характере поминок, во время которых употреблялось говяжье и баранье мясо, а кости выбрасывались в огонь. На употребление разных напитков указывают разнообразные сосуды, которые после использования разбивали и бросали в яму или разбрасывали вокруг нее.

Превосходное описание древних трапез мы находим у Лукиана («Харон», 22). Оно вполне согласуется с археологическими данными³⁶. Частью находки каменных баз от колонн над могилами позволяют усмотреть в них алтари для жертвоприношения. Каменная плита, имевшая такое же назначение, была найдена на одной из могил в г. Керчи. Несмотря на довольно ранние истоки трупосожжения в Армении, оно имеет черты, объединяющие его со сходными эллинистическими обрядами, о чем уже говорилось выше. Такие черты следует объяснять не только влиянием эллинистического мира, но, как

³² *Mau*, Bestattung, Pauly's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft, t. V. Stuttgart, 1897, p. 346; D. Kurz, J. Boardman, Greek burial customs, London, 1971, стр. 166, 211; D. M. Robinson, Necrolynthia A study in greek burial customs, and anthropology, Excavations of Olynthus, XI, Baltimore, 1942, стр. 178, 180, 203—205.

³³ Ж. Д. Хачатрян, Кремация в Армении (II в. до н. э.—III в. н. э.).

³⁴ С. А. Есаян, Погребения VI—V вв. до н. э. в городах Шамшадина, С. А. 1965, №3.

³⁵ Ж. Д. Хачатрян, ук. соч., с. 59 и далее.

³⁶ Там же, с. 67—68.

полагает Ж. Д. Хачатрян, и наличием здесь переселенцев из стран этого мира, связанных с градостроительной деятельностью армянских царей, хотя археологически их присутствие пока не удается доказать.

Сравнительно большое разнообразие погребальных форм трудно объяснить этническими отличиями населения древней Армении. Важно то, что большинство их восходит к более ранним эпохам. Известно, например, что грунтовые захоронения, каменные ящики, карасные погребения, саркофаги, склепы и курганы встречаются одни уже в эпоху бронзы, другие в урартский период и доживают до эллинистического и более позднего времени, что еще раз свидетельствует о местных корнях целого ряда аспектов древнеармянской культуры. Следует отметить вместе с тем большую однородность погребальных обрядов, что, конечно, указывает на большую общность, чем это могло показаться на основе данных форм погребений.

Погребения в Гарни, Кармир-блуре, Арташате не имеют четкой ориентации по сторонам света. Древний обычай групповых захоронений, видимо, исчезает; преобладают одиночные захоронения, хотя встречаются и парные (Кармир-блур) и даже фамильные.

В составе погребального инвентаря и в способе его размещения между погребениями рассматриваемого времени и погребениями предшествующих эпох нет принципиальной разницы. Инвентарь—главным образом керамика, предметы украшения или, в случае мужского захоронения, оружие—укладывался в могилу вместе с покойником, однако за исключением захоронения (кувшинные), где инвентарь расположен рядом. Наличие наряду с труположением и кремации не только не позволяет усомниться в местных традициях обрядов и форм захоронения эллинистической Армении, но в еще большей степени убеждает нас в этом. Вместе с тем нельзя отрицать античного влияния на эту область духовной и материальной культуры древней Армении, которое отразилось в обы-

чае класть монету в рот покойнику и в других деталях как трупосожжения, так и труположения.

Армения переживает в эллинистическое время бурный политический и экономический подъем и это не могло не отразиться на состоянии общества. Усиливается процесс социальной стратификации населения, ясно прослеживаемый на материале погребений. По своему устройству и инвентарю, а также по соответствующему обряду, последние довольно четко распадаются на две группы, относящиеся к культуре более зажиточных слоев и даже верхушки общества (Хасан-кале, Паракар, Канберкей, Сисиан, возможно Гехадир) и к культуре рядового населения (Кармир-блур (город), Гарни, Айгешат, Ошакан, Арташат).

Признаки имущественной дифференциации находят отражение в устройстве погребений и их облике. Требующие больших средств при строительстве, курганы Хасан-Кале и Канберкей, склепы в Сисиане, башневидное погребение в Паракаре, каменные саркофаги в Гехадире, служили для захоронения представителей зажиточной знати, а грунтовые и карасные погребения и каменные ящики использовались больше для погребения людей среднего и более скромного достатка.

Однако форма погребения не всегда указывает на принадлежность погребенного к определенному слою населения. Грунтовое погребение № 123 в Гарни имело богатый инвентарь, в отличие от таких же погребений Арташата. То же самое наблюдается в некоторых каменных ящиках и карасных погребениях. Дифференциация в пределах одного и того же вида захоронения зафиксирована и в арташатском античном некрополе. Здесь в одних погребениях хорошо видны следы пышной трапезы (обильные остатки костного и керамического материала, размеры каменных площадок и т. д.), а в других следы жертвоприношения более скромные. Таким образом, по погребальным материалам довольно хорошо выделяются несколько слоев населения—верхушечный, среднезажиточный, бедняцкий.

ГЛАВА III

СКУЛЬПТУРА

В рассматриваемое время особенно усиливается общность общественных отношений в эллинистических странах Передней Азии и

в Армении, что облегчало проникновение и усвоение надстроечных явлений, и в первую очередь в области культуры.

В своем развитии культура древней Армении столкнулась с эллиническими традициями, и это соприкосновение породило армянскую эллинистическую культуру.

Определить точно, когда, с какого времени началось проникновение, освоение и перерабатывание эллинических форм, сказать трудно. Но мнения о появлении эллинистической культуры в Армении только в I в. до н. э.¹ не соответствуют действительности. Не может быть сомнения, что уже в III в. до н. э. такая культура начала оформляться. Есть все основания думать, что западные Еруандяны и затем их преемники, по ряду причин экономического и политического порядка, раньше всех стали покровителями развития эллинистической культуры в Армении. Во всяком случае монеты, вычеканенные Аршамом, царем Софены и Коммагены, наглядно демонстрируют, что в 40-е годы III столетия до н. э. образ Геракла, обнаженного с палицей в левой руке², был понятен верхушке Софено-Коммагенского государства. Эллинические образы на армянских монетах III века, встречаются и при Ксерксе и Абдасаре, преемниках Аршама. Так, на обратной стороне одной Эрмитажной монеты Ксеркса или Абдасара изображена сидящая Афина, левой рукой опирающаяся на шлем, а в правой держащая маленькое изображение богини победы Ники. Ника, изображенная во весь рост с венком в вытянутой руке, также встречается на монетах этих же царей³. Наличие перечисленных греческих образов на одной и той же монете, наряду с изображением царя в явно негреческом, местном, армянском головном уборе, является показателем своеобразного синтеза, начало которого пока можно проследить с 40-х годов III столетия, в западных областях Армении.

Общие соображения, культурно-исторического порядка наталкивают нас на мысль о существовании нескольких направлений в культуре Армении рассматриваемого периода. Задача историков и археологов состоит в том, чтобы выявить их, убедительно обосновать и показать их место в общем развитии древнеармянской культуры.

Несмотря на крайне малое количество дошедших до нас образцов скульптуры древней Армении, именно в этом виде искусства можно проследить различные художественно-культурные направления.

Первое из направлений, существовавшее в армянской скульптуре, это развитие местных форм издревле существовавших на территории Армянского нагорья.

Второе направление, призванное занять ведущее место, должно быть представлено скульптурой, выросшей на основе слияния эллинических и местных художественных традиций, почему ее можно с полным правом назвать эллинистической. Определить в какой мере обе художественные традиции участвовали в создании этого направления трудно, не только при рассмотрении данного раздела истории культуры, но и даже при рассмотрении всей армянской культуры эпохи эллинизма в целом.

Наконец, к третьему направлению мы причисляем все привезенные извне образцы эллинической скульптуры, с готовностью воспринимаемые армянской знатью.

Рассмотрение древнеармянской скульптуры приходится начинать именно с разбора эллинистического направления.

О политических узлах, связывающих Армению и граничащую с ней Коммагену известно. Более чем два столетия Коммагена так или иначе входила в состав армянского государства Еруандидов и в дальнейшем, даже в I в. до н. э., при арташесидских царях она испытывала сильное политическое влияние Армении⁴. Это обстоятельство уже дает право на предположение о существовании многих точек соприкосновения между разными явлениями армянской и Коммагенской общественной жизни⁵. Такая близость проследживается и в области культуры, сведения о которых сохранились в надписях Антиоха Коммагенского на Нимруд-Даге. Обозначение в этой надписи божеств страны двойственным иранским и греческим названием, как, например, Зевс—Оромазп Артагн—Геракл, Аполлон—Гелиос—Митра⁶, выражает как раз характерный для эллинистических стран религиозный синкретизм, засвидетельствованный.

⁴ Г. Тирацян, Страна Коммагена и Армения, ИАНОН, 1956, № 3.

⁵ К. Human, O. Puchstein, ук. соч., с. 262—271, 272—278, 320, 325, 327.

⁶ Г. Тирацян, Матерьяльная культура Армении первых веков н. э. по данным некрополя в Гарпи (автореф. канд. дис.), Л., 1956, с. 5.

¹ J. L. Robert, Revue des études grecques, v. I.XV, Janv. Juillet 1952, p. 184.

² E. Newell, Miscellanea Numismatica, Numismatic Notes and Monographs, No 82, New York, 1938, pl. 11, No 13.

³ F. Imhof-Blumer, Porträtköpfe auf antiken Münzen hellenistischer u. hellenisierteter Völker, Berlin, 1885, Taf. v, No 6.

как известно, и в Армении. Но важно здесь то, что в Армении он понимался почти что в коммагенской форме, в форме культового растворения греческих и армяно-иранских божеств (сравни, например, «История Армении» Фавста Бузанда, кн. III, гл. 14, «Геракла, то есть Вааг» и «История Армении» Мовсеса Хоренаци, кн. II, гл. 12).

Конечно, сравнительное изучение армянских и коммагенских культовых воззрений может кое-что уточнить в вышесказанном, особенно при определении степени, меры и количества участия тех или иных воззрений в деле выработки общих понятий, не говоря уже о выявлении древнейших культовых представлений, возможно, разных на территории Армении и Коммагены, хотя в последние годы вырисовываются следы влияния урартской культуры в Коммагене (Арсамея)⁷.

Но бесспорное присутствие в основном двух, почти что одинаковых компонентов и в армянских и в коммагенских представлениях, находящихся свое выражение при обозначении главных божеств, указывает на явное родство идеологических понятий двух стран, входивших, как неоднократно указывалось, долгое время в одно политическое объединение.

Возможно, следовательно, что при переводе этих культовых понятий на художественный язык, и там и тут, должны были возникнуть в общих чертах одинаковые по своему облику произведения искусства.

Но, так как тут, в Армении, они отсутствуют, а там в Коммагене они сохранились, то представляется возможным сослаться на последние, как на памятники, которые в некоторой степени могут нам заменить образцы армянской эллинистической скульптуры.

Необходимо, следовательно, познакомиться близко со скульптурными образцами коммагенских богов. В 40-х годах I в. до н. э. царем Коммагены Антиохом была построена усыпальница-святилище на нимруд-дагской вершине Таврского хребта в виде насыпного кургана высотой около 50 м. с двумя террасами, украшенными статуями, рельефами и надписями. Террасы устроены на восточной и западной сторонах кургана и представляют собой площадки у самого подножия насыпи. Над каждой террасой были помещены огромные статуи богов (высотой от 5 до 8 метров) в виде человеческих фигур, сидящих в креслах в

неподвижной позе. Фигуры, как и кресла, высечены из больших известняковых глыб, причем статуи состоят из восьми рядов таких глыб. На каждой террасе установлено по пяти статуй. Они представляют богов страны Коммагены, Зевса—Оромазда, Аполлона—Митру, Артагана—Геракла, богиню Коммагену и самого царя Антиоха. На обеих террасах они установлены одинаково, причем в середине сидит Зевс, а по бокам в установленной последовательности остальные фигуры⁸.

Перейдем к описанию отдельных статуй. Центральная статуя изображающая Зевса, по своей одежде и позе не отличается от других статуй. Правая нога чуть выдвинута, руки положены на колени, причем левая держит известный в иранском мире пучок прутьев—«баресму». Из одежды обращает на себя внимание низкая обувь, зашнурованная на подъеме ноги, с висящими по обеим сторонам шнурами, а также плащ своеобразно закрепленный на правом плече. Остальные части одежды плохо различимы, но издатели памятника дополняют их на основании аналогии узкими брюками и длинным хитоном с рукавами. На голове Зевса глубоко сидящая высокая тиара. Лицо имеет бороду с короткими выходящими локонами, придающими лицу мягкое выражение. Широкий чуть изогнутый нос имеет угловатые грани, переходящие в безжизненные редкие брови, глаза широко открытые.

В общем эти формы напоминают нам позднегреческий образ Зевса, но совершенно отличен головной убор. С него свисает широкое покрывало, закрывающее затылок и уши. Впереди и сзади тиара украшена вертикальной полосой, на которой вырезаны в плоском рельефе круглые диски, по нижнему краю тиары идет диадема, украшенная пятом крылатых молний. Как завершалась тиара, была ли она остроконечной, или же выгнутой—наподобие фригийской шапки, сказать трудно⁹.

Одежда статуи Митры совпадает с одеждой Зевса. Голова также покрыта своеобразной тиарой вышеописанной формы. Митра представлен без бороды, и выглядит вследствие этого довольно молодым. Лицо энергичное, квадратных очертаний с широкими щеками, выступающими скулами, почти прямыми бровями и маленькими глазами. Нижняя

⁸ К. Human, O. Puchstein, *вк. соч.*, с. 253, 294.

⁹ См. там же, с. 255—256; табл. XXIX, 5, 6 и с. 296 табл. XXXI, 3, 4.

⁷ F. K. Dörner, Th. Goell, *Arsamela am Nymphaios*, Berlin, 1963.

часть лица завершается полным подбородком-моделированным в плоском рельефе¹⁰.

Геракл изображен в той же негреческой одежде, но он имеет свой постоянный атрибут, палицу. Лицо позднегреческого типа, уставлого, нуждающегося в отдыхе, героя. Узкий лоб, с угловатыми бровями, глубоко сидящие глаза, широкая нижняя часть лица, приоткрытый бесформенный рот, суммарно показанная борода—все это создает впечатление грубой работы¹¹.

Статуя Антиоха имеет молодое, безбородое лицо. Головной убор у этой статуи сохранился лучше, чем у других: он по своей форме отличается от тиар остальных фигур. Тиара Антиоха напоминает по своей форме и пропорциям так называемую армянскую тиару (Тиграпа). В дополнение к этому сходству тиара Митры снабжена длинными, узкими лентами, собранными на лбу. Поверх нижнего края тиары надета диадема, украшенная молниями. Сзади на спине свисает широкое покрывало¹².

Единственной женской статуей является статуя сидящей Коммагены с руками на коленях. В левой руке рог изобилия, а в правой венок из гроздьев винограда, плодов граната и др. Рог наполнен такими же плодами, из которых сделан венок на голове. Лицо Коммагены большое, квадратное с отсутствующим взглядом, с выступающими скулами и широким подбородком. В ушах продолговатое украшение¹³.

При стилистическом разборе этих произведений мнения исследователей сходятся лишь в вопросе о наличии сильных, негреческих художественных традиций. Первые издатели рассматриваемых статуй считали даже невозможным уделять им место в общей линии развития греческого искусства и оценивали их как «произведения эллинизированных варваров»¹⁴. Ими и многими другими обращались внимание и на наличие древневосточных художественных элементов, в первую очередь хеттских, выраженных в огромных размерах, в неподвижности, в отсутствии выражения и т. д.¹⁵. Наконец Зарре, просто считал их памятниками древнеиранского искусства и рас-

сматривал в разделе искусства Селевкидско-Парфянского времени, полагая, что нимруд-дагские памятники могут заменить отсутствующие скульптуры времен Аршакидов в Иране¹⁶.

Присутствие негреческих элементов, выявленных со всей подробностью вышеуказанными исследователями, которые вместе с греческими делают из этих статуй произведения эллинистической культуры, как видим, бесспорно.

Негреческие элементы проявляются в ряде стилистических черт, а также в некоторых иконографических особенностях одежды и головного убора.

При рассмотрении голов коммагенских богов, сразу же бросается в глаза этот необычный для эллинистических богов головной убор—высокая тиара с покрывалом и со свисающими лентами, напоминающая армянские образцы. Забегая вперед, можно сказать, что и другие части коммагенской одежды находят свои аналоги в армянской¹⁷.

Внесение таких, необычных для греческих образов элементов, заметно преобразующих их облик, говорит в пользу того, что проникшие греческие формы наткнулись на сильные местные традиции.

Не может быть сомнения, что влияние местных традиций выражалось по-разному, что их доля в разные времена и в разных местах была неодинакова, но она всегда присутствовала в ведущем для эллинистической эпохи направлении. Облачение в национальную одежду, у богов явно восходящих к греческим образцам, является фактом немаловажного значения. Ясно, что это не простое механическое занесение чуждого образа, а глубокое осмысление и переработка его. В этих статуях ясно чувствуются культурно-исторические особенности Коммагены.

Среди памятников Армении некоторое сходство с изображениями коммагенских богов имеет известная голова статуи из Двина¹⁸, найденная около селения Нижний Двин в 1925 году. Она изготовлена из сероватого туфа (табл. XXIII, 1) Обработана преимущественно лицевая сторона, сзади и с боков камень остался грубо обработанным. На голове свое-

¹⁰ Там же, с. 257, табл. XXIX, 3, 4.

¹¹ Там же, с. 257—258, табл. XXIX, 2 и с. 297—298, табл. XXX, 2.

¹² Там же, с. 295, табл. XXX, 1.

¹³ Там же, с. 258—259, табл. XXXI, 2.

¹⁴ Там же, с. 345.

¹⁵ Там же, с. 350 и *Th. Goell* Nimrud-Dagh. The tomb of Antiochos of Commagene, *Archaeology*, 1952, 5, No 3, p. 142, 1952, 5, No 3, стр. 142.

¹⁶ *F. Sarre*, Die Kunst des alten Persten, Berlin 1923 стр. 78

¹⁷ *Г. А. Тирицян*, Заметки об армянской одежде эллинистического времени, *ИАНОН*, 1959, № 11—12, (на арм. яз.).

¹⁸ *Б. Н. Аракелян*, Сюжетные рельефы IV—VII веков, рис. I; *К. К. Кафарлян*, Город Двин и его раскопки, рис. 232.

образная украшенная сетчатым узором тнра, верхняя часть которой отбита, так что трудно сказать кончалась ли она зубцами или имела плоскую вершину. Несмотря на ряд отличий (глаза даются в виде круглых отверстий, наличие характерных серег и т. д.), голова из Двина действительно выявляет сходство по своей общей трактовке с комматенскими скульптурами. Если внимательно всмотреться, общая форма головного убора, расположение на одной плоскости частей лица, горизонтальность бровей, угловатость граней носа и т. д. и вообще схематичность и грубоватость передачи, особенно осязаемые при рассмотрении в профиль, сближают голову из Двина с приведенными выше скульптурами богов. Конечно, это сходство не идет так уж далеко, особенно с точки зрения общности художественно-культурных направлений. Двинская голова и несколько близких к ней скульптур¹⁹ являются единственными образцами местного направления, древней армянской скульптуры.

Сравнительно обильные сведения о запечатлении армянскими царями эллинических скульптурных форм, как и блестящая находка из Верхней (Западной) Армении—голова бронзовой статуи так называемой Анаит позволяют подробнее остановиться на вопросе о бытовании среди верхушки армянского общества третьего направления, чисто эллинического.

Как известно, у Мовсеса Хоренаци сохранились прямые указания на то, что царь Артанс во время своих походов на Запад привез оттуда многочисленные статуи богов, которые распределил по армянским храмам²⁰. Захват богов побежденных народов (надо отметить, что сведения Хоренаци относятся по существу к первому веку, т. е. к эпохе Тиграна) имеет, естественно, политический смысл. Но не эта сторона вопроса интересует нас. а другая—культурно-историческая.

Восприятие и усвоение армянской знатью эллинических образов, конечно, факт немаловажного значения для понимания многих вопросов культуры эллинистической Армении.

Важно, что Хоренским указывается, какие именно статуи и откуда они были вывезены. Так, из Малой Азии были привезены статуи Аполлона, Артемиды и Геракла, из Эллады статуи Зевса, Артемиды, Афины, Гесты, Афродиты²¹.

¹⁹ Там же, рис. 233.

²⁰ Мовсес Хоренаци, История Армении, кн. II, гл. XII.

²¹ Там же.

Какие это были произведения, покажут будущие раскопки древнеармянских святилищ и городов. Небезынтересно, что в одном случае Хоренаци сохранил даже имена скульпторов, изготовивших одну из привезенных статуй. Он называет имена Скиллы и Дипина Критского, статуя Геракла которых по сообщению Хоренаци, была захвачена в Малой Азии и установлена в Аштинате. Известно, что в Греции действительно существовали скульпторы Скилла и Дипин, жившие около 600 г. до н. э. на острове Крит²². Есть также сведения о многочисленных их работах, среди которых упоминается и статуя Геракла в Тиринфе. Братья-скульпторы работали в камне и дереве, а согласно указаниям Хоренаци привезенные статуи были отлиты из бронзы и позолочены. Возможно, что была захвачена какая-нибудь бронзовая копия с греческого оригинала; это тем более вероятно, так как указанная статуя была привезена из Малой Азии.

Нельзя сомневаться в том, что первоклассным вещественным доказательством сведений Хоренаци является замечательная находка из района Саталы (северо-западная Армения), ставшая достоянием Британского музея. Это женская голова из бронзы, изображающая греческую богиню (табл. XXII): вместе с головой была найдена и ее левая рука, держащая часть одежды²³. Однородность и цвет патины на обеих предметах, однотипная починка (заплаты маленькими бронзовыми пластинками поврежденных мест) явно указывают на принадлежность обеих частей одной и той же статуи.

Несмотря на то, что обе части повреждены и несут следы ударов, лицо статуи сохранилось хорошо. Отбита лишь затылочная часть, и повреждена макушка, но тем не менее удается восстановить прическу богини. Волосы посередине разделены пробором и прическа имеет обруч, который собирал волосы в узел на затылке. Позади ушей на шею спускаются две большие пряди, а перед ушами и на лбу по сторонам пробора вытесаны по два маленьких характерных локона. У богини красивый лоб, замечательный изгиб бровей, большие глаза, полные щеки и приоткрытый рот.

²² Мовсес Хоренаци, там же: см. „Dipoinos“. Pa ulis Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Bd. V, 9. Stuttgart, 1903, p. 1160.

²³ O. Rayet, Monuments de l'art antique, v. 11, c. 3, табл. 44. Paris, 1884.

Мягкость линии, круглые формы лица — все говорит в пользу того, что перед нами женская фигура и поэтому мнение о принадлежности этой статуи Аполлону²⁴ не может быть принято. Большинство исследователей считает эту голову принадлежащей статуе Афродиты или Артемиды. Ряд черт лица статуи сближают ее больше с Афродитой, относящейся к кругу работ Праксителя, в частности с Афродитой Книдской²⁵.

Другую мраморную статую, найденную в Арташате, тоже следует считать привезенной²⁶. В 1971 году в одном из помещений центральной части холма № 1 была обнаружена часть мраморной плиты со ступой ноги от мраморной статуэтки, а под стеной другого помещения, на глубине 0,4 м, была обнаружена великолепная женская мраморная статуя, голова которой отбита (табл. XXIII, 2). Тончайший хитон не скрывает наготу женской фигуры, а гимматий, обволакивая бедра фигуры пышными складками, спускается вниз к пьедесталу. Легкий наклон верхней части фигуры влево, приподнятая вверх правая рука (тоже не сохранившаяся), слегка согнутая правая нога и линии складок придают фигуре динамичность и грациозность. Судя по художественным и стилистическим особенностям, арташатская мраморная статуя является произведением позднэллинистического времени и может быть датирована концом II — началом I вв. до н. э. Она принадлежит к числу драпированных скульптур этого периода, изображающих молодых женщин; автор пытается повторить замечательные формы скульптур Греции классического времени, в частности изящные черты статуй школы Праксителя. Две скульптуры этой группы найдены на острове Родос и хранятся в Британском музее, одна найдена в Малой Азии (Вифиния), другая в Афинах (хранится в Национальном музее греческой столицы)²⁷.

При изучении армянской эллинистической скульптуры следует привлечь также армянские монеты эллинистического времени культурно-историческое значение которых очень велико. Это, во-первых, четкий хронологический облик, который во многом облегчает их изучение. Будучи чеканены двумя

царями, Тиграном II и Артаваздом II, годы правления которых нам хорошо известны (первый правил в 95—55 гг., второй в 55—34 гг.), монеты являются достоверным памятником I в. до н. э. во-вторых, из-за их художественного достоинства, которого многие из них не лишены, если всмотреться в изображения армянских царей, помещенных на лицевой стороне монет²⁸.

Вот почему, и особенно учитывая сравнительную малочисленность памятников искусства эллинистической Армении, упомянутые монеты не могут служить лишь как вспомогательный материал для истории искусства древней Армении, а, наоборот, в силу вышеупомянутых обстоятельств выступают как равноправный источник, способный ввести нас в круг художественных воззрений, господствующих в эллинистическое время в армянском обществе, точнее в его верхушке.

Стилистический их разбор, выявление и оценка их художественных достоинств поможет нам во многом приблизиться к упомянутой задаче.

Но, учитывая некоторые специфические черты армянской эллинистической культуры, необходимо также провести широкие параллели с теми культурными кругами, которыми синхронны наши памятники. В данном случае могут быть привлечены эллинистические и римско-республиканские памятники.

Время расцвета римского республиканского портрета относится к I в. до н. э., точнее, к периоду от Суллы до второго триумвирата (82—43 гг.), т. е. речь идет о памятниках, как нельзя лучше соответствующих армянским по времени.

Римское искусство внесло свои новые понятия о портрете, отличные от греко-эллинистического, новую концепцию портрета, выработав иное отношение к действительности²⁹.

Те новые средства воплощения, которые римские портретисты внесли, хорошо видны на целом ряде примеров³⁰. Характеристика

²⁴ O. Benndorf, *Typi di Apollo*, *Annali dell' Istituto di Corrispondenza archaeologica*, Roma, 1880, v. 52.

²⁵ O. Rayet, *ук. соч.*

²⁶ Б. Н. Аракелян, *Древний Арташат*, Ереван, 1975, табл. 11

²⁷ Там же, с. 24—25.

²⁸ Г. А. Тирацян, *Портретное искусство Армении на монетах Тиграна II и Артавазда II*, ИФЖ, 1973, № 4.

²⁹ C. Michalowski, *Les portraits hellenistiques et romains*, Paris, 1932 (*Exploration archeologiques de Delos*, fasc. XIII); B. Schweitzer, *Die Bildniskunst der Römischen Republik*, Weimar, 1948; G. M. A. Richter, *The origin of verism in roman portraits*, *The Journal of Roman Studies*, 1955, v. XLV, plate j, 11.

³⁰ B. Schweitzer, *ук. соч.* рис. 85, 86.

лица проведена до мельчайших подробностей. Поверхность сильнее всего образцом испещрена и раздроблена, так как художник показал все складки и морщины, бороздящие лоб, щеки, шею, не пренебрегая уродливыми чертами, диссонансами.

Появление и постепенное распространение новых художественных воззрений, а также их конкретное воплощение иллюстрируется также римскими монетами. Это тем более важно для рассматриваемого нами вопроса, основывающегося на нумизматическом материале. Приводимая в исследовании О. Фесберга таблица должна наглядно демонстрировать изменения, имеющие место в художественных воззрениях первых веков до н. э.³¹ Голова божеества Рому на монетах III в. до н. э. выявляет чисто греческий облик, но затем этот облик начинает постепенно утрачивать свои черты. Классическая монета уступает более грубому рисунку. Подчеркиваются отдельные детали, особенно брови, глаза, рот, подбородок. Новый стиль, итальянский, прокладываящий себе дорогу, отстесняет около 100 г. греко-эллинистический стиль; монеты I в. до н. э. полностью охватывают им.

Особенно наглядно выявляет черты зрелого республиканского стиля группа монет Цезаря³². Изображение на монетах отражает весь облик Цезаря, включая и недостатки лица, испещренного складками. Художник передал массивные, густые брови, глаза с морщинами типа «гусиных лапок» около наружных их углов, длинный остроконечный нос, большой рот с тонкими губами. Щеки пересечены складками и морщинами вдоль и поперек. Лоб также разрезан горизонтальными складками. Четко дан контур нижней челюсти, особенно ее задняя часть. Больше всего внимания привлекает его длинная, как у жирафа, шея, тонкая и жилистая, с многочисленными расположенными по диагонали складками и с четко выявленным адамовым яблоком.

Если после вышеприведенных примеров обратиться к изображениям армянских царей, то огромное стилистическое расстояние, отделяющее их друг от друга, станет сразу очевидным³³.

³¹ O. Vossberg, Studien zur Kunstgeschichte der römischen Republik, Leipzig, 1941, Taf. XX.

³² J. M. C. Toynbee, Portraits of Julius Caesar, Greece and Rome. Julius Caesar, Second Series, March, 1957, v. IV, No 1, табл. 1.

³³ См. К. В. Тревер, Портрет армянского царя Тиграна II (94—56 гг до н. э.) Выставка портрета, сб.

Это, прежде всего, иная пластическая концепция, которой руководствовались исполнители изображений армянских царей. Вместо костлявых и морщинистых типов перед нами выточенный профиль царя со спокойными, возвышенными и облагороженными чертами (табл. XXV).

Моделировка лица проведена большими, отдельными участками, сливающимися тем не менее в один цельный образ. Каждый участок четко ограничен, но нет раздробленности и разрыхленности, характерных, например, для портретов Цезаря. Они тракуются не с той, иногда дотошной тщательностью, а передаются общими крепкими штрихами. Художник стремится к пластической передаче лица, а не заняв обработкой его поверхности (табл. XXVI). Поэтому этот стиль более лаконичен в отличие от многословного римского.

Избегание порой карикатурного измельчения рисунка, свойственного многим портретам римско-республиканского времени, гладь поверхности, контрастирующая с теми же римскими образцами, где все буквально испещрено, цельная, и во многих отношениях обобщенная и компактная трактовка придают нашим портретам некоторую монументальность и торжественность.

Все это вместе с выражением глаз поведет нас в мир других идей, художественных воззрений и приемов, в мир греко-эллинистический.

Греческий эллинистический портрет представлен двумя художественными течениями, одно идеализирующее, в основе которого лежат многочисленные портреты Александра Македонского, и другое, более правдивое, старающееся по мере возможности довести индивидуальные черты изображаемого и нашепнее свое олицетворение в целом ряде портретов эллинистических правителей³⁴.

Упомянутые течения хорошо иллюстрируются также портретами на монетах эллинистического времени³⁵. Это имеет важное

статей, Л., 1937. В краткой заметке автор придерживается противоположного мнения, связывая изображения Тиграна II на монетах с римским республиканским портретным искусством.

³⁴ G. M. A. Richter, Greek portraits (A study of their development), Bruxelles, 1955; C. Michalowski, уе. соч.: E. Buschor, Das hellenistische Bildnis, München, 1949; O. Ф. Вальдгауер, Этюды по истории античного портрета, М.—Л., 1938.

³⁵ K. Regling, Die antike Münze als Kunstwerk, Berlin, 1924; К. В. Тревер, Памятники греко-бактрий-

значение для исследования изображений армянских царей, дошедших до нас на сей день только на монетах³⁶.

Они занимают более или менее среднее место между идеализирующими и реалистическими портретами. Стилистический анализ портретов армянских царей на монетах выявляет, с одной стороны, индивидуальные черты (передача лба, носа, разреза рта, подбородка), способствующие характеристике портретности, с другой—идеализирующие черты, восходящие к заранее выработанным схемам художественного воплощения (структура головы, обобщенная трактовка щек, приоткрытый и дышащий рот, широко раскрытые глаза, с устремленным вдаль взором).

Индивидуальные черты армянских царей выступают также при сравнении и сопоставлении их портретных изображений. Изображения Артавазда отличаются общими контурами лица, более прямым носом—слегка приподнятым, разрезом рта, менее подчеркнутым подбородком (табл. XXVIII).

Важной чертой, усиливающей чувство портретной конкретности, которое не покидает нас при рассмотрении армянских монет, является наличие специфического головного убора, армянской тиары.

Художник рассматриваемых нами монет предпочел оставаться верным действительности и передать образ таким, каким он есть, со своеобразной для эллинистических понятий тиарой. Причем здесь также подмечена разница в ее ношении. На монетах Тиграна тиара изображена с опущенными лентами, свисающими с боков, на монетах же Артавазда с приподнятыми и завязанными впереди на тиаре. Такой же способ ношения «армянской тиары» засвидетельствован в Коммагене, на рельефах, изображающих царя Антиоха.

Таким образом, насколько можно судить по монетным изображениям армянских царей, они выполнялись целиком в духе эллинистической портретности. С одной стороны, они тесно связаны с каноническими приемами, имеющими целью вывести данную личность облагороженной, одним словом, приук-

рашенной, идеализированной, с другой стороны, отдавшими некоторую дань специфическим, индивидуальным чертам, обеспечивающим данному изображению гражданское право портрета.

Имеющиеся веристические черты позволяют подогнать под общий иконографический знаменатель большинство монет. Мастерам-резчикам удалось передать волевой характер целеустремленной личности, не лишеной некоторой степени одухотворенности.

В ряде случаев портреты выявляют и стилистические расхождения. Как правило, они восходят к монетным дворам, где их чеканили.

Выпущенные, например, в Антиохии—ставшей в 83—69 гг. столицей армянской державы—монеты Тиграна представляют наибольший интерес с художественной точки зрения: они образуют основу нашего исследования.

Большинство из них передает более или менее правдиво портретные черты царя, но имеются и исключения с округленными сильно сглаженными чертами, где художник добился подчеркнутой идеализации. Монеты же, вышедшие из-под чекана как дамасского, так и армянских (Тиграпакерт, Арташат) монетных дворов, с некоторыми исключениями, касающимися главным образом тетрадрахм, уступают им по своим художественным достоинствам. Они оставляют впечатление более грубых и простых работ, хотя ряд стилистических приемов—передача глаз, трактовка рта, перенятия с монет антиохийской группы. Изображения отличаются отсутствием пластической обработки, черты лица выделены менее тщательно. Нарушена общая пропорция, соразмерность частей лица, в результате чего лицо получилось более удлиненное и узкое, с сильно выступающим носом и острым подбородком, с подчеркнутой линией, разделяющей щеку от шеи (табл. XXVII, 2, 3).

Среди монет Тиграна, выпущенных в Армении, особое место занимает тетрадрахма, изображающая властного и решительного государя, черты лица которого ближе к этническому типу (табл. XXVII, 1).

Несмотря на существование некоторых отличительных деталей, пластическая концепция изображения на этой монете, безусловно, роднит ее с общезвестной группой монет, выпущенных в Антиохии. К ним с точки зрения портретного искусства примыкает и ряд монет Артавазда, также без всякого сомнения, чеканенных в монетных дворах самой

ского искусства, М.—Л. 1940; 1950. *J. Babelon. Le portrait de l'antiquité d'après les monnaies. Paris, 1950*

³⁶ Х. А. Мушегян, Тетрадрахма Артавазда II, ИФЖ, 1964, № 2; *его же*. Из истории денежного обращения древней Армении, ИФЖ, 1970, № 3; *его же*. Монетные клады Армении (эллинистические монеты, найденные в Сарнакунке), Ереван, 1973; З. Птукян. Монеты арташесидской династии, Вена, 1969.

Армении. Следует особенно отметить две разные по стилю монеты (табл. XXVIII, 1, 2).

Изображение Артавазда на одной монете пластичное с крупными объемами, передающими волевого человека. Изображение на другой монете стилистически более тонкой моделировкой лица с бликами света, подчеркивающим его характерные черты (на бровях, скулах и подбородке), выдающие более первую натуру. Некоторое патетическое настроение, исходящее от исполненного в слегка экспрессионистической манере изображения, даже побудило исследователя истории армянского театра Г. Гояна усмотреть в нем черты трагической маски³⁷.

Разнообразие стилистическое, как и иконографическое, восходит к резчикам, если они работу выполнили самостоятельно, или к скульптурным прообразам, которым подражали резчики. Известно, например, что среди монет Цезаря существуют портреты, утрирующие реалистическое, с портретами безлично идеализирующими.

Портреты Тиграна можно классифицировать по возрасту. Основная масса изображает царя средних лет.

Найденные в северо-восточной Армении (Берд) монеты как будто зафиксировали уже царя-старика.

Прекрасное изображение юного, совсем молодого царя сохранилось на ряде тетрадрахм, выпущенных в Антиохии³⁸.

³⁷ Г. Гоян, 2000 лет армянского театра, т. I, Театр древней Армении, М., 1952, с. 170—172. Удивляет и то что автор считает редким и необычным явлением изображение Артавазда с раскрытыми устами на рассматриваемой монете. Между тем существует целый ряд монет Тиграна и Артавазда, изображенных со слегка приоткрытым ртом, не говоря уже о многочисленных примерах на других эллинистических монетах, где этот по существу стилистический прием общераспространен.

³⁸ Тигран II взойшел на трон, когда ему было около 45 лет, поэтому изображающие юного царя портреты могут показаться странными. В античном искусстве случаи подобного ретроспективного отношения не составляют исключения. Известно, что в Риме в последние годы правления Августа, уже старого, стали выпускаться его изображения в виде совсем молодого человека.

Мы еще раз возвращаемся к вопросу о передаче глаз на вышеупомянутых изображениях не только потому, что глаз и его окружность чрезвычайно пластично трактованы, но и в силу тех художественно-исторических выводов, которые напрашиваются при их рассмотрении.

Глубоко посаженные глаза под надбровными дугами, с широко раскрытыми веками и вынуклым глазным яблоком, с орбитой, часть которой лежит в тени, имеют свои явные параллели среди нескольких выдающихся работ эллинистической скульптуры, и, более того, своим исполнением перекликаются с весьма конкретным кругом намятников³⁹.

Это две хорошо известные головы старика и мужчины, происходящие с острова Делос, портрет Александра Великого, найденный в Пергаме, и главным образом скульптуры большого фриза Пергамского алтаря. Все это сугубо эллинистические по своей концепции работы, датирующиеся II—I вв. до н. э. И всматриваясь в них, нельзя не заметить ту стилистическую связь, которая существует между ними и трактовкой глаз на монетах Тиграна и Артавазда. Это та же глубина орбиты и величина глазного яблока, это те же глубокие врезки и впадины, это та же игра света и тени. В этой связи несбыточно интересно отметить, что если портреты Тиграна на монетах имели свои статуарные прообразы, то они стилистически больше всего должны были напоминать голову пергамского царя Аталла⁴⁰. Общей является структура, конструкция головы, а также характерная пластическая трактовка. Подобная постановка вопроса влечет за собой разумеющийся вывод о каких-то связях между Арменией и Малой Азией, точнее ее западной частью, в I в. до н. э. Эти связи засвидетельствованы и раньше, как это видно на примере монет, резных камней, и т. д.: они имеются и позже в первых веках н. э. и обнаруживают себя, повидному, в работах малоазийских мастеров, принимавших участие в сооружении гарнийского античного храма.

³⁹ С. Michalowski, ук. соч., табл. XXI-XXII, рис. 11, с. 25—27, табл. XXIII-XXIV, рис. 15, с. 27—32; О. Ф. Вальдгауер, ук. соч., рис. 58; W. H. Schuchardt, Die Kunst der Griechen, Berlin, 1940, рис. 376.

⁴⁰ W. H. Schuchardt, ук. соч. рис. 382.

КЕРАМИКА, СТЕКЛЮ, КАМЕНЬ

Начатые в начале 60-х годов раскопки Армавира внесли перелом в дело изучения древнеармянской керамики эпохи эллинизма. Найденный здесь в стратиграфически довольно четких условиях керамический материал позволяет со всей подробностью охарактеризовать эту отрасль производства древней Армении (III—I вв. до н. э.)¹ (рис. 25, 26).

Продолжавшиеся параллельно раскопки Гарни выявили на территории самой крепос-

ти остатки керамической посуды рассматриваемого времени удачным образом дополненных материалом из некрополя эллинистического времени².

Интересными и неожиданными оказались результаты по собиранию и обобщению материалов из античных слоев города Двина³.

Важные результаты для изучения керамики рассматриваемого времени дали рас-

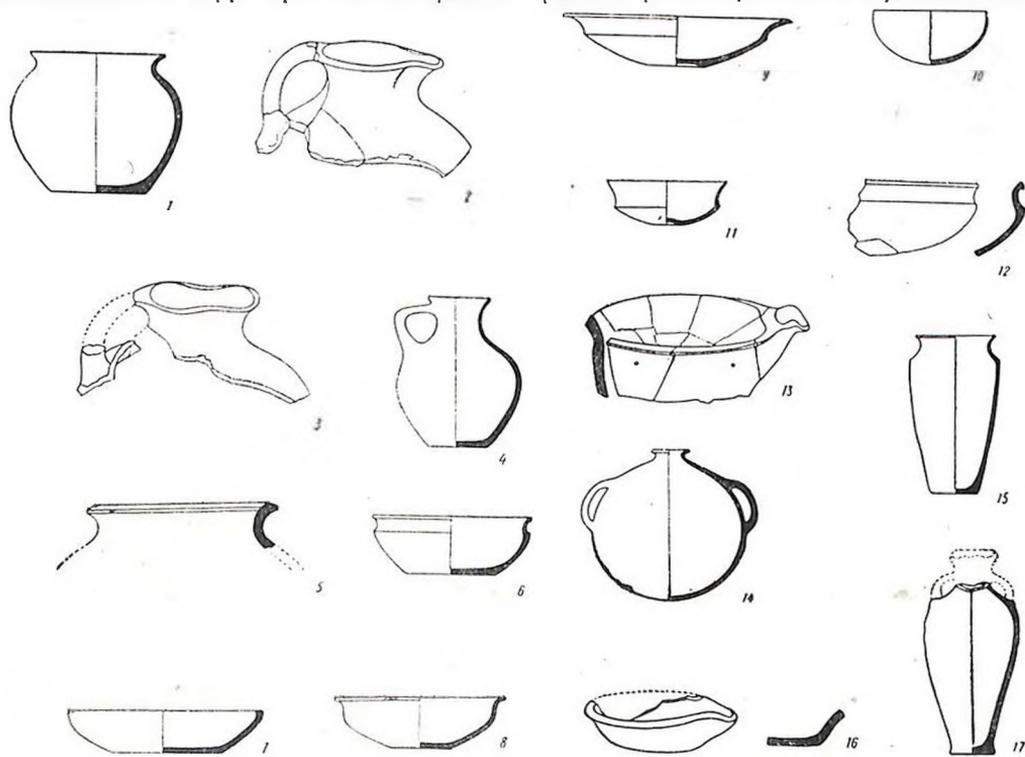

Рис. 25, 26. Основные типы керамики эллинистического времени (Армавир)

¹ Б. П. Аракелян, О некоторых результатах археологического изучения древнего Армавира, ИФЖ, 1969, № 4; Г. А. Тирацян, Древнеармянская керамика из раскопок Армавира (опыт классификации и датировки), ИФЖ, 1974, № 4; его же, Об одной группе расписных сосудов из Армавира (Армения), С. А., 1971, № 2; А. А. Мартirosян, Аргингитхинли, Ереван, 1974; И. А. Карапетян, Группа раннеармянских чаш V—III вв. до н. э.,

ИФЖ, 1971, № 3 (на арм. яз.); ее же, Новый тип керамики из Армавира, ВОНАН АрмССР, 1973, № 11 (на арм. яз.).

² Ж. Д. Хачатурян, Одна из характерных форм керамики Армении VII—I вв. до н. э., ИФЖ, 1970, № 2; его же, Гарни, V, Ереван, 1976.

³ Г. Г. Кочарян, Керамика Двина эллинистической эпохи, ВОНАН АрмССР, 1974, № 4 (на арм. яз.).

копки Арташата, начатые в 1970 г. и еще больше расширившие границы наших знаний.

Раскопки главным образом I-го холма позволяют выделить интересный керамический материал II—I вв. до н. э.⁴

Более полную картину керамики Армении эллинистического времени позволяют обрисовать погребальный материал из Ошакана, Ахбаша, Гехадира, материал из поселений Ширакаван, Қарчахюр, а также керамика из ряда пунктов Западной Армении⁵.

Обилие и разнообразие керамического материала, позволяющие приступить к работе по его систематизации и общей характеристике. Подробный разбор керамического материала, сопровождаемый работой по его классификации с выделением характерных форм и по его датировке, позволяет заполнить большой пробел в истории развития армянской керамики.

Наряду с местной керамикой, образующей преобладающую часть материала, выделяется довольно компактная группа привозной керамики, имеющая большое значение для датировки археологических слоев, а также для выявления торговых сношений⁶.

Древнеармянская керамика Армавира засвидетельствована следующими видами.

Карасы или пифосы, находили применение не только в хозяйстве, они служили в рассматриваемое время и в качестве погребальных сосудов. Карасы, встречающиеся в эллинистических слоях Армавира и Арташата, по форме венчика делятся на несколько подгрупп, но объединены общими чертами: плоское маленькое дно, сильно раздутое тулово, низкая, но широкая шея и отогнутый как правило наружу венчик. На стенках некоторых из карасов имеются втиснутые или процарапанные знаки.

Горшки представлены многочисленными фрагментами разных размеров, в большинстве случаев они безручные, с раздутым туловом, плоским широким дном, низкой широкой шейкой, невысоким слегка отогнутым наружу венчиком и округлым, реже утолщенным, краем. Поверхность горшков серо-черного цвета.

Эта грубая посуда относится к сосудам «кухонного» назначения, общая форма которых не претерпела каких-либо существенных изменений, начиная с периода железа вплоть до средневековья, обстоятельство которое часто затрудняет их датировку.

Кувшины встречаются разного размера и разной формы: с расширяющимся туловом, низкой шейкой и дугообразной, как правило, круглой в сечении ручкой, прикрепленной одним концом к краю венчика, а другим—к плечу (табл. XXXIV, 2, 3, 4, XXXVII, 2).

Сосуды отличаются друг от друга главным образом формой венчика, который бывает круглым, остроносым и в виде трилистника. Поверхность кувшинов покрыта слоем ангоба красноватого или охристого цвета. Глина содержит в себе примеси, обжиг неравномерный.

Кувшины с венчиком в виде трилистника засвидетельствованы на территории Армении в ахеменидское и эллинистическое время, но встречаются они и позже. Вероятно, часть подобных кувшинов восходит к урартским прототипам, но не исключена возможность также прямого или опосредственного влияния греческих и эллинистических сосудов типа ойнохой.

Венчики в виде трилистников завершают одноручные кувшины, найденные на территории позднефригийского городища («город Мидаса») в западной Малой Азии, датированного концом V в. и началом III в. до н. э.⁷

Миски встречаются глубокие, сравнительно толстостенные, с плоским широким дном, высокими слегка округлыми стенками, переходящими в венчик, слегка отогнутый наружу. Под венчиком, снаружи, имеется вдавленный пояс. Снаружи и внутри венчик, а также верхняя часть сосуда покрыты слоем красной краски.

Большая глубокая миска напоминает урартские образцы.

⁴ Б. П. Араксян, Основные результаты раскопок древнего Арташата в 1970—1973 гг., ИФЖ, 1974, № 4; его же, Древний Арташат, Ереван, 1975 (на арм. яз.); Ж. Д. Хачатрян, А. Г. Канециан, Стратиграфия VIII холма Арташата, ВОНАН, 1974, № 9 (на арм. яз.).

⁵ С. Есаян, А. Қалантарян, Античный некрополь Ошакана, ВОНАН, 1976, № 12; Ж. Д. Хачатрян, Археологические находки в Гехадире, ВОНАН, 1966, № 1; Г. А. Тиранян, Новые археологические материалы послеурартского времени на территории Западной Армении (Турция) и их место в истории древнеармянской культуры. Древний Восток, 2 Ереван, 1976.

⁶ М. О. Зардарян, Амфоры из раскопок Арташата, ИФЖ, 1977, № 1.

Расписное блюдо на кольцевидной ножке и отогнутым наружу венчиком, формой, а также орнаментальными мотивами приближается к сосудам эллинистического времени из Афин⁸.

Тарелки или большие чаши с плоским дном и расширяющимися кверху вогнутыми стенками, различаются между собой главным образом профилем венчиков. Последние бывают выступающими наружу или вогнутыми вовнутрь, прямые или с вдавленной снаружи узкой полосой под венчиком. Сосуды покрыты слоем ангоба охристого цвета. На внутренней же части красной краской нанесены крестовидные орнаменты. Такой же краской покрыты венчики.

Эту характерную группу сосудов армавирской керамики И. А. Карапетян возводит к урартским прототипам.

Следует отметить, однако, что некоторые формы, особенно с прямыми, еле профилированными венчиком, имеют аналогию в малоазиатской керамике фригийского времени (как синхронной армавирской, так и более ранней)⁹.

В последние годы стала вырисовываться новая форма чаш. Они имеют округленные борта и вогнутый внутрь венчик. Днище их плоское. Такие чаши-тарелки засвидетельствованы кроме Армавира в Арташате и Ошакане.

Тарелки имеют плоское, сравнительно узкое дно, с косыми слегка округлыми стенками и подчеркнутым в виде выступа переходом к широкому, сильно оттянутому наружу венчику. Поверхность тарелок серовато-охристого цвета. Верхняя и нижняя части венчика покрыты красной краской тусклого оттенка. Такой же краской нанесен крестовидный узор по дну тарелок.

Кубки имеют глубокую полушаровидную форму и несколько вогнутые внутрь верти-

кальные бортики. Верхняя, наружная, а также внутренняя поверхность сосуда покрыты красной краской, по которой, внутри, черной краской нанесена роспись (табл. XXXII, 1, 2, 3).

Развитие полушаровидных чаш имеет очень длинную историю, однако время их наибольшего распространения падает, по-видимому, на эллинистическую эпоху, когда эта форма воплощается как в глине, в частности в мегарских чашах, так и в металле (серебро) и в стекле¹⁰.

Не исключена возможность, что полушаровидные кубки в Армении восходят к урартским прототипам, найденным, например, в Аргинтихинли¹¹.

Разновидностью вышеупомянутых сосудов являются кубки полуцилиндрической формы, с менее округлым дном, бытующие в основном в то же время, что и полушаровидные кубки.

Чаш-фиалы встречаются общераспространенного типа—с округлым дном, расходящимися стенками и отогнутым наружу венчиком (табл. XXXIV, 5). Переход от дна к стенкам и венчику подчеркнут своеобразным выступом. Имеются глубокие и плоские экземпляры. Поверхность сероватая или цвета охры, часто покрыта краской красного цвета. Встречаются и чернолощенные фрагменты.

Эта форма, несомненно, восходит к древневосточным, урартским образцам. Распространяется она в Армении в ахеменидское время и продолжает существовать в эллинистический период.

К многочисленным аналогам чаш-фиал, встречающихся в ряде стран и областей древнего мира, следует добавить экземпляры, найденные на территории Фригии¹²; в дальнейшем керамическому материалу этой области будет уделено большее внимание.

⁸ H. Thompson, Two centuries of hellenistic pottery, Hesperia, v. 111, Athens, 1931, fig. 89.

⁹ W. Orthman, Untersuchungen auf dem Asarcic Hüyük bei Ilca, Istanbul' er Mitteilungen, Bd. 16, 1966, Abb. 14. 5; K. Bittel, H. G. Güterbock, Bogazköy, Neue Untersuchungen in der hettitischen Hauptstadt Abhandlungen der preussischen Akademie der Wissenschaften, Jahrgang, 1935, Berlin, 1936, Taf. 19; 11. 12, Taf. 20; H. H. von der Osten, The Altshar Hüyük, Season of 1930—32, part 11, Chicago, 1937, fig. 403, pl. VIII, ergo же, part 111, fig. 30, pl. IX, Emilie Haspels, ук. соч. Pl. 27, с. 28, 5. 6.

¹⁰ H. Goldman, Tarsus, I, The hellenistic and roman periods, Princeton, 1950, Pl. 125, No 113; R. Folsom, Handbook of greek pottery, London, 1967, p. 186; W. Orthman, указ. соч., Авз., 21, 13; K. Schiefold, Meisterwerke griechischer Kunst, Basel, 1960, No 330 H. Thompson, ук. соч. fig. 56, D 14, fig. 112. E 157, D. E. Strong, Greek and roman gold and silver plate; London, 1966, fig. 24, p 108; D. E. Harden, The Canossa group of hellenistic glasses in the British Museum, Journal of glass Studies IX, 1968.

¹¹ A. A. Маргаросян, Аргинтихинли, рис. 22, 24а

¹² C. H. Emilie Haspels, ук. соч. pl. 27, g, 28, 7; W. Orthman., ук. соч. Abb. 18. 9.

Сосуды со сливообразным носиком представлены как почти цельными экземплярами, так и многочисленными фрагментами. (табл. XXXVII, 1). Это сосуды разного размера, с плоским дном, вздутым туловом и утолщенным, отогнутым наружу венчиком, имеющим часто вдавленную полосу под ним, или же с косо поставленными бортами. Носик, как правило, в виде трилистника, прикреплен под самым венчиком. Встречаются сосуды и с другим типом носика—трубчатые, с косо срезаемым концом и т. д.

Поверхность сосудов обычно покрыта слоем ангоба светлого или красноватого оттенка, украшенного пояском, охватывающим верхнюю часть сосуда.

В этих сосудах возможно усмотреть некоторое влияние древней переднеазиатской керамики, в частности иранской (Сналк Б.). Свообразная форма носиков, однако, связывает эти сосуды с иранскими образцами, носики которых значительно короче и имеют более или менее вертикальную направленность. Два фрагмента из Суз и в Тали-Джабада (XI—X и VII—VI в. до н. э.) по форме и положению носиков являются как бы типологическим предшественником армавирских сосудов¹³. Что касается иранских сосудов ахеменидского времени, то их носики имеют также вертикальное положение, их верх в форме трилистника примыкает к самому венчику, но они более продолговатые, так как имеют трубчатую форму¹⁴.

Фляги характеризуются вздутыми боками, короткой шейкой, отогнутым наружу венчиком и нетлвидными обычно плоскими ручками, прикрепленными с двух сторон из продольной ребровидной части фляги. Линия стыка имеет, как правило, округлую форму, но встречаются экземпляры с угловатыми очертаниями. Сосуды украшены росписью. (табл. XXXIII, 1, 2, 3).

Сосуды в форме фляг появились в странах, где доставка, перевозка и хранение питьевой воды были сопряжены с трудностями. Сходные армавирским образцам фляги распространились главным образом в эллинистическое время.

Высокие толстостенные сосуды, вазообразные, напоминающие алабастры, имеют

¹³ R. Ghirshman, *Village perse-achéménide*. Paris, 1954, pl. XIII. 2 и XXXII; L. Vanden Berghe, *Archeologie de l'Iran ancien*, Leiden, 1959, pl. 64 a. p. 44.

¹⁴ R. Ghirshman, *ук. соч.*, pl. XXIV, 6; E. Schmidt, *Persepolis*, II, Chicago. 1957, pl. 71, 4, 72, 11, 73, 1, 89, 5.

узкое плоское дно, равномерно расширяющаяся вверх стенки с плечиками, низкую шейку и слегка отогнутый наружу невысокий венчик. Они засвидетельствованы пока только в Армавире. Поверхность сосудов покрыта росписью (табл. XXXV, 1, 2).

Изучение рассмотренных здесь сосудов показывает, что они имеют некоторое сходство с древневосточными формами, в которых можно искать прототипы армавирских сосудов.

Среди ближневосточной керамики рассматриваемого времени довольно трудно подобрать нужные им аналоги. Укажем на близкие по форме вытянутые сосуды эллинистического времени из Каирского музея, а также на целый ряд алебастровых сосудов из Урука, Асура, Тель-Халафа и особенно Вавилона¹⁵, большинство которых датируется эллинистическим временем и выявляет в некоторых случаях сходство с армавирскими сосудами.

Светильники, найденные в Армавире и Гарни, представляют собой плоскодонные круглые чашечки со сливообразным носиком, начерченным от копоти (табл. XXXIV, 6).

Они отличаются от больших урартских светильников, имеющих внутри перегородку с отверстиями.

Вазы в виде чашечки на высокой и широкой ножке представлены фрагментами. Поверхность серовато-темно-коричневого цвета или покрыта красноватой краской. Глина содержит в себе примеси.

Они сравнимы со сходными каменными сосудами из Армении, датируемыми позднеахеменидским или эллинистическим временем. Глиняные же сосуды приблизительно такой же формы, известны из Грузии (Деоплис Миндори) и из слоев упоминавшегося уже позднефригийского города Мидаса¹⁶.

В последние годы в Арташате и Армавире были найдены блюда, называемые рыбными. Это плосковатые сосуды на круглой ножке с загнутыми вниз бортами. Имеются как одноцветные, так и расписные экземпляры.

¹⁵ Die griechisch-ägyptische Sammlung, E. von Sieglin, bearbeitet von R. Pagenstecher, Leipzig, 1913, Bd. II, Teil III, Abb. 92, a, b.; E. Strommenger, *Gefäße aus Uruk von der neubabylonischen Zeit bis zu den Sasaniden*, Berlin, 1967, Taf. 52, 7, p. 40.; W. von Bissing, *Ägyptische und ägyptisierende Alabastergefäße aus den Deutschen Ausgrabungen zu Babylon*, *Zeitschrift für Assyriologie*, 1941, N. F. 13(47), II. 1-2, Abb. 13, 20, 28.

¹⁶ C. H. Emilie Haspels, *ук. соч.* Pl. 29, 15—24.

ры, возникшие безусловно под влиянием античной керамики, которой хорошо известны рыбные блюда или ихтиа.

Кратериск, найденный в Армавире, представлен одним экземпляром; он имеет раздутое, сильно суживающееся к низу тулово, переходящее через узкий перехват к округлой низкой ножке. Верх сосуда образует сле заметные плечики, переходящие к низкому, отогнутому наружу венчику. Под венчиком на плечиках с двух сторон прикреплены вертикальные ручки в виде округлых дужек, от верхней части которых отходят горизонтальные выступы (табл. XXXVI, 2).

Верхняя половина сосуда расписана светло-коричневой, красноватой и темно-коричневой росписью, нанесенной по светлomu ангобу или красной краске. Узоры разные на двух сторонах сосудов: они расположены рядами и образуют волнообразные вертикальные, параллельные линии, цепи, эллипсы; простые или с завитками, остроконечные, продолговатые листья, чуть изогнутые фестоны.

Сосуд, естественно, напоминает античные кратеры, однако невозможно установить непосредственную связь между армавирским сосудом и античными кратерами, в том числе и с колоколовидными, обнаруживающими некоторое сходство с ним. Общие очертания, пропорции, низкий маловыразительный венчик и, наконец, необычные ручки, встречающиеся на канфарах и скифосах античного времени, не вызывают сомнения, что это форма, возникшая на большом расстоянии от подлинных центров греческого гончарного дела, влияние которого тем не менее ощущается. Не исключено, что это влияние передавалось посредством Фригии, ранние кратеры которой имеют ручки такой же формы; тулово их было разукрашено близкими в принципе художественными приемами¹⁷.

Параллелью вышеупомянутому явлению может служить кармирблурский аск¹⁸, восходящий по общей своей форме к западным прототипам, опосредствованным Малой Азией, вернее Фригией. О связях Армянского нагорья с последней говорят роспись кармирблурского аска, родственная, как нам кажется, фригийской расписной керамике эпохи ее расцвета.

Своеобразной формы аск со слегка раз-

дутыми стенками на плоском дне найден в Армавире (табл. XXX, 1). Дугообразная ручка поставлена сверху, устье сосуда напоминает трилистник. С двух сторон по красному фону сосуда нанесены черной краской орнаменты в виде веток с тонкими остроконечными линиями. Аск как определенная форма керамической посуды имеет довольно длинную историю развития на Армянском нагорье. Асковидные сосуды (одни из них расписной), подвергавшиеся некоторой зооморфизации, имеются в материалах Хртаноца, Карцахпюра, Астхилблра и датируются VII—VI вв. до н. э. Аск из Армавира же, как и вышеупомянутые другие аски из Армении, ввиду своей своеобразной формы, можно по праву считать результатом местного развития.

Фигурная зооморфная керамика. Для керамики эллинистического времени Армении, как это видно на примере раскопок Армавира, характерным явлением следует считать фигурные зооморфные сосуды, в целом ряде случаев представляющие собой ритоны. Были найдены протомы таких сосудов в виде барана, медвежонка (табл. XXX, 2, 3). Эти сосуды напоминают, с одной стороны, зооморфные сосуды ахеменидского времени, воплощенные однако в металле. С другой стороны, они напоминают глиняные фигурные сосуды Малой Азии, в частности Каппадокии, доживающие чуть ли не до эллинистического времени. Фигурные сосуды-ритоны встречаются в рассматриваемое время также в соседнем Иране.

Стратиграфические условия, в которых найдены большинство сосудов, а также стилистические особенности, пусть пока с трудом поддающиеся обобщению (часть сосудов трактована реалистично, часть более схематично), делают более чем вероятной их датировку эллинистическим временем.

Черная и чернолощенная керамика. Черепки этой керамики, украшенные семячковидными углублениями, горизонтальными и вертикальными каннелюрами, зигзаговидными и концентрическими вдавлениями и врезными линиями, обращают на себя внимание из-за схожести, которую они выявляют с древнейшей керамикой эпохи железа, бронзы и даже ранней бронзы.

Прекрасным характерным образцом этой керамики является сосуд в виде барана, упомянутый выше.

Несмотря на это обстоятельство, стратиграфические условия залегания этой керамики

¹⁷ E. Akurgal, *Phrygische Kunst*, Ankara, 1955.

¹⁸ Б. Б. Пиотровский, *Город бога Тейшебы*, С. А., 1959, № 2, рис. 4

ки не позволяют сомневаться в ее датировке эллинистическим временем.

Несколько особняком стоит керамика черновато-сероватого цвета без лощения, найденная в Арташате. Общий облик, а также характер узоров не исключают более раннюю датировку, что говорило бы в пользу более раннего заселения Арташата холмов.

Поливная керамика. После первых образцов, найденных в Гариш и Ацаване, поливная керамика эллинистического времени стала поступать во всевозрастающем объеме из раскопок Армавира, Арташата, Сисиана и т. д. Находки глазурованной посуды урартского времени (Ошакан), эпохи железа (Ангеван) и даже бронзы (Дори) указывают на древние корни этой керамики, получившей особое развитие, как известно, в развитом средневековье.

Поливная керамика представлена кувшинами (Армавир, Гариш), флягами (Сисиан, Армавир), тарелками (Армавир, Арташат) и другими формами¹⁹.

Они все изготовлены из желтоватой или красноватой глины и покрыты голубовато-зеленоватой глазурью, чем она относится к восточной группе поливной керамики античного времени. На это указывают и аналогии сосудам из Армении, засвидетельствовавших в иранском материале.

Привозная керамика. Эта группа сосудов, их обломки и черепки, которые своими признаками, внешним видом, формой, составом и обжигом глины явно отличаются от основной массы керамического материала, характеризующегося как правило глиной, содержащей примеси, грубым не всегда хорошо отмученным тестом и неравномерным обжигом. Найденны эти сосуды в основном в Армавире и Арташате. Это амфоры, бальзамарины, пикенды, амфориски и другие сосудики, служащие тарой для перевозки масел, благовоний, масел.

Обращают на себя внимание амфоры, найденные в Арташате и изученные М. О. Зардаряном. Им установлено несколько типов привозных амфор: а) родосские, представленные тремя обломками клейменных ручек с именем эпонима, эргастернарха и названием месяца родосского календаря и датированные концом II в. до н. э. и началом I в. до н. э. В эту группу входит ряд обломков клейменных амфор, датированные концом I в. до н. э.; б) косские клейменные амфоры,

датированные от I в. до н. э.; в) обломок остродонной хносской амфоры I в. до н. э.

Амфориски, найденные в Армавире, имеют венчик, ручки отбиты, но легко восстанавливаются при помощи найденной в Гариш верхней части сходного сосуда. Поверхность амфориски сероватого цвета, черепок плотный, глина тщательно отмученная, обжиг равномерный.

Среди привозных в позднефригийский город «Мидаса» предметов из Восточной Греции имеются два сходных амфориски, датированных первой половиной IV в. до н. э.²⁰ Параллели имеются и в кипрских материалах. Довольно часто встречаются амфориски и в погребениях эллинистического времени (III—II вв. до н. э.)²¹.

Сравнительно хорошо сохранился чернолаковый бальзамарин, найденный в нижних горизонтах эллинистического слоя Армавира. Он изготовлен из чистой желтоватой глины, хорошо отмученной и обожженной. Его особенности, главным образом форма, позволяют датировать его раннеэллинистическим временем, III в. до н. э.

Этим же временем датируется фрагмент чернолакового сосуда с поясками черного и коричневого цветов, найденного в цитадели древнеармянского города столицы Софены Арсамосате. По мнению руководителя раскопок, сосуд происходит из Аттики²². Это по существу один из первых образцов аттического импорта на Армянском нагорье. Как мы увидели, часть привозной посуды (амфоры) происходит из Эгейских островов (Родос, Кос, Хиос). Многие экземпляры привозной посуды следует связать с производящими центрами Северной Сирии (Антиохия, Таре) или, что более вероятно, с западной Малой Азии (Пергам, Приена). Они со всей очевидностью указывают на общее направление торговых путей, тянувшихся от Запада к древнеармянским столицам Армавир и Арташат.

Они хорошо поддаются датировке, и указывают на оживление этих связей начиная с I в. до н. э. В силу этих обстоятельств, не-

²⁰ С. Н. Emilie Paspels, ук. соч., Pl. 10 a, b.

²¹ H. Thompson, ук. соч., fig. 100 E 126 (остродонный). M. Bucovana, Necropole elenistice la Tomis, Constanta, 1967; O. Reuther, Die Innenstadt von Babylon (Merkes) Leipzig, 1926, Tafelband. Taf. 93, 226 b. (Seleukidisch-partisch); B. Hrouda, ук. соч. Taf. 77, 55 (Hellenistisch).

²² B. Ogün, Haraba Excavations 1969, Keban project 1969 activities, Ankara, 1971, pl. 41, 3.

¹⁹ Ж. Д. Хачатрян, Античная поливная керамика Армении, ИФЖ, 1977, №3 (на арм. яз.).

маловажна их роль, как было сказано выше, для датировки археологических слоев и комплексов, в которых они были найдены.

Расписная керамика. Расписная керамика Армении эллинистического времени встречается в большом количестве в таких хорошо известных городах, крепостях и поселениях, какими являются Армавир, Арташат, Гарни, Двин, Ацаван, Ширакаван, Кархаштор и т. д. В большинстве этих памятников, слоив эллинистического времени довольно хорошо выделяются, облегчая этим задачу исследователя, посвятившего себя изучению древнеармянской расписной керамики²³.

Образцы расписной керамики рассматриваемого времени происходят также из не менее хорошо датированных погребений, найденных в Гарни, Гехадире, Арташате, Ошакане, Ахбаше и т. д. Наконец, обломки расписной керамики приходится встречать в качестве подъемного материала в еще не изученных или только начавших изучаться памятниках (Шамирам, Доври, Лусакерт, Дзорахтор и т. д.). Немаловажным следует считать то обстоятельство, что образцы расписной керамики этого же типа встречаются в целом ряде пунктов Западной Армении (Тонрах Кале, Ван, Алтын-тепе, Бадноц), что конечно существенно уточняет наши представления о распространенности этой керамики.

Расписная керамика древней Армении представлена самыми разнообразными формами, как-то: кувшинами или горшками со сливообразным носиком, одноручными кувшинами, флягами, вазообразными высокими сосудами, крупными сосудами с вздутым туловом, блюдами, чашами-фиалами с перехватом, кубками с полушаровидным или с полуяйцевидным туловом, и т. д. (рис. 27—29). Интересно отметить, что многие из вышеупомянутых форм имеют точные параллели среди массовой нерасписной керамики Армении того же периода. Это обстоятельство заслуживает особого внимания при выяснении вопросов места производства рассматриваемой керамики. Такие формы, как кубки с перехватом, сосуды с носиком, кувшины, вазообразные сосуды, чаши и т. д.,

являются общими для обеих групп—нерасписной и расписной керамики древней Армении. Необходимо отметить, что по ряду технических свойств (состав глины, степень обжига) расписные сосуды также сходны с нерасписными.

Большая часть сосудов покрыта светлым ангобом (желтый, розовый, охристый, светло-коричневый), поверх которого наносилась роспись. В некоторых случаях роспись сделана прямо на поверхности глиняного сосуда, часто темноватого (серого, бурого) оттенка. Оттенки росписи разнообразны: это, главным образом, коричневые и красные, желтые, серые и даже черный цвета. Узоры, исполненные росписью, располагались по-разному: они покрывают всю поверхность сосуда или же только верхнюю половину; помещаются несколько случаев двусторонней, внешней и внутренней росписи.

Орнаментальные мотивы в большинстве случаев носят геометрический характер; распространены прямые пояски; как правило, они нанесены в виде отдельных или параллельных горизонтальных линий. На флягах они образуют концентрические круги с крестообразным орнаментом в середине. В некоторых случаях пояски нанесены под самым венчиком с внутренней или внешней стороны. Прямые горизонтальные пояски встречаются также в сочетании с другими узорами.

Следует упомянуть еще волнистые линии, спирали, а также орнаментальные мотивы более усложненного характера: горизонтальные полосы, заполненные сеткообразным орнаментом, ряды из двухцветных вписанных друг в друга треугольников, свободно выполненные пятилучевые звезды, ряд из примыкающих друг к другу ромбов, заштрихованных сеткой и т. д.

Встречаются также растительные орнаменты: гирлянды, листовидные узоры, завитки, стилизованное дерево или орнамент в виде елочки. В некоторых случаях имеются и зооморфные мотивы.

При сугубо формальном сличении перечисленных мотивов с орнаменткой древней расписной керамики Передней Азии, главным образом эпохи бронзы, часто обнаруживаются совпадения. Это в равной мере касается как малоазийского, каппадокийского, так и северомесопотамского и иранского кругов древнейшей керамики. Сплоты и рядом встречаются такие характерные для рассматриваемой керамики Армении орнаментальные мотивы, как прямые пояски, завитки, гирлянды, волнистые линии, ряды из заштрихо-

²³ Г. А. Тирацян, О расписной керамике древней Армении (VI в. до н. э.—III в. н. э.), ИФЖ, 1965, № 3; его же, Древнеармянская расписная керамика, ВОНАН, 1970, № 1 (на арм. яз.); Ж. Д. Хачатрян, Некоторые образцы расписной керамики, найденные в Армении, ИФЖ, 1966, № 1; А. А. Мартirosян, Аргинтихинили; Б. Н. Аракелян, Очерки по истории искусства древней Армении, Ереван, 1976.

ванных ромбов, горизонтальные полосы, заштрихованные сеткой и т. д.²⁴.

Любопытны совпадения орнаментики рассматриваемой эллинистической керамики с орнаментальными мотивами древнейшей расписной керамики Армении и Закавказья. Орнаменты в виде крупных завитков, встречающиеся на одной из гидрий триалетских курганов²⁵, напоминают несколько видоизмененные завитки на большом сосуде эллинистического времени из Гарни, а завитки меньших размеров, характерные для тазакендской керамики начала II тысячелетия²⁶, засвидетельствованы на черепках послеурартского периода из Армавира.

Ряды из вписанных друг в друга двухцветных треугольников, имеющиеся на полихромных сосудах из Камо²⁷, доживают на обломках керамики раннеармянского и эллинистического времени из Двина и Нор-Армавира. Наконец, ряды из примыкающих друг к другу ромбов, заштрихованных сеткой, характер-

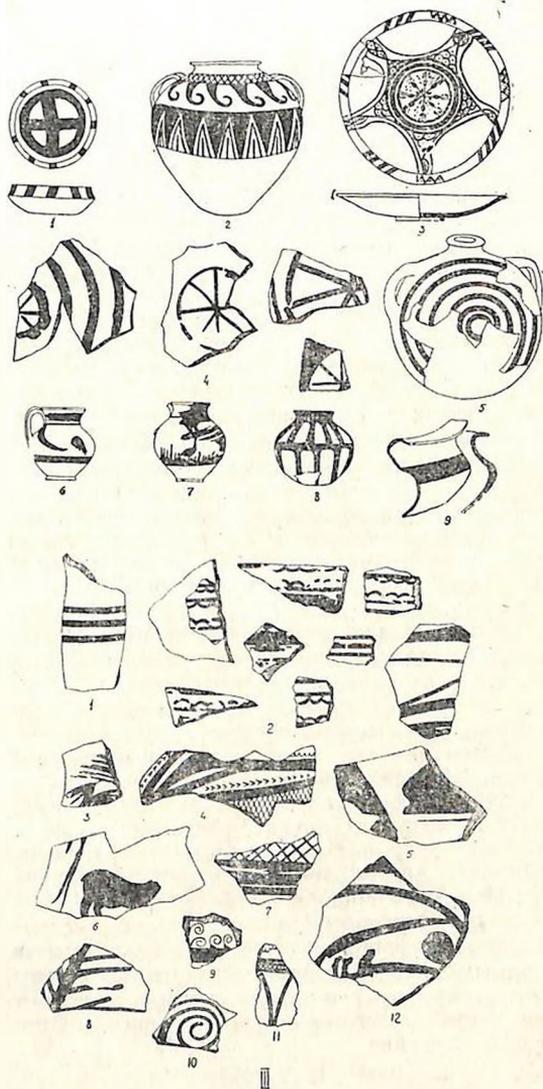

Рис. 27—29. Расписная керамика

²⁴ Helmut Neubauer. Die griechische Schwarzmeerkolonisation in der sowjetischen Geschichtsschreibung, Saeculum, 11, 1960, N. 1/2, 132—155.

²⁵ Б. А. Куфтик. Археологические раскопки в Триалети, Тбилиси, 1941, табл. XXVII.

²⁶ К. Х. Кушнарева, Тазакендский могильник, С. А., 1960, № 1, рис. 2, 3.

²⁷ А. А. Мартиросян, Армения в эпоху бронзы и раннего железа, Ереван, 1964, рис. 19.

ные для кызылванской ранней керамики²⁸, мы встречаем на венчике чаши из Армавира.

Учитывая формальную сторону приведенных аналогий и в общем их случайный характер, принимая во внимание ограниченный набор орнаментальных мотивов, присущих разным временам на широкой территории, а так-

²⁸ А. Спицын, Некоторые закавказские могильники. Изв. Археологической комиссии, вып. 29, 1909, рис. 50.

же их консервативную природу, не следует тем не менее упускать из виду факт, что и другими своими признаками рассматриваемые сосуды иногда перекликаются с древнейшей керамикой. Так, например, большой расписной сосуд из Гарни напоминает по своей форме керамику Закавказья II тысячелетия (Кировакан, Триалети, Узерлик-тене)²⁹.

При сопоставлении орнаментальных мотивов разбираемой керамики со следующим этапом развития расписной керамики Передней Азии, совпадения оказываются также интересными. При этом особое значение имеет тот факт, что эта керамика во всех ареалах ее проявления (Малая Азия, Армянское нагорье, Иран) доживает до того времени, когда возможно установить начало нового подъема развития расписной керамики древней Армении и Закавказья, т. е. до IV в. до н. э.

Примером может служить малоазийская расписная керамика первой половины I тысячелетия до н. э., представленная в основном фригийским вариантом³⁰. Она характеризуется двуручными кратерами, чайникообразными сосудами, разного типа кувшинами, чашами и т. д.

Роспись, как правило коричневого цвета, нанесена по серому или светло-коричневому фону. Она покрывает всю поверхность сосудов или только верхнюю половину, при этом мотивы носят исключительно геометрический характер или включают зооморфные изображения (стилизированные олени).

Фригийская керамика напоминает расписную керамику древней Армении расположенным узоров горизонтальными фризами, один над другим (например, обломок сосуда из Нор-Армавира, большой сосуд из Гарни и т. д.); отдельные орнаментальные мотивы (волнистые линии, сочетание волнистых и прямых линий, продольные полосы, наполненные сеткообразным орнаментом и т. д.) встречаются в одинаковой мере в керамике Фригии и Армении.

²⁹ А. А. Мартиросян, ук. соч., табл. I, 1—3; Б. А. Кюфтин, ук. соч., табл. XXVI и далее; К. Х. Кюнарера, Поселение эпохи бронзы на холме Узерликтене около Агдама. Материалы и исследования по археологии СССР (в дальнейшем МИА), № 67, М.—Л., 1959, рис. 10.

³⁰ E. Akurgal, Phrygische Kunst, Ankara, 1955, Taf. 1—30; H. H. von der Osten, E. Schmidt, The Alisar Hüyük, Season of 1927, part I, pl. I, IV, Seasons of 1928—1929, fig. 314, 315, Seasons of 1930—1932, part II, fig. 403—405, 407.

Последним этапом развития расписной керамики древнего Ирана долгое время считалась керамика Спалка Б., начала I тысячелетия до н. э. Раскопки последних лет на территории Ирана показали, что можно проследить это развитие вплоть до VI—V вв. до н. э. и даже позже, о чем свидетельствуют археологические материалы из Пасаргад, Иахнатене, Суз, Маку, Хасанлу, Ардебиль и т. д.³¹.

Среди орнаментальных мотивов армянской расписной керамики отмеченного периода с керамикой древнего Ирана перекликаются прямые поски, волнистые линии, изображения птиц, сетчатый орнамент, завитки, выполненные красными, коричневыми и черными красками. На черепках, собранных в Зивне и раскопанных в Хасанлу, узоры нанесены прямо на венчике, причем здесь часто встречаются мотивы, наблюдаемые на древнеармянской керамике из Армавира и Гарни.

Небезынтересно подчеркнуть тот факт, что в свете новейших исследований, уномьянутая выше иранская расписная керамика передатируется более поздним временем. Этим она может служить приемлемой аналогией для синхронной в общем расписной керамики Армении³².

Проследить традиции расписной керамики на Армянском нагорье в I тысячелетии удается на примере урартской расписной керамики, ранние этапы которой, как считалось раньше, были представлены материалами из района Ван³³. Это черепки чаш, мисок, стаканчиков, покрытых снаружи и часто изнутри светлого цвета ангобом.

Роспись в основном двухцветная—разные тона коричневого и красного; узоры преимущественно геометрические и наносятся они, как правило, под самым венчиком или же на самом венчике, встречающиеся на ке-

³¹ R. Ghirshman, Village perse-achéménide. Paris, 1954, pl. XIII. XX, 1, XXXII—XXXIV из Суз. pl. XX, 2—из Маку; R. Dyson, Archaeological scrap glimpses of history at Zivje. Expedition, v. 5, No 3, 1963, p. 35; R. Ghirshman, Perse. Proto-trantens, Medes, Achéménides, Paris, 1963, pp. 320—321; *ego жсс*. Arte dell'Iran presasande. Le civiltà dell'Oriente, v. IV, Roma, 1963, p. 325.

³² D. Stronach, Achéménide village I at Susa and the Persian Migration to Fars. Iraq, 1974, XXXVI, 1, 2.

³³ H. H. von der Osten, Die urartäische Töpferlei aus Van und die Möglichkeit ihrer Einordnung in die anatolische Keramik. Orientalia, N S. b. 21, fasc. 3, 1952, pp. 307—328.

рамике Армении эллинистического времени. Они состоят из рядов треугольников, ромбов, из гирляндовидных и волнистых линий и т. д.³⁴.

Стратиграфические наблюдения показывают, что древняя керамика района Вана происходит главным образом из глубоких слоев, предшествующих краснолощенной керамике, и в какой-то мере сосуществует с ней³⁵. Это обстоятельство дало повод исследователям считать, что урартская расписная керамика характерна только для раннего периода ее истории, т. е. для IX—VIII вв. В последние годы эта точка зрения пересматривается и не без оснований. Очень вероятно, что при определении очередности культурных слоев раскопа около Вана была допущена ошибка вследствие чего установленная стратиграфическая колонка оказалась неправильной. Поразительное сходство расписной керамики из района Вана с керамикой эллинистического времени Армении, в том числе и с керамическими изделиями из Алтын-тепе, дата которых справедливым образом пересмотрена недавно, а также с вышеупомянутой керамикой из Ирана, не оставляет сомнения в ее послеурартской, точнее эллинистической датировке³⁶. Что касается расписной керамики из Топрах-кале, то прежде чем дать ее окончательную датировку, хранящиеся в Восточном отделе Гос. Эрмитажа, черепки следовало бы сравнить с вышеупомянутой керамикой из Вана. Некоторые особенности этой керамики не исключают возмож-

ность ее отнесения к послеурартскому периоду. То же самое следует сказать относительно расписного кувшина из Топрах-кале с прямыми поясками и с изображениями водяных птиц³⁷. О ее позднем облике могут говорить узоры (пояски), а также форма кувшина с венчиком в виде слабо развитого трилистника, характерного для более позднего времени (например, сосуд из Гехадира IV—III вв. до н. э.).

Раскопки на Кармир-блуре, также заставляют пересмотреть точку зрения на исключительно раннюю датировку расписной керамики Урарту, так как здесь были найдены прекрасные образцы расписной керамики и виде аска, сапожковидных сосудов, большого сосуда с рельефными бычьими головами и пр., датировемых VII в.³⁸.

Из вышесказанного, таким образом, явствует, что центры производства древнейшей расписной керамики Передней Азии доживают на Армянском нагорье и соседних территориях (Малая Азия, Иран) не только до середины I тысячелетия до н. э., но и позже. Хронологически к ним примыкает расписная керамика древней Армении и Закавказья, продолжающая бытовать почти что все последующие века рассматриваемого тысячелетия.

Основные этапы развития расписной керамики Закавказья прослеживаются и в древней Грузии.

Как мы уже видели, расписная керамика IV в. до н. э., представлена образцами из Куци (Цалкинский район), Дманиси, Тбилиси, Дигоми, Итхвиси, (Имеретия), Вани³⁹. Это в основном кувшины со светлым фоном, покрытые росписью в виде геометрических узоров—зигзагообразные, ломаные линии, сетчатый орнамент, вписанные друг в друга треугольники,—напоминающие орнаментальные мотивы маласазанской керамики послехеттского-фригийского периода.

³⁴ Упоминание в этой связи Боссертом (Altanatien, Tübingen, 1941, № 1203) и фон дер Ostenом (ук. соч., с. 307) урартского сосуда из Карского района, украшенного якобы расписными концентрическими поясками, чистое недоразумение. См. сосуд Н. Я. Марр, Надпись Сардура II, сына Аргишти из Даш-Керти на Чалдырском озере. «Записки Кавказского музея», серия В—1, Пг., 1919, рис. 1.

³⁵ Н. Н. von der Osten, указ. соч., с. 307 и далее; Н. Otto, Die amerikenischen Ausgrabungen am Burgfelsen von Van. Archiv für Orientforschung, 1941, Bd. XIX, No 1—2, pp. 87—95.

³⁶ O. W. Muscarella, Qalatgah: An Urartian Site in Northwestern Iran. Expedition, vol. 13, No 3, 4, 1971, p. 48; St. Kroll, Urartäische Keramik. Urartu. Ein wiederentdeckter Rivale Assyriens. München, 1976, p. 62; Г. А. Тиранян. Новые археологические материалы послеурартского времени на территории Западной Армении (Турция) и их место в истории древнеармянской культуры, Древний Восток, 2, Ереван, 1976, с. 139 и далее.

³⁷ С. F. Lehmann Haupt, Materialien zur älteren Geschichte Armeniens and Mesopotamiens, Göttingen, 1907, Taf. VIII, 1.

³⁸ Б. Б. Пиотровский. Ванское царство, М., 1959, табл. XLIV; ego же, Искусство Урарту, Л., 1962, табл. XXVIII—XXIX; ego же, Город бога Тейшеби, С. А., 1959, № 2, рис. 4.

³⁹ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки 1947 г. в Цалкинском районе, Тбилиси, 1948, с. 7—9, табл. 3; Л. Л. Коридзе, Археологические памятники Тбилиси, ч. II, Тбилиси, 1958, табл. IX, рис. 13, материалы из раскопок Р. М. Абрамашвили в Дманиси, см. также Вани, I, Тбилиси, 1972, № 176.

Расписные целые сосуды, а также черепки эллинистического времени происходят из некрополей Самтавро и Уплисцихе. К этому же периоду или несколько раннему могут относиться обломки толстостенных сосудов из Ксани, где наряду с орнаментом в виде красных пясков на светлый фон нанесены человеческие фигуры, колеса и т. д.⁴⁰

Характерным для развития керамики древней Грузии следует считать широкое распространение расписной керамики в первые века н. э. Раскопками в Урбинси и в окрестностях Тбилиси открыто большое количество сосудов, покрытых узорами бледного светло-красного оттенка, нанесенных в виде горизонтальных прямых поясков, волнистых линий, рядов точек и т. д.⁴¹

Если ранний этап расписной керамики древней Албании неудовлетворительно освещен археологическими материалами, то эллинистический период представлен большим количеством расписной керамики, найденной в основном в кувшинных погребениях Мингечаура, Мильской степи (Кала-тапа) и др.⁴² Это в основном напоминающие закавказскую керамику II тысячелетия до н. э. сосуды с низкой шейкой, вздутым туловом, суживающимся вниз и переходящим в плоское дно, а также сосуды с носками, перекликающиеся с древней керамикой Ирана.

Роспись, как правило, дана светло-красной краской по светлому фону или же коричневой краской по светло-коричневому, бурому фону.

Орнаментальные мотивы носят геометрический, зооморфный и растительный харак-

тер—заштрихованные сеткой горизонтальные полосы, перекрещивающиеся параллельные линии, ряды треугольников, некоторые из которых сплошь покрыты краской или заполнены сетчатым узором, встречаются простой меандр, ряды из свисающих треугольников, вертикальные, извилистые линии, а также изображения птиц, оленя и стилизованных деревьев. Из кувшинных погребений более позднего периода (первые века н. э.) происходят расписная керамика с несложным орнаментом, позволяющая охарактеризовать ее как дальнейшее развитие красной керамики эллинистического времени⁴³.

Еще Б. А. Куфтин обратил внимание на возможность формальных сопоставлений расписной керамики древней Албании и Малой Азии⁴⁴. Круг этих сопоставлений возможно значительно расширить. При этом интересно отметить, что сопоставления охватывают не только отдаленную во времени фригийскую расписную керамику (мотивы, напоминающие керамику Албании,—извилистые вертикальные параллельные линии на шейках кратеров, изображения стилизованных деревьев, упрощенные меандры и т. д.⁴⁵), но и расписную керамику Малой Азии более позднего времени, а именно второй половины I тысячелетия.

При ознакомлении с этой в общем синхронной для албанской керамики группой малоазиатской керамики обнаруживаются следующие совпадения в орнаментальных мотивах: простой меандр, птицы в сочетании с треугольниками, схематичные изображения деревьев, заштрихованные сеткой треугольники и т. д.⁴⁶ Нет сомнения, что такого рода совпадения могут быть в значительной своей части случайными, но игнорировать их совсем вряд ли будет правильным, особенно если учесть хронологическую близость обеих групп; не исключена возможность, что отмеченные параллели отражают факт наличия

⁴⁰ Ю. М. Гагоцидзе, Городище Самадло, КСИН, 1977, № 151, рис. 12.

⁴¹ Д. Л. Коридзе, ук. соч., табл. IX, рис. 18, 19, 20; Л. А. Члашвили, Городище Урбинси, Тбилиси, 1964, табл. XIII, 2, а также неизданные материалы из Урбинси в музее Грузии.

⁴² С. М. Казиев, Альбом кувшинных погребений, Баку, 1960, табл. VIII, IX; А. И. Раев, Художественная керамика Кавказской Албании, Баку, 1964, рис. 78, 80—86; Е. А. Пахомов, Обследования и раскопки кувшинных погребений Азербайджана, Изв. АзФАН, 1939, № 3, рис. 3; Т. С. Пассек, Джафарханский могильник, Вестник древней истории, 1943, № 2, с. 181 и далее, рис. 26, 27; Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, рис. 4; А. А. Нессен, Из исторического прощито мильско-карабахской степи, МИА, № 125, М.—Л., 1965, табл. II, 4—10.

⁴³ Т. И. Голубкина, Археологическое обследование и раскопки кувшинных погребений в Азербайджане в 1953 г., Изв. АН АзССР, 1959, № 1, табл. IV, 2, V, 2.

⁴⁴ Б. А. Куфтин, ук. соч., с. 9.

⁴⁵ Е. Akurgal, ук. соч. табл. 7а, В, 10а, 17В, 26, 27, рис. 9, 10, 18, 19, 20 и далее; The Alishar Hüyük, Season of 1927, part I, pl. II, III, IV, Season of 1930—1932, part II, pl. VIII.

⁴⁶ The Alishar Hüyük, Seasons of 1930—1932, part II, fig. 410 (e 1346), 412. (d 20007), 445, 7; part III, fig. 38, (e 27, d 471), 45 (e 95), 76, 77, pl. V, 2.

одного из возможных исходных ареалов эллинистического влияния на керамику древней Албании.

Для правильного осмысления расписной керамики древней Армении необходимо также выяснить ее точки соприкосновения с греческой керамикой. В данном случае естественно привлечь два этапа развития древнегреческой керамики: архаический и эллинистический. При этом следует иметь в виду, что керамику древней Армении следует сравнивать с теми направлениями греческой керамики, в которых роспись наносилась по светлому фону. Подобная традиция в греческой керамике, известная еще с микенского времени и нашедшая всеобщее распространение в протогеометрические и геометрические периоды, затем продолжалась в архаические и классические периоды и расцвела особенно, как увидим ниже, в эллинистическое время⁴⁷.

Как известно, восточногреческая архаическая керамика представлена несколькими группами главным образом художественной керамики ориентализирующего и чернофигурного стиля⁴⁸. Наряду с этими группами, широко использовавшими декоративные мотивы, изображения животных, а впоследствии и человека, находит повсеместное распространение обиходная простая посуда с орнаментом в виде прямых полосок и поясков и волнистых линий темного, коричневого или черного цветов, нанесенных по светлому фону. Эта керамика встречается не только в восточногреческих городах, но и в колониях Греции, где способствовала началу производства местной однотипной керамики⁴⁹.

С точки зрения орнаментальных мотивов упомянутая группа ионийской керамики, вне всякого сомнения, является продолжателем древнейшей керамики Греции протогеометрического и геометрического времени. Эпоха бытования этой керамики падает на VII—VI вв. до н. э. с заходом в V в. и даже IV в.

Не исключена возможность, что часть армавирской и гарнийской керамики с росписью в виде прямых поясков, а также по-

суду, окрашенную волнообразными линиями, можно связать с вышеупомянутой ионийской керамикой, особенно с происходящей из колоний. Однако незамысловатый характер орнаментальных мотивов в значительной степени ограничивает возможность ее сопоставления с какими-нибудь группами керамики, в том числе и ионийской. Посуда с простым орнаментом, главным образом с прямыми поясками, встречается не только в таких соседних с Арменией районах, как Фригия или южнопричерноморские города⁵⁰, где влияние ионийской керамики несомненно, но и в Ассирии и в Иране, где керамика с упомянутыми орнаментами развивалась на основе местных традиций⁵¹.

Волнообразный орнамент также не характерен только для ионийской керамики. Он засвидетельствован на ранних группах архаической керамики (протокоринфская, кикладская), встречается в эллинистическое время и доживает до первых веков н. э. (Грузия)⁵². В сочетании с прямыми линиями он засвидетельствован и на иранской керамике VII—VI вв. до н. э.⁵³.

В одном случае, тем не менее, приходится признать возможность выявления конкретных связей между керамикой древней Армении и Ионии. Речь идет о полуяйцевидном кубке из Армавира, расписанном темно-коричневой, светло-коричневой и желтоватой краской по ангобу желтого цвета. Верхняя по-

⁵⁰ *E. Akurgal*, ук. соч., рис. 33, 34, 36, 41, 46—позднефригийская керамика, табл. 33—Синопа: ср. *E. Akurgal*, I. Rudde Vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen in Sinope, Ankara, 1956, Taf. III. *H. de Genouillac*, ук. соч., т. II, табл. 47, № 133, 51. № 159.

⁵¹ *B. Hrouda*, Tell-Halaf, Bd. IV, Berlin, 1962, Taf. 59, 82, 110, Taf. 60, 123, 130; *R. Ghirshman*, Village perse-achéménide, Paris, 1954, pl. XIII, I, XXXIII p. 27.

⁵² *K. Vierneisel, H. Walter*, Die Funde der Kampagne 1958—59 im Heratou von Samos. Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung, Bd. 74, 1959, Taf. 13—21, 31—50; Larissa am Hermos, Bd. III, J. Boehlau, K. Schefold, Die Kleinfunde, Berlin, 1942, Taf. 49—50, 53—56; *T. J. Dunbabin*, The Sanctuaries of Hera Arapsa and Limenaea, v. II, pl. 1—57, 59—116; Chronique des fouilles (Cypre), Bulletin de Correspondance hellénique, 1961, v. fig. 8, p. 734. *J. A. Чилашвили*, ук. соч., табл. XIII, 2, а также неизданная керамика из Урбинси (Музей Грузии).

⁵³ *R. Ghirshman*, Village perse-achéménide, Paris, 1954, pl. XIII, 2, XX, XXXIII, XXXIV; *R. Dyson*, ук. соч. с. 35.

⁴⁷ *E. Pfuhl*, Malerei und Zeichnung der Griechen. Bd. I, II, III, München, 1923; *R. M. Cook*, Greek painted pottery, London, 1960. Chap. 1—IV.

⁴⁸ *R. M. Cook*, ук. соч., гл. III.

⁴⁹ Там же с. 142; *P. В. Шмидт*, Греческая архаическая керамика Мирмекия и Тиритики, МИА, № 25, с. 239—243, рис. 9 (4, 5); *Т. П. Книпович*, Художественная керамика северного Причерноморья (античные города северного Причерноморья), М.—Л., 1955, с. 361—362, 376—377.

ловниа покрыта гирляндовым узором, прямыми и волнообразными линиями. На нижней половине—изображены идущие со дна вверх отдельные или сходящиеся под углом полосы в виде лучей. Такой орнамент весьма характерен для раннеродосских и раннекоринфских чаш-кильков VII—VI вв. до н. э.⁵⁴ Орнамент армавирского кубка, который, как увидим ниже, по своей форме можно датировать эллинистическим временем, следует признать поздним отголоском орнаментальных мотивов архаической, родоссо-ионийской керамики.

Небезынтересно, в этой связи, остановиться вкратце на возможных путях проникновения ионийских предметов, в том числе и ионийской керамики, в области Армянского нагорья. Этот вопрос, естественно, является частью более общего вопроса сложения ионийской цивилизации и ее влияния на древневосточные страны. Основанная в VIII в. до н. э. на Сирийском побережье Средиземного моря греческая фактория Аль-Мина, основанная на киликийском побережье примерно к этому же времени город Тарсус, возникшие на рубеже VII—VI вв. и в VI в. южнопричерноморские колонии Синопа, Амис, Трапезус—воот основные каналы через которые предметы Ионии и прочих стран и народов восточной части средиземноморского бассейна доставлялись на Восток, не говоря уже о сухопутной дороге через внутренние районы Малой Азии, главным образом через Фригию. Конкретные археологические находки указывают на проникновение в ассирийское время ионийских ранних предметов в такие отдаленные от ионийских центров города Северного Двуречья, какими являлись Ниневия и Телль-Халаф⁵⁵.

В VII в. заметно усиливается греческое влияние на фригийское искусство, выражающееся в возросшем импорте греческих товаров во Фригию. Возможно, что все это шло сухопутными путями непосредственно из Ионии. Как далеко шло ионийское влияние вглубь на Восток и затрагивало ли оно этим путем Армянское нагорье,—сказать в настоящее время трудно.

Другой возможный путь проникновения ионийского влияния во внутренние районы

⁵⁴ H. Goldman, Excavations at Gözlükule, Tarsus, v. III, Plates, Princeton, 1963, pl. 99 (1464); R. M. Cook, ук соч., fig. 4, 11, 5, pl. 12 c, 19—20; M. Lambrino, Les vases archaïques d'Hisria, fig. 2, 3.

⁵⁵ T. J. Dunbabin, The Greeks and their eastern neighbours, London, 1957, pp. 28, 29, 72—76.

Малой Азии и на Армянское нагорье проходил через южнопричерноморские города. Фригийские керамические художественные плиты из Пазарлы (VI в. до н. э.) принято объяснять, например, ионийским влиянием, идущим из Синопы и Амиса⁵⁶.

Во всяком случае раскопки урартских центров, прежде всего Кармир-блур, дают некоторые сведения о проникновении предметов из восточного Средиземноморья и даже из самой Ионии. В Кармир-блуре были найдены стеклянные изделия, происходящие из острова Родос⁵⁷, золотые серьги восточносредиземноморского происхождения⁵⁸, серебряный кувшин⁵⁹, волнообразное основание ручки которого напоминает памятники искусства восточногреческих городов, возможно испытал на себе некоторое влияние ионийской культуры.

Рассмотрим несколько образцов расписной керамики.

Большая чаша из Армавира имеет по венчику роспись в виде цепи из примыкающих друг к другу ромбов, заштрихованных сеткой. Профилировка ее совпадает с каменными чашами (Армавир, Ацаван), по-видимому, имеющими хождение начиная с ахеменидского времени. Узор, для которого возможно подобрать древнейшие аналоги, встречается и на керамике из Алишара, датируемой второй половиной I тысячелетия до н. э.⁶⁰

Вазообразные расписные сосуды и их обломки найдены на западном участке Армавирского холма (рис. 30). Они имеют полные аналоги среди вазообразных высоких сосудов из Исторического музея Армении. Поверхность сосудов, венчик, а также внутренняя верхняя часть покрыты густым слоем красной краски, по которой белой и желтоватой красками нанесены узоры в виде горизонтальных параллельных линий и свисающих треугольников, завершающихся в одном случае завитками⁶¹ (табл. XXXV, 1, 2). Ус-

⁵⁶ J. M. Cook, The Greeks in Yonia and the East, New York, 1963, p. 58 E. Akurgal, Phrygische Kunst, p. 80.

⁵⁷ P. M. Джаннсладян, О трех образцах стекла из Кармир-блур. С. А., 1964, № 1, с. 307—312.

⁵⁸ Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, табл. XLVI, а,

⁵⁹ Его же, Кармир-блур, III, Ереван, 1955, рис. 13.

⁶⁰ The Alislar Hüyük, Season of 1930—1932, part III, fig. 41.

⁶¹ Г. А. Тирацян, Об одной группе расписных сосудов из Армавира (Армения), С. А., 1971, № 2. Такой же сосуд из Армавира (раскопки Уваровых) с отбитым

ловия находки показывают, что обнаруженные в культурном слое вазы относятся к досредневековому, но послеурартскому периоду, и что они сопровождаются керамикой эллинистического времени, черепками, покрытыми росписью в виде поясков и волнистых линий. Очень близкие по росписи черепки известны из Алишара и датируются второй половиной I тысячелетия⁶².

Расписная керамика из Армавира (рис. 31) и Гарни, относится к III—I вв. до н. э. и не удивительно поэтому, что она перекликается с керамикой эллинистических центров Греции, Малой Азии, северного Причерноморья и т. д.

Как известно, эллинистическая керамика делится на несколько групп—чернолаковая керамика, часто с росписью светлого цвета по темному фону, образованному лаком, рельефная керамика в виде мегарских чаш, керамика светлого цвета, на поверхность которой наносилась роспись темного цвета⁶³.

микой из некрополя Гадра и обиходной керамикой с росписью в виде растительных и геометрических мотивов, исполненных по светлому фону или же прямо по поверхности

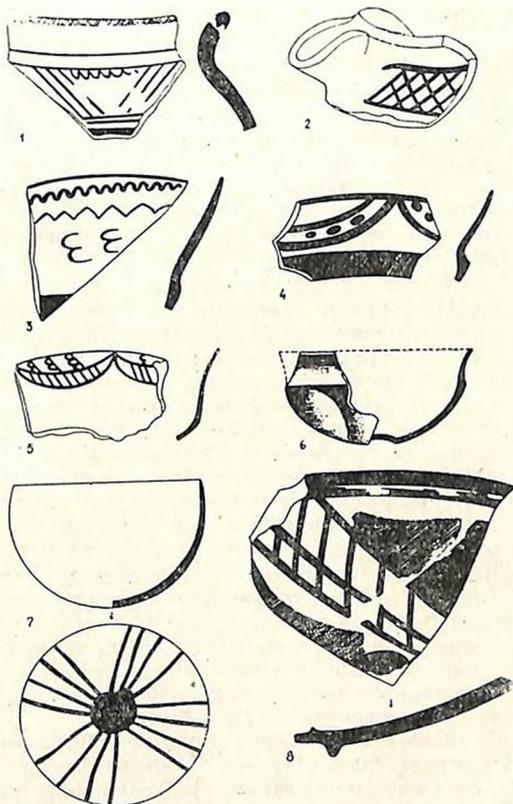

Рис. 30, 31. Расписная керамика

В последней группе видят возрождение древних архаических приемов росписи, что представляется справедливым.

Однако при внешнем сходстве между архаической и эллинистической керамикой имеются и существенные различия, касающиеся содержания росписи и форм сосудов. Эллинистическая керамика с росписью по светлому фону представлена характерной группой лагиносов, александрийской кера-

сосуда и находящих широкое распространение в колониях⁶⁴. Сходные черты керамики Армении эллинистического времени с только что указанной группой делают правомерным их сопоставление.

Мы уже упоминали о полуяйцевидном кубке из Армавира. Некоторые особенности его росписи напоминают ионийскую керамику. Однако при учете ее характерной формы устанавливается непосредственная связь с эллинистической керамикой. Форма полуяйцевидных чаш в общем характерна для мегарских рельефных чаш раннеэллинистического времени, но имеются и более убедитель-

⁶⁴ Там же; Т. Н. Книпович, ук. соч., с. 370—372, 378—380.

верхом, без росписи, хранится в Музее Грузии (№ 2932, коллекция Уваровых).

⁶² The Alishar Hüyük, Season of 1930—1932, part III, pl. II, IV.

⁶³ R. M. Cook, ук. соч., гл. VI, VII.

ные аналоги, которые позволяют отнести кубок, учитывая отмеченную архаичность росписи, вероятнее всего к раннеэллинистическому периоду. Подобные кубки засвидетельствованы в Ольвии, Александрии, Антиохии, Дура-Европосе⁶⁵.

Если однотипная по форме чаша из Диракляра⁶⁶ действительно оказалась бы родственной тазакендской керамике II тысячелетия до н. э., то это свидетельствовало бы о бытовании указанной формы в Армении длительное время и заставило бы по-иному подойти к датировке армавирского кубка. Однако сейчас несомненно, что сама дираклярская чаша—позднего, эллинистического времени.

Среди посуды эллинистического времени из Армавира и Гарни характерное место занимают расписные фляги (табл. XXXIII). Это сосуды с равномерно вздутыми боками, короткой шейкой и петлевыми ручками. Имеются обломки фляг с более плоскими стенками. Роспись нанесена по бокам сосуда в виде концентрических светлого-красных поясков; часто во внутреннем круге имеются орнаменты крестообразные или в виде перекрещивающихся линий. Несколько сходных фляг, отличающихся своими большими размерами, происходят из Двина; они украшены аналогичными концентрическими окружностями.

На фляге из погребения эллинистического времени, раскрытого в Ошакане, имеются стилизованные изображения в виде птиц, чем этот сосуд напоминает расписную флягу из Нахичеванского Кюль-Тепе.

Способ украшения фляг подобными концентрическими кругами, расписными или прорезными, преобладал в эллинистическое время. В виде росписи он засвидетельствован в северном Причерноморье (Херсонес, Чайка), в северном Двуречье (Телль-Халаф), в древней Албании (Мингечаур)⁶⁷, в виде прорезных или вдавленных линий в северном

Причерноморье (Ольвия, Херсонес, синопский импорт), в Малой Азии (Алишар), в Средней Азии (Хорезм)⁶⁸.

Обломок сосуда, покрытый узором различневатого или голубовато-сероватого цвета в виде елочек и сетки, тоже находит аналогию среди керамики эллинистического времени. Особенно характерными кажутся мотивы в виде продолговатых остроконечных листьев, образованных охристым фоном черепка. Они встречаются на большом сосуде эллинистического времени из Алишара, на обломках так называемой галатской керамики и т. д.⁶⁹

Очень интересен большой сосуд с вздутым туловом и двумя петлевыми ручками из Гарни. Нет сомнения, что по своей форме он должен перекликаться с керамикой второго тысячелетия до н. э. Армении и Закавказья. Мы уже имели также возможность упомянуть о некоторых связях этого сосуда с орнаментикой древнейшей керамики. Тем не менее орнаментальные мотивы гарнийского сосуда обнаруживают определенную связь с керамикой эллинистического времени западных от Армении центров. Составные элементы росписи гарнийского сосуда («волна», горизонтальные полосы, заполненные сеткой, треугольники) засвидетельствованы на керамике из афинской агоры, северного Причерноморья, Александрии⁷⁰. Орнамент «волны».

Художественные особенности керамических фляг Кавказской Албании, ДАН АзССР, 1961, т. XVII, № 8, с. 760—761.

⁶⁵ С. А. Семенов-Зусер. Отчет о раскопках в Ольвии в 1920—1921 гг., Известия ГАИМК, т. X, вып. 5, 1931, рис. 20; Г. Д. Белов, Эллинистический дом в Херсонесе. Тр. Гос. Эрмитажа, № 3, 1962, рис. 20; The Alişhar Hüyük, Season of 1930—1932, part III, fig. 64. М. Р. Воробьева, Керамика Хорезма античного периода (Керамика Хорезма), Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. IV, М., 1959, рис. 12, 26, 27 и 13; 4, 5.

⁶⁶ The Alişhar Hüyük, Season of 1927, part I, fig. 227, pl. I; F. Meier, Bemerkungen zur sogenannten galatischen Keramik von Bogazköy, Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts, Bd. 78, 1963, рис. 14, 23, рис. 26, 2, 6.

⁷⁰ The Alişhar Hüyük, Season of 1930, 1932, part III, fig. 77. Т. Н. Книпович, Краснолаковая керамика первых веков н. э. Боспорские города, МИА, № 25, М.—Л., 1952, с. 309, рис. 8 (I век до н. э.); ук. соч., с. 269, рис. 19; М. И. Ростовцев, Александрийская эллинистическая ваза, «Памятники Музея изящных искусств», вып. 1—2, 1912, табл. XI; Э. фон Штерн, К вопросу об эллинистической керамике, Записки Одесского общества истории и древностей, т. 28, 1910, табл. V, 13.

⁶⁵ См. параллели из Ольвии, упомянутые Б. А. Куфтиным в связи с армавирским полихромным кубком (раскопки Уваровых). Урартский колумбарий у подошвы Арарата и куро-аракский энеолит, Вестн. Гос. музея Грузии, XIII, 1944, прим. 160.

⁶⁶ Е. Байбуртян, Проблема крашеной керамики Армении, Изв. Ин-та истории и литературы АрмССР, книга II, Ереван, 1937, рис. на стр. 288.

⁶⁷ Г. Д. Белов, Отчет о раскопках Херсонеса за 1935—1936 гг., Крымиздат, 1938, рис. 74; А. И. Карацев, Раскопки городища у санатория «Чайка» близ Евпатории в 1963 г., КСИИМК, вып. 103, 1963, рис. 48; В. Нroudа, ук. соч., табл. 72, № 54; А. И. Рзаев,

встречавшийся и ранее в греческой керамике, имеется на многочисленных сосудах эллинистического времени. Примечательно, что этот мотив, особенно приближающийся по своей форме к гарнийскому, встречен на обломке из Антиохии, точно датированном эллинистическим временем⁷¹. На другом сосуде той же эпохи орнамент «волны» встречается вместе с горизонтальной полосой, заштрихованной сеткой, сходной с орнаментом на гарнийском сосуде⁷².

Очень любопытны связи, которые устанавливаются с керамикой древней Албании того же времени⁷³. При их сопоставлении явно выступают близость форм, росписей орнаментальных мотивов. Будучи во многом сходными с керамикой Армении, керамические изделия Албании оказались по ряду причин более консервативными, с более устойчивыми по отношению к предшествующим периодам формами. Здесь влияние эллинистической керамики ощущается слабее, и то только в росписи, чисто внешне аналогичной которой можно найти пока что только в малоазийской керамике второй половины I тысячелетия до н. э. Что касается форм албанской керамики, то она со всей очевидностью в несколько измененном виде восходит к закавказской (гидрии) и иранской керамике (сосуды с носиком).

Красивое, богато расписанное блюдо из Армавира также следует признать предметом эллинистического времени. Орнаментальными мотивами, а также формой оно приближается к блюду эллинистического времени из Афин, западных склонов Агоры⁷⁴. Спиралевидный узор красного цвета на черепке из Гарни имеет полную аналогию в керамике из Херсонеса⁷⁵.

Из Армавира происходят два обломка с узорами в виде поясков и отходящих от них завитков, нанесенных черным и темно-красным цветом по светлому фону цвета охры. Завитки разного типа были очень распространены в эллинистической керамике Малой Азии, северного Причерноморья и т. д.⁷⁶

⁷¹ Antioch on the Orontes, t. IV, fig. 3 (No 177).

⁷² E. Potier, Vases helléniques à fond blanc, Monuments Piot, t. 20, Paris, 1913, pl. XII, fig. 3, 4.

⁷³ См. Литературу об албанской керамике, прил. 42.

⁷⁴ H. Thompson, Two centuries of hellenistic pottery, Hesperia, v. III, Athens, 1934, fig. 89

⁷⁵ Т. Н. Книпович, Из истории художественной керамики Северного Причерноморья, С. А., VII, 1941, рис. 7.

⁷⁶ Там же, в несколько другой форме, рис. 3, 4, 7.

Можно, конечно, расширить круг параллелей армавирской и гарнийской керамики (III—I вв. до н. э.) с эллинистической керамикой древнего мира, но и перечисленные упомянутые точки соприкосновения достаточны для выявления как их синхронности, так и однохарактерности.

Традиция расписной керамики, засвидетельствованная на Армянском нагорье с древнейших времен, продолжалась и в иттересующее нас время, т. е. по крайней мере с IV в. до н. э. до первых веков н. э. и дожила, по всей вероятности, до средних веков. Это свидетельствует о том, что Армения не выпадала из общего развития соседних стран Закавказья, Малой Азии, возможно Ирана и отчасти Средней Азии⁷⁷, где в рассматриваемое время расписная керамика не только не сходит со сцены, но, переключаясь с древнейшей керамикой, переживает значительный подъем.

Сама по себе эта керамика имеет большое значение для материальной культуры древней Армении, для которой она является неожиданной, интересной новостью, и вносит много важного в вопросы гончарного производства, датировки и культурно-исторических связей.

Краткий обзор расписной керамики Передней Азии первых тысячелетий до н. э. показал, как консервативны орнаментальные мотивы, и, следовательно, как они могут долго бытовать, видоизменяясь незначительно. Это же в равной мере касается и орнаментальных мотивов древнейшей расписной керамики Армении и Закавказья, с которыми орнаментика рассматриваемой керамики часто перекликается. Эти совпадения мы считали бы чисто случайными, если бы не наличие ряда параллелей между формами сосудов керамики III—I вв. до н. э. (кроме вышеупомянутых, еще сосуды с носиком, кубки с перхвatom, вазообразные сосуды и т. д.) и керамикой II тысячелетия или первой половины I тысячелетия до н. э., которая свидетельствует о некоторой типологической и, возможно, орнаментальной преемственности.

Большой культурно-исторический интерес могут представить только что намечавшиеся связи древнеармянской керамики с восточно-греческой. Хорошо прослеживаются также связи древнеармянской и эллинистической керамики. Наряду с установившимися

⁷⁷ Ю. А. Заднепровский, Древнеземледельческая культура Ферганы, МИА, № 118, Л., 1962, табл. II—XII.

многочисленными совпадениями орнаментальных мотивов выявилась и некоторая общность форм (полуяйцевидный кубок, блюда, кубышечки и т. д.), что представляется особенно важным.

Стекло, стеклоделие. Найденные в раннеармянских и эллинистических памятниках Армении стеклянные изделия—бусы, застёжки, геммы или амулеты позволяют предположить, что в рассматриваемое время было налажено и производство стеклянных сосудов в Армении.

Изучение стеклянных сосудов Армении эллинистического времени однако показывает, что большая их часть привезена извне⁷⁸.

Рассмотренные здесь стеклянные изделия происходят из эллинистических слоев Армавира и Арташата, а также из погребения Сисиана, Ошакана, Меградзора.

Характерную группу образуют сосуды так называемого «финикийского» стекла. Это маленькие алабастры, изготовленные из синего стекла с орнаментом в виде нервов светлого цвета, покрывающих стенки сосуда. По своей форме, с сравнительно широкой нижней частью, суживающейся постепенно кверху, они характерны для позднеэллинистического периода. Рассмотренные сосуды привезены из Сирии и Финикии, где находились стеклодельные мастерские, производящие их. Вероятно, что в них перевозились косметические мази и благовония.

Отдельную группу образуют изготовленные из прозрачного стекла чаши, вернее их обломки, найденные в Армавире и Арташате⁷⁹. Они полусферические или полуяйцевидной формы и под венчиком снаружи или внутри имеют выемчатые пояски, обстоятельство, позволяющее Ж. Д. Хачатрян утверждать, что чаши изготовлены техникой прессования. Эта техника особенно применялась в стеклодельных мастерских восточного Средиземноморья. Обращает на себя внимание еще обломок иривозной чаши мозанчного стекла, дно сосуда, изготовленного в технике миллефиори, обломок так называемого мраморовидного сосуда⁸⁰ и изготовленная из темно-красного стекла ложка со следами арамейской надписи на ней.

⁷⁸ Ж. Д. Хачатрян, *Стеклоделие в древней Армении* (II—I вв. до н. э.), ИФЖ, 1975, № 1.

⁷⁹ Г. Тиранян, *Археологические работы в Армавире*, ВОНАН, 1973, № 5, рис. 6; Ж. Д. Хачатрян, *ук. соч.*

⁸⁰ Б. Н. Аракелян, Г. А. Тиранян, Ж. Д. Хачатрян, *Стекло древней Армении*, Ереван, 1969, № 150.

Наконец последнюю группу образуют чаши на кольцевидных ножках, найденные в Арташате. Они отличаются от привозных высококачественных сосудов и по форме являются имитацией местных каменных и керамических сосудов, поэтому возможно их считать предметами местного производства⁸¹.

Каменные изделия. В археологических памятниках Армении эллинистического времени встречается каменная посуда в виде чаши на расширяющейся к низу ножке.

Два цельных сосуда происходят—один из Гехадира (Котайкский район) (табл. XXXVII, 4), другой из Нагорного Карабаха⁸² (высота обеих 8 см., диаметр чаши 14,5 и 16 см.).

Многочисленные фрагменты таких сосудов были найдены в Гарни, Армавире, Ацаване, Севане. Изготовлены они из конгломерата или порфирита синевато-сероватого цвета часто с черными крапинками. Хотя эти сосуды отличаются между собой по характеру закрапин, они имеют сходные общие формы.

Чашевидное тулово этих вазообразных сосудов не очень глубокое и имеет снаружи плавновогнутые очертания. Ножки, как правило, не очень высокие, но широкие у основания, что, надо полагать, связано с необходимостью придать сосудам большую устойчивость. Внутри, снизу ножки имеют выскобленное коновидное углубление.

Стенки чаши, а также ножки сглажены и полированы.

Их широкое распространение, главным образом в слоях поселений, не исключает возможность их применения в быту (*Obstscha-len*).

Присутствие этих сосудов, вернее их обломков, в слоях эллинистического времени позволяет датировать их IV—I вв. до н. э. Гехадирский сосуд найден в саркофаге, относящемся к могильнику раннеэллинистического времени, о чем свидетельствует также найденная в одном из погребений монета Александра Македонского. Имеющиеся параллели для рассматриваемых сосудов—Иран (главным образом Персеполь), Сирия, Северная Индия (Таксилла)⁸³, а также в греческом мире⁸⁴ с основным подкрепляют предложенную дату.

⁸¹ Ж. Д. Хачатрян, *ук. соч.*

⁸² Ж. Д. Хачатрян, *Археологические находки в Гехадире*, Изв. АН АрмССР, 1966, № 1, рис. 2, 3.

⁸³ Ж. Д. Хачатрян, *ук. соч.*, с. 86.

⁸⁴ I. Shear, *The American excavations in the Athenian Agora*, Hesperia, 1940, vol. IX, № 3, fig. 9; Б.

Ознакомление с урартской керамикой, а ее ведущими формами делает очень вероятной предположение о урартском типологическом происхождении имеющих столь широкое распространение в древней Армении вазообразных сосудов.

Правда, древнейшие прототипы данной формы ведут нас во II тысячелетие и даже в более ранние времена, а ареал их распространения охватывает широкие территории Передней Азии и Египта. Самые ранние образцы известны нам по раскопкам Тепе-Гиссара в Иране⁸⁵ и Тепе-Гавра в Северной Месопотамии⁸⁶. II тысячелетие представлено находками из Египта⁸⁷, Сирии и Палестины (Рас-Шамра, Иерихо)⁸⁸, Северной Месопотамии (Тел-Халаф)⁸⁹, Ирана (Тепе-Сналк)⁹⁰, Средней Азии (Маргиана, Тахирбай)⁹¹. Примеры вазообразных сосудов первой половины I тысячелетия можно найти в Малой Азии, в ее западных частях (Сарды, Эфес, Кусура)⁹² и внутренних областях (Фригия—Гордион)⁹³.

Каменная ваза на ножке с клинописной надписью известна из северо-западного Ирана (Хасанлу) и датируется началом I тысячелетия⁹⁴. Отсюда же происходит глиняная ваза, но с двумя ручками, расположенными

по противоположным ее сторонам⁹⁵. Фрагмент каменной чаши с профилированным венчиком, но без ножки известен из Зивне и датируется позднесирийским временем⁹⁶.

Тем не менее самые многочисленные находки первой половины тысячелетия интересующих нас сосудов относятся к Армянскому нагорью урартского времени, что говорит об основательном внедрении этой переднеазиатской формы в материальную культуру Урарту.

О том, как прочно была усвоена эта форма в урартской керамике, говорят многочисленные находки—в самой столице, а также в расположенных на окраинах городах—как цельных образцов, так и фрагментов. Еще Леман-Гаупт выделил в отдельную группу часть урартской керамики из Топрах-Кале, включив в нее чашу на высокой полкой ножке⁹⁷. Во время раскопок в Топрах-Кале, предпринятых уже в последние годы турецкими археологами, была найдена ножка вазообразного краснолощенного сосуда⁹⁸. Нескольким вазообразным цельным сосудам были найдены раскопками в Кармир-блуре. Два из них на высоких полых ножках происходят из самой цитадели⁹⁹. По небрежному качеству лощения видно, что сосуды могли быть изготовлены на месте. Третий сосуд, краснолощенный, на низкой ножке, происходит из городских кварталов и был, вероятно, привезен из центра государства¹⁰⁰.

Почти цельный прекрасный вазообразный сосуд происходит из погребения урартского времени из Мецамора¹⁰¹. Наконец, фрагменты таких же сосудов известны нам также из Нор-Армавира¹⁰² и Армавира.

Наличие целой группы глиняных краснолощенных сосудов, четко выработанных очертаний, говорит о том, что перед нами одна из

⁸⁵ L. Vanden Berghe, ук. соч. pl. 146, b.

⁸⁶ R. Dyson, Zitierte, Expedition, 1963, t. 5, No 3, p. 36

⁸⁷ C. F. Lehman-Haupt, Armenien einst und jetzt, t. II, 2, Berlin-Leipzig, 1934, S. 567.

⁸⁸ B. Ogün, Kurze Geschichte der Ausgrabungen in Van und die Türkischen Versuchsgrabungen auf dem Toprak-kale, 1959, Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, t. III, 2, 1961, Taf. IV, 2

⁸⁹ См. фонды ГИМА, № 2204/68.

⁹⁰ B. С. Сорокин, Раскопки древнего поселения, Кармир-блур, II, Ереван, 1952, рис. 45.

⁹¹ Э. Ханзадян, К. Мкртчян, Э. Парсаян. Мецамор, Ереван, 1973, табл. X II, I (на арм. яз.).

⁹² А. А. Мартиросян, Раскопки Аргинтихиинли, С. А., 1967, № 4, рис. 5 (нижний ряд справа).

Фармаковский, Раскопки в Ольвии, Изв. Археологической комиссии, рис. 75, с. 131.

⁸⁵ L. Vanden Berghe, Archeologie de l'Iran ancien Leiden, 1959, pl. X, XI.

⁸⁶ A. Tobler, Excavations at Tepe Gawra, t. II, Philadelphia, 1950, No 400.

⁸⁷ W. Hayes, The Scepter of Egypt, t. I, Cambridge, 1953, fig. 236.

⁸⁸ Cl. Schaeffer, Les fouilles de Ras-Schamra, Syria, 1938, vol. XIX, 3. pl. XX, 4.

⁸⁹ B. Hrouza, Tell Hataf, vol. IV, Berlin, 1962, Taf. 63, 2.

⁹⁰ R. Ghirschman, Fouilles de Stalk, vol. II, Paris, 1959, pl. XVI, 8.

⁹¹ В. М. Массон, Древнеземледельческая культура Маргианы. Материалы и исследования по археологии СССР, № 73, М.—Л., 1959, табл. VII 1, 3, 5, табл. X, 4.

⁹² H. Bossert, Altanatolien, Berlin, 1940, Taf. 20, No 124 (9), S. 20. H. Goldmann, Excavations at Gozlu Kule, Tarsus, III, Princeton, 1963. Pl. 109 (No 163).

⁹³ G. A. Körte, Gordion, Berlin, 1924, S. 66, fig. 40, 41.

⁹⁴ R. Dyson, Problems of protohistoric Iran as seen from Hasanlu, Journal of Near Eastern Studies, t. XXIV, July, 1965, No 3, fig. 8.

характерных форм урартской керамики. Эта форма, как видно на примере археологических находок, перешла и в армянское время, найдя, однако, свое воплощение в камне¹⁰³.

Остатки каменных виноделен, несложных по своей конструкции, были найдены в западных окраинах городских кварталов эллинистического Армавира (раскопки А. А. Мартirosяна), в Двине и Кахцрашене¹⁰⁴.

Армавирская давилня состояла из тарапана, специальной плиты для выжимки виноградного сока и из ванночки-чапа средней глубины. Тарапан и чан изготовлены из туфа (табл. XL, 2, 3).

От двинской и кахцрашенской давилень сохранились только тарапаны, изготовленные один из базальта, другой из туфа.

На верхней поверхности обонх тарапанов вдоль краев высечены желобки, переходящие с одной стороны в слив. На примере боспорских виноделен видно, что виноград

¹⁰³ Каменная посуда известна была и урартам, однако находками еще не засвидетельствованы каменные чаши на ножках. Самой близкой формой для данного типа можно считать каменные чаши и блюда без ножек (См. например, Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, III, Ереван, 1955 рис. 6).

¹⁰⁴ Г. Г. Кочарян, Тарапан производственного назначения, обнаруженный в Двине, ВОНАН, 1978, № 2.

обрабатывался как правило в больших давилнях, где его растапывали ногами или сжимали при помощи специального пресса¹⁰⁵. Оставшуюся мезгу обрабатывали в специальных корытах или на тарапанах. Ввиду отсутствия пока таких давилен в Армении, следует думать, что при помощи тарапанов из Армавира и Двины происходила прежде всего первичная операция обработки винограда, заключающаяся в выжимке сока. Сложенный в корзину или в мешок виноград ставили на каменную плиту-тарапан и затем выжимали. Не исключена возможность, что ввиду отсутствия других приспособлений здесь же, в вышеописанных давилнях, таким образом происходила завершающая операция—обработка мезги. Из вышесказанного вытекает, что по существу перед нами каменные давилни, применявшиеся в домашнем виноделии, не преследовавшие промышленных целей. Об этом свидетельствует и то обстоятельство, что часть каменных тарапанов могла быть перенесена из одного хозяйства в другое для удовлетворения текущих нужд¹⁰⁶.

¹⁰⁵ В. Ф. Гайдукевич, Виноделие на Боспоре, Боспорские города II, МИА, 85, М.—Л., 1958, с. 352 и далее.

¹⁰⁶ И. Т. Кругликова, Сельское хозяйство Боспора, М., 1975, с. 192.

ГЛАВА V

МЕТАЛЛООБРАБОТКА

Большой перелом, наблюдаемый в материальной культуре Армении начиная с III в. до н. э., характеризуется массовостью производства; довольно наглядно он проявляется в такой важной области матеральной культуры, как металлообработка.

Найденные при раскопках памятников эллинистического времени металлические изделия настолько многочисленны и разнообразны, что позволяют составить удовлетворительное представление о целых отраслях металлообработки Армении этого времени (например, оружие). Поучительны в этом отношении данные раскопок Армавира и Арташата. Находки металлических изделий в обоих этих городах достаточны для предварительной характеристики основных отраслей металлопроизводства, от орудий труда и оружия до торевтики и предметов украшения. При этом большое число найденных в Арташате изделий из металла—количество нако-

печников стрел, например, исчисляется тысячами—позволяет судить также об объеме производства. Раскопки в Армавира и Арташате важны также тем, что там найдены следы производства и мастерских. Остатки кузницы (наковальня и другие принадлежности) обнаружены на выровненном в эллинистическое время полу урартской комнаты, пристроенной к западной стене армавирской крепости с наружной стороны¹. Хорошо вырисовываются планы двух металлообрабатывающих мастерских на первом холме арташатской цитадели². Считаю не лишним отметить, что в данной области матеральной культуры, в таких ведущих разделах, как орудия труда и ору-

¹ Б. Н. Аракелян, О некоторых результатах археологического изучения древнего Армавира, ИФЖ, 1969, № 4, с. 166.

² Б. Н. Аракелян, Древний Арташат, Ереван, 1975, рис. 4 (на арм. яз.).

чительном этапе соперничества царей Еруанда и Арташеса: «А один из воинов войды, поразил секирой Еруанда по голове и разбрызгался мозг его по полу дома и от такого сокрушительного удара он скончался, пробив царем 20 лет». Не исключено, что исто-

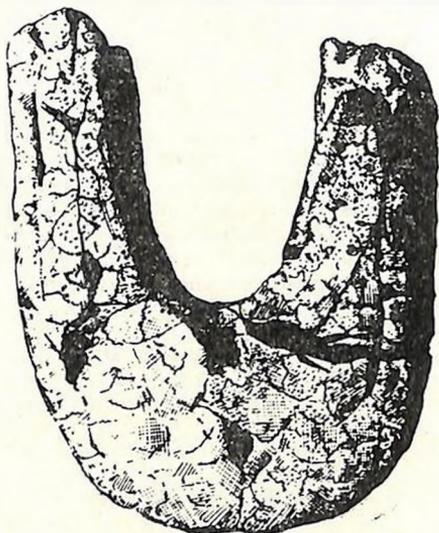

Рис. 34. Лопата (Армавир)

рик имеет в виду боевой топор, образец которого найден в Армавире. Но, с другой стороны, следует учесть, что сходные топоры встречаются среди закавказских предметов эпохи бронзы. В Колхиде, например, они служили для вырубания кустарников⁹. Интересно, что подобные железные предметы доживают до эллинистического времени и в Западной Грузии встречаются в кувшинных погребениях, довольно точно датированных III в. до н. э. В Северном Причерноморье было найдено массивное орудие для вырубки кустарников с загнутым верхним заостренным концом, однако не исключено, что оно могло употребляться и в качестве садового ножа¹⁰.

Довольно богато представлены ножи, употреблявшиеся не только в домашнем хозяйстве, но и в отдельных ремеслах. По своим типам они в основном продолжают более древние формы. Один тип представлен ножи среднего размера с прямым лезвием, пе-

реходящим сверху в остроконечный выступ, на который насаживалась деревянная рукоять. Как показал В. К. Зинджирджян, такие ножи встречаются в античных памятниках Закавказья и Северного Причерноморья. Ножи другого типа имеют изогнутое лезвие. На их черенках сохранились железные или бронзовые гвозди, служившие для прикрепления деревянной рукояти. Эти ножи также имеют параллели среди материалов античного Закавказья.

Большой интерес представляет нож с рукоятью из кости. Верхний край его лезвия вложен в специальный паз рукояти и хорошо стянут металлическим проводом. Имеются примеры пожеей с рукоятью, обложенной бронзовой пластинкой.

Найденные топоры и тесла применялись не только в домашнем хозяйстве, но и в деревообделочном ремесле. В этом плане большой интерес представляет тесло из Армавира с широкой рабочей частью и приспособлением для прикрепления ручки и зубило с рукоятью, найденное на первом холме Арташата.

Оружие эллинистического мериода настолько разнообразно, что имеющиеся виды составляют почти полное вооружение воина. Особенно богато представлены виды наступательного оружия.

Наконечники копий относятся к двум основным типам. Один из них представляют наконечники, найденные в Армавире, Арташате и Канберкее, с треугольным лезвием, широким у основания и постепенно суживающимся к концу¹¹ (рис. 35). Все они имеют ярко выраженное срединное ребро и полую втулку. Особого внимания заслуживает втулка одного армавирского наконечника, стенки которой состоят из двух слоев—внешнего железного и внутреннего бронзового. С обоих боков втулки имеет короткие перпендикулярные шипы. Наконечники этого типа встречаются в соседних с Арменней странах; так, один был обнаружен в Мингечауре. Сходные наконечники копий были найдены в Джаррате, Бенгташени, Пересполе и в ряде других памятников ахеменидского времени, что свидетельствует о живучести указанного типа. Из Арташата и Армавира происходят

¹¹ Г. А. Тирацян, Древнеармянская керамика из раскопок Армавира, ИФЖ, 1971, №1, табл. V, 11; М. Mellink, Archaeology in Asia Minor, AJA, 1966, No 2, p. 153; Н. Atkim, Explorations in Turkey, 1965, 1966, Anatolica 11, 1968,

⁹ Д. П. Коридзе, К истории колхидской культуры, Гблниси, 1965.

¹⁰ И. Т. Кругликова, ук. соч., рис. 88.

наконечники другого типа, напоминающие книжал¹², тоже с треугольным лезвием и полкой втулкой, но отличающиеся от первых тем, что их лезвие непосредственно продолжат втулку.

Раскопки Армавира и Арташата выявили также довольно большое количество разнотипных наконечников дротиков. Наконечники имеются с плоским подтреугольным лезвием без ребра и с трубчатым обухом¹³, двух-

Ближний Восток, а хронологические границы их бытования определены.

Трехлопастные черенковые стрелы эллинистического времени найдены в Армавире, Арташате, Кармир-блуре, Айгешате¹⁴. Появление железных трехлопастных наконечников с черенком приходится на позднеассирийское время; они бытуют вплоть до первых веков н. э., а возможно и позже. Периодом их наибольшего распространения, однако, принято считать II—I вв. до н. э.¹⁵ Найденные в Персеполе экземпляры относятся к V—IV вв. до н. э., в Арсамее—к 100 г. до н. э.—100 г. н. э., в Дура-Европосе (несколько иной формы)—к I в. до н. э.—I в. н. э., на Северном Кавказе—к II в. до н. э.—первым векам н. э. Ранние образцы таких наконечников стрел на территории Армении обнаружены в Ошакане¹⁶. Они, по-видимому,

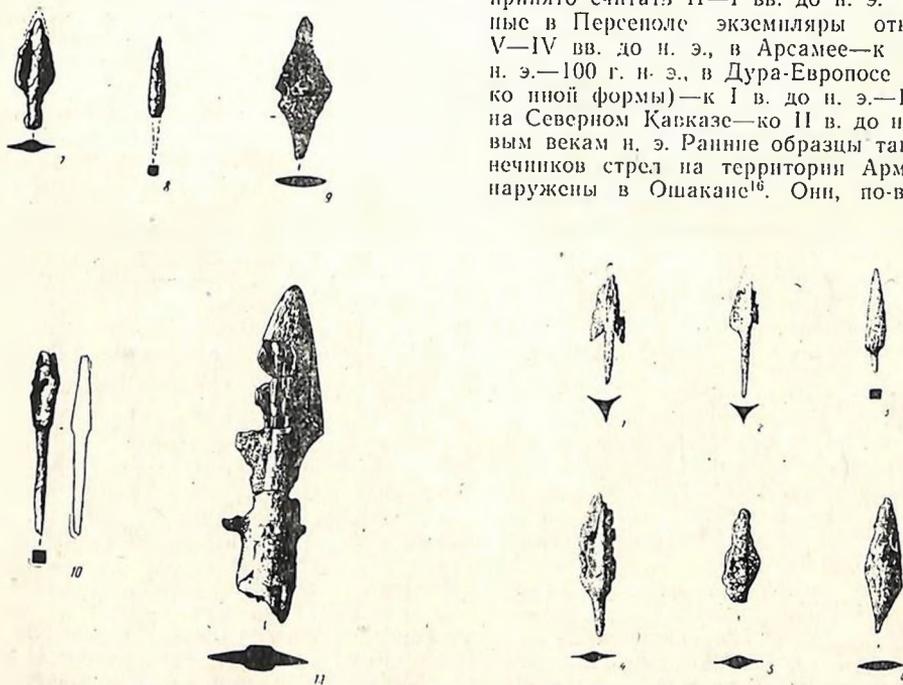

Рис. 35, 36. Оружие (Армавир)

первые наконечники с средним ребром и стержневидные, суживающиеся к концу.

Найденные на территории Армении наконечники стрел эллинистического времени относятся к нескольким основным типам (рис. 36—38). Уже при первом ознакомлении с ними видно, что большинство этих типов датируется послесурартским периодом, однако некоторые могут восходить к более раннему времени. Наконечники стрел указанных типов встречаются на обширной территории, включающей в основном Малую Азию и

датируются позднесурартским временем и восходят к бронзовым прототипам.

Листовидные железные наконечники стрел также появляются довольно рано. В

¹⁴ Г. А. Тирицян, Древнесармянская керамика..., с. 226, табл. IV; А. А. Вайман, Г. А. Тирицян, Кармир-блурский некрополь эллинистического времени, ВОНАН АрмССР, 1974, № 8, табл. III; Р. Торосян, Ф. Тер-Мартirosов, Могильники позднего эллинистического периода, ИФЖ, 1976, № 2, рис. II.

¹⁵ К. Doerner, Th. Gevel, Arsameta am Nymphaios, Berlin, 1964, с. 276.

¹⁶ С. Есляч, А. Калантарян, Позднесурартское погребение ошаканского могильника, ИФЖ, 1976, № 3, табл. III.

¹² Г. А. Тирицян, Археологические работы в Армавире, рис. 7.

¹³ Г. А. Тирицян, ук. соч., рис. 7.

Передней Азии они засвидетельствованы начиная с VIII—VII вв. до н. э. вплоть до римского времени¹⁷. Они представлены также разновидностью с угловатыми сторонами. Близкие по форме образцы V—IV вв. до н. э. встречаются в Персеполе, наконечники V—III вв. до н. э. со втулкой—в Богазкесе. Листовидные экземпляры обнаружены также в Арсамесе, где они связываются с эллинистическим поселением. Несмотря на широкий хронологический отрезок их бытования в Армении, они, возможно, восходят к урартским формам. Выявленные в Армавире, Арташате и других местах листовидные наконечники с черенком следует датировать III—I вв. до н. э.¹⁸

Увеличивается количество четырехгранных наконечников стрел. Их экземпляры из Гарни, найденные первыми, четко датировались¹⁹. Очень важной представляется наход-

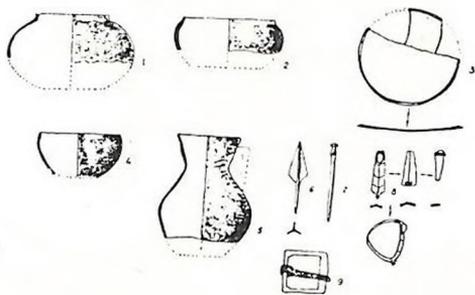
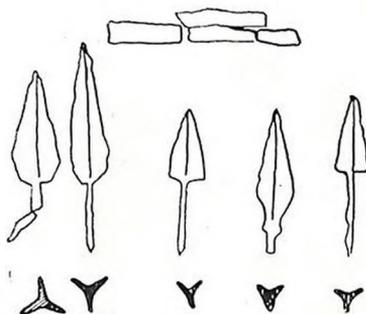

Рис. 37, 38. Инвентарь погребения (Айгешат, Кармир-блур)

наконечников в Армении эллинистического времени. Четырехгранные наконечники стрел встречаются в анатолийских памятниках эпохи железа, вплоть до позднеримского времени. Такие стрелы из «города Мидаса», поз-

ка в Гехадире. Здесь в каменном саркофаге был обнаружен инвентарь раннеэллинистического времени, монета Александра Македонского и четырехгранный наконечник²⁰. В Армавире такие наконечники находились в эллинистическом слое, датированном, как известно, III—I вв. до н. э.²¹ Четырехгранные черенковые наконечники засвидетельствованы, наконец, в Арташате, на первом холме, слой которого относится ко II—I вв. до н. э., что окончательно доказало наличие этого вида

днестрогийского городища, датируются V—IV вв. до н. э., из Арсамеса—концом II в. до н. э.—началом I в. до н. э. Приведенные здесь данные позволяют сузить хронологические рамки наибольшего распространения четырехгранных стрел в Малой Азии (VI—I вв. до н. э.) до III—I вв. до н. э.

Такой широко распространенный вид наступательного оружия, как меч, представлен единичными образцами из Арташата и Армавира. Первый меч имеет одностороннюю заточку, рукоять его не сохранилась. Второй сохранился хуже; по-видимому, он тоже имел одностороннее острие. Подобные мечи встречаются в Мингечауре.

Более многочисленны кинжалы. Их экземпляры эллинистического времени выявлены в Армавире и Арташате. Они имеют двустороннюю заточку и относятся к нескольким типам. Особого внимания заслуживает кинжал, найденный в каресе эллинистического

¹⁷ К. Doerner, *Th. Goell*, ук. соч., с. 277.

¹⁸ Г. А. Тирация, Древнеармянская керамика... с. 222, табл. IV.

¹⁹ Б. Н. Аракелян, Гарни, II, рис. 13.

²⁰ Ж. Д. Хачатрян, Археологические находки в Гехадире, ВОНАН, АрмССР, 1966, №1, рис. 5 (на арм. яз.).

²¹ Г. А. Тирация, Древнеармянская керамика, с. 227, табл. IV.

времени²². Он имеет сравнительно хорошо сохранившийся выступ, отделенный от клинка маленькой крестовиной, с остатками трех железных гвоздей, служивших для прикрепления деревянной рукояти. Острые одностороннее, тыльная сторона довольно толстая. Указанные книжалы типологически, возможно, восходят к более раннему времени: наблюдается некоторая связь их с урартскими книжалами. Бытование тех же типов в последующем веке говорит о традиционности этой формы матеральной культуры.

Одной из редких, но интересных форм наступательного оружия является трезубец. Первый железный экземпляр трезубца случайно найден еще в 50-х гг. в Гарни. Один из зубцов, отломанный еще в древности, был припаян с помощью меди, что свидетельствует о древности этого широко применявшегося способа припайки. Небольшие размеры трезубца и другие отличительные черты позволили Б. Н. Аракеляну предположить, что он относится к античному времени²³. Это предположение подтвердила находка в кургане раннеэллинистического времени еще одного железного трезубца, на этот раз в Западной Армении—недалеко от Эрзерума, в Капберкее.

Следует сказать несколько слов и о железном колесе боевой колесницы из эллинистического слоя Армавира²⁴. Колесо, по видимому, имело восемь спиц и массивный железный обод. К сожалению, от колесницы больше ничего не сохранилось; все же можно думать, что по своему типу она восходит к урартским колесницам.

Что касается защитного оружия, то в том же капберкейском кургане был найден обломок железного щита.

Художественная металлургия, ювелирные изделия, предметы украшения. В Армавири найдены две чаши, одна из бронзы, другая из серебра. Хотя чаши дошли до нас в поврежденном виде, об их общем виде и украшениях судить можно. Бронзовая чаша, имеющая округлое дно и вогнутый вовнутрь венчик, украшена ложковидным узором. Серебряная чаша более приземистая, с гладкими стенками и листовидной ручкой. На ее стенке ниже венчика сохранились бронзовые гвозди, свидетельствующие о починке.

²² Г. А. Тирицян. Раскопки Армавира, рис. 39.

²³ Б. Н. Аракелян, Гарни II, рис. 14, с. 48; *M. Melink*, *Archaeology in Asia Minor*, *AJA*. 1966, No 2, с. 153.

²⁴ Б. Н. Аракелян, О некоторых результатах археологического изучения древнего Армавира, рис. 18.

Обе чаши напоминают как глиняные изделия эллинистического времени, так и ахеменидские металлические чаши. Форма и узоры армавирских чаш указывают на то, что они продолжают традиции ахеменидского времени; чаши имеют большое значение для изучения торевтики Армении эллинистического времени.

Фрагмент серебряного сосуда, возможно амфоры, украшенный орнаментом в виде листьев акафа, был найден у Ванского озера и теперь хранится в берлинском Антиквариуме²⁵ (табл. XXXIX, 3, 4). Первоначально он был сочтен греко-бактрийским или иранским изделием и датирован IV в. до н. э. Акафовые узоры сосуда напоминают эллинистическую или даже римскую орнаментку на коринфских капителях, других архитектурных деталях, стеклянных сосудах и т. д.²⁶ Р. Цан, издавший фрагмент, указал на сходство этих узоров с украшениями на общезвестной золотой полушаровидной чаше из собрания Государственного Эрмитажа²⁷. Растительным узором свойственно стилистическое своеобразие, характерное для производственных центров, обнаруживающих смешение стилей. Наличие на эрмитажной чаше арамейской надписи еще больше склоняет автора к мысли, что как чаша, так и указанный сосуд были изготовлены в Армении²⁸. В связи с этим небезыntenерной кажется попытка установить сходство между декором упомянутой чаши и узорами в виде цветов лотоса на золотой пекторали из Армавира (Б. И. Маршак).

Серебряные чаши, покрытые узорами или с гладкими стенками, найдены в склепе I в. до н. э. в Сисiane. Одна гладкостенная чаша несет на себе арамейскую надпись, своим палеографическими особенностями соответствующая с датой погребения²⁹. Другая ча-

²⁵ R. Zahn. Ein goldener Becher in der Ermitage zu Leningrad. *Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts*, Bd. 82. 1967, Abb. 4—6.

²⁶ P. Bernard. Chapiteaux corinthiens hellénistique d'Asie Centrale découverte à Al-Khano-m, Syrie, XI, V, 1—2. 1968: A. Olivier, A gold glass fragment in the Metropolitan museum of art. *Journal of glass studies*, vol. XI, 1969, fig. 1—3, 124; G. Rodenwaldt, *Die Kunst der Antike*, Berlin, 1927, Taf. 503.

²⁷ К. В. Тревер, Памятники греко-бактрийского искусства, М.—Л., 1940, табл. 14.

²⁸ R. Zahn, ук. соч., с. 25—26.

²⁹ A. Perikhanian. Inscription araméenne gravée sur une coupe d'argent trouvée à Sisian (Arménie), *Revue des études Arméniennes*, 1971, Vol. VIII, Pl. 1.

ша полушаровидная, имеет с наружной стороны узоры в виде продолговатых листьев, поднимающихся к венчику (табл. XXXIX, 2). Этим она полностью тождественна чаше из найденного в Иране так называемого клада Карена, что указывает на тесные культурные контакты между Арменией и Парфией³⁰.

Заслуживает внимания серебряная фигурка козла из Арташата (табл. XXXIX, 5)³¹. Грузное туловище и короткие ноги придают животному приземистый вид. По своему облику фигурка напоминает изделия художественного ремесла ахеменидского времени. Аналогичная фигурка козла, найденная в Валахии, датируется с некоторыми оговорками V в. до н. э. Несмотря на это, допустима и несколько заниженная датировка статуэтки, тем более, что она найдена в слое II—I вв. до н. э.

В Арташате обнаружены также художественно оформленные ручки серебряных сосудов³². Одна из них, завершающаяся амуром (табл. XXXIX, 6), была прикреплена к сосуду вертикально, другая ручка, горизонтальная, позолочена и изображает гиппокампа с рыбой чешуей. Обе фигурки имеют яркий эллинистический облик³³. Третья ручка, отлитая из бронзы, завершается головкой дракона, как и статуэтке козла, ей присущи восточные черты.

За последние годы накопился интересный материал, позволяющий охарактеризовать златокузнечество Армении эллинистического времени.

Хранящиеся в Историческом музее Армении золотые медальоны из Армавира были найдены случайно в 30-х гг.³⁴ Возможно, они происходят из потревоженного местными жителями древнего погребения. Медальоны изготовлены из тонких дисковидных листов золота, украшенных рельефными изображениями женских головок. Припаянные к верхней

части ушки указывают на то, что они служили подвесками для ожерелий³⁵. Потертый вид медальонов, нечеткость изображений, затрудняет их изучение. Черты лиц позволяют сблизить их в какой-то мере с известными античными изображениями, хотя стилистически они тяготеют к художественным изделиям местного переднеазиатского круга.

Дисковидные медальоны имели широкое хождение в греко-римском мире, особенно в эллинистическое время. Общий облик медальонов, некоторые особенности головного убора, побудили исследователей древнеармянского театра усмотреть в рельефных головках армавирских медальонов трагические маски³⁶. В целом они оставляют впечатление выполненных на Востоке провинциальных работ, что хорошо заметно при сравнении их с такими же изделиями подлинно эллинистического искусства³⁷. Тем не менее, даже если согласиться, что медальоны изготовлены в Армении или в одной из соседних стран (например, Сирии), их связь с античным миром обнаруживается не только в их форме, назначении, но и в иконографических³⁸ и даже стилистических деталях, указывающих на то, что изготовившие их местные мастера были знакомы с культурными традициями античного мира.

Серебряные медальоны были найдены в гробнице I в. из Сисяна. Они обрамлены растительным орнаментом, а в центре помещено рельефное изображение орла с повернутой назад головой. Орел держит в когтях

³⁵ G. Reccati, *Oreficerie antiche dalle mitiche alle barbariche*, Roma, 1955, No 369—364; F. H. Marshall, *Catalogue of the Jewellery, greek, etruskan and roman*, London, 1911, Plate XLV, No 2271; H. Ingholt, *Studier over Palmyrens Skulptur*, Kopenhagen, 1928, p. 149, Note 1.

³⁶ Г. Гоян, *Театр древней Армении*, т. I, М., 1952, с. 296—300.

³⁷ H. Hoffman, P. Davidson, *Greek gold jewellery from the age of Alexander*, Boston, 1965, fig. 90—95, 124, 135; E. Coche de la Ferté, *Les bijoux antiques*, Paris, 1956, Pl. XIX, XXV, 2. P. Amandry, *Les bijoux antiques*, (Collection H. Stathatos), Strassbourg, 1953, Pl. XXXVI—XL, No 233, 234, 235. Г. А. Тирацян, *Армавир и античный мир. Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока*. (Сборник статей) М. 1978, с. 145.

³⁸ L. Pollak, *Klassisch-antike Goldschmiedearbeiten im Besitze A. J. von Nelidov*, Leipzig, 1903, Taf. XIX, No 507; P. Amandry, *ук. соч.* fig. 62; B. Segall, *Katalog der Goldschmiedearbeiten*, Museum Benaki, Athen, 1938, Taf. 42, No 202.

³⁰ E. Herzfeld *The hoard of the Karen Pahlav* *Burlington Magazine*, vol. 52, 1927—1928, Plate, D. E.

³¹ Б. Н. Аракелян, *Древний Арташат*, рис. 14.

³² Там же, рис. 15, 16, 17.

³³ Ручка в виде амура имеет стилистические явные аналогии в статуэтке из серебра, найденной в Нице и датируемой II в. до н. э. См. В. Г. Луконин, *Искусство Ирана*, М., 1977, рисунок на с. 122, и Г. А. Кашеленко, *Родина парфян*, М., 1977, рис. 48, 49, 50.

³⁴ С. Тер-Акопян, *Вторая армавирская надпись*. Материалы по истории древней Армении, Ереван, 1935, рис. 4 (на арм. яз.).

животнос³⁹ (табл. XXXVIII, 1, 2). Хотя оборотная сторона медальонов повреждена, не исключена возможность, что они служили застёжкой для прикрепления концов одежды⁴⁰. Фигура орла хорошо вяжется с парфяно-армяно-коммагенскими намятниками рассматриваемого времени (табл. XXXVIII, 3)⁴¹. Золотые подвески выявлены в канберкейском кургане № 5 недалеко от Эрзерума. Найденная в одном из курганов монета Александра Македонского позволяет датировать всю группу курганов раннеэллинистическим временем, что, естественно, повышает интерес к обнаруженным здесь предметам ювелирного дела. Один из них — дисконидная подвеска с орнаментом в виде двойной петли (так называемый «парик Хатор»), другой — полукруглая подвеска с тремя висячими маленькими дисками⁴². Эти предметы не имеют связей с греческим ювелирным искусством, являясь скорее всего произведениями местного стиля.

Золотые нагрудные украшения найдены в Гарни, в погребении № 123⁴³. Они состояли из целого ряда бляшек, которые располагались в определенном порядке и нашивались на одежду. В центре находилась круглая бляха с чеканным изображением лотоса посередине; по бокам бляхи в специально припаянные крестовидные гнезда вставлены гранатые камни. Вокруг центральной бляхи распо-

ложены щитовидные бляхи, украшенные зернью, и треугольные в виде птичьих голов. Аналоги этих золотых украшений имеются среди ювелирных изделий эллинистического времени с юга России, из Северного Причерноморья, Грузии, Армении.

Части золотого венка были найдены в Арташате на поверхности первого холма⁴⁴. Здесь оказалось 22 листика, похожих на платановые, и четыре листика, напоминающих листья оливкового дерева. Их принадлежность к образцам ювелирного дела эллинистического времени не подлежит сомнению.

В сисанском склепе I в. до н. э. было найдено золотое навершие со вставными камнями⁴⁵. Бляха выполнена в зверином стиле и сходна с сарматскими изделиями юга России и Северного Кавказа. Она, безусловно, свидетельствует о связях Армении с северокавказскими племенами. Как известно, сармато-аланские племена, совершая набеги в Закавказье, порой доходили до Северного Ирана⁴⁶.

Остальные украшения происходят в основном из погребений и представляют собой главным образом принадлежности туалета (рис. 39). Среди них особенно много браслетов. Они делятся на несколько типов и подтипов. Общей особенностью браслетов является вогнутость посередине. Как уже было сказано, браслеты с выгибом очень характерны для археологических памятников Армении и Закавказья ахеменидского времени. Прототипами таких браслетов принято считать золотые браслеты с выгибом, бытовавшие в ахеменидском культурном мире. Б. А. Куфтин совершенно правильно указал также на бытование браслетов этого типа в Закавказье и в последующие века. Дальнейшие раскопки на территории Армении подтвердили это обстоятельство: браслеты с выгибом часто встречаются в погребениях эллинистического времени (Гарни, Гехадир, Ахбаш, Кармир-блур и т. д.). Один из кармирблурских браслетов имеет пять утолщений на равном рас-

³⁹ Б. Н. Аракелян, Очерки по истории искусства древней Армении, Ереван, 1976, табл. XVIII.

⁴⁰ Th. Goell, Throne above the Euphrates National Geographic Magazine, 1964, March, vol. 119, No 3, p. 299; F. K. Dörner, Th. Goell, Arsamela am Nymphatos, Berlin, 1963, Taf. 18, 52, Abb. 28.

⁴¹ Б. Н. Аракелян, ук. соч., табл. XXI, XXII, XXIII; F. K. Dörner, Th. Goell, ук. соч.; Г. А. Кошеленко, Родина парфян, М., 1977, рис. 63; 7000 ans d'art en Iran, Paris, 1961, Pl. LXXV. V. Lukonin, Iran II, Archaeologia Mundi, Paris, 1967, fig. 10. 12 29; К этому же кругу следует отнести бронзовые статуэтки орла на ступенчатом постаменте или на олене. Б. Н. Аракелян, ук. соч., табл. XCIII—XCV. См. V. Lukonin ук. соч., рис. 11.

⁴² M. Mellink, Archaeology in Asia Minor, AIA, 1966, No 2, p. 153; H. Alkim, Explorations in Turkey, 1965, 1966, Anatolica, II, 1968. Г. А. Тирицян, Новь, археологические материалы послеурартского времени на территории Западной Армении (Турция) и их место в истории древнеармянской культуры, Древний Восток, II, Ереван, 1976, с. 143 и дальше.

⁴³ Ж. Д. Хачатрян, Гарни, V, Ереван, 1976, табл. XX, рис. 41.

⁴⁴ Б. Н. Аракелян, Древний Арташат, рис. 18.

⁴⁵ Б. Н. Аракелян, Очерки по истории искусства древней Армении, Ереван, 1976, табл. XIX.

⁴⁶ И. Алиев, Г. Аслапов, Племена сармато-массагето-аланского круга в Азербайджане, Древний Восток, II, Ереван, 1976, с. 218 и далее. Namio Egami, Sinji Fukai, Da'aman II. The Excavations at Noruzmahale and Khoramrud 1960, The Tokyo University Iraq-Iran Archaeological Expedition, Report 7, The Institute for Oriental Culture, the University of Tokyo, 1966.

стоянии друг от друга. Браслеты с выгибом и утолщениями найдены в Даблагоми и датируются концом IV или началом III вв. до н. э.⁴⁷ Особенно много таких браслетов происходит из Взыбской Абхазии, где они по большей части обнаружены случайно.

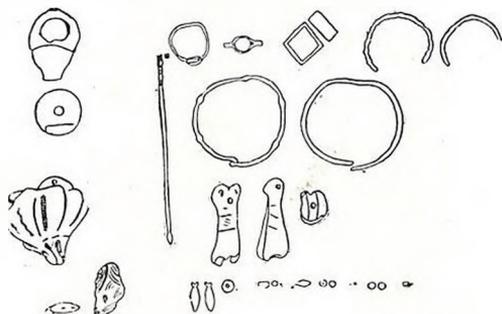

Рис. 30. Украшения (Кармир-блур)

Очень характерными для погребального инвентаря эллинистического времени являются браслеты с концами в виде змеиных и львиных голов, стилизованных и переданных при помощи тонких врезов (Гарни, Гехадир и т. д.)⁴⁸.

Они продолжают древнейшие браслеты Армянского нагорья. Браслеты со змеиными головками были распространены, начиная с I тыс. до н. э., а со львиными—в урартское время (Игдир). Нельзя при этом не учитывать и некоторого влияния ахеменидской культуры, в которой браслеты с зооморфными головками были распространенным явлением.

Упомянем скрученные из одной проволоки, а также свитые из нескольких проволок браслеты, найденные в погребениях Гарни, Гехадира⁴⁹, а также в Армавире. Они напоминают витые изделия более раннего времени (витые гривны бытуют начиная с эпохи бронзы) и характерны для ахеменидского (Сидон, Персеполь) и эллинистического периода. Наконец, отдельную группу образуют простые проволочные браслеты с разомкнутыми концами без украшений.

Перстни встречаются в погребальном ин-

вентаре захоронений и в археологическом слое, в первом чаще золотые и серебряные, во втором—бронзовые и железные⁵⁰. Бронзовые и железные перстни имеют щитки иногда с врезными изображениями. Серебряные и золотые перстни имеют вставные камни (сердолики).

Нередко встречаются булавки. Найденная в кармирблурском погребении эллинистического времени булавка из бронзы отличается своей расщепленной головкой, в которую некогда, по-видимому, был вставлен камень, а также обработанной валиками верхней половиной и грушевидным утолщением на нижнем конце⁵¹. Две последние особенности сближают булавку с широко распространенными в античном мире косметическими инструментами. Сходная бронзовая булавка была подобрана на территории античной крепости Ацаван. Булавка из Гарни также имеет обработанную головку.

Бусины из могильников эллинистического времени, как правило, невелики по размерам. Преобладание мелких бус над крупными характеризует не только кармирблурский могильник, но и другие современные ему могильники Армении и Закавказья. Чаще всего эти бусины пастовые (в виде подвески) или стеклянные (шаровидные, одна биконическая). Встречаются и каменные бусины—сердоликовые (шаровидные, бочкообразные, биконической формы), из горного хрусталя, агата, гишера. Стеклянные бусины часто имеют внутри золотую обкладку; пастовые обычно окрашены в красный, желтый или синий цвета. Наличие большого количества стеклянных бусин, а затем и явное их преобладание является характерной особенностью погребального инвентаря Армении и Грузии в ахеменидское время и тем более позже, в эллинистический период. В этот период большое распространение получают позолоченные стеклянные бусы.

Серьги. Заслуживает внимания пара золотых серег, найденных в Арташате вместе с монетой Тиграна II. Они образуют разомкнутый круг с концом в виде женской головки⁵². Такие серьги встречаются в Армении впервые, хотя они очень характерны для эллинистического времени и распространены на довольно большой территории.

⁴⁷ А. А. Вайман, Г. А. Тирацян. Кармирблурский некрополь эллинистического времени, ВОНАН, 1974, № 8, с. 65—66, табл. II.

⁴⁸ Ж. Д. Хачатрян. Археологические находки в Гехадире, табл. I.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Ж. Д. Хачатрян. Гарни, V, с. 103 и далее.

⁵¹ А. А. Вайман, Г. А. Тирацян, ук. соч., табл. II.

⁵² Ж. Д. Хачатрян. Уникальное погребение позднего эллинистического времени, ВОНАН, 1977, № 1, табл. II, 3 и табл. III.

Подвески-колокольчики бытуют в Армении с древнейших времен и доживают до первых веков н. э. Колокольчик с сохранившимся язычком найден в Гарице вместе с монетой Ариобарзана I (96—62 гг. до н. э.).

Встречаются конические пряжки в виде

пуговиц. Изготовлены они из камня и стекла.

Спатулы, имеющие многочисленные аналоги в античном мире, предназначались для извлечения мазей из сосудов.

Встречаются еще зеркала—с ручкой, дисковидные и др.

В Ы В О Д Ы

До недавнего времени наши представления о культуре Армении III—I вв. до н. э. основывались главным образом на фактическом материале из восточных областей исторической Армении. Этот материал, как вскоре стало ясно, отличался однородностью, единством форм. Введение в научный оборот, изучение и осмысление новых материалов античного времени (хоть и значительно малочисленных) из Западной Армении, способствуют воссозданию общей картины культуры Армении в эллинистическое время. Как мы уже видели—это материалы, касающиеся многих характерных аспектов культуры древней Армении: погребальных форм, керамики, металлургии, строительной техники, скульптуры; все они находят, как правило, точные и убедительные параллели на востоке Армянского нагорья. Эти материалы встречаются на широкой территории Западной Армении, охватывая ее основные части—юг (Ван), юго-запад (Харбердская долина), центральную часть (Бадноц), север (Эрзерум, Хасан-кала), северо-запад (Ерзика, Алтын-тепе). При сопоставлении археологических материалов из западных и восточных областей Армянского нагорья выявляется однородность культуры в этом крупном регионе в эллинистическое время, тождество форм и явлений, позволяющие говорить об общем и едином характере исторического процесса, этнической и социальной структуры древней Армении.

Весьма показательна в этом смысле керамика Армении эллинистического времени, особенно—яркая, расписная посуда. Степень ее изученности позволяет в большинстве случаев безошибочно выделить ее типологические особенности, выявить ведущие формы, принципы украшения. В таких условиях она становится хорошим критерием единства материальной культуры, ее общих на Армянском нагорье черт. В этом смысле она сравнима с широко известной чернолощенкой керамикой эпохи ранней бронзы, также являющейся показателем распространности од-

народной культуры на большой территории. Вышеотмеченные особенности развития армянской культуры являются наглядной иллюстрацией и историей страны, вступившей в эллинистический период своего развития, ознаменовавшейся двукратным объединением армянских земель—в последней четверти IV в. до н. э. при Еруандидах и в начале II в. до н. э. при Арташессе I и его наследниках.

При рассмотрении портретного искусства Армении эллинистического времени стало возможным затронуть вопрос о культе царя или вопрос о вероятной политической направленности армянского портрета. В этой связи небезынтесен вопрос о том идет ли речь о свободной передаче при изготовлении портрета на монете, т. е. о творческой работе резчика, или же портрет восходит к какому-то статуарному прообразу. Последние, как известно, в Армении не найдены. Это обстоятельство естественно затрудняет выяснение поставленного вопроса, хотя данные самих портретов на монетах и тем более в письменных источниках позволяют предположить наличие статуй армянских царей—статуарных изображений царских предков или обожествленных при жизни правящих царей.

Но независимо от наличия статуй, портреты армянских царей на монетах дают достаточно материала, чтобы обосновать правильность поставленных вопросов. Рассмотрев портретное искусство армянских эллинистических царей мы убедились в том, что в большинстве случаев их облагораживали, одухотворяли и таким образом идеализировали. Эти тенденции очевидно находились в прямой связи с наличием в Армении царского культа—целестремленного почитания и обожествления предков царя и самого царя при его жизни.

О культе царя в эллинистической Армении нам известно по письменным источникам. Портреты армянских царей этого же времени проливают, как нам кажется, дополнительный свет на этот вопрос.

Таким образом, для упрочения политического авторитета царствующей династии кроме идеологически-религиозных средств привлекались и художественные, в том числе портретные изображения царей. Этот функциональный аспект царского портретного изображения, направленного на упрочение власти единоличного властелина-монарха и его династии, еще раз подсказывает, что скажем, изображение Тиграна, как эллинистического правителя, вряд ли может быть передано только реалистично. Поэтому эллинистический скульптор, не лишая изображения некоторой портретности, сводит его лицо к обобщенным, ясным и, тем самым, спокойным и возвышенным чертам.

Монета, как официальный документ, имеет еще и политическое, пропагандистское значение, носителем которого часто является изображение данного правителя на лицевой стороне монеты. Отсюда и некоторое чувство торжественности и монументальности, призванное подчеркнуть авторитет царя, который чувствуется при рассмотрении некоторых особенно удачных экземпляров армянских эллинистических монет. Имеются и такие случаи, когда изображение царя, будучи связано с конкретной политической ситуацией, было призвано так или иначе повлиять на нее. Очень интересны в этом отношении портреты на монетах Митридата VI Эвпатора. В годы, когда Понтийское государство готовилось к войне, Митридат стал выпускать монеты со своим изображением, очень похожим на Александра Македонского. Александризирующий Митридат на монетах имел свой политический смысл—борьба против Рима шла под лозунгом защиты эллинизма, лучшим представителем которого был Александр. Все, что связано с этим мероприятием Митридата, вне всякого сомнения, лежит в сфере сознательного противопоставления Риму. С Тиграном, Артаваздом и вообще с Арташесидскими царями дело обстоит несколько иначе.

Нельзя утверждать, что поместив свои, выполненные в эллинистических традициях портреты на монетах, армянские цари тем самым целеустремленно противопоставляли себя Римской политике. Возможно, что другие элементы на этих монетах должны были выполнять такую функцию. Имеется в виду титулатура «царь царей», а также небезызвестная тиара, восходящая к царям некогда самого мощного государства Передней Азии—ахеменидского Ирана, элементы которые мог-

ли и должны были вдохновить на борьбу против Рима¹.

Термин «урбанистический взрыв», как нельзя лучше характеризующий комплекс явлений, охватывающих обширные районы Передней Азии в эллинистический период, применим для Армении, где эти явления были известны по письменным источникам, а сейчас засвидетельствованы археологическими данными.

Ничто не может дать более адекватное представление о свершившемся процессе урбанизации армянского общества, чем происходящая перед нашими глазами работа по топографической идентификации эллинистических городов Армении, выявлению их составных частей (акрополь—городские кварталы—некрополь), определению их границ и общего пространства.

Выявление «материального аспекта» этого грандиозного по своему существу социально-экономического процесса—прямой результат развернувшихся в последние годы археологических работ.

Вопросам градостроительства, архитектурных особенностей уделено некоторое внимание в первой главе настоящего раздела. Здесь же нам представляется важным вкратце изложить те выводы, которые напрашиваются при ознакомлении с археологическими фактами в связи с изучением классового характера древнеармянского города, общества в целом, вопросов хозяйства и материального производства, центрами которых были в первую очередь города.

Археологическое изучение городов позволяет более наглядно говорить о расслоении населения Армении эллинистического времени, о классовых различиях горожан. Бесспорно, и до раскопок было очевидно, что царь, его двор и другие члены верхушки общества отличались условиями жизни от остального населения города. Раскопки позволяют произвести более строгую дифференциацию внутри самих горожан. Нет никакого сомнения, что выявленные при исследовании в 1969 г.¹ 1975 гг. городской территории Арташата, строительные остатки, фрагменты архитектурного убранства, черепицы, стеновой росписи высокого качества и т. д. свидетельствуют о наличии домов состоятельных горожан, приближенных к эллинистической культуре. Эти дома отличаются от жилищ некоторых

¹ Г. А. Тирацян. Ахеменидские традиции в древней Армении, XXV Международный конгресс востоковедов, М., 1960.

воинов и ремесленников, раскрытых на первом и восьмом холмах цитадели. Разница еще более разительная, если сравнить остатки Арташатского дома с жилищами, открытыми на западном участке Армавирской крепости, обитаемом представителями несостоятельного населения. Планировка жилищ здесь незамысловатая, стены довольно скромного облика, перекрытие не черепичное, а камышовое.

Социальная дифференциация хорошо прослеживается и на основе погребального материала рассматриваемого времени. Последний все отчетливее распадается на две части, относящиеся соответственно к культурам зажиточных слоев и даже верхушки общества (Хасап-кале, Канберкей, Сисиан возможно Гехадир) и рядового населения (Кармир-блур—город, Гарни, Ошакап, Арташат, Айгешат). Особенно важным представляется то обстоятельство, что социальная дифференциация отчетливо дает о себе знать уже в начале рассматриваемой эпохи, т. е. в раннеэллинистическое время, когда появляются первые города и устраиваются крупные погребения. Такая дифференциация соответствовала расселению армянского общества, усиливающемуся по известным причинам, как раз в раннеэллинистическое время в условиях образования армянского государства Еруандидов.

Археологические находки позволяют по-новому, на новой основе осветить городскую жизнь и быт, по крайней мере, некоторые его аспекты. Здесь, следует затронуть прежде всего вопросы городского производства, впервые выявляющиеся на конкретном материале. Обилие керамического материала в Армави́ре, разнообразие и устойчивость ведущих форм и типологическая связь с керамикой предшествующих периодов, главным образом ураратского и ахеменидского, их отличия от привозных форм не оставляют сомнения, что уже на рубеже IV—III вв. до н. э. в Армави́ре могло быть налажено массовое производство керамики. В свете данных раскопок Армави́р выступает как один из первых центров производства керамики эллинистического времени в Армении.

То же можно сказать о древнем Арташате, поражающем своими богатыми коллекциями керамического материала. Здесь, по-видимому, было налажено производство такого специфического вида городской керамики, каким является кровельная черепица, а также глазурованной посуды и стекла.

Обилие металла прежде всего железных

и бронзовых предметов, а также изделия из драгоценных металлов позволяют рассматривать города древней Армении как центры металлопроизводства. Обнаружение мастерских по производству металлических изделий на первом холме цитадели Арташата, а также кузницы в Армави́ре, является лучшим доказательством тому.

В экономике древней Армении первостепенную роль играло сельское хозяйство. Об этом имеются важные сведения в письменных источниках, неоднократно обобщенные в работах, посвященных социально-экономическим проблемам Армении эллинистического времени. Обзор основных разделов материальной культуры показывает, что в последние годы стали накапливаться данные о самих сельскохозяйственных орудиях, позволяющие говорить более определенно о конкретных отраслях сельского хозяйства. Сейчас мы хорошо знаем, что для уборки урожая зерновых пользовались железными серпами, найденными, как мы уже видели, в Армави́ре. Обгоревшие зерна пшеницы были найдены в эллинистическом слое Армави́ра. Зернотерки засвидетельствованы во всех памятниках эллинистического времени. В Армави́ре, Арташате и Гарни найдено специальное орудие, связанное с завершающей стадией аграрного цикла выращивания и обработки зерен,—с выпечкой хлеба.

Земледелие Армении трудно представить себе без виноградарства, имеющего длительную историю развития на Армянском нагорье. Письменные и археологические данные свидетельствуют о небывалом развитии виноградарства в Урарту. Если серп—постоянный спутник земледельца, то нож виноградаря—неотъемлемая часть виноградарства. Такие характерные ножки засвидетельствованы в Армави́ре и Арташате. Они обрабатывались виноградные кусты и лозы, они служили при сборе урожая.

В последние годы были сделаны прекрасные находки, указывающие на развитость не только виноградарства, но и виноделия. Это винодельни, состоящие из тарапана (плиты для выжимания виноградного сока) и чана, найденные в Кахирашене, Двине и Армави́ре (табл. XI, 2—5) и имеющие прекрасные аналоги в винодельнях античного мира, главным образом Босфора. Скромные размеры лавильни, возможно даже переносный их характер, указывают на скромные масштабы производства, связанные с домашним виноделением.

Остатки цементованной площади

сравнительно большой давилыни были найдены в усадьбе эллинистического времени на окраинах Армавира. Производственная мощность этой давилыни может указать на товарный характер производимого здесь вина.

О развитии виноделия можно судить также по находкам карасов, часть из которых предназначалась если не для перевозки, то для хранения вина.

На явную связь с сельскохозяйственным работами указывают найденные при раскопках лопата, топор для вырубки кустарников, некоторые типы ножей.

До получения окончательных результатов анализа остеологического материала из эллинистических памятников Армении трудно говорить о роли скотоводства в сельском хозяйстве, но первые данные позволяют отнести ему немаловажную роль. Об этом свидетельствуют и фрагменты маслососок, найденные в Арташате.

Само собой разумеется, что пока еще ограниченный набор сельскохозяйственных орудий не позволяет в полной мере охарактеризовать уровень хозяйства в рассматриваемое время. По мере накопления новых находок бесспорно появится возможность для более конкретного и всестороннего подхода к этой проблеме.

Города древней Армении известны по письменным источникам как центры торговли и обмена. Находки привозных предметов в Армавире и Арташате, Гарни и Сиснане наглядно демонстрируют существование торговых связей Армении с близкими и дальними странами. Например, керамические находки указывают на связи с городами Западной Малой Азии, островами Эгеиды и даже с материком, Грецией, с Атикой. Привозные сосуды служили главным образом тарой: малые сосуды для перевозки благовоний и масел, большие для перевозки масел и вин. Малые сосуды представлены бальзамариями, вингентариями, амфорисками, пиксидами. Чернолаковый бальзамарий, найденный в Армавире (III—II вв. до н. э.), происходит как и другие сосуды из одного из городов Западной Малой Азии. Большие сосуды—это амфоры, клейменные и неклеяменные, ручки которых найдены в Арташате. По мнению М. Зардаряна удается доказать наличие в Арташате трех родосских амфор, представленных обломками клейменных ручек с именами эпонима, эргастериарха и названием месяца родосского календаря (конец II и начало I вв. до н. э.). Встречены также обломки

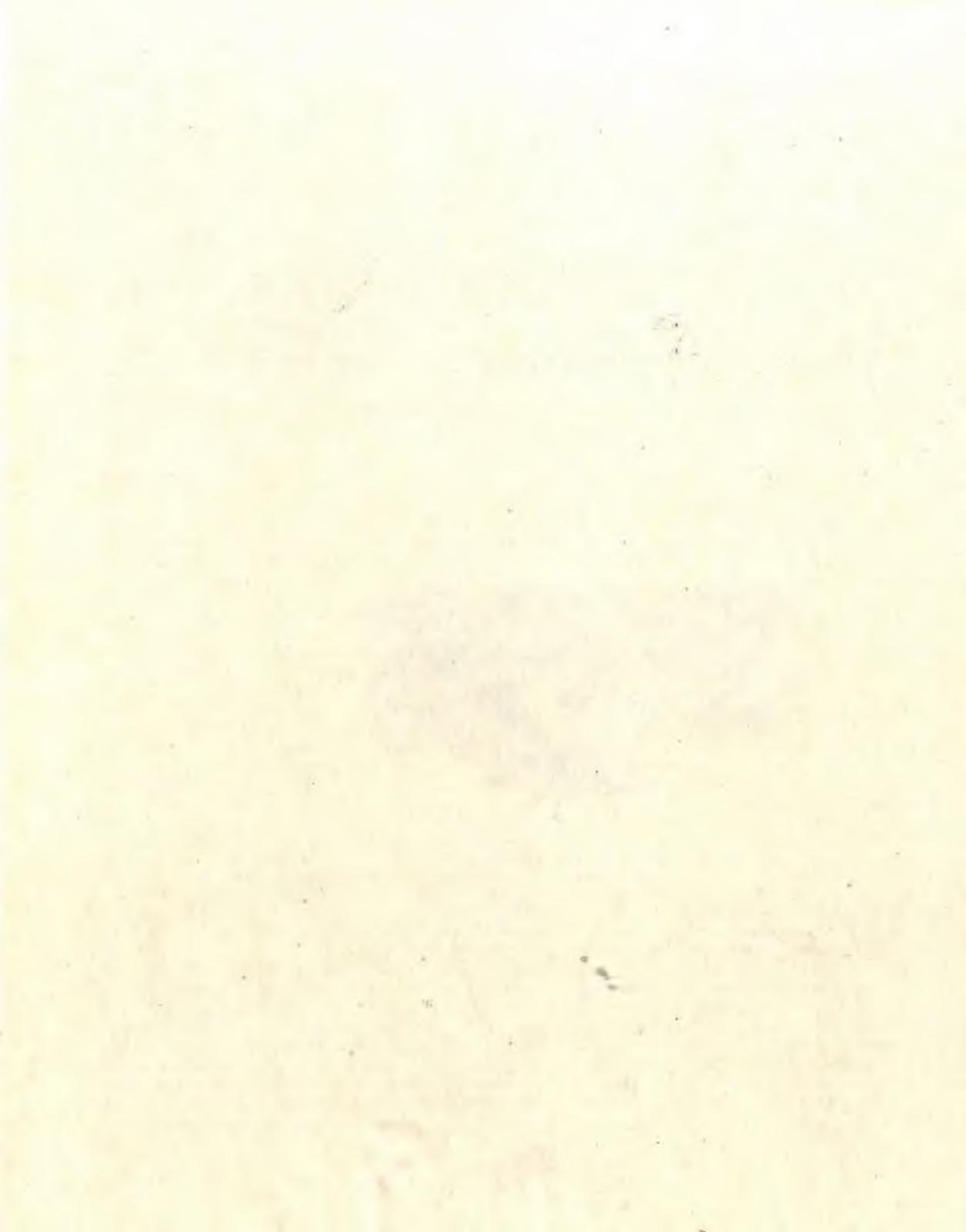
неклеяменной родосской амфоры (конец I в. до н. э.), фрагменты Коских неклеяменных амфор (I в. до н. э.) и Хиоской (?) амфоры того же времени. Очень важной представляется находка фрагмента чернолакового сосуда аттического происхождения в Западной Армении, в Аршамашате. Это первое материальное доказательство каких-либо контактов, быть может, торговых между Грецией и Арменией в эллинистическое время.

Как мы уже видели, связи восточного Средиземноморья с Арменией имеют длительную историю. В частности, известны предметы, привезенные уже в VII в. до н. э. с острова Родос или из самой Ионии. На существование родосской монеты IV—III вв. до н. э., найденной случайно в Армавире, указал нам Х. А. Мушегян. Она намекает на длительный период связей между Арменией и самой Эгеидой. Возможные пути проникновения указанных предметов в Армению в общих чертах удастся установить. Эллинистический Тарсус на кликийском побережье, южнопричерноморские колонии: Синоп, Амис, Трапезус—каналы этой торговли, не говоря уже о сухопутной дороге через внутренние районы Малой Азии. Если торговля с Малой Азией и Западом имела, как мы убедились, долгую историю, то более или менее прочные связи с Сирией устанавливаются именно в эллинистический период. Включение Сирии, а также стольного города Антиохии в состав армянского царства не могло не способствовать усилению торговых отношений Армении со странами, расположенными на восточном берегу Средиземноморья. Торговыми путями доставлялись в Армению сиропфинкийское стекло, предметы торевтики. Известно, наконец, что направление торговых путей шло из Армении и Закавказья на Северный Кавказ и в Приазовье. Страбон (XI, 5, 8), например, указывает на наличие караванной торговли индийскими и вавилонскими товарами, которые при посредничестве армян и мидян, с одной стороны, и персов, с другой, поступали в Боспорское царство и Приазовье. Первой археологической находкой (отсюда ее чрезвычайная важность), указывающей на связь Армении с Боспорским царством, является бронзовый перстень с изображением вероятно Артавазда II (54—34), армянского царя, найденный в Фанагории. Она удачно дополняется находками монет боспорских царей Рискунорида II (68—92 гг. н. э.) и Рискунорида VI (318—332 гг. н. э.), обнаруженных в Двине и Арташате.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

КУЛЬТУРА АРМЕНИИ I—III вв. Н.Э.

ГОРОДА, КРЕПОСТИ,
ПОСЕЛЕНИЯ

Арташат. В первом веке н. э. город Арташат вступил в новый период своего развития. Как видно из сведения историка II в. н. э. Плутарха, Арташат продолжал иметь славу крупного и богатого города, названного у него «Карфагеном Армении». Вместе с тем, как раз в этот период на долю города выпали многочисленные испытания, в ходе которых он сильно пострадал.

Как известно, город Арташат был основательно разрушен в 58—59 гг. Занявший его римский полководец К. Корбулон сжег город и сравнял его с землей. По словам историка К. Тацита, величина города и протяженность его крепостных стен не позволили римлянам держать в нем гарнизон и одновременно продолжать военные действия. При возвращении из Рима царь Тиридат, основатель аршакидской династии в Армении, на средства, отпущенные самим императором Нероном, занялся восстановлением разрушенных в ходе военных действий центров и прежде всего столицы Арташат, которая на время была переименована в честь императора в Неронею¹. Судя по данным гарнийской греческой надписи, согласно которой разрушенная крепость была восстановлена в 77 г. н. э. можно предположить, что Арташат был вновь застроен к этому же времени.

Появление римских войск в Арташате во время похода Траяна на Армению, не подлежит теперь сомнению, после обнаружения протрашанской надписи Траяна на окраине древнего города². Заняв город в 115 г., римляне по всей вероятности не причинили ему сколько-нибудь серьезного ущерба. Зато город постра-

дал во время очередной войны между Парфией и Римом в 60-х гг. II столетия н. э. Занятые в 163 г. Арташат римляне, по-видимому, его частично разрушили. Столица Армении была перенесена в Валааршанат—Каинеполис, город основанный в первой половине II в. н. э. Однако ни это мероприятие и ни провозглашение в тридцатых годах IV в. Двина новой столицей Армении, не умалили значения Арташата, продолжавшего оставаться одним из главных центров городской жизни древней Армении.

Событием, оказавшим роковое последствие на судьбу не только Арташата, но и остальных городов, явился поход сасанидского царя Шапура II, разрушившего города эллинистической Армении и угнавшего их население. Арташат больше не оправился от этого удара, и из большого города, бывшего около 600 лет столицей Армении, он постепенно превратился в поселение сельского типа.

Характерные для второго периода существования города превратности судьбы не могли остановить дальнейшего роста города, расцвета его экономической и культурной жизни. Об этом свидетельствуют как известные и раньше письменные источники, так и ставшие доступными в последние годы археологические материалы.

В Арташате при дворе армянских царей в III в. жил и работал греческий писатель, сириец по происхождению, Ямвлих, автор поэмы «Вавилониака».

Продолжал действовать монетный двор Арташата, где в I в. до н. э. чеканились монеты армянских арташесидов, а во II в. н. э. выпускались монеты от имени самого города³.

Как видно из данных подорожной карты римского времени, изображенной на фрагменте кожаного щита, который был найден

¹ Я. А. Манандян, О торговле и городах Армении, II изд., Ереван, 1954, с. 117.

² Б. Н. Аракелян, Латинские надписи из столицы Арташат, ИФЖ, 1967, № 4, с. 302—311 (на арм. яз.).

³ Б. Н. Аракелян, Древний Арташат, Ереван, 1975, с. 46, рис. 1 (на арм. яз.).

в городе Дура-Европос на Евфрате⁴, а также из эдиктов византийских императоров, город и в III в. н. э., продолжал играть важную роль в торговле Передней Азии. Он стал, как это было показано акад. Я. А. Манадианом, складочным местом транзитных товаров и пограничным пунктом торгового обмена. Здесь находились таможи для взимания пошлин⁵.

Картина города первых веков н. э. стала удачным образом дополняться результатами археологических раскопок. Показательны в этом плане данные, полученные при изучении холмов, входящих в состав цитадели города.

Сейчас уже можно считать доказанным, что жизнь на первом холме, давшем столь богатые представления о культуре города первых двух веков до н. э., прекратилась в середине I в. н. э., по всей вероятности в связи с походом К. Корбулона. Зато интересные данные сохранились на восьмом холме, частично на седьмом, а также на втором самом большом холме, на самой вершине которого сохранились остатки крепости позднеантичного—раннесредневекового времени, которую следует еще изучить⁶.

Строительные остатки первых веков н. э. на восьмом холме показывают, что застройка территории осуществлялась по единому плану. Внутренняя планировка крепости сходна с планировкой предшествующего периода, хотя наблюдается некоторое смещение общей ориентации⁷.

В основе плана крепости на восьмом холме лежат ряды помещений, отделенных друг от друга параллельными улицами. Первый ряд жилищ примыкает к крепостной стене.

Картина, раскрытая в ходе археологических раскопок, показывает, что строительные остатки рассматриваемого времени в соответствии с особенностями рельефа холма поставлены или на самых скальных выходах холма, на земле, или же в большинстве случаев на остатках стен помещений, относящихся к предшествующему периоду. Стены, вернее их нижняя сохранившаяся часть, сложены из

рваных камней, полы же выложены из камней и глиняного раствора.

Встречаются куски штукатурки, рельефных украшений из известкового раствора, черепицы. Найденные каменные базы свидетельствуют о существовании деревянных столбов, несущих перекрытие.

Среди различных сооружений, раскрытых на восьмом холме и датируемых первыми веками н. э., обращают на себя внимание тщательно построенные бассейны для хранения питьевой воды. Стены бассейнов, а также пол покрыты толстым слоем известкового раствора.

Большой интерес представляют раскопанные на восьмом холме остатки здания бани⁸. Они, к сожалению, не хорошо сохранились и поэтому об особенностях коммунальной техники Армении первых веков н. э. можно будет говорить на основе других важных памятников рассматриваемого времени,— главным образом бани из крепости Гарни и частично бани в цитадели города Валаршапата. Тем не менее, плановые особенности зданий, сохранившиеся отдельные их детали, дают некоторое представление о банях Арташата первых веков н. э. Баня состояла из трех отделений, одно из которых могло служить для подогрева воды. Остальные отделения имели подпольную систему отопления (гипокауст). На нижнем полу помещения были расставлены прямоугольные в сечении трубы, служившие опорой для второго, верхнего пола. Горячий воздух, дым, поступали из топки в пространство между двумя полами и отапливал здание бани. Имевшиеся в боковых стенках труб-опор отверстия служили для проникновения горячего воздуха в сами опоры, чем обеспечивался более интенсивный подогрев пола бани.

Сходные трубы-опоры найдены в банях из Гарни, Харакса, Хисарах⁹.

Стратиграфические, а также плановые особенности бани позволяют датировать ее III в. н. э.

Важным открытием следует считать открытые гончарной мастерской, служившей

⁴ Fr. Cumont, Fouilles de Doura-Europos (1922 1923), Paris, 1926, текст—с. 329—336, табл. СХ; К. В. Тревер, Очерки по истории культуры древней Армении, М.—Л., 1953, с. 228.

⁵ Я. А. Манадиан, ук. соч., с. 108.

⁶ Б. Н. Аракелян, Древний Арташат, с. 14.

⁷ Там же, рис. 6.

⁸ Там же, рис. 7; Ж. Д. Хачатрян, А. Г. Канеян. Стратиграфия VIII холма Арташата, ВОНАН, 1974, №9, с. 85—86, рис. 3, 4 (на арм. яз.). Б. Н. Аракелян, Заметки о водоснабжении и банях городов древней Армении. ВОНАН, 1979, №10, с. 84 и далее, фото 6, 7, рис. 4.

⁹ Г. А. Тиранян. К вопросу о градостроительной структуре и топографии древнего Валаршапата, ИФЖ, 1977, №2, с. 87.

для обжига керамических сосудов и водопроводных труб¹⁰. Мастерская была расположена в двух смежных помещениях. В одном из них была раскрыта ванна, сложенная из камней на глиняном растворе, покрытых известковой обмазкой, а рядом с ней раскопана прямоугольная яма с низкими стенками из камня, заполненная песком.

Во втором помещении находилась сама обжигательная печь, образующая неправильный круг. От задней стенки по направлению к двери печи шла опорная стена делившая печь как будто на две части. У двери в наружной части печи был раскрыт длинный топочный канал заканчивающийся небольшой ямой, заполненной пеплом, черепками и обломками черепиц. Печь построена из саманных кирпичей, топочный канал был устроен в земле с облицовкой боковых сторон из черепичных плит.

Печь состояла из двух частей: нижней, образующей топочное помещение, и верхней, представляющей собой обжигательную камеру. Топочная часть как правило имела сводачатое перекрытие, которое своими краями упиралось в стенки печи. Для укрепления перекрытия в топочной части была построена дополнительная подпирная стена.

Этими своими особенностями арташатская печь имеет прямые аналоги среди небольших римских печей, упомянутых В. Ф. Гайдукевичем¹¹.

Валаршпат. Установлено, что Валаршпат был основан в первой половине II в. н. э., армянским царем Валаршем (117—140) на месте древнего поселения Вадгесаван, засвидетельствованного еще в эпоху Еруандидов. Возникновению одного из последних городов Армении способствовали благоприятные для экономического развития страны условия, сложившиеся после походов Траяна на Восток¹². В 163 г., после взятия римлянами города Арташат и подавления восстания армян, Валаршпат, переименованный в Норкалак или Кайнеполле, был объявлен столицей Армении и продолжал оставаться ею вплоть до потери страной независимости (вместе с Арташатом, а затем Двином).

Археологические раскопки лишний раз подтвердили правильность данных письмен-

ных источников о локализации древнего города на месте современного Эчмиадзина.

Данные археологических работ и письменных источников позволяют следующим образом представить структуру города¹³.

Сейчас уже нет сомнения в том, что территория цитадели-крепости в общих чертах совпадает с территорией, занимаемой Эчмиадзинским монастырем. Известно, что Эчмиадзинский кафедральный собор был воздвигнут в самой цитадели, возле царского дворца. Это обстоятельство, замеченное давно, имеет первостепенное значение для правильного понимания местоположения города, которое подвергалось в начале 30-х годов обстоятельной проверке.

В этой связи (учитывая возможность совпадения территории Эчмиадзинского монастыря и древней цитадели), не исключено, что общая линия стен монастыря повторяет в плане крепостные стены цитадели, образующие, возможно, прямоугольник. Предположение это подтверждают также аналоги. Так, центр месопотамского города Хатра занимает прямоугольный, обширный дворцово-храмовый укрепленный комплекс¹⁴.

Неподалеку от кафедрального собора стоял царский дворец (Агафангел, 279, 384). Сейчас трудно сказать, в какой стороне от собора он находился. Только археологические раскопки дадут точный ответ на этот вопрос. Дворец мог быть расположен к западу или к юго-западу от собора. На этом пространстве легко могло уместиться не одно здание, даже дворцового типа. В конце XVIII столетия при строительных работах здесь были обнаружены остатки древнего здания в том числе вымостка из мелких, разноцветных камней (мозаика) и обработанные камни из мрамора¹⁵. Некоторые же данные, приводимые ниже, позволяют локализовать дворец в восточной части цитадели, где были открыты остатки античной бани. По аналогии с гарнизонной царской крепостью, рядом с баней можно предположить существование дворцового сооружения.

То, что по Агафангелу Валаршпатская цитадель или дворцовый комплекс имели внутренние улицы, указывает на наличие здесь и других зданий. Сейчас имеются основания говорить о существовании в античное

¹⁰ Ф. Тер-Мартirosов, Античные печи из раскопок Арташата, ВОНАН, 1975, № 7.

¹¹ В. Ф. Гайдукевич, Античные керамические обжигательные печи, М.—Л., 1934.

¹² Я. А. Манандян, ук. соч., с. 114—118.

¹³ Г. А. Тиранян, К вопросу о градостроительной структуре и топографии древнего Валаршпата.

¹⁴ Г. А. Кошеленко, Культура Парфии, М., 1966, с. 115.

¹⁵ Г. А. Тиранян, К вопросу . . . с. 83—84.

время на месте Кафедрального собора, вблизи дворца, языческого храма.

При реставрационных работах в соборе под его полом были найдены остатки дохристианских строений. В подалтарной части были обнаружены базальтовая стела, каменный блок с гнездами для металлических скреп, а также очаг-капище для поклонения огню¹⁶. В южной части храма, на сравнительно небольшой глубине под полом были замечены следы фундамента здания, ориентированного с востока на запад¹⁷. Стела, аналогичная стелам из Звартноца и Алтын-тепе, оказалась урартской, капище же относится к IV в. н. э. и связано с деятельностью нахарарозвероотступников, поддерживавшихся Сасанидским Ираном. Особый интерес естественно вызывает камень с углублениями. Он принадлежал какому-то монументальному зданию, стоявшему некогда на месте собора. По аналогии с гарнийскими камнями (от оборонительной стены и античного храма) с такими же гнездами, предназначенными для скоб, здание, от которого сохранился этот камень, должно датироваться первыми веками н. э.

Языческий храм в цитадели города Валаршапат постигла участь большинства языческих храмов древней Армении. По сообщению историка здесь, как и в ряде других мест древнего Валаршапата, где, по-видимому, также были языческие святилища после их разрушения, были воздвигнуты первые христианские часовни, а затем церкви (Агафангел, 279, 280, 294, 302, 311, 384).

Эчмиадзинский кафедральный собор вскоре после постройки приобрел большое значение в Армении. Думается, что здесь сыграла немалую роль традиция—важность стоявшего здесь и полностью разрушенного при принятии христианства языческого храма. Очень возможно, что этот храм был посвящен верховной богине древних армян Анаит-Артемиде. Об этом кажется свидетельствует сохранившееся у Мовсеса Хоренаци другое название Валаршапата, а именно—город Артимед (II, 65). Усмотрев в этом названии имя древнегреческой богини Артемиды, обычно отождествляемой на Востоке, и в частности в Армении, с Анаит, можно прийти к выводу, что город был известен еще под именем богини этого главного святилища—храма Анаит-Артемиды.

Со сходным явлением, думается, мы имеем

¹⁶ Там же, с. 84.

¹⁷ Устное сообщение руководителя реставрационных работ, архитектора А. А. Саняна.

ем дело в районе Ванского озера. Здесь, у юго-восточного берега озера, к югу от города Ван, имелся культовый центр Артамед. С. Т. Еремян, справедливо выводит название местности из имени той же Артемиды и считает поселение Арташисян—Артамед центром культа также богини Анаит, отождествляющейся с греческой Артемидой¹⁸.

Наряду с дворцом и храмом совершенно неожиданно появилась возможность вполне обоснованно говорить о наличии в цитадели и третьего здания—античной бани.

В 1931 г. Комитет по охране памятников в связи со строительными работами произвел перед западным фасадом современной Эчмиадзинской типографии небольшие по объему раскопки. В ходе этих работ в раскопе прямоугольной формы, ориентированном с востока на запад, были частично раскрыты остатки строения с трубовидными столбиками, стоящими на полу на равном расстоянии друг от друга. Работы, к сожалению, были прерваны, а раскрытое сооружение признано мастерской.

После ввода в научный оборот античной бани в Гарни¹⁹, директором Государственного исторического музея Армении К. Г. Кафадаряном были спознаны на негативах, запечатлевших результаты раскопок 1931 г., остатки античной бани²⁰.

Раскрытый участок сооружения позволяет говорить о двух помещениях, сообщавшихся между собой подпольными отопительными каналами, образованными низкими, продолжными стенами. По двум сторонам каналов видны ряды столбиков, по пять в каждом ряду (табл. XLVII, 2, 3). Насколько можно судить по фотографиям, сделанным с указанных негативов, стены здания (как самих помещений, так и подпольных проходов)

¹⁸ С. Т. Еремян, Армения по «Ашхарацуйцу» (Армянская география VIII в.), Ереван, 1963, с. 41 (на арм. яз.); *его же*, Завершение формирования армянского народа, История армянского народа, т. I, Ереван, 1971, с. 438, прим. 66 (на арм. яз.).

¹⁹ Б. Н. Аракелян, Гарни, II, Ереван, 1957, с. 23 и след.; Г. А. Тирацян, Памятник коммунальной техники древней Армении—баня в крепости Гарни. ИФЖ, 1959, № 2—3.

²⁰ Негативы хранятся в Государственном историческом музее Армении (№ 3298—3304), куда они поступили из Комитета по охране памятников. Наши попытки обнаружить в архиве Комитета какие-нибудь письменные следы о произведенных в начале 30-х годов раскопках на территории Эчмиадзинского монастыря не увенчались успехом.

сложены из прямоугольных или квадратных, сравнительно толстых обожженных кирпичей на растворе. Кирпичная кладка очень характерна для сооружений первых веков н. э., где она встречается вперемежку с каменной кладкой. Важно то обстоятельство, что эта особенность, как и другие, засвидетельствована в зданиях античных бань.

Пол был образован из утрамбованной земли и раствора. На нем, как уже сказано, были расположены столбики, вернее большие керамические реберчатые трубы, наполненные раствором для придания им большей устойчивости. Сохранились керамические плиты, служившие верхним полом.

План раскопанной части сооружения можно себе представить в виде двух продолговатых отапливаемых помещений, связанных между собой широким проходом. Повидимому, с западной или с восточной стороны, к одному из помещений примыкала тонкая бани, откуда горячий воздух и дым передавались в подпольное пространство бани, отапливая ее.

Величина города, его границы определяются приблизительно. Местоположение восточного участка городских стен определяется примерно на полпути или даже меньше от центра города (итадели) до возвышенности, где впоследствии был воздвигнут храм Ринсиме. Здесь засвидетельствованы восточные врата города.

О южной границе города сохранились некоторые данные у того же историка (Агафангела). Она определяется в районе храма Гаяне.

В связи с упомянутыми данными письменных источников об оборонительных сооружениях города, его воротах и т. д. правы те исследователи, которые указывают на особые условия Валаршаната как равнинного города.

«Надо полагать,—пишет В. М. Арутюнян,—что из всех античных городов Араратской равнины Вагаршанат был в наиболее невыгодных стратегических условиях, так как был лишен тех естественных преимуществ для обороны, какими, как мы видели, обладали Армавир, Ерунданат и Арташат. Следовательно, он целиком должен был полагаться на свои мощные фортификационные сооружения²¹. Последние, как мы говорили, состояли из стен, вала и рва. По аналогии с други-

ми городами, можно предположить, что стена (каменная) и вал (земляной) шли параллельно, а между ними находился ров²².

Для некоторых большей частью равнинных городов Двуречья, Ирана и Средней Азии парфянского и сасанидского времени характерны оборонительные сооружения, образующие полный или же имеющие округлые формы. Такими городами были Хатра, Ктесифон—в Двуречье, Фирузабад, Дарабгирд, Фраасна (Тахт-и-Сулейман, Шиз) в Иране, Мерв—в Средней Азии²³. Часть этих городов датируется более поздним временем, чем Валаршанат, поэтому они не могут служить прямой аналогией, а скорее свидетельствуют о живучести этой формы фортификационных сооружений. В этой связи кажется неубедительной точка зрения, согласно которой протипами указанных городов могли служить круглые в плане лагеря кочевников²⁴. Тем более это кажется маловероятным для городов Западного Ирана и Двуречья. Более правдоподобным нам кажется объяснение Э. Порады, выволившей этот тип от разбившихся в равнинных условиях ассирийских военных лагерей²⁵.

В равнинных местностях такая форма фортификационных сооружений облегчает оборону города, поэтому нет ничего невероятного в том, что античный Валаршанат мог иметь крепостные стены, планировка которых приближается к кругу²⁶, хотя ряд фактов как будто противоречит такому предположению. В этой связи большое значение должно иметь то обстоятельство, что вблизи Валаршаната в 40-х гг. VII в. было заложено основание круглого в плане поселения. Это поселение городского типа Звартноц, о существовании которого мы знали из письменных источников (Себеос «История», гл. 33;

иши, Архитектурное наследие, 19, М., 1972, с. 148—149.

²² Двойные циркулярные стены, см. в Дарабгирде, а два земляных циркулярных вала, разделенных рвом, см. в Фирузабаде, *L. Vanden-Berghe*, *Archeologie de l'Iran ancien* Leiden, 1959, с. 46—47.

²³ *R. Ghirshman*, *Persian Art, The Parthian and Sassanian dynasties*, N. Y., 1962, с. 34—35, рис. 46—47, 160; *Г. А. Кошленко*, *Культура Парфии*, М., 1966, с. 53, 115.

²⁴ *R. Ghirshman*, *ук. соч.*: *Г. А. Кошленко*, *ук. соч.*, с. 53—115.

²⁵ *E. Porada*, *Alt-Iran, Die Kunst in vordslantischer Zeit*, Bielefeld-Baden, 1962, с. 163.

²⁶ *Г. А. Тицацян*, *К вопросу о градостроительной структуре . . .* с. 90.

²¹ *В. М. Арутюнян*, *К вопросу о градостроительной культуре древней Армении*, Известия, 1956, № 10, с. 79. Сравни *О. Х. Халлахьян*, *Композиционные особенности планировки оборонительных сооружений Арме-*

Ноани Драсханакертци, «История Армении», стр. 88), а также благодаря археологическим работам. В ходе раскопок 1931 г. на расстоянии 0,5 км от развалин храма Звартноц были раскрыты части массивной стены (ширина 1,86 м), облицованной с обеих сторон хорошо обработанными туфовыми камнями. Стена, дослужившаяся в 50-х гг. С. А. Мнацаканяном, образует вписывающийся в круг многогранник с диаметром в 1 км; в юго-восточной части ее были выявлены ворота шириной в 4 м.

В самом центре поселения был расположен храмово-дворцовый комплекс, обведенный, в свою очередь, многогранной в плане стеной. Вокруг него, вплоть до наружной, оборонительной стены поселения, обнаружены следы построек и каналов. По свидетельству тех же историков, здесь после подачи воды были разведены фруктовые сады и виноградники²⁷. Несомненно, что если древний Валаршапат действительно имел округлые очертания, это должно было непосредственным образом повлиять на планировку возникшего по соседству в тех же равнинных условиях поселения Звартноц. Планировка же последнего со своей стороны, кажется, ретроспективно указывает на возможность сходной планировки более раннего города-соседа. Если предположение о конфигурации Валаршапатских оборонительных стен подтвердится, то тождество с планировкой памятников, расположенных к юго-востоку от Армении, можно будет объяснять сходством природных условий, определивших функциональную общность.

Загородье. Данные письменных источников и результаты археологических работ позволяют говорить о загородном храме, некрополе и о производственных пунктах, расположенных вне города. За городской стеной, на севере, по свидетельству Агафангела, простирались виноградники. Более чем вероятно, что образующие пригородную обрабатываемую территорию сады (*րիզի արկիզիտ*) входили в характерный окружающий эллинистические города земледельческий пояс²⁸. Таковую зону упоминают историки, говоря о древнеармянских городах Арташат, Ерундашат и о ряде крепостей того же времени. Окружавшая город земледельческая территория со-

стояла из деревень и частновладельческих имений—агаракон и дастакертон, принадлежавших частично городской общине, частично богатым горожанам²⁹. Поселения такого рода засвидетельствованы также на территории земледельческой округи древнего Валаршапата. Они обнимали город-поселения на Мохраблуре и около Тухута с юга, поселение около Цахкунка (Маштоцн-блур) с запада, поселение на территории IV совхоза с юго-востока. Сборы С. Сардаряна и Р. Торосяна, а также раскопки Г. Арешяна недвусмысленно указывают на античное время их существования. В связи с виноградниками Валаршапата Агафангел сообщает данные, проливающие некоторый свет на экономическую жизнь города. Речь идет о виноградных давильных, в которых обрабатывался виноград и хранилось вино, а также о стеклодельной мастерской (Агафангел, 150, 166, 192, 201—280, 302, 311).

Можно полагать, что к востоку от города, на возвышенности, у самой магистральной дороги,—там, где сейчас стоит церковь Рипсиме, по-видимому, стояло здание античного храма. На это указывают открытые под плитами церкви, хорошо обработанные фрагменты здания из туфа, обнаруживающие поразительное сходство с аналогичными камнями гарнийского храма, и по своим размерам и пропорциям близких к ним³⁰ (табл. XLVII, 1). Хорошо виднеющиеся пояса в виде жгута, а также ряды бус и овал, точно повторяют орнаменты гарнийского языческого храма³¹.

Вероятно, на месте церкви Рипсиме в античное время стоял языческий храм, похожий на храм в Гарни. Известно, что последний был посвящен богу солнца—Митре. Не исключено, что Валаршапатский загородный храм, как и последний, был посвящен богу солнца—Михру (Митре), Аполлону. На это как будто указывают и другие обстоятельства. То, что храм стоит за городскими стенами около магистральной дороги, наводит на мысль, что мы здесь имеем сходные

²⁹ Г. Х. Саркисян, Социально-экономический строй Армении в эпоху эллинизма, с. 660. (на арм. яз.).

³⁰ А. Саинян, Армянская архитектура в эпоху рабовладения, Очерки истории армянской архитектуры, Ереван, 1964, с. 51, рис. 16; *его же*, Архитектура (Армянская культура в эллинистическую эпоху), История армянского народа, т. I, с. 851. (на арм. яз.), А. Sahintian, Les voûtes de la cathédrale d'Echmiadzin, Revue des études Arméniennes, t. III, p. 69—70.

³¹ К. В. Тревер, Ук. соч., с. 37 и след.

²⁷ А. Калантар, Раскопки древнего Валаршапата. Ереван, 1935 (на арм. яз.).

²⁸ С. Т. Еремян, Армения в системе римско-парфянского противоборства, История армянского народа, т. I, Ереван, 1971, с. 779 (на арм. яз.).

с городом Арташатам явления. В Арташате храм Солнца-Аполлона был расположен также вне города, у главной дороги (М. Хоренаци, «История Армении», II, 39—49). Эта параллель станет более убедительной, если учесть, что в Арташате, как и в Валаршапате (об этом мы говорили выше), имелся храм Анаиты-Артемиды (М. Хоренаци, История Армении, II, 49; Агафангел, История Армении 321—324).

Наличие храмов, посвященных тем же двум божествам в Валаршапате и в Арташате не случайно.

Надо полагать, что в новооснованном Валаршапате, ставшем вскоре столицей, были повторены или переняты явления, характерные для древнего Арташата. По примеру древней столицы, в Валаршапате во II—III вв. н. э.³² армянские Аршакиды воздвигли храмы Солнца (Аполлона, Митра) и Луны (Анаит, Артемиды), притом сходство было доведено до такой степени, что один храм стоял внутри города, а другой за городом, на дороге. Наличие храма Солнца и Луны в Валаршапате оправдано еще с точки зрения развития культа династических богов древней Армении. Можно с уверенностью сказать, что все три основные династии древней Армении считали своими богами-покровителями Солнце и Луну. Именно их почитали Еруандиды в Армавире и Багаране, Арташесиды и Аршакиды в Арташате. При основании новой Аршакидской столицы в нее был перенесен культ тех же двух божеств, которым поклонялись предшествующие династии в предшествующих столицах.

Археологическими раскопками документально установлено, что некрополь древнего Валаршапата находился к востоку от его городских стен. Некрополь распространялся от района вокруг храма Рипсиме (территория винного завода и так называемого Скотного могильника) на восток. Он шел довольно широкой полосой вдоль современной дороги, ведущей в Ереван, от второго моста через Эчмиадзинский оросительный канал—примерно до половины пути между храмом Рипсиме и Звартноцем. Здесь была найдена

³² Очень важно, с одной стороны, что фрагменты античных зданий, найденные под полами Эчмиадзинского кафедрального собора и храмом Рипсиме, датируются примерно одним и тем же временем (аналогия с Гарни позволяют отнести их к первым векам н. э.), а с другой стороны, что эта датировка полностью совпадает с данными письменных источников, относящих основание Валаршапата ко II в. н. э.

надгробная плита с греческой надписью военного трибуна Элия Валента, являющаяся пока самой восточной точкой некрополя.

Двин широко известен как город средневековой Армении. Археологические раскопки выявили однако его многослойный характер, указывающий на продолжительность жизни здесь от III тысячелетия до конца XIII в. н. э.³³

Уже в первые годы раскопок стали поступать некоторые материалы античного времени (главным образом II—I вв. до н. э.). Это кубинские погребения раскрытые недалеко от цитадели на территории так называемого центрального квартала³⁴. Предпринятые в последние годы работы по целенаправленному изучению культуры античного времени Двина позволяют сделать первые выводы.

Специальному изучению были подвергнуты керамика, главным образом расписная, из Двина, каменный солен, найденный здесь же, каменный алтарь с митранстическими знаками, гончарные круги и базальтовая плита для выжимания виноградного сока³⁵. Эти материалы датируются II—I вв. до н. э. (большая часть керамики, тарапан) и I—II вв. н. э. (солен, алтарь). Эти материалы, а также стратиграфические наблюдения позволяют говорить о существовании в Двине уже в эллинистическое время античного поселения с крепостью на холме и некрополем рядом. Анализ находок античного времени на холме, показывает, что они распределяются на довольно широкой территории холма, над словом позднебронзового и раннежелезного времени, под средневековым слоем.

Такая же картина раскрывается у подножья холма цитадели, в так называемом центральном квартале. Здесь, на территории,

³³ К. Г. Кафабарян, Город Двин и его раскопки, Ереван, 1952 (на арм. яз.); К. Х. Кушарева, Древнейшие памятники Двина, Ереван, 1977.

³⁴ К. Г. Кафабарян, Ук. соч., с. 82, рис. 57, 58; А. А. Калантарян, Материальная культура Двина IV—VIII вв. Археологические памятники Армении, вып. V, Ереван, 1970.

³⁵ Г. Г. Коцарян, Керамика Двина эллинистической эпохи, ВОНАН, 1974, № 5 (на арм. яз.); *еже же*, Каменный солен из Двина, ВОНАН, 1974, № 11 (на арм. яз.); *еже же*, Жертвенник античной эпохи, из Двина, ИФЖ, 1977, № 2 (на арм. яз.); *еже же*, Тарапан производственного значения, обнаруженный в Двине, ВОНАН, 1978, № 2 (на арм. яз.); *еже же*, Гончарные круги античной эпохи из Двина, ВОНАН, 1980, № 9 (на арм. яз.)

простирающейся от здания кафедрального собора к одионейной церкви местами был раскрыт античный слой, условия залегания которого идентичны вышеупомянутому слою на холме. Возникновение эллинистического Двина безусловно связано с основанием новой столицы—Арташат и царской крепости Гарни, служившей летней резиденцией и убежищем для армянских царей. На дороге, ведущей из Арташата в Гарни, возникли крепости-поселения Двин и Тикнуни, контролирующие подступы к горному участку этой дороги. Находки в Двине керамики эллинистического времени культового назначения позволяют говорить о наличии здесь святилища в это же время.

В середине I в. н. э. Двин, по-видимому, постигла участь Арташата, Гарни и других крепостей, входящих в оборонительную систему столицы. Следы пожара, зафиксированные под средневековым слоем, позволяют предположить, что Двин также был предан огню³⁶. Находки, правда пока единичные, но точно датированные первыми веками н. э. (керамика, стекло, солен, алтарь), позволяют говорить о продолжении жизни в Двине и в упомянутое время. Восстановительные работы, развернувшиеся в Арташате и Гарни, могли непосредственно не коснуться Двинского поселения, но ясно, что Двин был снова втянут в общий ритм жизни аршакидской столицы. Путем сличения данных античных авторов о самых ранних святилищах иранских Аршакидов в восточных областях Парфянской державы, с данными Армянской географии VII в. н. э., С. Т. Еремян пришел к любопытному выводу о существовании в Двине в первые века н. э. святилища, основанного Тиридатом I в честь своих аршакидских предков³⁷.

Известно, в этой связи, что еще Г. Тораманяном было высказано предположение о существовании на месте Двинского кафедрального собора языческого храма. Находка базальтовой плиты для перекрытия крыши, в античном происхождении которой из-за тождественности с такими же плитами-соленами гарнийского языческого храма не приходится сомневаться, как будто подкрепляет это предположение.

Изданный же недавно алтарь из Двина связывается со своей стороны с митрансти-

ческим окружением того же Тиридата, основателя святилища в Двине. Данные о материальной культуре Двина античного времени не ограничиваются выводами о культовом характере поселения. Они позволяют говорить о производственной жизни Двина, о гончарном деле, виноградарстве. Хотя наблюдается зависимость отдельных отраслей материальной культуры, например, керамики, от вкусов столицы, ряд отличий позволяет говорить, что в Двине было налажено свое производство керамической псеуды.

Ацаван. Древняя крепость находится у дороги, ведущей из Еревана в Гарни. Она расположена к северу от самого села Ацаван на возвышенности, окруженной оврагами и только одной стороной примыкает к плоскогорью.

Предпринятые здесь в 60-е гг. раскопки, отдельным отрядом гарнийской археологической экспедиции, выявили остатки крепостной стены и жилых зданий³⁸ (рис. 40).

Крепостная стена огибала возвышенность с четырех сторон. Северная, наиболее уязвимая часть крепости была защищена тремя полукруглыми башнями (две угловые, одна в середине) (рис. 41). Остальные участки стены были усилены прямоугольными в плане контрфорсами, особенно частыми на восточной и южной стороне.

Вход крепости был выявлен в его юго-западном углу. Посетитель крепости попадал сперва в выдвинутое за линии южных стен башневидное строение и оттуда только входил в саму крепость. Крепостная стена была построена из необработанных камней средней величины, более или менее гладкая сторона которых обращена наружу. Камни уложены на глиняном растворе. Ширина стен в северной части крепости достигает 3,75 м.

В ходе раскопок была раскрыта главным образом северная часть крепости. Первые наблюдения показали, что жилища примыкают, по-видимому, по всему периметру к крепостной стене, как-то сообразуясь с ней. Не исключена поэтому возможность, что жилища могли быть построены сразу по единому плану одновременно с крепостной стеной.

Стены помещений внутри крепости выложены из тех же необработанных камней

³⁸ Г. А. Тирацян, Раскопки крепости Ацаван в 1961 г., ИАНОН, 1962, № 11 (на арм. яз.); *его же*. Раскопки Ацавана в 1962 г., ИАНОН, 1963, № 12 (на арм. яз.); *его же*, Результаты раскопок Ацавана в 1963 и 1965 гг., ИФЖ, 1968, № 1 (на арм. яз.).

³⁶ Л. А. Калантарян, *ук. соч.*, с. 38, прим.

³⁷ С. Т. Еремян, Армения в сфере римско-парфянских противоречий, История армянского народа, т. I, Ереван, 1977, с. 761 (на арм. яз.).

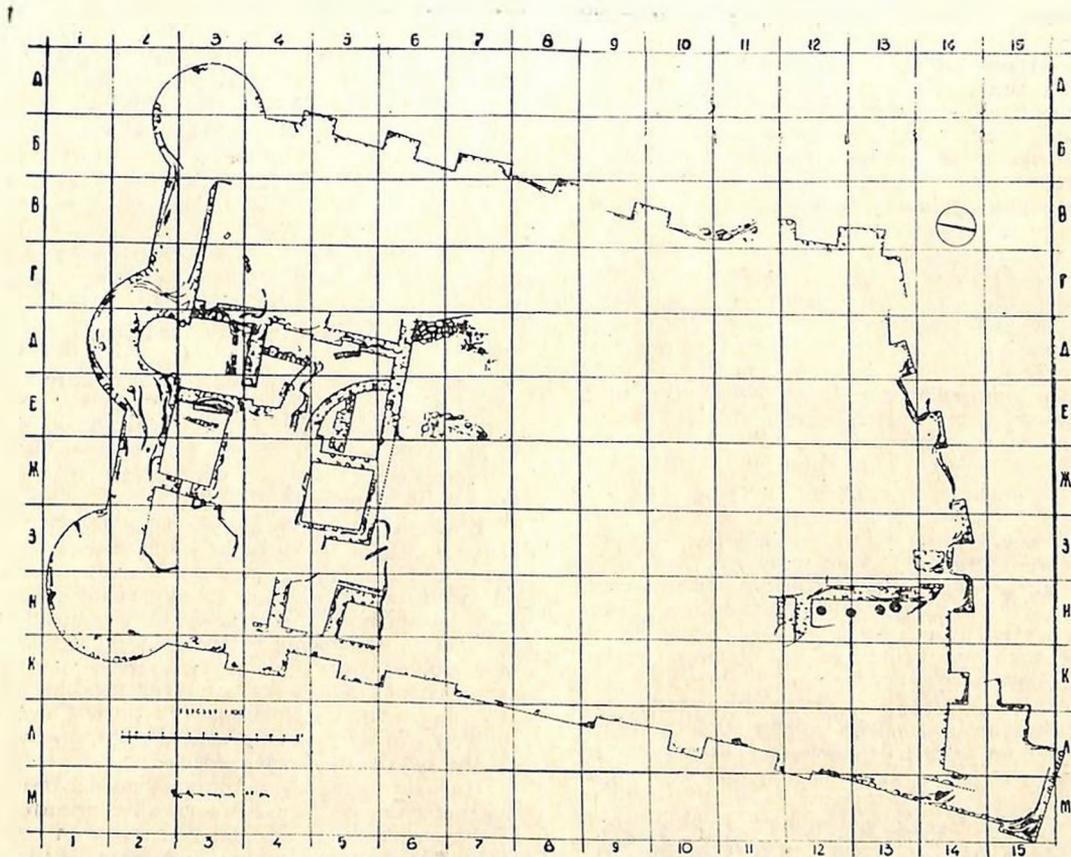

Рис. 40. План крепости Ацаван

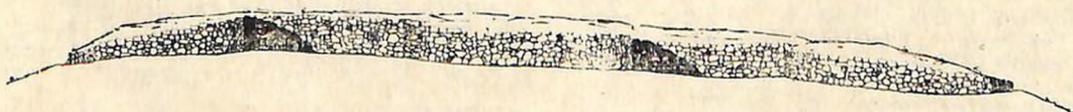

Рис. 41. Северная стена крепости Ацаван

прямыми рядами. В двух случаях обнаружены стены с кладкой в виде слочки.

Стены жилищ зданий изнутри замазывались известью и отделявались гипсовыми, лепными, рельефными поясами.

Местами сохранились остатки пола из утрамбованной глины, уложенной прямо на материк. Каменные простые базы, остатки деревянных балок, указывают на то, что перекрытие комнат подбиралось деревянными столбами.

Раскрытый в ходе раскопок археологический материал дает некоторое представление о быте жителей.

Карасы характерного типа, горшки, кувшины, чаши находили широкое непосредственное применение в хозяйстве. Особое место занимает в керамике Ацавана расписная посуда, многочисленные обломки которых найдены на месте. В ограниченном количестве использовалась каменная посуда, как это видно на примере обломков ваз из порфири-та и конгломерата. Найдено довольно много обломков стеклянной посуды, особенно такой, стенки которой украшены шлифованными узорами. Встречаются металлические предметы, жернова и другой материал, проливающий некоторый свет на повседневную жизнь.

Изучение крепости, ее строительных остатков, анализ археологического материала показывает, что крепость существовала долгое время. Сейчас возможно выделить два основных слоя: античный и раннесредневековый.

Еще до начала раскопок у подножья крепости была найдена медная монета Тиграна I (95—55 гг. до н. э.). Ряд других данных, как-то: броская на вид расписная керамика, каменная посуда и т. д. позволяют говорить о существовании крепости во II—I вв. до н. э.

Плановые особенности крепости напоминают сходные памятники Передней Азии, Двуречья и Сирии парфянского и сасанидского времени. Большое сходство выявляет крепость Ацаван с крепостью парфянского, а по некоторым новым данным даже сасанидского времени, раскрытой в верхних слоях нумерского города Кши³⁹ (рис. 42). Северо-западный фасад крепости оформлен тремя полукруглыми башнями, а остальные стороны снабжены прямоугольными контрфорсами, чем выявляет плановые особенности Ацаван-

ской крепости. Вместе с тем последняя имеет сходные черты с более древними памятниками, каким например, является крепость IV в. до н. э. из Хорезма⁴⁰. Следует также учесть, что полукруглые башни и прямоугольные

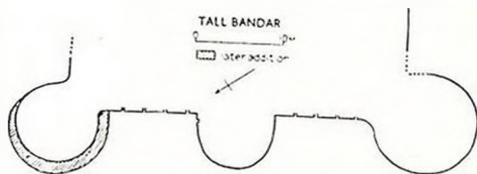

Рис. 42 План крепости Тел-Бандар

контрфорсы зафиксированы в Арташате на крепости, расположенной на первом холме и датированной II—I вв. до н. э., что особенно важно, если учесть существующую связь между столицей и находившимися вблизи крепостями и поселениями.

Вопреки высказанному мною в отчетах раскопок Ацавана мнению, на сравнительно древнюю дату крепости указывают и плановые особенности входа, засвидетельствованные в древнейших циклопических и урартских крепостях Армянского Нагорья. Изучение строительных остатков внутри крепости позволяет говорить о двух строительных периодах, совпадающих возможно с двумя культурными слоями, раскрытыми в крепости: античным и раннесредневековым.

Древней крепости Ацаван, поселение и могильник которой находились на территории современного села, чем затрудняется их изучение, была отведена роль форпоста Гарни, а в более широком смысле она входила в оборонительную систему столицы Арташат, окруженной целой сетью крепостей. Через Ацаван шла древняя дорога, ведущая из Ереванской равнины в Гарни. Недалеко от Ацавана шла другая дорога, ведущая из Арташата, через Двин, Тикиуни в Гарни.

Расположенный в крепости Ацаван гарнизон естественно мог и должен был контролировать эти дороги.

Крепость Гарни была построена на высоком мысу, в юго-западной части селения. Мыс образует треугольник площадью в 3 га, основание которого обращено к северу, к окраине селения. Стороны мыса граничат с глу-

³⁹ Excavations at Kish and Barchubiat, 1933, S. Langdon, Sasanian and Parthian remains in central Mesopotamia, Iraq, VI, 2, 1934, p. 5.

⁴⁰ Б. Н. Аракелян, Гарни, II, с. 83, прим. 1; См. С. П. Толстов, Древний Хорезм, опыт историко-археологического исследования, М., 1948, с. 111, 113—114.

боким до 130 м живописным ущельем реки Азат. Поэтому крепость доступна в основном с севера, а также с северной половины восточной стороны, где ущелье имеет более отлогие склоны (табл. XLI, 1).

В отмеченных доступных участках крепости были возведены оборонительные стены, общей длиной в 314 м, с 14 башнями и одним входом. Северный участок стены тянется от обрыва восточного ущелья и кончается у западного угла мыса над ущельем реки Азат. Длина северной стены 170 м. На этом участке имеются 10 башен, отстоящие друг от друга на расстоянии 10—12 м. Восточный участок имел 144 м длины и насчитывал 4 башни (табл. XLI, 2, 3).

Вход в гарнийскую крепость был с севера: он находился в восточном конце северной стены. Ширина его равнялась 2,16 м и защищалась двумя башнями. Ворота открывались во внутрь крепости, как это видно по специально сделанному выемку на камнях пятой, для осей двустворчатых ворот. Удалось восстановить способ запирания ворот⁴¹.

План крепостной стены показывает, как умело учитывались военно-оборонительные цели. Стена образовала ломаную линию и была разделена на отдельные участки обороны⁴² (рис. 43).

Стены, как и башни, выложены из громадных базальтовых глыб с очень большим весом (до 4—5 тонн). В кладке они поставлены не вертикально, а плашмя. Они тесно пригнаны друг к другу и скреплены железными скобами, загнутые концы которых входят в специально для того сделанные в камнях гнезда и залиты свинцом. Толщину стены (2,07 м) образуют два ряда камней. Башни прямоугольной почти квадратной формы (6,30×6 м) занимают площадь в 40 кв. м. Они выступают снаружи от стены на 2,35—3 м, а с внутренней стороны на 0,85 до 2,33 м. Башни были сплошными и отличались необычайной массивностью. Что касается высоты стен, то верхние ее части не дошли до нас. Самые высокие зафиксированные точки (до 8 м) находятся у восточной стены, где сохранилось 8—14 рядов кладки.

Особенного внимания заслуживает строительная техника. Камни стен и башен—все из твердого базальта, одинаково хорошо отесаны. Применение техники рустовки, а также железных скреп сближает это сооружение с подобными памятниками древней Армении,

где были обнаружены стены с близкой между собой фактурой обработки стен (техника рустовки), идущей впрочем с урартского времени⁴³ и являющейся характерной для древней Армении, особенно первых веков до н. э. и первых веков н. э. Родство с гарнийской крепостной стеной предоставляет возможность найти общее место последней в среде подобных сооружений древней Армении. Бо-

Рис. 43. План крепости Гарни

лее точные данные насчет датировки дают первоисточники и надпись царя Тиридата из Гарни, а также археологические наблюдения.

Сообщение Тацита («Анналы», кн. XII, гл. 44—48) о существовании в 51 г. н. э. крепостной стены в Гарни имеет немаловажное значение. Оно перекликается с данными армянской исторической традиции, сохранившейся в «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци о сравнительно глубокой древности гарнийской крепости (кн. II, гл. 90). Имеются

⁴³ Г. А. Тирация, Новые археологические материалы послеурартского времени на территории Западной Армении (Турция) и их место в истории древнеармянской культуры, Древний Восток, 2, Ереван, 1976, с. 149 и след.

⁴¹ Б. Н. Аракелян, Гарни, I, с. 27.

⁴² Там же, с. 31.

основания утверждать, что во время похода Корбулона крепость Гарни, как и Арташат, сильно пострадала⁴⁴. Однако после заключения мира с Римом и воцарения Тиридата I, создались все условия для восстановительных работ в Арташате и Гарни. Об этих работах сообщает нам греческая надпись из Гарни. Она высечена на базальтовой плите, безусловно принадлежащей крепостной стене⁴⁵. Надпись состоит из восьми строк. Справа край плиты сбит во всю толщину ее, вследствие чего утрачены окончания строк. Надпись начинается именем и титулатурой царя Тиридата⁴⁶. Затем следует сообщение о том, что крепость была построена в 11 г. его царствования⁴⁷ и что некий Меней в качестве литурга выкупил стоимость участка возводившейся стены⁴⁸.

Палеографические особенности надписи⁴⁹, а также исторические соображения⁵⁰ позволяют отнести надпись ко временам царствования Тиридата, точнее к 77 году н. э.

Основная часть крепости принадлежит к этому времени. Но на восточном и северном участках стены сохранились остатки более древних стен. Они отличаются лучшей, и более тщательной обработкой, несмотря на общее сходство. Наконец, обнаружение двух слоев строительного щебня у стен на разных уровнях (на глубине 0,40—0,60 м друг от друга) тоже говорит в пользу этого⁵¹.

Гарнийский античный храм⁵², является периптером ионического ордера, который стоит на высоком стилобате (около 2 м) (табл. XLIV). Общие размеры его 13×18 м. Ориентирован с севера на юг, с дверью в северной стене. К двери ведет лестница из девяти ступеней. Храм имел 24 колонны, гладких без каннелюр, по шести в передней и задней сторонах и по восьми в продольных. Стены храма выложены из больших базальтовых, прекрасно отесанных плит, без применения раствора. Они прикреплены к полу вертикальными шипами, а между собой железными скобами. На них, как на камнях цоколя, име-

лись метки мастеров в виде греческих букв. Целая небольшая (5×3), и ее продольные стены выступают вперед в виде антов и образуют пронаос.

Стволы колонн состояли из нескольких барабанов, имели высоту 5,8 м и диаметр от 65—70,8 м.

Капитель, ионического ордера, украшена сильно рельефными иониками и стрелками и пышными валистами. Угловые капители выделяются от остальных большими размерами и несколько иной трактовкой. Колонны стояли на базах, состоящих из квадратной плиты, вала, сконыя и второго вала. Архитрав состоял из плит (длинной 2,10×2,15, высотой около 0,6 м) с профилированными боковыми сторонами. Наружная сторона, кроме того, украшена бусами, жгутом и карнизамы с каблучком. Украшена также и нижняя поверхность плиты (табл. XLV).

Фриз образован плитами разной длины (от 0,6—1,75, высота 0,43 м), имел изогнутый профиль и был украшен непрерывно выходящей веткой, образующей спиральные завитки с аканфовыми листьями. Верх плиты профилирован палочкой и валиком с иониками. Карниз состоял из плит длиной около 1,40 м, высотой 0,60 м, шириной около 1 м. По верху плиты идет широкая полоса с пальметками и львиными головами, имеющими только декоративное значение, так как они без сточных отверстий. Замыкает снизу эту полосу узкий пояс из чередующихся «жемчугов». Ниже идет неукрашенная сравнительно неширокая вставка, затем каблучок с киматнем, и наконец ряд сухариков или зубцов (табл. XLVI). Пилонь по сторонам лестницы украшены рельефами с изображением нагой мужской фигуры типа атланта, опустившейся на одно колено и поддерживающей обемни поднятыми руками какую-то тяжесть.

Дверь (5,70 высота, 2,10 ширина), имела профилированный и украшенный наличник. Портик был перекрыт по длинным сторонам большими базальтовыми плитами, украшенными четырехугольными кессонами, растительным орнаментом.

Перекрытие наоса храма было сводчатым, как выяснил А. А. Саиняц⁵³.

Над ней имелась двускатная каменная кровля. Фронтоны имели гладкие тимпаны, украшались акротериями и отличаются своей высотой.

⁴⁴ К. В. Тревер, Очерки по истории культуры древней Армении, М.-Л., 1953, с. 204.

⁴⁵ Там же, с. 176.

⁴⁶ Там же, с. 187.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же, с. 196—197.

⁵⁰ Там же, с. 195 и след.

⁵¹ Б. Н. Аракелян, Гарни, I, с. 35—36.

⁵² См. подробное описание К. В. Тревер, ук. соч., с. 43—51.

⁵³ А. А. Саиняц, Каменный свод античной эпохи в Гарни, ИФЖ, 1976, № 1 (на арм. яз.).

Наиболее близкими к гарнийскому храму памятниками являются храмы из южной Малой Азии, Сагаласс и Термес, изданные Ланкоронским⁵⁴. К. В. Тревер убедительно было показано, что как с точки зрения архитектурной композиции, плановых и объемно-пространственных особенностей размеров и пропорции, так и с точки зрения декоративности, убранства, существуют многие точки соприкосновения между упомянутыми памятниками и гарнийским храмом⁵⁵. Особенно заслуживает внимания сопоставление фриза гарнийского храма с фризом одного из Сагаласских памятников⁵⁶.

Важнейший вывод о культурной близости между странами Малой Азии и Арменией, на основе вышеупомянутых сопоставлений, представляет большой интерес для исследования эллинистической культуры Армении.

Что касается датировки храма, то многие из исследователей, среди них и изучающие монографически этот памятник, останавливаются на I в., как на вероятном времени его сооружения⁵⁷.

Предложенная вышеупомянутыми исследователями датировка основывается на сопоставлении исторического, культурного и художественно-стилистического порядка. Известно, что из Рима Тиридат вернулся с мастерами и большой суммой денег для восстановления Арташата. В этой связи, очевидно, начались строительные работы и в Гарни, как об этом свидетельствует надпись на крепостной стене. Очень возможно, что в это время Тиридат I воздвигнул храм в крепости. Далее, Тиридат I, как явствует из описаний его путешествия в Рим, был жрецом, который своим верховным богом считал Митру-Михра⁵⁸. Об этом говорит, может быть и надпись из Гарни, где наряду с именем Тиридата упоминается солнце, символ бога Михра.

С другой стороны, тщательный анализ храма делает очень вероятным заключение

о том, что храм мог бы быть посвящен Михру. Атланты на передних пилонах храма, в которых усматриваются персонажи из круга митрантистического культа, крутой высокий фронтон, перекликающийся с фронтонами родственными по стилю, посвященные богу солнца, храмам Малой Азии, делают возможным такое предположение⁵⁹.

При исследовании этого храма, построенного явно в так называемом эллинистическо-римском стиле, неоднократно делались попытки обнаружить и выявить отклонения художественных, архитектурных строительных принципов от общих норм вышеуказанного стиля, связав эти отклонения с местными традициями⁶⁰. Особенно заслуживают внимания установленные архитектором К. К. Романовым своеобразные моменты в архитектурно-декоративных формах храма⁶¹.

Учитывая наличие довольно развитого строительного искусства в древней Армении, не исключена, конечно, возможность участия местных мастеров в создании этого памятника. Но определить точно их долю в этом деле—трудная задача, ввиду отсутствия подобных одновременных сооружений на территории Армении. Во всяком случае ясно, что меньше всего это участие ощущается в планово-композиционных формах храма. В декоративности же как будто имелось больше возможности участия, но и тут было бы неправильно отнести все отклонения от общих норм к этническим особенностям строителей.

На плане крепости Гарни, изданной швейцарским путешественником Дюбуа де Монпёре, побывавшем в 1833 году в Армении, рядом с античным храмом, несколько западнее, помещен дворец⁶². По словам путешественника, на расстоянии нескольких шагов от храма, в его время были видны развалины постройки, которые он приписывал дворцу, построенному царем Тиридатом в честь своей сестры. Архитектура этой постройки, продолжает он, намного проще хра-

⁵⁴ К. В. Тревер, Ук. соч., с. 59 и след.

⁵⁵ *Ch. Lanckoronski, C. Niemann, E. Petersen. Les villes de la Pamphylie et de la Pisidie, Paris, 1903, t. II, с. 157—158, рис. 123, табл. XXV.*

⁵⁶ К. В. Тревер, ук. соч., с. 51 и след.

⁵⁷ Там же, рис. 10, 11, с. 54—55.

⁵⁸ *Т. Тораманян, Материалы по истории армянской архитектуры, т. I, с. 167 и 174; Н. Г. Буниатян, Языческий храм при дворце Трдата в крепости Гарни, Ереван, 1933; Н. М. Токарский, Архитектура древней Армении, с. 23; К. В. Тревер, ук. соч., с. 67.*

⁵⁹ *К. В. Тревер, Ук. соч., с. 72—73.*

⁶⁰ *F. Dubois de Montpéroux. Voyages autour du Caucase, chez les Ischerkesses et les Abchases, en Géorgie, en Arménie et en Crimée, Paris, 1839, с. 386—402, v. III (текст) Атлас, I сер., табл. XIX; К. В. Тревер, ук. соч., рис. 2, с. 37.*

⁶¹ *К. В. Тревер, Ук. соч., с. 72—73.*

⁶² *К. В. Тревер, Ук. соч., с. 72—73.*

⁶³ *К. В. Тревер, Ук. соч., с. 72—73.*

⁶⁴ *К. В. Тревер, Ук. соч., с. 72—73.*

⁶⁵ *К. В. Тревер, Ук. соч., с. 72—73.*

⁶⁶ *К. В. Тревер, Ук. соч., с. 72—73.*

⁶⁷ *К. В. Тревер, Ук. соч., с. 72—73.*

⁵⁴ *Ch. Lanckoronski, C. Niemann, E. Petersen. Les villes de la Pamphylie et de la Pisidie, Paris, 1903, t. II, с. 157—158, рис. 123, табл. XXV.*

⁵⁵ К. В. Тревер, ук. соч., с. 51 и след.

⁵⁶ Там же, рис. 10, 11, с. 54—55.

⁵⁷ *Т. Тораманян, Материалы по истории армянской архитектуры, т. I, с. 167 и 174; Н. Г. Буниатян, Языческий храм при дворце Трдата в крепости Гарни, Ереван, 1933; Н. М. Токарский, Архитектура древней Армении, с. 23; К. В. Тревер, ук. соч., с. 67.*

⁵⁸ *Плиний, Nat. Hist., кн. XXX, гл. 2, 6; Кассий Дион, кн. 63, гл. 5, 2.*

ма, стены выложены из нескольких рядов булыжника, связанных между собой крепким раствором („des lits de cailloux liés par un fort ciment). Но и эта постройка, так же как и храм, сильно пострадала от землетрясения⁶³.

Раскопки крепости Гарни действительно выявили остатки большого сооружения, находившегося неподалеку от античного храма, с западной стороны, имеющего сходную кладку с отмеченной Дюбуа де Монпере. Теперь уже можно утверждать, что гарнийской экспедицией раскопан именно тот дворец, о котором говорил Дюбуа де Монпере.

В 1953 г. была раскопана южная часть этой постройки. Здесь, недалеко от края обрыва, был открыт большой зал, шириной в 9,65 и длиной в 19,92 м (табл. XLII, 4). Стены зала выложены из рваного камня, на растворе. По центральной оси вдоль зала шли пилоны или колонны, от которых сохранились лишь нижние базы-плиты. Из этого помещения открывался замечательный вид на живописное ущелье реки Азат.

В 1953—54 гг. вблизи отмеченного выше зала, к северу от него, было раскопано целое здание, оказавшееся баней.

Наконец, в 1955—1958 гг. на площади между баней и вышеупомянутым залом были выявлены остатки еще одного большого сооружения.

Продольной стеной это сооружение делилось на две части. Одна, передняя, обращенная к прихрамовой площади, состояла из трехабсидной комнаты, из помещения, представляющего собой виноградную давяльную, и из комнаты, пол которой покрыт маленькими обожженными кирпичами. Внешняя стена образовала ломаную линию, оживляющую фасад здания. Вторая, задняя часть сооружения, состояла из пяти помещений и была обращена к ущелью. В отличие от передней части, имеющей производственное и хозяйственное значение, чем здание можно сравнивать с усадьбами римского времени, задняя часть служила жилым отделением.

Здание возведено из рваных камней на известковом растворе, местами в угловых частях встречается кладка из обожженных, больших плоских кирпичей. Такое сочетание, как известно, характерно для позднеантичного и раннесредневекового времени.

Сходство кладки зала, бани и третьего сооружения не оставляют сомнения в том, что все эти постройки возведены одновременно.

Что касается времени их разрушения, то об этом судить трудно. Наблюдения, сделанные при исследовании большого зала с пилонами, показывают, что в VI—VII вв. он лежал уже в развалинах, так как его восточная стена была перекрыта фундаментом четырехабсидной церкви, построенной в VII в.⁶⁴ Здание бани также вышло из строя в раннем средневековье. Характерная для более поздних времен средневековья (IX—XII вв.) глазурованная керамика полностью отсутствует в нижних слоях бани, зато она была обнаружена у пола здания, раскопанного в 1956 г., что говорит о возможности использования его в середине века. (Во всяком случае Дюбуа де Монпере видел именно это здание. Баня и зал уже давно лежали под толстым слоем земли). Остатываясь на планировке, можно предположить, что жилое здание непосредственно не примыкает к залу, обнаруженному еще раньше, и тем самым не образует с ним одно целое. Со зданием бани это сооружение также не было связано, хотя и находилось в непосредственной близости.

Таким образом, для стоящего на площадке перед античным храмом с правой стороны виднелся сравнительно большое жилое здание и баня.

Сведения Мовсеса Хоренаци (кн. II, гл. 90) относительно Гарни как царской летней резиденции, а также результаты раскопок заставляют предположить, что гарнийский комплекс имел характер царской, дачной усадьбы. Выбор места согласуется с вышеприведенными соображениями. Как уже указывалось, весь комплекс построек расположен к западу и северо-западу от античного храма, причем главное из зданий, которое можно признать за дворец, идет вдоль обрыва и тем самым одним своим длинным фасадом обращено к ущелью, а другим к предхрамовой площадке.

Теперь остановимся на одной из самостоятельных построек этого комплекса, на бане.

Баня находится в 50 м к северо-западу от античного храма. Продольная ее ось расположена по линии с запада на восток.

Основная часть здания представляет собой удлиненный прямоугольник, южная сто-

⁶³ Dubois de Méreux, ук. соч., т. III, с. 390; К. В. Тревер, ук. соч., с. 36—37.

⁶⁴ См. Б. Н. Аракелян, О новооткрытой мозаике в Гарни, Изв. АН АрмССР, № 7, 1954, с. 111.

рона которого образована выступающими наружу и примыкающими друг к другу четырьмя полукруглыми апсидами, а западная сторона и западная часть северной стороны представляют собой прямоугольные выступы. К бане с северо-западной стороны примыкает прямоугольное помещение. Длина основной части бани 16 м, ширина 5,7 м (рис. 44).

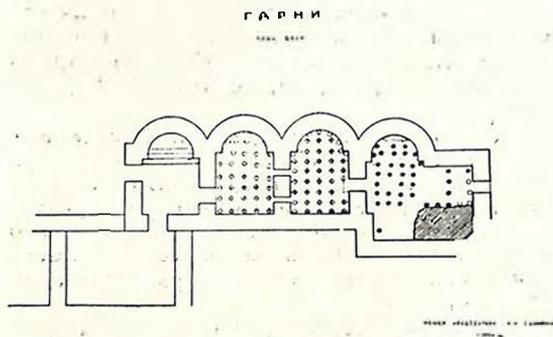

Рис. 44. План бани Гарни

Здание сложено из рваных камней (базальта), связанных известковым раствором (табл. XLII, 2). Для возведения проемов дверей, углов асид, топки, применялись также тесанные большие квадраты из туфа. Засвидетельствовано также употребление кирпича как в самой кладке стен, так и топки. Толщина стен колеблется от 0,82 до 0,90 м. Стены внутри были оштукатурены.

Баня состоит из пяти помещений, четыре из которых расположены на одной оси. Первая комната с наружным входом, имеет богатый мозаичный пол. В южной части комнаты находится довольно глубокая ниша, огороженная низкой стенкой. С запада к комнате с мозаикой примыкают три связанных между собой помещения, носящие явные следы отопляемости (в дальнейшем помещения № II, III и IV). Топка помещена в западной наружной стене последнего, самого крупного помещения (№ IV).

Здание дошло до нас в разрушенном виде. Несмотря на то, что местами стены сохранились на 2,60 м, верхние части здания не дошли до нас; вследствие чего утрачены некоторые очень важные черты его устройства, которые приходится дополнять по аналогии. Не дошла до нас также система водоснабжения и водостока. Крайне неудовлетворительно и состояние внутренних частей помещения (табл. XLII, 1). Поэтому для реконструкции

пола и многих элементов здания требовалось привлечение сравнительного материала, но часто даже и этот материал не мог помочь разрешению некоторых вопросов.

Рассмотрение бани мы начинаем с топки.

Топка представляет собой прямоугольную нишу со стенками, выложенными из больших отесанных туфовых квадратов, устроенную в виде узкого прохода в западной наружной стене бани. Верхняя часть топки не сохранилась, но судя по наклонной стене, сохранившейся на этом участке, она была сводчатой.

Сохранилась южная пята свода в виде длинного тесанного квадрата, верхняя поверхность которого скошена.

Тем самым, имеется возможность, предполагая, что свод топки был полуциркульным, определить высоту свода, которая была равна около 0,44 м⁶⁵. Свод, как об этом говорят наблюдения, сделанные во время раскопок, был выведен из кирпичей, так же как и топки других античных бань. Топки, устроенные в самой стене в виде проема встречаются часто. Наиболее близкую аналогию по устройству представляет нам топка Армазской бани, а также топка новооткрытой античной бани в Дзалиси (раскопки А. Бохочадзе). Топка Армазской бани так же устроена в самой стене. Здесь уцелела не только ниша, где разводился огонь, но и сводчатое перекрытие⁶⁶. Такие же топки в самой стене встречаются в банях Дура-Европос⁶⁷ и Зекмаурен (Германия)⁶⁸.

Раскоп вдоль наружной западной стены бани обнаружил остатки подсобного помещения для обслуживания топки—кочегарки или склад для топлива, какое мы встречаем у других бань с наружной стороны⁶⁹.

⁶⁵ Полукруглый свод встречается в Армази (Н. Г. Мивениерадзе, Строительное дело в древней Грузии. Тбилиси, 1952, с. 39), в Олимпии (E. Kunze u. H. Schleif. Die Badeanlage am Kladeos (IV Bericht über die Ausgrabungen in Olympia (1940 und 1941), с. 54 и др.

⁶⁶ Н. Г. Мивениерадзе, ук. соч., рис. 58, с. 39.

⁶⁷ Dura-Europos. Preliminary report of sixth season of work, 1932—33. New Haven, 1936, с. 88, табл. IV, баня № 7.

⁶⁸ E. Pfretzschner, Die Grundrissentwicklung der römischen Thermen, Erlangen, 1908.

⁶⁹ См. Kunze u. Schleif, ук. соч., с. 54—55; O. Morgan, Excavations, prosecuted by the Caerlton Archaeological Association within the wall of Caerwent. Archaeologia, табл. XXXVI, стр. 433; Н. Г. Мивениерадзе, ук. соч., рис.

Нагретый воздух и дым из топки поступали в подполье непосредственно примыкающего помещения и наполняя его, направлялись по подпольным ходам и в остальные помещения.

Топки бань, в том числе и гарнийской, служили как правило, не только для отопления помещения, но и для нагревания воды. Об этом свидетельствуют как письменные источники, так и археологические наблюдения. Витрувий, например, писал, что над нагревательной следует соорудить медные баки⁷⁰.

Более наглядный материал дают раскопки⁷¹. Выясняется, что над топкой, в верхней сводчатой ее части, устанавливался металлический котел, из которого горячая вода поступала в мыльню по трубам, а в иных случаях ее просто вычерпывали.

Топка гарнийской бани обслуживала три помещения, предназначенные, собственно говоря, для купания (помещения № II, III, IV). Помещение II, в которое мы вступаем непосредственно из комнаты с мозаикой, представляет собой прямоугольную комнату с полукруглой апсидой с южной стороны. (Размеры ее: прямоугольная часть 2,85×3,50, радиус апсиды 1,20, общая длина комнаты с апсидой 4,70 м).

Нижний пол комнаты образован из угранованного раствора. На нем сохранились остатки 39 столбиков, державших второй верхний пол (табл. XLII, 3).

Несмотря на некоторые отклонения, в прямоугольной части помещения столбики образуют довольно правильные ряды (6×5), в апсиде же правильно рядов нарушена. Расстояние между осями столбиков колеблется от 0,55 до 0,70 м. Они сложены из круглых очень твердых кирпичей (диаметр 0,21—0,24 м, толщина 0,5—0,7 см), чередующихся со слоями раствора.

В помещении № II были найдены фрагменты больших, толстых керамических плит (толщина в 5,5—6,5 см), менее толстых таких же плит (толщина 3—4,5 см), куски толстого раствора с одним лицом более гладким (толщина 5,5—7 см), в состав которого был введен щебень, толченый кирпич и туф, а также многочисленные фрагменты, тонкослойного обыкновенного раствора (2,5 см).

Для правильного осмысления всех этих фрагментов и обломков и для ясного пред-

ставления устройства следует обратиться к хорошо изученным образцам таких полов.

Первое, что бросается в глаза при ознакомлении с ними, это сравнительно большая их толщина, достигнутая путем комбинации двух или нескольких разнородных слоев. Так, например, верхний пол бани из Олимпии имел 0,32 м толщины в тепидариуме; 0,42 м в калдарнуме и 0,31—в лаконикуме⁷². В бане из Армази толщина пола достигает почти 0,20 м⁷³. Калдарнум бани из Зевголати (Греция) имеет пол толщиной в 0,23 м⁷⁴, а калдарнум Пловдивской бани в общем итоге 0,22 м толщины⁷⁵.

Как видим, верхний пол бань, везде имеет значительную толщину, около 0,20 м, а иногда и намного больше. Такая толщина имела известные тепло-технические преимущества, так как пол такой толщины долго сохранял тепло, что является фактом, имеющим немаловажное значение при сооружениях такого типа.

Большой интерес представляет и вопрос о последовательности и очередности отдельных слоев. Пол бани в Дюра-Европосе состоит из больших квадратных плит, так называемых *bipedaies* (Витрувий) и из слоя известкового раствора⁷⁶. Намного сложнее конструкция пола бани в Олимпии. В калдарнуме, например, наблюдается шесть разнородных слоев (плиты, раствор, обломки кирпича, булыжник, раствор с кусками кирпича и булыжника, раствор с толченым кирпичом)⁷⁷, не считая перекрывающую их мозаику. В Армазской бане первый слой был также образован толстыми квадратными плитками (0,60 м каждая сторона), опирающимися своими углами на кирпичные столбики. Плиты перекрыты слоем раствора, гидравлической известкой, толщиной 0,15 м⁷⁸.

Баня из Аргоса имела пол, образованный из пяти слоев: трех слоев кирпича, чередующихся с двумя слоями раствора⁷⁹.

В устройстве верхних полов бань, не-

⁷² E. Kunze, H. Schleif, ук. соч., табл. 24.

⁷³ H. Г. Мухоморова, ук. соч., с. 40.

⁷⁴ Charitonidis, Ginouves, ук. соч., с. 108.

⁷⁵ Д. Цонев, Новооткрыта римска баня в Пловдив, Годнишник на Пловдивската народна библиотека и музей, 1937—1939, София, 1940, с. 142.

⁷⁶ Dura-Europos Excavations, с. 52—53.

⁷⁷ E. Kunze, H. Schleif, ук. соч., табл. 24.

⁷⁸ H. Г. Мухоморова, ук. соч., с. 40.

⁷⁹ R. Ginouves, Argos. Thermes romaines (Bulletin de correspondance hellénique*, LXXIX, 1955),

⁷⁰ «Десять книг об архитектуре», V, 10.

⁷¹ Kunze и Schleif, ук. соч., рис. 448—453, Котлы из Помпей и Бескорале.

смотря на ряд стлпчй, устанавливаются следующие общие черты: употребление керамических плит разной толщины и слоев раствора, имеющих не только вяжущее назначение, но и гидравлическое. Применение в качестве нижнего слоя, непосредственно опирающегося на столбики, больших толстых плит, величина которых обуславливалась расстоянием между столбиками. Наконец, образование поверхности пола толстым слоем раствора, которому разными примесями придавались гидравлические свойства.

После этого краткого экскурса относительно верхних полов в античных банях, реконструкция пола гарнийской бани не встречает особых затруднений.

Вне всякого сомнения, что все слои верхнего пола гарнийской бани, лежали на крупных толстых квадратных кирпичах, опирающихся в свою очередь на столбики. Судя по расстоянию столбиков друг от друга, это должны были быть плиты со стороны, равной в среднем 0,60—0,65 м.

Также без труда восстанавливается характер и верхнего слоя пола гарнийской бани. К нему относятся куски толстого водоустойчивого раствора с примесью толченого кирпича. Лицевая, гладкая сторона этих кусков соответствовала поверхности пола.

Труднее определить, что было между толстыми, нижними плитами и верхним раствором. Однако ряд данных показывает, что над толстыми кирпичами лежал слой раствора. Затем шел слой, образованный из тонких плит второго типа, а над ними сверху уже упомянутой толстый слой водоустойчивого раствора. Размеры отдельных слоев пола были следующие: нижние плиты 5,5 см, раствор примерно 2 см, средний ряд из плит 4 см, бетонообразный верхний раствор 6,5 см. С учетом всех указанных размеров толщина пола должна достигать 0,18 см.

Если считать высоту поверхности пола у порога приблизительно в 0,93 м и вычесть только что полученную толщину пола (0,18), то остается 0,75 м, чему должна равняться высота подпольного пространства.

Подытожив полученные данные, можно сказать, что в помещении № II, пространство между первым, нижним полом и вторым, верхним полом равно приблизительно 0,70—0,75 м, толщина верхнего пола 0,18 м и расстояние от поверхности верхнего пола до нижнего 0,93—0,94 м.

Подпольное пространство этих помещений было отделено друг от друга соседней стеной из булыжника на растворе, шириной

в 0,90 и имевшая высоту, равную высоте верхнего пола.

В этой стое имеются два узких прохода (шириной в 0,29 и 0,32), служащие дымовыми каналами и обеспечивающими проникновение нагретого воздуха и дыма из одного подпольного пространства в другое.

Средняя из отапливаемых комнат (помещение № III) повторяет по своей форме предыдущую. К прямоугольной ее части (3,55×2,80) с южной стороны примыкает полукруглая апсида (радиус 1,18 м). Пол данной комнаты находится на 0,15 м ниже пола предыдущей и состоит из утрамбованного раствора. В комнате имеются 43 столбика, на которых держался верхний пол. Столбики состоят из круглых кирпичей на растворе, равные по величине круглым кирпичам предыдущего помещения. Очень важно, что в апсиде этого помещения у самой стены был обнаружен столбик, сохранившийся на полную высоту. Он состоит из 8 круглых кирпичей. На последнем кирпиче сохранился на месте обломок крупной телстой плиты, покрытой тонким слоем раствора, а рядом лежал толстый кусок раствора, несомненно покрывавшего верхний пол. Этот сохранившийся участок имеет большое значение для выяснения высоты пола и его устройства.

Связь между подпольным пространством рассматриваемой комнаты и крайней с запада осуществлялась через один дымовой канал (0,68 м ширины), устроенный в плохо сохранившейся низкой стене, разделявшей подпольные пространства обеих помещений.

Третья по счету отапливаемая комната (помещение № IV), крайне западная, самая большая по площади. В плане она также образует прямоугольник, к которому с южной стороны примыкает апсида в плане подковообразная, а с западной и северной стороны прямоугольные большие выступы. (Основные размеры: длина 5,70 м, ширина 5,43 м).

В северо-западном углу помещения сохранилась площадка из утрамбованного раствора (2,40×2 м), высотой до 0,14 м, на которой помещался резервуар для воды.

Нижний пол, как и в предыдущих помещениях состоит из утрамбованного раствора и находился на одном уровне с соседней. От устройства верхнего пола ничего не сохранилось. Эта часть бани была разобрана еще до окончательного разрушения бани. О существовании столбиков можно судить по остаткам их основания, довольно отчетливо различимых по всей комнате, кроме упомянутой площадки. В нескольких местах, ближе

к топке, сохранились и нижние два ряда кирпичей столбиков. Всего в комнате уцелело 33 основания столбиков, но их было намного больше. Вдоль стены, у стыка стены и пола имеется неширокая полоса раствора, высотой 0,15 м. Такие полосы или даже низкие стены встречаются в банях и они предназначены для защиты основания стен от порчи газами и паром⁸⁰. Такие предохранительные меры для защиты основания внутренних стен оправданы, особенно для помещения, непосредственно примыкающего к топке. Вне здания бани вблизи северной стены были обнаружены наполненные раствором глиняные трубы с маленькими эллипсоидными отверстиями в стенах. (Размеры труб: длина около 0,57 м, диаметр (без стенок) 0,13 м, стенки 0,035 м толщины). Все они наполнены раствором. Такие трубы, как правило, заменяли столбики и носили верхний пол бани⁸¹.

Из вопросов, возникавших в связи с рассмотрением этой сильно отапливаемой комнаты, находящейся непосредственно у топки, следует упомянуть вопрос о нагреве стен, о их так называемой тубуляции.

В этой связи хочется отметить некоторые фрагменты керамической плиты средней толщины с большими конусообразными выступами. Возможно, что это фрагменты так называемых «tegulae pinnatae» (Витрувий), больших квадратных плит с выступами в четырех углах. Посредством этих выступов плиты прикреплялись к слою раствора стены, образуя свободное пространство между плитами и стеной, непосредственно связанное с подпольным пространством помещения⁸².

Отопление в гарнийской, как и в большинстве античных бань, осуществлялось за счет подачи горячего воздуха и дыма в подпольные пространства отапливаемых отделений, которых, как известно, в Гарни три. Пространство под полом крайней западной комнаты нагревалось первым, так как оно непосредственно сообщалось с топкой.

Поэтому это помещение (№ IV), расположенное у топки, безусловно следует отнести к горячим отделениям. Пол этой комнаты

получал теплоту непосредственно от топки. Сюда же поступала горячая вода из котла. Здесь, вероятнее всего, в западном прямоугольном выступе, была вставлена ванна для мытья.

Отнесение этого отделения к горячим подтверждается многими аналогиями. Калдарнум (горячее отделение) бани из Зевголатио (Греция), кроме прямоугольного помещения с апсидой имел прямоугольный боковой выступ. Нехватает для полного сопоставления с гарнийским отделением лишь выступа на противоположной апсиде стороне⁸³. Бани же квадрата Гз в Дура-Европосе⁸⁴, бани из Олимпии⁸⁵ и бани из Вельцгейма (Германия)⁸⁶ имеют горячие отделения, по своему плану совпадающие с гарнийской, с единственной разницей, что прямоугольный выступ напротив апсиды заменен второй полукруглой апсидой. Еще большее сходство проявляет горячее отделение бани № 7 в Дура-Европосе⁸⁷, Каперсбурге (Германия)⁸⁸. Кроме апсиды и бокового выступа там имеется и задний прямоугольный выступ на противоположной стороне апсиды.

Таким образом, плановое сходство с горячими отделениями других античных бань, расположенных непосредственно у топки, рассеивает всякие сомнения при определении западного большого помещения к разряду горячих отделений бани.

Сравнительно легкому определению поддается также помещение № II (первая, с восточной стороны, из отапливаемых комнат). Помещения, которые не прилегают непосредственно к топке и в которые дым и горячий воздух поступает после того, как прошел из промежуточной комнаты (т. е. их подпольное пространство), следует отнести к теплым отделениям бани. В гарнийской бане, в частности, горячий воздух и дым, шедший из топки, прежде чем поступить в рассматриваемое нами помещение, подогревал два помещения.

Следовательно, это отделение умеренного отопления и по своей сущности соответствует тепидарному античных авторов. Купающиеся здесь задерживались еще для то-

⁸⁰ См. например, в бане из квадрата Гз Dura-Europos Excavations, ук. отчет, с. 52.

⁸¹ Д. Цончев, Новооткрыта римска баня в Пловдив, рис. 15, с. 142. Такие трубы засвидетельствованы и в других банях (Ай-Тодор в Крыму, Валаршапат в Армении).

⁸² Такие плиты с выступами для нагрева стен засвидетельствованы раскопками см. Kunze, Schleif, ук. соч., с. 67; R. Ginouvés, ук. соч., с. 327 и рис. 35.

⁸³ См. Charitonidis, Ginouvés, план на табл. 6, с. 112—113.

⁸⁴ Dura-Europos Excavations, с. 55.

⁸⁵ Kunze, Schleif, ук. соч., с. 62, табл. 22.

⁸⁶ Pfretzschner, ук. соч., табл. IX, рис. 3.

⁸⁷ Dura-Europos Excavations, с. 86 табл.

⁸⁸ Pfretzschner, там же, табл. X, рис. 1.

го, чтобы смягчить переход от холодных помещений бани к горячим⁸⁹.

Как видим, крайние из отапливаемых помещений гарнийской бани (помещение № II и IV) поддаются более или менее удовлетворительному определению. Одно из них представляет собой горячее отделение, другое теплое. Труднее установить назначение находящегося между ними отделения (помещение № III).

Можно подогнать рассматриваемый нами комплекс трех отапливаемых помещений под принятую схему и идя от комнаты с мозанкой по направлению к топке, первую из отапливаемых комнат считать холодным отделением (*Frigidarium*), вторую — теплым (*Tepidarium*) и третью — горячим (*Caldarium*).

С таким заключением нельзя будет, однако, примирить такое важное обстоятельство, как отапливаемость первого помещения, которое по принятой схеме надо было бы определить как холодное.

Однако до сих пор не засвидетельствовано холодное отделение с подпольным отоплением⁹⁰.

Расстановку на одной оси трех отапливаемых помещений мы встречаем в Дура-Европосе, на примере ряда бань (№ 7, ЕЗ). Если крайняя, примыкающая к топке комната обозначается калдарниумом, то остальные две определяются просто как «промежуточные теплые помещения»⁹¹.

Сходный комплекс из трех отапливаемых помещений мы встречаем в банях из крепостей Западной Европы античного времени. Первая комната обозначается тепидариумом, следующие две калдарниумами⁹². Такая группировка засвидетельствована, наконец, в больших императорских термах, где наряду с громадными залами имеется ряд из трех помещений, условно обозначенных I, II, III, своеобразных дополнительных калдарниумов и тепидариумов⁹³.

Значит среднюю комнату, из отапливаемого комплекса гарнийской бани, следует считать дублирующей теплое или горячее отделение, или просто промежуточной дополнительной мыльней⁹⁴.

⁸⁹ *Krencker, Krüger*, ук. соч., с. 331: *O Morgan* ук. соч., с. 432.

⁹⁰ *Pfretzschner*, ук. соч., стр. 38 и 54.

⁹¹ *Dura-Europos Excavations*, с. 102.

⁹² *Pfretzschner*, ук. соч., табл. III, рис. 7, табл. V рис. 1, табл. XI.

⁹³ *Krencker, Krüger*, ук. соч.

⁹⁴ Изобретение, рассмотренное в связи с исследо-

После определения теплых и горячих отделений гарнийской бани, не меньшее значение приобретает вопрос о холодном отделении бани.

Холодное отделение в банях отсутствует в самых редчайших случаях⁹⁵. Оно всегда входит в комплекс бани, являясь одним из важных ее участков. Нам представляется возможным считать нишу с юга комнаты с мозанкой (помещение № 1) холодным отделением гарнийской бани. Низкая стенка (длина 2,39 м, ширина 0,30 м и высота 0,72 м от мозаночного пола) отделяет комнату с мозанкой от ниши. Вдоль стенки, как с одной, так и с другой стороны, идет низкая, узкая скамья (мастаба), выложенная из кирпичей и каменных плит на растворе. Размеры скамьи из комнаты: длина 2,90, ширина 0,27, высота 0,27 м. Сидящему или отдыхающему на этой скамье мозанка, рассчитанная на смотрящего с южной стороны комнаты (т. е. со сторо-

ваннем бани в Гарни, отопительной системы, относится к первой половине I в. до н. э. и приписывается современнику Суллы, Сергию Ората, который первый ввел подпольную стонгильную систему для выращивания какого-то сорта рыб (*Плиний, Historia Naturalis*, 9, 169). Однако свидетельство о римском происхождении рассматриваемой системы подверглось сомнению по той простой причине, что терминология отдельных частей бани, в том числе и название «тюпокаустон», выражающая суть этой системы, является греческой и тем самым высказалось предположение о греческом происхождении системы (*Naorcius, Hypocauston*, R. E., Bd. IX, I. Stuttgart 1914, с. 336). Археологические раскопки подтвердили такое предположение. В Олимпии была раскопана баня с уцелевшими в ней столбиками, верхним полом, толпой, котлом, т. е. отапливающейся точно такой же системой, как и остальные бани античного мира. Главным, однако, является то, что она разными находками бесповоротно датируется 100 г. до н. э. (*Kunze, Schleif*, с. 80), иными словами предшествует находке римского изобретателя.

Греческое, вернее эллинистическое происхождение должно иметь большое значение для рассмотрения античных подобных сооружений восточного бассейна Средиземноморья. Тем не менее, римская республика, а затем империя усвоили эту систему, которая стала распространяться очень быстро. В I в. н. э. уже все бани империи действовали на основе такой системы отопления.

⁹⁵ В бане Ейнингена (Германия) фригидариум отсутствует. Кто желал окупаться в холодную воду, направлялся к текущему рядом Дунаю. См. *Pfretzschner*, ук. соч., с. 56.

ны скамьи), представляла особый интерес. Но внимание посетителя привлекает и отмеченная полукруглая ниша. Следует отметить ее маленькие размеры (радиус ниши равен 1,20 м). Затем то обстоятельство, что ниша лежит глубже чем комната с мозаикой. Уровень пола ниши на 0,14 м ниже уровня комнаты с мозаикой. От верхнего края стенки-борта до дна ниши—0,86 м. Как уже отмечалось, вдоль стенки-борта идет скамья, длиной 2,22, шириной 0,21, высотой 0,41 м. Что касается наружной полукруглой стенки, то она сохранилась на 0,80 м высоты. Стены, скамья оштукатурены слоем розоватого раствора. Пол же состоит из утрамбованного раствора.

Главный вопрос, который стоит перед исследователем бани, это—является ли ниша отделением, непосредственно связанным с купальными процессами, или это просто место для складывания одежды, своеобразный *gar de robe*. Ознакомление с античными банями показывает, что такое плановое решение—прямоугольная комната с примыкающей к ней полукруглой апсидой—не редкость для разведки⁹⁶. Однако привлечение сравнительного материала говорит о другом.

В фригидариуме бани из Зевголатио, у обоих концов имеются апсидообразные ниши-ванны маленьких размеров: низкая стенка отделяет ванны-ниши от зала. Стоило ее перешагнуть и опираясь на низкую скамейку из ниши, которая служила и ступенькой, купающийся имел возможность окунуться в холодную воду из ниши. Наполнение ниши водой осуществлялось со стороны стенки. Сохранился каменный желоб для этой цели. Что касается стока воды, то одна из них имела отверстие для этой цели, а другая вовсе не имела⁹⁷. Как покажут дальнейшие аналогии, отсутствие водосточных каналов в таких маленьких нишах-купальных не является редкостью.

Подобные полукруглые ниши-ванны встречаются в упомянутом сооружении, на сей раз в горячих отделениях. В калдарнуме С₂, с восточной стороны помещена полукруглая ниша-бассейн для теплой воды. Низкая стенка-барьер отделяет собственно помещение от ниши, вдоль стенки которой находится

характерная скамья-ступень, высотой 0,48 м. Здесь также не имеется отверстия для стока воды. По мнению издателей памятника, как в фригидариуме, так и в калдарнуме употребленная вода из ниш вычерпывалась просто каким-нибудь сосудом. Ограниченные размеры ниш-ванн, позволяли пользоваться ими только одному купающемуся⁹⁸.

Обильный сравнительный материал дают и остальные термы и бани из Греции. Термы из Аргоса⁹⁹, Дельфы¹⁰⁰, Эпидавра¹⁰¹ и бани из Антиохии¹⁰² имеют сходные ниши-ванны.

Убедительной аналогией для выяснения назначения рассматриваемой ниши-апсиды являются очень сходные по конструкции ванны для теплого купания из «маленького калдарнума» южных терм Тимгада. Они полукруглые и отделены высоким бортом от остального помещения. Одна из них имеет ванную вдоль всех стен скамьи, вторая—скамью только вдоль борта¹⁰³, и тем сильно напоминают нишу комнаты с мозаикой гарнийской бани. Приведенные параллели показывают, что подобные гарнийской полукруглые ниши имели сугубо практическое значение, так как в них, будь это ниши калдарнума или ниши фригидариумов, купались. В свете вышесказанного, естественно, что рассматриваемая ниша из Гарни предназначена была для купаний, притом холодных. С этим заключением труднее как будто примирить некоторые обстоятельства. Имеется в виду тотальное отсутствие гидравлических приспособлений. При этом смущает не столько отсутствие труб, желобков для подачи воды в нишу, сколько отсутствие какого-нибудь водосточного отверстия, канализации. Однако, как мы видели выше, на примере подобных ниш-ванн, относительно которых не может быть сомнения, что они наполнялись водой, наличие канализационных устройств не является обязательным¹⁰⁴.

⁹⁶ Там же, с. 112, 113.

⁹⁹ См. R. Ginouvés, Sur un aspect de l'évolution des bains en Grèce vers le IVe siècle de notre ère. (Bulletin de correspondance hellénique) LXXIX, 1955—1 с. 139, 140, рис. 4, 5.

¹⁰⁰ Там же, с. 136, рис. 1.

¹⁰¹ Там же, с. 146.

¹⁰² Antioch on the Orontes, т. III, табл. V, с. 19, 20.

¹⁰³ Krenker. Krüger, Die Trierer Kaiserthermen, рис. 329, с. 229.

¹⁰⁴ В бане из Кервента (Англия) бассейн имел отверстие для стока, уходящее очевидно в землю, так как снаружи не было найдено никаких следов канализации. O. Morgan, ук. соч., стр. 434.

⁹⁶ См. бани А. В. С. из Антиохии. „Antioch on the Orontes“, The Excavations of 1932. Ed. by George W. Elderkin. т. I, табл. III, стр. 4, рис. 7, с. 8, табл. V, с. 21 и баня из Кервента (Англия). O. Morgan, ук. соч. табл. XXXVI.

⁹⁷ См. Charitonidis, Ginouvés, ук. соч., с. 107, рис. I.

Поэтому надо полагать, что в Гарни обходились вычерпыванием воды при каждой необходимости, или вода просто просачивалась через какс-нибудь отверстие, которого нам не удалось обнаружить.

Таким образом, изучение рассматриваемой полукруглой ниши у комнаты с мозанкой, при участии сходных с ней сооружений, позволяет определить ее как отделение для холодных ванн. Купающийся, возвращаясь из теплых и горячих отделений, в предбаннике с мозанкой имел возможность перешагнуть через низкую стенку, опираясь на низкие скамьи, расположенные по обеим сторонам стенки, и окунуться в наполненную водой нишу. Скамья в нише и стенка, служившая спинкой для сидения, позволяли купающемуся удобно сесть и тем самым, погружаться большей частью тела в холодную воду. А еще может быть, что сидящего просто обливали сверху холодной водой.

Такое размещение холодного отделения в общем плане бани у самого входа не редкое. В некоторых помпейских банях раздевальня и бассейны с холодной водой находятся вместе¹⁰⁵. Подобное расположение холодного отделения недалеко от входа, непосредственно у раздевальни или предбанника, наблюдается на планах бань из крепостей Западной Европы первых веков н. э., где встречается ниша для холодных омовений даже полукруглая в плане, как в гарнийской бане¹⁰⁶.

С северо-востока к «комнате с мозанкой», которую можно считать своеобразным предбанником, примыкает прямоугольное помещение—раздевальня со скамьей вдоль северной стены.

Как видим, некоторые важные стороны устройства гарнийской бани достаточно ясны. Тем не менее, остаются нерешенными вопросы перекрытия, водоснабжения и канализации, имеющие первостепенное значение.

После попытки осмыслить характер, специфику каждого помещения в отдельности, определить его назначения, несбылнительно представить себе путь купающегося, полный цикл процесса купания. Вступая снаружи через восточную дверь в предбанник, посети-

тель бани раздевался и через западную дверь направлялся в собственно говоря купальню. Задерживаясь на некоторое время в первом теплом помещении, через среднее дополнительное он попадал в горячее отделение. Для купающегося пребывание в этом последнем отделении, оснащено ваннами и в обилии снабженном горячей водой, было вышен точкой. Оттуда через те же отделения он возвращался в предбанник. Переступив через низкую стенку, что с юга предбанника, он завершал купание, окунувшись в холодную воду. Одеваясь, он отдыхал в предбаннике, сидя на низкой скамье и любясь раскинутой у его ног мозанкой, напоминающей ему о месте его пребывания.

Громадное количество банных сооружений, распределенных на территории античного мира, дало возможность произвести их классификацию по признакам плана и назначения¹⁰⁷. Попытаемся теперь найти место гарнийской бани.

С первого взгляда уже ясно, что выше-рассмотренные бани из Валаршапата, Арташата и Гарни это не общественные баннотермы, а рассчитанные на ограниченный круг посетителей. Тем не менее, это не индивидуальная баня, для одной персоны, подобно крошечной бане из Олимпии, где ею мог бы пользоваться только один купающийся¹⁰⁸. Ясно, что гарнийская и подобные ей бани из Арташата и Валаршапата, могли бы обслужить сразу целую семью. Группировка помещений гарнийской бани, расстановка их живо напоминают сходные сооружения из крепостей античного мира¹⁰⁹. И там и тут отапливаемые помещения, с топкой в последнем, образуют один ряд. Им предшествует комната, раздевальня или предбанник, с нишей для холодных омовений.

Укладываясь, в общем, по плану, в категорию крепостных подобных сооружений, гарнийская баня проявляет ряд существенных отличий.

Главной характерной чертой крепостных бань являлась их крайняя простота как в отделке бани, так и в самом плане. Доминирует прямоугольный или квадратный контур отдельных помещений)). Стронтели креп-

¹⁰⁷ Krencker, Krüger, с. 178—181; F. Pfromm, ур. соч.

¹⁰⁸ Kunze, Schief, ур. соч., табл. 22, с. 61—65.

¹⁰⁹ Большое количество планов таких бань приведено в цитируемой уже работе: Pfromm, Die antiken Kastellbäder...

¹⁰⁵ Mau. „Bäder“. Pauly's Realencyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung, II Band, Stuttgart, 1896, S. 2750.

¹⁰⁶ Pfromm, ур. соч., табл. VI, рис. 7, табл. VII, рис. I, табл. IX, рис. 3

постных бань стремились дешевыми средствами соорудить на скорую руку здание, избегая при этом всяких излишеств¹¹⁰.

Баня из крепости Гарни как по плану, так и по отделке, проявляет сильные отклонения от вышеупомянутых норм крепостных бань. Взять, например, план. Он составлен, безусловно, с учетом принципов симметрии, с художественным вкусом. Это было маленькое, довольно компактное здание. Главный акцент был сделан на южную, обращенную к солнцу сторону. Она была образована из четырех, выступающих наружу полукруглых апсид, оживляющих сооружение с этой стороны. Полукруглые апсиды, имеющие, безусловно, в первую очередь функциональное назначение, так как в них обычно вставляли портативные тазы для омовения, украшали здание. В упомянутых крепостных банях часто обходились без них или, в крайнем случае, одна апсида приделывалась к калдарнику¹¹¹. Чтобы соблюсти симметрию до конца, строитель гарнийской бани соорудил примыкающее с юга к предбаннику холодное отделение, тоже в виде полукруглой апсиды, замыкающей на одной и той же стороне ряд из трех апсид отапливаемых сооружений. Можно было бы построить, например, нишу для холодных омовений, прямоугольных очертаний, какую мы часто встречаем¹¹². Но тем самым нарушилась бы стройность здания.

Наличие мозаичного пола в двух помещениях—при этом мозаика из предбанника, представляющая художественный интерес, отделка стен, найденные в бане обломки мрамора, все это вместе с планом подходило бы больше для бани, при какой-нибудь усадьбе, даче, загородной виллы¹¹³.

Для датировки рассматриваемого сооружения больше всего годится его плановая

композиция. Поэтому приходилось так долго останавливаться на основных чертах плана. Следует, однако, коснуться и остальных датирующих элементов. Это относится в первую очередь к находкам, сделанным главным образом в здании во время раскопок. Надо отметить отсутствие точно датирующих вещей. Монеты не встречались. Было найдено несколько обломков обработанного мрамора, но они мало что говорят о датировке. Основную массу находок образует керамика. Наподобие керамики из могильника она датируется первыми веками н. э., а может быть и позже, и этим дает только общие хронологические рамки, в которых следовало бы поместить рассматриваемое сооружение.

Строительная техника также не представляет ничего конкретного для датировки, хотя некоторые ее отличительные черты указывают на позднеантичное и раннесредневековое время.

Поэтому планово-композиционные данные могут больше помочь выяснению поставленной задачи. Так, некоторые крепостные бани со сходной расстановкой и последовательностью помещений, относятся ко II—началу III вв. Бани из Фельдберга и Велдгейма относятся к середине II века¹¹⁴.

Вторым местом датируются бани из Армази¹¹⁵ и High-Wycombe¹¹⁶ (Англия). К началу III в. относится близкая по числу и группировке помещений баня из Каперсбурга (Германия), построенная около 212 года¹¹⁷.

Таким образом, баню, саму по себе, без учета других данных, например, мозаики, можно датировать второй половиной II в.—III в.

Сколько действовала баня, трудно сказать. Вернее всего предположить, что уже в VI—VII вв., подобно большому залу, что южнее бани, здание бани лежало уже в развалинах.

Если сама баня не продолжала существовать, то воплощенные ею традиции древней коммунальной техники, оказались очень живучими на территории Армении. Исследованные средневековых бань из Армении: Зварт-

¹¹⁰ *Pfretzschner*, ук. соч., с. 40 и планы самих бань, табл. VII, рис. 1, 4, табл. VI, рис. 7 и др.

¹¹¹ Там же.

¹¹² См. баню из Кервента. *O. Morgan*, ук. соч., табл. XXXVI, *Pfretzschner*, ук. соч., датируемые планы, баня из Армази.

¹¹³ План бани виллы из High Wycombe (Англия) довольно близок гарнийскому. Баня представляет собой отдельное здание с помещениями, расположенными на одной оси, оснащенными апсидами. *Journal of roman studies*, vol. XLV, 1955, p. 136.

¹¹⁴ *Pfretzschner*, ук. соч., табл. IX, рис. 2, с. 71; табл. IX, рис. 3 и с. 3.

¹¹⁵ *Н. Г. Мисвнерадзе*, ук. соч.

¹¹⁶ *Journal of roman studies*, с. 195, рис. 17, 4, с. 36.

¹¹⁷ *Pfretzschner*, ук. соч., табл. X, рис. с. 41.

ноц¹¹⁸, Амберд¹¹⁹, Двин¹²⁰, Ани¹²¹, Тагев¹²² показывает, что во многих из них отопление осуществлялось как в бане из Гарни, посредством топки, сообщаемой с подземным пространством бани. Тем самым, достижения древней Армении передавались средневековой Армении, у основ материальной культуры которой они безусловно лежали.

В двух помещениях гарнийской бани, в предбаннике и в помещении № III были обнаружены мозаичные полы.

Ввиду разрушенного состояния мозаичного пола из помещения № III мы его не коснемся. Зато особого внимания заслуживает мозаика из предбанника¹²³. В соответствии с очертаниями предбанника, описание которого дается выше, мозаичный пол образует квадрат (2,9×2,9 м). Он выложен из мелких разноцветных камней (до 15 оттенков) местного, гарнийского происхождения. Мозаичный пол состоит из трех частей. Из довольно широкого бордюра, окаймляющего всю мозаику, из центрального, почти квадратного панно, и из основного пола мозаики, между бордюром и панно (табл. XLIII). Бордюр выложен из сравнительно больших камней, квадратной формы, розового цвета, в соответствии с техникой *opus tessellatum*. Поле мозаики, в виде широкой полосы, идущей вдоль бордюра и обрамляющей панно, выложено, как и само панно, из камней более мелких, имеющих разные формы, в соответствии с техникой *opus vermiculatum*¹²⁴. В северной части поля мозаики, слева направо изображены: в левом углу тонкая рыба, пра-

вее нее мужская фигура с распростертыми руками, причем в правой руке она держит предмет овальной формы, разделенный на три части. Левее головы первой фигуры имеется надпись ΒΥΘΟΣ—глубина.

Центральное панно, южная часть которого сильно пострадала, обрамлена разноцветным илетным орнаментом. В нем имеется изображение Оксана (бюст мужчины с рогами) с надписью ΩΚΕΑΝΟΣ и моря (бюст женщины) с надписью ΘΑΛΑΣΣΑ.

Если учесть, что основное поле мозаики изображает море в виде зеленого фона, на котором наряду с отмеченными морскими существами (неренды, ихтиокентавры и др.) имеются многочисленные изображения рыб, то станет ясным, что основной сюжет мозаики связан с водой.

Следует сказать, что подобные мозаики, где сюжет был посвящен воде—не редкость. Более того, существует целая определенная категория мозаик, сюжет которых имеет целью воспевать, прославлять воду¹²⁵. При этом, в упомянутых мозаиках вода представляется в самых разных ее аспектах: в виде моря¹²⁶ и морской фауны¹²⁷, в виде реки (Нила) с лодками, рыбаками¹²⁸ и т. д. Мозаика из Гарни не хуже выражает эту идею. Об этом говорят как основное поле мозаики, так и центральное панно, непосредственно связанное с понятиями воды. Имеются в виду не только изображения Оксана и Моря, но и главная надпись, имеющаяся в панно «ничего не получая, работали», выражающая как будто участь воды в бане¹²⁹.

В этой связи большое значение имеет, конечно, и то обстоятельство, что почти все мозаики из упомянутой категории, украшали полы бань, как частных, так и общественных¹³⁰.

Художник, отделявавший гарнийскую баню, имел это в виду, поэтому он взял имен-

¹¹⁸ Т. Тораманян, Материалы для истории армянской архитектуры, т. II, с. 96—106.

¹¹⁹ И. А. Орбели, Баня и скоморох XII, Памятники эпохи Руставели, Л., 1938; Н. М. Токарский, Архитектура древней Армении, Ереван, 1946, с. 163.

¹²⁰ К. Г. Кафадарян, Город Двин и его раскопки, Ереван, 1952, с. 136—138, рис. 107.

¹²¹ Н. Я. Марр, Ани, Л., 1934, с. 71, табл. XXXII; И. А. Орбели, Краткий путеводитель по городищу Ани (Анииская серия № 4), СПб, 1910, с. 14.

¹²² А. Л. Яковсон, Из истории средневековой архитектуры в Крыму, С. А., 1946, VIII, с. 275—278, рис. 16, Средневековый Херсонес, (XII—XIV вв.), Материалы и исследования по археологии СССР, № 17, М.-Л., 1950, с. 82.

¹²³ Б. П. Аракелян, Мозаика из Гарни, ВДИ, 1956, № 4; его же, Гарни, II, его же, Мозаичный пол в крепости Гарни; Ключ, том 37, 1959; его же, Очерки по истории искусства древней Армении, Ереван, 1976.

¹²⁴ Эллинистическая техника, под ред. И. И. Толстого, М.-Л., 1948, с. 118—119.

¹²⁵ M. Rostowtzeff, Karnoi, Revue des études antiques, Mélanges Radet. t. XII, 1940, t. XII, с. 508.

¹²⁶ Мозаика из Неаполя, см. G. Guidi, La villa del Nilo, Afri a Italiana, 5, 1933, рис. 22.

¹²⁷ Мозаика из Остин, Notizie degli Scavi di antichita, 1913, с. 12.

¹²⁸ Мозаика из Лептис Магна, G. Guidi, вк. соч., рис. 17.

¹²⁹ Такое предположение было высказано К. В. Тревер при обсуждении доклада Б. П. Аракеляна о гарнийской мозаике в Государственном Эрмитаже (1955 г.).

¹³⁰ M. Rostowtzeff, вк. соч., 508 с., G. Guidi, ук. соч., с. 40.

по сюжет, говорящий об изобилии воды, подчеркивающий назначение данного места.

Как отмечается Б. Н. Аракеляном, в известных мозаиках античного мира нет полной аналогии ей по сюжету и по композиции. Тем не менее некоторые ее детали поддаются сравнению с отдельными изображениями некоторых античных мозаичных полов, главным образом восточных¹³¹.

Следует отметить, что гарнийская мозаика занимает особое место среди мозаик Передней Азии рассматриваемого времени. Стилистически она заметно отличается не только от антиохийских мозаик, насыщенных эллинистическими традициями, но и бишапурских мозаик Ирана, выполненных сирийскими мастерами тоже в русле западных художественных течений.

Мозаика из Гарни, особенно фигуры, занимающие так называемое поле мозаики, выявляет черты, несовместимые с эллинистическо-римским искусством: плоскостность и застылость, не свойственные последнему. Вместе с тем, сравнивая гарнийскую мозаику с произведением совершенно другого художественного круга, каким является мозаика II в. из Эдессы¹³², приходим к выводу, что причислять мозаику из Гарни к собственно сирийским памятникам вряд ли будет уместным. В мозаике из Эдессы, при всех ее связях с искусством римского времени, наглядно выступает «иро-парфянский стиль», нашедший свое выражение в трактовке лиц, в передаче фигур по законам фронтальности, в одежде, характерной для памятников Дура-Европоса и Пальмиры.

Нет никакого сомнения, что гарнийская мозаика и тем более головы мужчины и жен-

щины, расположенные в центральном медальоне, далеки от стилистических особенностей мозаики Эдессы. Для полного выявления местных художественных традиций в мозаике из Гарни, пусть даже оплодотворенных искусством сирийских мозаик римского времени, нужны и другие подобные памятники, которые были бы найдены на территории Армении.

Что касается датировки мозаики, то Б. Н. Аракелян относит ее к концу III в. н. э.¹³³ При этом принимаются во внимание следующие обстоятельства: полихромность мозаики, а также сочетание техники *opus tessellatum* с техникой *opus vermiculatum* являющиеся характерными для мозаик¹³⁴ второй половины III в. и начала IV в., сочетание графических контурных линий с ранее установленными пластическими формами передачи рисунка при помощи светотени, с умеренным применением при этом графических линий, что характерно именно для III в. н. э.¹³⁵

Далее, композиционные особенности (целостность композиции) и широкое применение персонализации, также говорят в пользу III в. н. э., как на наиболее вероятное время изготовления мозаики¹³⁶.

Наконец, исторические соображения, связанные с принятием христианства (301—303 гг.) в Армении, дают верхнюю хронологическую границу, так как трудно представить, что в пору уничтожения языческих памятников в Армении, о чем свидетельствуют раннесредневековые историки, можно было создать мозаику с тематикой, перенятой из греческой мифологии¹³⁷.

ГЛАВА II

НЕКРОПОЛИ, ПОГРЕБЕНИЯ

Отдельные погребения или небольшие группы погребений первых веков н. э. нередко встречаются на территории Армении. Их значение не следует недооценивать, но те дан-

ные, которые мы получаем, изучая их, вряд ли можно сравнивать с тем значительным объемом информации, который поступает при исследовании больших некрополей. Послед-

¹³¹ Б. Н. Аракелян, Мозаика из Гарни, ВДИ, 1956, № 4, с. 151.

¹³² См. J. B. Segal, Pagan Syrian monuments in the vilayet of Urfa, Anatolian Studies, vol. III, 1953, табл. XII, рис. 4.

¹³³ Б. Н. Аракелян, Мозаика из Гарни, с. 152

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Там же, с. 153.

¹³⁷ Там же, с. 153—154.

ние, как известно, раскрыты при раскопках Валаршапата, Гарни и Арташата¹. Они позволяют выявить основание тенденции развития погребальных форм, а также погребальных обрядов в позднеантичную эпоху. Характерной чертой этого развития является сохранение, дальнейшее продолжение основных форм предшествующего эллинистического периода, хотя наблюдаются и некоторые изменения.

Гарнийский некрополь первых веков н. э. был обнаружен на территории к северо-западу от крепости. Две группы погребений расположены неподалеку от крепости, по обеим сторонам речки, текущей через селение Гарни. Третья группа находится на окраине селения, там, где дорога, ведущая из Еревана, вступает в Гарни, четвертая—на возвышенности Мардо.

Раскопано в общем числе до 120 погребений, из которых большое число составляют каменные ящики (каждый из 6 плит). Встречаются также захоронения овальных форм, выложенные из булыжника и покрытые плитами, грунтовые погребения, также покрытые плитами, и, наконец, захоронения в карасах. В отличие от погребальных карасов предшествующего периода, это выпуклой формы сосуды (в продольном разрезе овальной формы) с суживающимся близко к днущу туловищем. Днище закругленное с выступом в средней части. В верхней части тулова переходит в скошенные плечики и крайне низкую шейку с массивным отогнутым венчиком.

Погребальные карасы помещались в земле, как показали раскопки, в горизонтальном положении, горло одного из них было обращено к востоку, а другого—к западу. Глубина их залегания до 0,5 м.

Датировка их не лишена некоторых трудностей, связанных, во-первых, с недостаточной изученностью такого рода погребений в самой Армении, а во-вторых, особенностями сопровождающего погребального инвентаря. Но прежде чем обратиться к анализу инвентаря, мы рассмотрим подобные погребения известные в Азербайджане и Грузии. Это поможет нам установить место гарнийских погребений в карасах в общей культуре Закавказья первых веков н. э.

В Самтаврском могильнике погребения в карасах более ранние и относятся они к первым векам до н. э. Наличие в них керамики с поверхностью, окрашенной в красно-бурый цвет, отсутствие оружия, а также стекла, парфянские монеты I в. до н. э.² существенно отличает инвентарь кувшинных погребений Самтавро от гарнийских.

В Мингечауре также большая группа карасных погребений относится к первым векам до н. э., так как они датированы парфянскими и армянскими монетами этих веков³. Интересно отметить, что уже в последние годы в Азербайджане были раскопаны погребения в глиняных сосудах первых веков н. э. и даже раннесредневекового времени, свидетельствующие о продолжительности этого обряда на территории древней Албании⁴.

Если обратиться теперь к карасным погребениям Армении, то увидим, что и в данной области Армении не выпадала от общего развития Закавказья. Как мы увидели во втором разделе настоящей работы, карасные погребения засвидетельствованы в Армении, в том числе и в Гарни в IV—I вв. до н. э. Более того, сейчас выяснено окончательно, что карасные погребения Армении берут свое начало в урартский период, о чем свидетельствуют раскопки Аргиштихинили. Здесь мы рассматриваем карасные погребения из Гарни, относящиеся уже к периоду после рубежа н. э., как показывает анализ инвентаря. Бросается в глаза четкий *terminus post quem* инвентаря. Я имю в виду серебряную монету Августа (с изображением усыновленных Гая и Люция на обратной стороне) и дутые стеклянные сосуды, указывающие на то, что рассматриваемые погребальные карасы из Гарни никак не могут быть раньше начала I в. н. э. Труднее установить позднюю хронологическую границу. В этой связи не бесполезно учесть следующие обстоятельства. Судя по паспортным данным, найденный в 1936 г. на северо-западном берегу Севана (село Ордаклю) стеклянный флакон⁵ находился в карасном погребении. Сосуд этот при сравнении с

² Г. Ломтадзе, ук. соч., с. 59—60.

³ Е. А. Пахомов, Монеты Мингечаура, М. А. К. П. Баку, 1951, с. 143, 145—147.

⁴ Г. Ахмедов, Об археологических раскопках на одном участке в Мингечауре. ДАН АзССР, 1954, № 7, т. X, с. 513; Г. И. Ионе, Мингечаурские кувшинные погребения с оружием, КСИИМК, вып. 60, 1955, с. 56.

⁵ См. Б. Н. Аракелян, Гарни, I, с. 52.

¹ Б. Н. Аракелян, Гарни, I, Ереван, 1951; его же, Гарни, II, Ереван, 1957; Ж. Д. Хачатрян, Гарни, V, 1976; его же, Арташат, II, Ереван, 1981; А. Калантар, Раскопки древнего Вагаршапата, Ереван, 1935 (на арм. яз.).

флаконом из Самтавро⁶ можно датировать II в. н. э., что говорит в пользу наличия в Армении II в. н. э. карасных погребений. Если снова обратиться к гарнийским карасам, то присутствие монет Августа, а также стеклянных амфоровидных сосудов, о которых речь пойдет ниже, указывает на I в. н. э., как на наименее вероятную их дату, но очень возможно, что погребение с амфоровидным сосудом без каннелюр может относиться и к первой половине II в. н. э.

Таким образом, как в Азербайджане и Грузии, так и в Армении, погребения в карасах засвидетельствованы в первые века до н. э. Для доказательства продолжительности этого обряда в Армении в первые века н. э. важные данные дают раскопки гарнийского некрополя.

Не представляется возможным пока провести какую-нибудь хронологическую дифференциацию погребений по их типу. Каменные ящики, например, встречаются во всех трех веках. Только по отношению к карасным погребениям можно сказать, что они представляют более ранние типы среди погребений гарнийского некрополя и датируются I в. или началом II в.

Не существует единой ориентации погребений по странам света. Хоронили или в скорченном или в вытянутом на спине виде.

Предварительный анализ погребального инвентаря наглядно демонстрирует, что речь идет в основном о рядовых захоронениях. Отсутствие каких-нибудь выдающихся золотых предметов и других драгоценностей, обычный, обиходный характер почти что всех найденных вещей лишней раз говорят об этом.

Погребальный инвентарь в основном состоит из стеклянных и глиняных сосудов, предметов украшения, в том числе бус, перстней, зеркал, шпилек, булавок. Найдены также предметы вооружения этого времени, главным образом наконечники копий и кинжалы.

Что касается датировки некрополя, первые веков н. э., то первые точные опоры дают римские монеты, найденные в отдельных погребениях. Найдено до восьми монет Августа (серебряные динарии), одна монета Адриана, одна Люция Вера (тоже серебряная) и одна Артанура I.

Дальнейшее уточнение хронологических рамок, в смысле установления ранних и позд-

них рубежей существования некрополя, производится за счет стеклянных сосудов, как известно, часто поддающихся точной датировке. Некоторые поправки могут внести перстни, а также керамика.

Разрослись в рассматриваемое время и некрополи города Арташат. Наряду с грунтовыми погребениями обычного типа и погребениями с обложенными камнями стенами и дном, в Арташате появляются и захоронения в деревянных гробах. Грунтовые погребения обоих типов в рассматриваемое время в Арташате неразлично связаны с обрядом кремации, засвидетельствованным здесь уже в эллинистический период⁷.

Как мы уже видели, археологическими раскопками неоспоримо было доказано, что античный некрополь города Валаршапат находится за городскими стенами, к востоку от них⁸.

Раскопками установлено наличие четырех основных видов погребений, найденных на территории некрополя (если отвлечься от надгробной плиты Элия Валента, единичной пока на этой территории): каменные ящики, грунтовые и карасные погребения, глиняные гробы двух подтипов⁹.

Погребальный инвентарь, хотя скромный по облику, довольно разнообразен по составу. Интересно отметить, что керамический материал как будто отсутствует в погребениях, раскопанных в 1931 году¹⁰, хотя известно, что в погребениях, раскрытых ранее и позже, таковой имелся. Заслуживают внимания стеклянные сосуды, металлические и каменные перстни, некоторые с резными изображениями, предметы украшения и т. д.¹¹

Хорошо датирующим элементом для начального времени существования античного могильника служит серебряная монета то ли Тита, то ли Веспасиана¹². В любом случае монета датируется I в. н. э., и если погребальный инвентарь одновременен монете, то погребение следует увязать с поселением, предшествующим городу на этой территории. Однако не исключена возможность, что монета попала в погребение более позднего вре-

⁷ Ж. Д. Хачатрян, Кремация в Армении (II в. до н. э.—III в. н. э.), ВОНАН, 1975, № 2, с. 57—69.

⁸ А. Калантар, Раскопки древнего Валаршапата.

⁹ Там же, с. 37—43.

¹⁰ Там же, с. 51.

¹¹ Там же, с. 57 и далее; Б. Н. Аракелян, Г. А. Тирацян, Ж. Д. Хачатрян, Стекло древней Армении, Ереван, 1970, № 137—140, 142.

¹² А. Калантар, ук. соч., с. 51.

⁶ М. И. Максимова, Геммы из некрополя Мухета-Самтавро, Вестн. Гос. музея Грузии, XVI—В, с. 243, рис. 5.

мени, скажем II в. н. э. В таком случае начало существования некрополя как нельзя лучше совпадает со временем основания города. Что касается верхнего рубежа существования некрополя, то руководитель раскопок древнего Валаршапата прав, когда относит его в раннесредневековое (IV—V вв. до н. э.)¹³. Эти данные нашли полное подтверждение летом 1974 г. во время рытья траншеи для водопроводной трубы во дворе скотного двора Эчмядзинского совхоза¹⁴. Особое внимание привлекает к себе ваннообразный гроб (табл. LIII, 2). Он имеет знаки в виде креста на крышке. Как мы уже видели, погребения в виде глиняных гробов встречались и раньше на территории некрополя Валаршапата (табл. LIII, 1). Принято считать этот тип погребения парфянским и датировать его II—III вв. н. э. Однако уже давно стало ясно, что глиняные гробы имеют довольно древнее происхождение и что местом их возникновения следует считать Двуречье. В самом деле, находки в Вавилоне показывают, что глиняные гробы появляются уже во II тыс. до н. э. и продолжают до нововавилонского и ахеменидского времени. В Ассуре традиция глиняных гробов также уходит в древнеассирийское время. Позже, в парфянское и сасанидское время, глиняные гробы распространяются еще больше в Двуречье и в соседних странах, в Эламе, Сирии, и, как видно, в Армении. Засвидетельствованы они

в Вавилоне¹⁵, Ассуре¹⁶, Ниппуре¹⁷, вблизи Арбелы (Какзу)¹⁸, в Селевкии на Тигре¹⁹, в Варке²⁰, в Сузах—на востоке и Дура-Европос—на западе²¹. Датируются все они от I в. до V—VI вв.

Вероятно, в это же время начинают изготавливаться подобные гробы и в самой Армении. Однако не исключена возможность, что этот тип погребения, так же как и ряд других, считавшихся до сих пор характерными для эллинистического времени (саркофаги, погребения в карасах), могли иметь более древние истоки, восходящие к урартскому времени. Находки глиняных гробов в Сисане (I в. до н. э.) и в Ошакане (рубеж VII—VI вв. до н. э.), а также, возможно, в самом Аргиштихинили делают вероятным, такое предположение. Что касается валаршапатского гроба со знаками в виде креста, то он, вероятно, относится если не к самому концу, то во всяком случае к позднему периоду существования этого вида погребения. По-видимому, эти крестовидные знаки на крышке не случайны и связаны с христианским населением города.

¹⁵ R. Ko'dewey, Das wiedererstehende Babylon, Leipzig, 1925.

¹⁶ W. Andrae, Das wiedererstandene Assur, Leipzig, 1938.

¹⁷ I. P. Peters, Nippur, or explorations and adventures on Euphrates, II New York, London, 1897.

¹⁸ G. Furlani, Sarcophagi partiel di Kakzu, Iraq, 1934, I.

¹⁹ N. Debevoise, Parthian pottery from Seleucia on Tigris, University of Michigan Studies, XXXII, 1934.

²⁰ W. K. Loftus, Travels and researches in Chaldaea and Susiana, London, 1857.

²¹ N. Tall, The Necropolis (Dura-Europos Excavations) 1946. См. также Ж. Д. Хачатрян, Р. М. Торосян, Материалы из северо-восточного некрополя Валааршапата, с. 99—104.

¹³ Там же, с. 55, 59.

¹⁴ Ж. Д. Хачатрян, Р. Торосян, Материалы из северо-восточного некрополя Валааршапата. ВОНАН, 1975, № 5.

ГЛАВА III

КЕРАМИКА И СТЕКЛО

Керамика первых веков н. э., хорошо представленная материалом из могильника Гарни, отчетливо делится на две группы: а) грубые сосуды черно-серого цвета и б) светлые сосуды, главным образом кувши-

ны с ручкой, покрытые ангобом¹ (табл. XLVIII, 1—3).

¹ Г. А. Тирацян. Опыт периодизации истории материальной культуры древней Армении, ИАНОН, 1957, № 2, с. 86.

Первая группа представлена сравнительно немногочисленными формами; в основном это горшки с широким и невысоким венчиком и плоским дном².

Горшки отличаются друг от друга степенью расширения в средней части, размерами венчика, но в основном это обычная для Закавказья форма ромбовидных сосудов с широким горлом без ручек, связанная с древними традициями закавказской керамики. Сходные по формам сосуды встречаются на всем протяжении существования могильника, и одинаковые горшки были добыты из погребений как I, так и III вв.

Имеется несколько сосудов с кольцевидными ручками, прикрепленными к туловищу примерно на линии наибольшего диаметра. Но форма этих сосудов в другом не отличается от вышеописанных.

Все сосуды из грубой, плохо отмеченной глины, заключающей в себе мелкие камушки. Только часть горшков формована на гончарном круге, остальные же вылеплены от руки. Вся эта группа керамики лишена каких бы то ни было украшений. Обжиг их был неравномерный, что приводило часто к красноватым пятнам на темно-серой поверхности сосуда. Наиболее яркими образцами сосудов этой группы являются горшки из погребений № 1. Первый сосуд имеет шаровидное тулово с плоским широким дном и низкой шейку с чуть отогнутым венчиком. Высота сосуда и наибольший диаметр тулова почти что совпадают.

Ярковыраженная бомбовидность, низкий с небольшим изгибом венчик являются характерными особенностями форм этих сосудов, связанных с древней керамикой.

Из образцов сосудов с ручками следует выделить сосуд, обнаруженный в погребении № 37. Этот кувшин с плоским и широким дном, имеет ручку, в данном случае не кольцеобразную, а дугообразную, верхний край которой прикреплен к венчику, а нижний к линии наибольшего диаметра. Венчик сосуда имеет форму трилистника. Из форм керамики этой группы несколько выделяется толсто-стенная бочковидная кружка на плоском дне.

К его тулову прикреплена характерная, кольцеобразная ручка, встречающаяся, как уже отмечалось, на керамике из могильника не одни раз.

Беглый обзор грубых сосудов из некрополя Гарни показывает, что они относятся к сосудам так называемого кухонного назначения, имеющим самое непосредственное применение в хозяйстве. Сравнительно многочисленные горшки среднего размера, вероятно, употреблялись для варения и хранения пищи. Два сосуда с ручкой, один с венчиком в виде трилистника, подробно описанный выше, другой с узким горлом (из погребения № 6), были предназначены для хранения жидкостей, воды или вина. Сосуд в виде кружки, а также маленькие горшки с ручкой служили для питья или для вычерпывания жидкости из крупных сосудов.

Вторая группа представлена кувшинами светлого цвета, поверхность их покрыта светлым ангобом³. К этой группе принадлежат также два сосуда в виде бальзамария⁴.

Все кувшины имеют ручку, как правило, прикрепленную на плечике и к краю венчика. По формам эта керамика разнообразнее, чем в первой группе. Это сосуды бомбовидные с высоким горлом, изящные вазообразные с тонкой выгнутой ручкой, один крупный сосуд отличается округлостью туловища и своеобразным раструбом венчика, под которым помещена небольшая петлевидная ручка. Другой сосуд имеет поверхность, украшенную тремя рядами свальных выпуклых шишечек. Почти что все эти сосуды сделаны на гончарном круге. При их формовке мастер создавал разнообразные формы, придавая одним из них широкое горло, а другим—узкое, добавляя почти ко всем сосудам кольцевой налест на дне и прикрепляя ручки с одним или двумя продольными желобками по наружной стороне (рис. 45).

Глина этих сосудов, в отличие от сосудов первой группы, хорошо отмученная, без особых примесей. Обжиг придавал им светло-красный цвет. На сосуды наносился желтоватый, характерный для данной группы ангоб. Встречаются также отдельные образцы, покрытые ангобом красного цвета и подвергнутые лощению.

Что касается назначения сосудов второй группы, то следует полагать, что они могли употребляться и как настольная посуда, в частности для воды и вина.

Светлый, своеобразный ангоб отличает эту группу сосудов не только от синхронной

² Б. Н. Аракелян, Гарни, I, Ереван, 1951, рис. 29, его же, Гарни, II, Ереван, 1957, табл. VIII; Ж. Д. Хачатрян, Гарни, V, Ереван, 1976, с. 39—51.

³ Б. Н. Аракелян, Гарни I, рис. 37, 39, его же, Гарни II, табл. IX—X.; Ж. Д. Хачатрян, Гарни, V, с. 43 и далее.

⁴ Б. Н. Аракелян, Гарни, I, табл. XII.

ним грубой посуды темного цвета, но что особенно важно, выделяет ей особое место в общем развитии керамики в Армении. Имеется полное основание, учитывая сопровождающий эти сосуды могильный инвентарь, в частности монеты римских императоров I и II вв. н. э. и стеклянные сосуды первых трех веков н. э., говорить о сравнительно твердо установленном типе керамики первых веков н. э. Тем самым раскопки крепости Гарни, и в частности некрополя, позволяют нес-

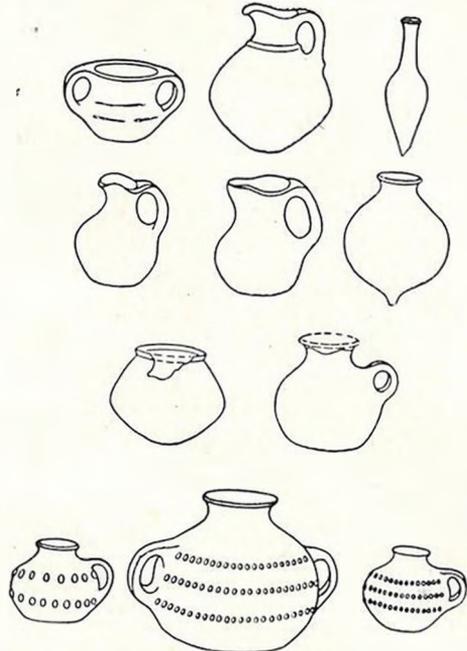

Рис. 45. Керамика первых веков до н. э. и н. э.

колько заполнить пробелы в истории развития древней армянской керамики.

При выделении образцов гарнийской керамики первых веков н. э. немаловажное значение имеет привлечение одновременной керамики как из различных мест Армении (табл. XLVIII, 4), так и из соседних стран. Следует отметить, что часть сосудов из Борн (Западная Грузия), датированных римскими монетами I и II вв. н. э., покрыта тем же характерным слоем светлого ангоба и довольно близка по своим общим формам⁵. То

⁵ См. Е. М. Придик, Новые кавказские клады. Мат. по арх. России № 34, табл. V, а также Керамика из Борн Восточного отдела Гос. Эрмитажа,

же самое надо сказать и по отношению нескольких сосудов из Ашнака (Армения), которые по датировке Р. В. Кинжалова относятся ко II в. н. э.⁶ Много аналогий даст также богатая коллекция сосудов первых веков н. э. из раскопок Самтавро (Грузия).

Этим, таким образом, для Армении, как и для Закавказья первых веков н. э., выделяется довольно четкая группа керамики со своими специфическими чертами, которые отличают ее как от средневековых, так и от более древних образцов.

Особенно наглядно демонстрирует эту общность найденный в 1950 г. в погребении № 13 гарнийского некрополя тонкостенный, сферический сосуд с плоским дном и с низким отогнутым наружу венчиком (табл. XLVIII, 3). Кольцевидная маленькая ручка прикреплена в его средней части. Черепок в изломе плотный, светло-красный и привлекает к себе внимание качеством глины. Она мелкозернистая, очищена от всяких примесей и хорошо отмученная. Примечательной деталью всего сосуда является обработанность его туловищных стенок. Они украшены тремя рядами косо поставленных выпуклых шишечек. Несколько черепков с подобной орнаментацией были найдены на территории крепости Гарни, подобные же сосуды известны и из других районов Закавказья. Так, например, сосудик с ручкой из Ашнака (Армения), находящийся на выставке Кавказа Государственного Эрмитажа, повторяет с некоторыми отклонениями все отмеченные особенности гарнийского экземпляра⁷. Датировка ашпакского сосуда, на основе найденных с ним стеклянных изделий, приблизительно II в. н. э., способствует датировке гарнийского сосуда: уточняя тем самым хронологические рамки всего гарнийского некрополя.

Нередки подобные сосуды и в погребениях Самтавро I—III вв.⁸

Самтаврские сосуды этого типа, в отличие от гарнийских, лишены ангобов, что приводит к другому, более светлому цвету всего сосуда.

⁶ Р. В. Кинжалов, Ашпакский могильник, Тр. Государственного Эрмитажа, т. V, Л., 1961, рис. 4, 5.

⁷ Р. В. Кинжалов, ук. соч., рис. 5.

⁸ Г. А. Ломтадзе, Археологические раскопки в Мухета, Тбилиси, 1955, с. 64; А. М. Апакидзе, Г. Ф. Гобеджишвили, А. Н. Калададзе, Г. А. Ломтадзе, Мухета, I. Археологические памятники Армазис-Хевц. Тбилиси, 1958.

При учете отмеченных аналогий и сопровождающего погребального инвентаря⁹ описанный сосуд можно приурочить ко II в. н. э., что мне кажется вернее, к I в. н. э.

К этой группе принадлежат также глиняные бальзамарии (рис. 46). Один из них поменьше, отчетливо выявляет морфологические сходства с хорошо нам известными античными колбовидными бальзамариями, дру-

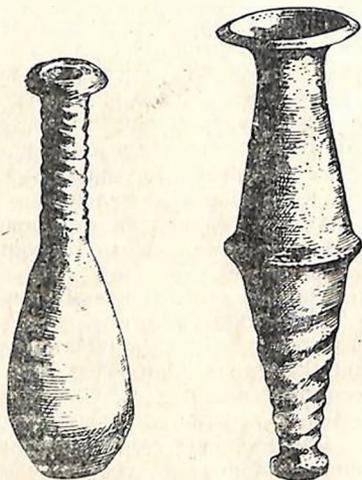

Рис. 46. Унгвентарии первых веков н. э. (Гарни)

гой же побольше весьма своеобразен и не имеет известных мне аналогий в стеклянных сосудах¹⁰.

Первый из них происходит из каменного ящика № 32, в котором среди прочих вещей была найдена римская монета II в. н. э., принадлежащая Луции Веру. Это сосуд с вытянутым туловом и небольшим плоским дном. Высокая шейка, украшенная спиральной полосой, заканчивается ярко выраженным венчиком, с чуть нависающими краями. Оригинален второй сосуд № п. о. 44, также происходящий из каменного ящика № 36. Со-

⁹ Раздавленный стеклянный флакон из тонкого стекла голубого цвета, ажурные бронзовые подвески: см. Б. Н. Аракелян, Гарни, I, рис. 38.

¹⁰ Лишь в работе Morin Jean (La verrerie en Gaule sous l'empire romain, Paris, 1913) приводится широкий приземистый стеклянный сосуд, издавна напоминающий гарнийский глиняный бальзамарий: он служил урной для пепла, с. 52, рис. 26.

проводящий инвентарь, в частности стеклянный шлифованный сосуд, позволяет датировать весь комплекс III в. н. э.

Несмотря на вытянутость, форма сосуда биконическая. Нижняя половина, так же как шейка первого глиняного бальзамария, украшена спиралью: внизу она заканчивается выпуклым, круглым плоским основанием (дном). Верхняя половина более широка чем нижняя и переходит в горизонтально, сильно выступающий шляпообразный венчик, придающий всему сосуду своеобразный вид.

Оба сосуда изготовлены из глины хорошего качества, стмученной, и имеют бледно-красноватый цвет. Верхняя половина второго бальзамария покрыта ангобом ярко-красного цвета. Глиняные сосуды бальзамария в эллинистическое время были широко распространены в восточном бассейне Средиземноморья¹¹. Это длинные, веретенообразные сосуды, предназначенные для хранения мазей (fusiform unguentaria). Примерно в I в. н. э. им на смену пришли колбовидные, глиняные сосуды с выпуклым туловом, обыкновенного типа¹², образцы которых были добыты, например, из раскопок Приены¹³, из городов Северного Причерноморья¹⁴, из Дура-Европоса¹⁵ и др. Все они датируются первым веком н. э. и при общем сходстве выявляют некоторые отличия по сравнению с гарнийским образцом (имеется в виду первый). Это выражается в большей выпуклости тулова.

Следует отметить, что на примере изучения Дура-Европоса на Востоке и римского поселения из Виндонизы на западе, устанавливается, что в Дура-Европосе к началу II в. н. э. глиняные сосуды—бальзамарии вытесняются стеклянными¹⁶, а в Виндонизы еще раньше, уже во второй трети I в. н. э. глиняные сосуды этого рода уступают свое место стеклянным¹⁷. Вышеупомянутые хронологические соображения позволяют делать вывод о том, что в Армении глиняные бальзамарии живут еще дольше, учитывая их при-

¹¹ H. Thomson. Two centuries of Hellenistic Pottery. „Hesperia“, v. III, 1934, с. 473; N. Toll. The Necropolis, с. 107; (Dura-Europos Excavations IX, 2).

¹² H. Thomson, ук. соч., с. 473.

¹³ Wiegand-Schröder, Priene с. 279, рис. 290.

¹⁴ В. Ф. Гайдукевич, Раскопки Мирмекия. Материалы и исследования по археологии СССР, № 25, с. 176, рис. 67.

¹⁵ N. Toll, ук. соч., рис. 21, 29, с. 107.

¹⁶ Там же, с. 107.

¹⁷ E. Ettlinger, Chr. Simonet, Der Schutthügel von Vindonisa Basel, 1952, с. 52.

сутствие в гарнийских погребениях II и III вв. н. э.¹⁸

Рассматриваемыми выше двумя группами не исчерпывается керамика гарнийского некрополя. Отдельно следовало бы остановиться на погребальных сосудах-карасах, но о них, как мы уже видели, было сказано выше.

Керамика из гарнийской крепости. Раскопки в крепости показывают, как сильно перемешаны слои, особенно на территории, прилегающей к оборонительным стенам, вследствие чего очень часто перемешанным встречается и археологический материал.

Поэтому основным методом датировки материала из раскопок крепости, является его сравнение с материалом из погребений, хорошо датированных определенными предметами.

Так, обломки красноватого сосуда с характерными выпуклинами-шишечками были найдены в 1952 г. Сходство этого черепка с одним из сосудов некрополя, рассматриваемого нами подробно при обзоре керамики из погребения, бесспорно. Правда, форма шишечек несколько отлична, они более кругловатые, сохранились остатки поддона, отсутствующего у сосуда из некрополя, но тем не менее на основе аналогии из погребения следует отнести его к I в. н. э.

Аналогии к керамическому материалу из крепости не исчерпываются этим примером. В самых разных местах территории крепости были найдены черепки явно тяготеющие по своему облику к той или иной группе могильника: светловатые черепки с чертами, роднящими их с сосудами второй группы могильника. Особенно бросается в глаза желтоватый ангоб на светло-красном в изломе черепке—факт, часто наблюдаемый на ряде кувшинов, добытых из могил. К той же, второй группе керамики из могильника относятся черепки, на этот раз красноватые на вид.

Хочется отметить хорошее качество выделки двух экземпляров без ангоба со звонким, плотным черепком. Перечисленные черты, отсутствие ангоба, характерный бледно-красноватый вид, весьма напоминают глиняные бальзамарины из могильника.

Раскопками на территории крепости выявили также образцы керамики родственной первой, так называемой кухонной группе гарнийского могильника.

¹⁸ Глиняные бальзамарины с красным лощением, отчетливо имитирующие стеклянные флакончики Грузии I—III вв., были найдены в погребениях Самтавро, см. Г. Ломтадзе, ук. соч., с. 69—70.

Наконец, из найденной на территории крепости керамики следует отметить еще несколько образцов, не имеющих аналогий ни в средневековой, ни в древней керамике.

Это, во-первых, краснолощенная низкая тарелка, с плоским днищем, на кольцевой ножке, с чуть скошенным невысоким бортиком (табл. XLVIII, 5).

О распространенности таких тарелок в самом Гарни говорят находки обломков сходной керамики в разных частях крепости.

Уже одно отсутствие таких форм в керамических коллекциях Армении говорит о возможности приурочивания этого сосуда к керамике античной Армении¹⁹. Краснолаковые, плоские, низкие тарелки на кольцевидной подставке, весьма распространены на территории средиземноморского бассейна и прилегающих районов, особенно в I в. до н. э. и I и II вв. н. э. Все они входят в круг так называемой terra sigillata, и изготовлены из первосортной глины, подвергнуты хорошему обжигу, покрыты слоем блестящей глазури, и снабжены характерными клеймами. Однако, по мере все усиливающегося изучения восточных районов, в частности Малой Азии, становится явнее, что краснолаковая керамика не является однородной²⁰. Возникла возможность разграничить италийские образцы краснолаковой керамики от восточных. Итальяские тарелки, например, с кольцеобразной подставкой, высокой и заостряющейся книзу, покрыты блестящей глазурью и снабжены клеймом с латинскими буквами. Восточные же образцы этого вида имеют плоские, низкие, кольцевидные подставки с небрежно нанесенным слоем глазури²¹ и тем самым могут быть привлечены в качестве аналогии для гарнийской тарелки. Однако, невзирая на общее сходство между гарнийской тарелкой и восточными образцами terra sigillata, касающиеся формы, принципиальные отличия остаются. Это лак и клеймо, характерные для terra sigillata, но отсутствующие на

¹⁹ Так поступает и ее издатель: Б. Н. Аракелян, Гарни, I, с. 41.

²⁰ Особенно большое значение имеют работы Лешке в этой области. См. Т. Н. Книпович, Краснолаковая керамика первых веков н. э. из раскопок боспорской экспедиции 1935—1940. (Материалы по археологии СССР, т. 25, с. 290.

²¹ Hans Dragendorff, Zur Terrasilatindustrie in Griechenland, Kleinasien, Südrussland and Ägypten, Bonner Jahrbücher, Heft 101, 1887, с. 144; Т. Н. Книпович, ук. соч., с. 290.

гарнийском сосуде, который вероятнее всего является местным подражанием сходному изделию какого-нибудь восточного центра керамического производства.

Второй сосуд, о котором следует упомянуть—это маленький кувшинчик с ручкой (табл. XLVIII, 5). Днище сосуда плоское, тулово выпуклое, равномерных очертаний, переходит в сравнительно высокую шейку с едва отогнутым венчиком. Шейка, кроме части под ручкой, обработана неглубокими концентрическими бороздками и волнистыми линиями. Сосуд изготовлен из какой-то плотной, однородной белой массы. Стенки покрыты слоем поливы, серовато-зеленоватого цвета. По своей форме гарнийский сосуд приближается к двум маленьким кувшинчикам из некрополя Дура-Европоса, датированные I в. до н. э. и I в. н. э.²²

Керамика древних веков из Гарни хорошо дополняется керамикой из раскопок Арташата. Как мы увидели, 8-й холм Арташата дает интересный керамический материал первых веков н. э.²³

Следует учесть то обстоятельство, что керамика первых веков н. э. Арташата довольно хорошо делится на две хронологические группы: I—II вв. и III—IV вв., каждая представлена также новыми, ранее не встречающимися формами.

Особую группу образуют многочисленные блюда на ножке или без ножки, которые являются подражаниями керамике terra sigillata. Все они покрыты красноватым или коричневым ангобом и тщательно выложены.

Обращает на себя внимание двуручная кружка на круглом поддоне. Она имеет ручки характерной формы, колышевидные с горизонтальным выступом. Параллели ведут нас, по-видимому, в Малую Азию и Северное Причерноморье и позволяют датировать сосуд I в. н. э.

Керамику I—II вв. из Арташата замыкают полушаровидные чаши на круглом поддоне. По мнению Ж. Хачатряна они являются дальнейшим развитием местных полушаровидных чаш эллинистического времени, хотя имеют аналогию среди керамического материала Малой Азии, Северного Причерноморья и т. д.

²² H. Toll, The Necropolis (Dura-Europas Excavations, IX, 2) табл. XXXVI, мог. 6—V № 2 и табл. V; мог. 46, с. 139.

²³ Б. Н. Аракелян, Древний Арташат, с. 31—38; Ж. Д. Хачатрян, А. Г. Канеян, Стратиграфия VII холма Арташата, БОНАН, 1974, № 9, с. 82 и далее.

Керамика III—IV вв. Арташата представлена леканами, блюдами, стаканами, горшочками, кувшинами и т. д. Все они представляют собой дальнейшее развитие предыдущих форм и имеют мало аналогий в синхронной керамике как Армении, так и сопредельных стран.

Стекло. Археологические изыскания свидетельствуют, что стеклянные изделия и предметы в Армении получили широкое распространение в первых веках н. э.

Стекло этой эпохи, обнаруженное в Армении, по технике изготовления, многообразию формы и цвета представляет большой интерес для изучения стеклоделия не только Армении, но и древнего мира вообще.

Подавляющую часть рассматриваемых стеклянных изделий образуют стеклянные сосуды, около 120—130 единиц, сохранившихся полностью или с частичными повреждениями²⁴.

Исследование этой примечательной коллекции дает важный материал о стеклоделии древней Армении и античного мира, о торговых связях Армении с другими странами. Представленное стекло, за исключением двух образцов, из которых один привезен из Маку, другой—из Нагорного Карабаха, обнаружено на территории Советской Армении. Значительная часть стеклянных предметов обнаружена в Гарни в некрополе античного периода²⁵ (табл. XLIX и L, 1—4). Другая большая группа обнаружена в могильниках Валаршапата во время предварительных раскопок 1926—1930 гг. и раскопок 1931—1932 гг., проведенных по специальной программе и предпринятых с целью выяснения расположения древнего Вагаршапата²⁶ (табл. L, 5, 6). К числу материалов, обнаруженных благодаря раскопкам, относятся также сосуды, найденные археологом Ераваном Лалаяном в могильниках Севанского бассейна²⁷. Группа сосудов и чаш обнаружена случайно, во время строительных работ, как, например, в Севанском бассейне—в городе Севане, в селах Карадзг, Верин Геташен, Цовинар, Лчашен, в селе Ашнак Талинского

²⁴ Б. Н. Аракелян, Г. А. Тирицян, Ж. Д. Хачатрян, Стекло древней Армении, Ереван, 1969.

²⁵ Б. Н. Аракелян, Гарни, I, с. 52 и далее; егже, Гарни, II, с. 59 и далее; Ж. Д. Хачатрян, Гарни, V, с. 51—85.

²⁶ А. Калантар, Раскопки древнего Валаршапата, Ереван, 1935, с. 58, табл. VIII (на арм. яз.).

²⁷ Е. Лалаян, Раскопки могильников в Советской Армении, Ереван, 1931 (на арм. яз.).

района, в районе Кохба, в селах Гехадир и Кюлиджа Абовянского района, Геташен и Верин Арташат—Арташатского района²⁸.

Как видим, подавляющая часть стеклянных сосудов обнаружена в могильниках. Это обстоятельство в значительной степени предопределяет характер стеклянных изделий. Обнаруженные в могильниках бальзамарии использовались в основном для различных благовоний и масел, а также мазей и клалась с покойником в могилу для использования им в потустороннем мире. Исключения могут составить большой колбовидный флакон и два других флакона (из четырехгранных), которые, вероятно, использовались в хозяйстве в качестве сосуда для воды или какого-либо иного напитка.

Собрание античного стекла Армении отличается многообразием форм, размеров и пропорций. В этом собрании мы встречаем сосуды колбовидной, шаровидной, яйцевидной, цилиндрической, многогранной формы—со своими различиями. Индивидуальными особенностями формы отличаются флаконы амфоровидные, грушевидные, изготовленные в виде плода финикового дерева или изображающие человеческое лицо. Значительная часть стеклянных сосудов не имеет ручек, остальные—имеют одну или две ручки.

На дне обнаруженного в могильнике Гарни шестигранного флакона греческими буквами отписано имя «Германос». Наличие собственных имен на дне или стенках стеклянных сосудов—распространенное явление в античном мире; подобные надписи обозначали имя стеклодува, владельца мастерской или владельца сосуда. На дне сосуда, обнаруженного в Армении, помещено, вероятно, имя мастера-стеклодува.

Значительное разнообразие заметно в цвете и оттенках сосудов. Зачастую оттенок зеленоватых, голубых бальзамариев обусловлен естественными примесями сырья—песка. Другие цвета получены искусственно—путем примеси к стеклянной массе окиси того или иного металла.

Замечательный фиолетовый цвет сосудов достигался примесью окиси марганца, беломолочный цвет—посредством примеси окиси свинца, темно-синий цвет—примесью соединений кобальта. В Армении встречаются стеклянные изделия зеленоватого, голубоватого, желтоватого, коричневого, фиолетового цвета с соответствующими оттенками. Встречается также бесцветное прозрачное стекло.

²⁸ Б. П. Аракелян, Г. А. Тирацян, Ж. Д. Хачатрян, ук. соч., с. 16.

Среди колбовидных бальзамариев преобладает зеленоватый и голубоватый оттенок, среди других, особенно среди изготовленных при помощи ферм,—коричневый и фиолетовый.

Стеклянные изделия, обнаруженные в Армении, отличаются также большим разнообразием с точки зрения техники изготовления и отделки.

Изучение этого стекла показывает, что во время его производства применялись основные методы технологии стеклоделия, а именно—методы накатывания, свободного выдувания, выдувания в форме, а также различные виды горячей и холодной обработки.

Толстостенные, тяжелые и массивные флаконы с грубым внешним видом изготовлены не способом выдувания, а оформлены вручную. Стеклянная масса еще в горячем виде наматывалась на специальный стержень, после чего путем накатывания получался некий колбовидный флакон.

Большая часть античных стеклянных изделий Армении изготовлена методом свободного выдувания. Стеклодув брал концом специальной трубки для выдувания соответствующее количество стеклянной массы, затем путем выдувания, а также изменения положения трубки и накатывания сосуда на каменной плите получал желаемую форму.

Изготавливаемые сосуды часто подвергались горячей и холодной обработке. К еще неостывшему сосуду прикреплялись ручка или ручки или же кольцевидная ножка у дна, иногда венчик. Щипцами или рукояткой разгибалось, сжималось место перехода от тела к шейке, что особенно заметно на колбовидных флаконах. Из накопившегося на дне стекла в горячем состоянии вытягивались ножки. Для более позднего периода становится характерным способ декорирования накладными поясками. Стеклянные пояски в виде тонких нитей или широких лент в горячем виде накладывались на поверхность сосуда, образуя спиралевидные волнистые, сетчатые и прочие узоры. Одним из лучших образцов группы сосудов с такими украшениями является чаша, которая имеет свои параллели в изделиях стеклодельных центров Западной Европы. Красивым образцом сосуда со спиралевидным узором, изготовленным подобной техникой, является сосуд, который, вероятно, вывезен из Сирии. Пояски и украшаемые ими сосуды зачастую были одного цвета, но встречаются и пояски иного цвета. В качестве примера можно указать на шаровидный флакон, который изготовлен из бесцветного, не

очень тонкого стекла и покрыт зигзагообразным коричневым узором в виде пояски, благодаря чему создается красивая игра двух цветов. Пояски в виде лент украшались поперечными параллельными черточками, приобретая змееподобную форму. На сосудах с такими поясками иногда имелись украшения, напоминавшие змеиную головку. Поэтому группа подобных сосудов известна под названием стеклянных изделий со змеевидными украшениями. Характерным примером этой группы служит флакон, который, наряду с подобными флаконами из других мест—одним, купленным в Канре, и другим, найденным в Бори (Грузия), принуждает вновь рассмотреть вопрос о происхождении и центрах производства стеклянных изделий со змеевидными украшениями.

Примером горячей обработки может служить также изготовление выпуклых узоров на тулове сосуда путем выщипывания и вдавливания стенок тулова.

Холодная обработка производилась после полной готовности сосуда, когда поверхность сосуда подвергалась механическому воздействию. Видами холодной обработки были: гравировка, шлифовка, полировка. Первая производилась вручную, с помощью резца. Шлифовка и полировка производилась, как правило, на специальном станке. Техника гравировки и полировки стекла, известная еще в эллинистическую эпоху, нашла широкое распространение во II—IV и последующих веках н. э. Шлифованные украшения, появившиеся в ранний период более простого характера, со временем становятся многообразными и сложными, требующими с технической точки зрения большого умения.

На территории Армении обнаружены образцы сосудов (главным образом обломки), изготовленных по этой технике: примером цельного превосходного образца данной группы может служить сосуд, изготовленный из молочно-белого толстого стекла, имеющийся на нем шлифованные и выгравированные украшения подчеркивают его большую ценность.

Как мы видели, определение места изготовления отдельных групп стеклянных изделий связано с довольно большими трудностями и не всегда возможно предложить окончательное и удовлетворительное решение. Это же затруднение возникает при определении центров производства сосудов со шлифованными и выгравированными украшениями. Тем не менее, как форма, так и украшения вышеуказанного сосуда имеют параллели в стек-

лянных изделиях Западной Европы и приближают его к рейнским образцам стеклянных изделий.

Производство стекла обогатилось вскоре важным новшеством—начали использовать специальные формы, в которых выдувались сосуды. Это усовершенствование техники выдувания содействовало развитию стеклоделия, а также создало новые возможности для украшения сосудов. Изучение обнаруженных в Армении сосудов, выдутых в формах, показывает, что в процессе их изготовления использовались цельные, двухстворчатые и даже трехстворчатые формы. Цельные формы изготовлялись, вероятно, из дерева, верхняя часть их была широкой, нижняя—узкой, для того, чтобы готовый сосуд можно было с легкостью достать из формы.

Большая часть сосудов изготовлена в двухстворчатых формах. Это видно по вертикальному шву на поверхности сосуда, делящему его на две более или менее равные части. Три ясно заметных шва на одном из сосудов доказывают, что при его изготовлении была не использована трехстворчатая форма.

Обнаруженное в Армении стекло, выдтое в форме, отличается не только разными очертаниями отдельных сосудов, но и разнообразием украшений, оттиснутых на их стенках. Это показывает, что использовались формы, воспроизводившие самые различные мотивы узоров, наряду с формами, имевшими гладкие стенки, использовались также, которые воспроизводили на сосудах разные узоры. Такие формы изнутри имели вдавленные или рельефные узоры в виде вертикальных каннелюр, горизонтальных поясков, составленных из завитков и ромбовидных мотивов, рельефных изображений разных видов сосудов и концентрических кругов конических выпуклин и т. д. На противоположных выпуклых стенках тулова флакона сделаны рельефные изображения женских головок.

Как уже было отмечено, подавляющая часть стеклянных изделий обнаружена в погребениях. В тех случаях, когда соблюдались археологические правила исследования могильников, датировка стеклянных сосудов заметно облегчается. Сопутствующие материалы—геммы, глиняная посуда, металлические вещи, к сожалению, не всегда ориентируют исследователя в вопросе определения времени стекла. В этом аспекте несравненно большее значение имеют монеты, хотя и надо отметить, что число монет, обнаруженных вместе со стеклянными сосудами, не велико. Тем

не менее, при помощи римских (Август, Луций Вер) и сасанидских (Арташир I) монет можно выделить сосуды, которые с довольно большой точностью датируются I, II и III вв. н. э.²⁹ Так или иначе, значительная часть стеклянных изделий, происходящих из погребений; обломки, обнаруженные в крепости Гарни, в античном слое, сами по себе датируются только с приблизительной точностью, не говоря уже о случайных находках. Следовательно, более точная датировка стекла достигается изучением самих сосудов—путем сравнения их с материалами, точно датированными. Этим путем становится возможным более определенно датировать по векам античное стекло Армении (I—IV вв. н. э.). Так, например, I в. н. э. можно датировать ряд колбовидных флаконов, изготовленных методом свободного выдувания, большую часть маленьких колбовидных сосудов, часть шаровидных сосудов и т. д. Со всей определенностью к I в. н. э. относится ряд сосудов, выдутых в форме, флаконы с выпуклыми изображениями сосудов, все виды яйцевидных сосудов с двумя ручками (амфорски), часть шаровидных флаконов с каннелюрами, амфоровидный сосуд с вертикальными каннелюрами, восьмигранные сосуды с двумя ручками. II в. н. э. (среди изготовленных методом свободного выдувания изделий) датируются шаровидные сосуды с низкими закругленными ручками, амфоровидные сосуды с двумя ручками, обломки чаши. Из образцов, выдутых в форме,—сосуды в виде плода финикового дерева, сосуд с женскими головками, четырехгранный сосуд с одной ручкой.

Ряд флаконов возможно датировать более общим образом—первыми двумя веками: в их числе—большая часть колбовидных флаконов, ряд небольших флаконов с шаровидным туловом, часть флаконов с выпуклыми гранями. Из флаконов, выдутых в форме, первыми двумя веками н. э. датируются яйцевидные сосуды с двумя ручками и горизонтальными каннелюрами, чаша молочно-белого цвета с расширяющимися краями и т. д.

К III в. относятся: из сосудов, изготовленных методом свободного выдувания,—

²⁹ Правда, монеты императора Августа в отдельных случаях находились в обращении до III—IV вв. н. э., однако изучение погребений в Гарни, содержащих монеты Августа, а также параллели, имеющиеся в них стеклянных сосудов показывают, что эти погребения датируются I или II вв.

большой грушевидный сосуд со шлифованным узором, чаша с накладными сетчатыми узорами. Из сосудов, выдутых в форме, следует упомянуть шестигранный сосуд. Более значительная группа сосудов может быть датирована также более общим образом—II—III вв. как-то: флакон с длинной шейкой, шаровидные сосуды с двумя ручками и выгравированными узорами, сосуд с одной ручкой и вдавленными стенками, ряд сосудов с накладными узорами. К этим же векам относится ряд сосудов, изготовленных в форме,—шаровидные флаконы с конусообразными рельефными узорами, цилиндрический флакон.

III—IV вв. н. э. можно датировать большой шаровидный сосуд с выгравированными поясками, флаконы с вдавленными стенками, флакон с одной ручкой с накладным узором, сосуды с выпуклыми узорами, сделанными путем выщипывания, флакон грушевидной формы с конусообразными выпуклыми узорами, шаровидные сосуды без ручек с вертикальными каннелюрами. Наконец, IV в. и началом V датируются обломки сосуда со шлифованными узорами, флаконы с шаровидным туловом и расширяющейся кверху шейкой. Выдутый в форме сосуд с грушевидным туловом и вертикальными каннелюрами также относится к рассматриваемому времени.

Изучение обнаруженного в Армении стекла античной эпохи показывает, что оно в большей своей части привозное; при этом выясняются также основные центры его производства. Вместе с тем можно говорить о первых образцах местного стеклоделия. Как при выяснении вопросов датировки, здесь также основным методом изучения является сравнительный анализ и параллели.

В Армении до настоящего времени не обнаружены стеклодельные мастерские античного времени, хотя и первые данные об их наличии можно получить изучением рассматриваемых в выпуске стеклянных изделий. Армения, достигшая в эллинистическую эпоху сравнительно высокого уровня социально-экономического и политического развития, со своей оживленной городской жизнью, ремеслами и торговлей, несомненно обладала всеми материальными и техническими возможностями для организации производства стекла на месте. Этому содействовали имевшиеся в разных местах Армении кварцевые пески, которые, как известно, являются основным сырьем для стеклоделия. Однако до обнаружения стеклодельных мастерских, с обязательным сопутствующим материалом—

шлаком и производственным браком, одним из основных показателей местного стеклоделия остаются типологические соображения. Сравнительное изучение ряда обнаруженных в Армении сосудов со всей очевидностью выявляет их различие от подобных сосудов античного мира³⁰. Отличительные черты ряда сосудов, обнаруженных на территории Армении, позволяют считать их результатом местного производства. Это в равной степени относится как к сосудам, изготовленным методом свободного выдувания, так и к сосудам, изготовленным выдуванием в форме (колбовидные балзамарины с яйцевидным туловом, ряд сосудов с вдавленными стенками и вертикальными каннелюрами, шаровидные сосуды с короткой шейкой и т. д.). Восемьгранный флакон, который не удался стеклодуву и фактически представляет производственный брак, едва ли ввезен извне. В Армении, частично в Грузии, обнаружены яйцевидные амфориски, посередине тулова которых проходит поясик из ромбовидных узоров. Эти амфориски представляют собой подражания подобным сирийским известным сосудам.

Вне Армении и Закавказья подобный сосуд с ромбовидными узорами обнаружен в единственном экземпляре лишь в Сирии. Не исключено, следовательно, что сосуды этого типа могли производиться в Армении.

К местному стеклу можно причислить также ряд сосудов с вдавленными стенками, отдельные флаконы, колбовидные флаконы с яйцевидным туловом, шаровидные сосуды с вертикальными каннелюрами и т. д. Обнаруженные в разных местах Армении своеобразной формы колбовидные балзамарины с яйцевидным туловом имеют небольшую емкость, мало отличаются друг от друга по общему виду и форме; характерным цветом является зеленоватый. Ареал распространения этих балзамаринов не выходит за пределы Закавказья, однако обнаруженные в Армении образцы своими отдельными чертами отличаются от обнаруженных в Грузии и на территории Советского Азербайджана. Для маленьких флаконов с шаровидным туловом и вертикальными каннелюрами, выдутых в форме, большая часть которых обнаружена в

Валаршанате, характерен светло-зеленоватый цвет. Они также в общем подходят друг к другу и, несмотря на некоторое различие формы, шеек и венчиков, составляют своеобразную и, вероятно, местную группу.

Поэтому не исключена возможность организации производства стекла в Армении, и, вероятно, оно связано с Сирией, тем более, что связи Армении с этой страной наблюдаются с древнейших времен и особенно тесные начиная со времени Тиграна II. В античном мире имелись стеклоделы, мастера-передвижки, которые организовали производство стекла в разных странах, где были для этого необходимые условия. Известно, что Энеон имел отделения своей мастерской в разных местах, а в конце жизни перенес все мастерские в столицу империи. Весьма вероятно, что некоторые из сирийских мастеров-стеклодувов утвердились и в Армении.

Кроме того, Тигран II и его преемник Артавазд II переселили в Армению большое количество населения из эллинистических городов для заселения своих больших городов. А в древности в таких случаях предпочтение отдавалось торговцам и ремесленникам. Известно, что эти переселенцы, распределенные по городам, играли в Армении большую роль—как торговцы и квалифицированные ремесленники. Вероятно, они так же, как в Понте, Каппадокии или Парфянском царстве, обладали особыми правами и привилегиями.

Наконец, очень важно отметить свидетельство раннесредневекового историка Агафангела о том, что в Вагаршанате в конце III в. имелась стеклоделная мастерская.

При всем этом можно со всей определенностью сказать, что большая часть античного стекла Армении ввозилась. Изучение этого стекла убедительно показывает, что основным поставщиком стекла в Армению являлась Сирия, ее стеклодельные центры³¹. Это обстоятельство не следует считать случайным, поскольку, как уже говорилось, Сирия вместе с Финикией являлась одним из самых известных центров стеклоделия античного мира. По всей вероятности, именно здесь, быть может и в Египте, были сделаны два открытия, вызвавшие переворот в технологии стеклоделия,—изготовление стекла методами свободного выдувания и выдувания в форме. Эти открытия вывели стеклоделие из узких рамок на путь массового производства. Сирий-

³⁰ A. Kisa. Das Glas im Altertume. Band I—II—III. Leipzig, 1908; G. A. Eisen, Glass, New York, 1927; F. Fremersdorf, Römische Gläser aus Köln, Leipzig. 193; W. B. Honey, Glass, London, 1946; B. Filarska, Szkła starożytnie, Warszawa, 1946.

³¹ Г. А. Турация, О торговых связях Армении с Сирией в античное время. Палестинский сборник, вып IV, 1959, с. 73—78.

ское стекло начало наводнять мир. Почти полное совпадение форм и узоров целого ряда образцов стеклянных изделий, обнаруженных в Армении, с сосудами из Сидона, Дурра-Европоса и других сирийских центров не оставляет сомнений относительно их сирийского происхождения (рис. 47).

Наиболее яркие образцы сирийского стеклоделания, обнаруженные в Армении,—харак-

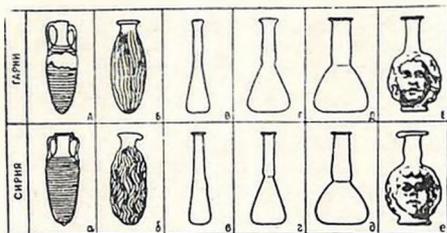

Рис. 47. Армения и Сирия (стеклянные сосуды)

терные сидонские бальзамарины, изготовленные методом выдувания в форме амфориски, принадлежащие к кругу производства известного в античном мире стеклодела Энеона, шаровидные сосуды с одной ручкой и вертикальными каннелюрами—как по количеству,

так и по мастерству выполнения могут ур-ашать лучшие собрания античного стекла.

По примеру сирийского стеклоделания новые центры по производству стекла были созданы и в ряде других мест. Наряду с действующими египетскими мастерскими появились мастерские на Кипре, в Италии, Галлии, в Рейнской области.

Интересно отметить, что параллели нескольких образцов древнего стекла Армении указывают на Египет и Кипр как на возможное место их происхождения, хотя они, несомненно, привезены в Армению вместе с сирийским стеклом. Два первоклассных сосуда рядом своих особенностей как бы связываются со стекловудным производством Рейнской области римского времени, по обстоятельства их ввоза в Армению еще нуждаются в дополнительном освещении.

Обнаруженное в большом количестве именно сирийского стекла в древних крепостях Армении, в поселениях сельского типа, а также и в городах, является примечательным и характерным явлением, относящимся к армяно-сирийским экономическим и культурным связям, которые были довольно тесны не только в древнюю или античную эпоху, но и в раннее средневековье.

ГЛАВА IV

ПРЕДМЕТЫ УКРАШЕНИЯ И ВООРУЖЕНИЯ

Предметы украшения представлены бурами, серьгами и перстнями, булавками и шпильками, зеркалами и другими предметами. Это самые обыкновенные бытовые предметы, встречающиеся часто в погребениях первых веков н. э. на широкой территории. Они довольно скромного облика, золотые вещи, например, очень редкие, но тем самым представляют интерес для изучения культуры не только верхушки армянского общества. Ознакомление с указанными предметами дает возможность одновременно наметить довольно четкую, импортную группу вещей, позволяющих в определенной мере восполнить наши представления о связях Армении первых веков н. э. с внешним миром, главным образом с эллинистическими странами Ближнего Востока.

Далее если принимать во внимание, что история Армении с VI в. до н. э. по IV вв. н. э. не была изучена археологически и что, следовательно, для указанного отрезка времени, у нас в прошлом не было абсолютно никаких вещественных доказательств для предметов вооружения на территории Армении¹, то даже немногочисленная группа ору-

¹ Сличение съездений ранне-средневековых историков Армении с памятниками материальной культуры сасанидского Ирана, может частично восполнить этот пробел для IV—VII вв. Сопоставление армянских письменных и иранских вещественных данных впервые было предпринято И. А. Орбели. См. Временная выставка Сасанидских древностей. Пб., 1922, с. 9, а также Г. А. Тирацян. Уточнение некоторых деталей сасанидского вооружения по данным армянского историка IV в. н. э. Фавста

жня из некрополя I—III вв. н. э. заслуживает особого внимания.

Рассмотрим теперь детально каждую группу вещей в отдельности.

Бусы встречаются в большинстве из погребений гарнийского некрополя и представляют собой довольно характерную группу вещей (рис. 48). Они разнородные по материалу и разнообразны по форме, но в основном хронологически не расходятся с инвентарем некрополя. Об этом говорит и тот факт, что они перекликаются с подобными украшениями первых веков н. э., встречающимися на большой территории (Передняя Азия, Се-

Рис. 48. Бусы (Гарни)

верное Причерноморье). В то же время надо отметить, что среди гарнийских бус безусловно бытуют и более древние формы, идущие с эллинистического и более раннего времени.

Найдены сравнительно многочисленные стеклянные бусы. Это, во-первых, призматические, многогранные бусы, красивого синего или матового цвета, разных размеров. Встречаются они как в погребениях I в., так и в погребениях, точно датированных II или III вв. н. э. Затем, зерновидные и цилиндрические бусы из матового стекла, которые тоже встречаются во всех веках существования могильника. Особняком стоит бусина в виде подвески из стекла голубого цвета, погреб. 41, встречающаяся как в эллинистическое, так и в римское время. На юге России такие образцы датируются I в. до н. э.²

Бусы из стеклянной пасты образуют самую многочисленную группу. Они покрыты

слоем иризации характерного серого цвета. Встречаются самые разные формы: чечевицеvidные, боченкообразные, в виде приплюснутых шаров, двойные, тройные и др. Двойные и тройные бусы, сходные с гарнийскими, встречаются на территории Палестины и датируются I в. до н. э. и I в. н. э.³ Чечевицеvidные бусы на юге России датируются I и II вв. н. э.⁴ В Гарни они преобладают в погребениях I и II вв. н. э.

Бусы из цветных камней,—сердолика, халцедона, горного хрусталя, агата. Среди них преобладают сердоликовые, шарообразные. Интересна агатовая бусина в виде подвески.

Характерные лигнитовые бусы в виде двойного топора в погребениях найдены вместе с обломками сидонского флакона с рельефными сосудами на стенках (I в. н. э.), а также с шлифованным стеклом (III в. н. э.). В Крыму, например, такие бусы датируются предварительно II—III вв. н. э.⁵

Встречаются разной формы каменные бусы—биконические, продолговатые, в виде мелких кубиков, гиревидные. Последние, в виде подвески из черного и серого камня, обращают на себя внимание. Для биконической продолговатой большой бусины можно привести аналогию из некрополя Дура-Европоса, где они датируются I—II вв. н. э.⁶

Металлические серебряные бусы биконические, одна в виде трубочки, железная. По своей форме серебряные более раннего времени. На юге России встречаются бусы такой же формы, только из стекла, и датируются I в. н. э.⁷ Наконец, следует выделить бусы из пасты («египетской») разной формы.

Имеются шарообразные бусы, ребристые с широким отверстием голубого цвета. Они распространены по всей Передней Азии и встречаются в разные времена. В Дура-Европосе они датируются I в. до н. э.—II в. н. э.⁸ Бусы с волнообразными белыми жилками гарнийского некрополя встречаются в погребениях I в. н. э. в Дура-Европосе датируются

³ F. Neuburg, Glass in Antiquity, London, 1948, табл. XXIII, 5.

⁴ M. Ebert, ук. соч., рис. 104 (10) к с. 103.

⁵ Г. П. Мосберг, К изучению могильников римского времени юго-западного Крыма. С. А., VIII, 1946, рис. 3(8), с. 116, 117.

⁶ N. Toll, ук. соч., табл. XVIII погреб. 23; табл. XVIII, погреб. 29.

⁷ M. Ebert, ук. соч., рис. 109(3) к с. 113.

⁸ N. Toll, ук. соч., табл. XV мог. 24—II и с. 139.

Бузанда «Исследования по истории культуры народов Востока», Сборник в честь академика Н. А. Орбела М.-Л., 1960.

² M. Ebert, „Ausgrabungen in dem Gorodok Nikolajewka“ „Prähistorische Zeitschrift“ Bd. V. 1918, H. 12, рис. 109, 2 к с. 113.

ся I—II вв. н. э.⁹ Продолговатые, палочкообразные бусы из белой массы, а также бусина в виде подвески с вертикально-рифленным туловом встречаются в погребениях первого века. В Дура-Европосе встречаются в могилах I в. до н. э. по III в. н. э.¹⁰ Бусина шарообразная, с круглыми маленькими палочками и другая тождественной формы с «глазками», широко распространенная на востоке и на западе античного мира.

Среди бус гарнийского некрополя сравнительно древнюю группу образуют рассматриваемые нами в последнюю очередь пастовые бусы, особенно шарообразные: рифленные, с жилками и глазками. Остальные же, как уже было сказано, укладываются в хронологические рамки некрополя. Что касается происхождения бус, то пастовые и часть стеклянных следует считать привозными. Относительно остальных (сердоликовые, каменные и др.), которые встречаются на территории Армении и в предшествующей эпохе, можно предположить, что они изготовлены на месте.

Металлические булавки, костяные шпильки. До нас дошло несколько бронзовых булавок, очевидно, для закрепления плаща. Сохранился один цельный экземпляр (длина до 9,4 см), от остальных дошли до нас фрагменты, которые, однако, дают возможность судить о форме головки. Есть кольцевидные головки, с жгутообразным орнаментом или просто в виде завитка.

Было найдено большое число костяных шпилек, характерных спутников погребений первых веков н. э. Размеры пельных экземпляров от 10 см до 14,5 см. Все они имеют головки, украшенные в виде шариков, колец, чередующихся валиков и шаров. Они служили, очевидно, для поддерживания волос и нередки в одновременных погребениях Ближнего Востока¹¹.

Представлены также зеркала. Это бронзовые диски с гладкой посеребренной стороной. Цельные образцы имеют диаметр от 6,8 см до 7,3 см. Они были снабжены выступобразными ручками, которые, однако, отбиты. Сходные с гарнийскими зеркала встре-

чаются в некрополе Дура-Европоса, в погребениях первых веков н. э.¹²

Характерные подвески металлические. Встречаются пирамидальные полые подвески с треугольными прорезями в стенках¹³. Затем конусообразные тоже полые, но без всяких прорезей. Особый интерес представляют ажурные подвески из бронзовой проволоки. Овальные в сечении, украшенные точечным узором, довольно древней формы.

В отдельных погребениях встречаются морские раковины, безусловно привозные, а также маленькие, речные раковинки. Такие раковины не редкость, в погребениях, одновременных с гарнийскими¹⁴.

Широко представлены пряслица. Встречаются каменные, стеклянные, глиняные.

Оружие. Это наконечники копий, дротиков и стрел, а также кинжалы и ножи, все из железа, которые дают нам некоторое представление о предметах вооружения первых веков н. э. Наконечники копий, представлены некоторыми экземплярами. Один побольше (длина 28,8 см), происходит из красного погребения №39¹⁵. Лезвие копия образует сильно удлиненный треугольник и имеет пологую, круглую в сечении втулку. Остальные два поменьше (длина 19 см и 17 см). Первое происходит из разрушенной могилы. Лезвие, как и у предыдущего образца, образует треугольник, но менее вытянутый. Втулка полая, с прорезью по одной стороне, и с дырками для прикрепления гвоздями к дереву. Второй происходит из погребения № 57. Втулка также полая, насколько можно судить по сохранившейся части лезвия, оно листовидное. Наконечники дротиков представлены маленькими и фрагментарными образцами. Сохранившийся цельный наконечник (длина 8,8 см) имеет неправильной формы листовидное лезвие и пологую втулку.

Из двух погребений были раздобыты наконечники стрел, сильно вытянутой формы. Сравнительно большую группу образуют кинжалы, остроконечные с обоюдоострыми

⁹ Там же, табл. I, мог. 36—XII.

¹⁰ Там же, табл. XIII.

¹¹ *Lankaster Harding*, *A roman Palestine family vault tomb on Jebel Jofeh Aman*. „Quarterly of the department of the Antiquities in Palestine“, v. XIV, 1950, тб. XXVIII.

¹² *N. Toll* ук. соч., табл. XXXVI, XXXVII.

¹³ *Придик*, Новые кавказские клады, Материалы по археологии России, № 34, табл. VI, № 28.

¹⁴ См. в Дура-Европосе *N. Toll*, ук. соч., табл. IV, погребение 40.

¹⁵ М. М. Иващенко и Е. А. Пахомов настаивали на том, что погребения в карасах совершались без оружия (см. *Г. Н. Ноне*, Мингечаурские кувшинные погребения с оружием, КСИИМК, вып. 60, 1955, с. 54 и след.). Однако раскопки Мингечаура (там же) и, как видим, Гарни, опровергают такое заключение.

клинками и металлическими черенками¹⁶. На черенке одного из кинжалов сохранился гвоздик для прикрепления обкладки. Надо еще упомянуть несколько фрагментов ножей, части клинков и т. д.

Анализ, например, погребального инвентаря гарнийского некрополя лишний раз говорит о скромном, рядовом характере захоронений. Правда, некоторые вещественные данные из некрополя, позволяющие восстановить частично одежду и прическу захороненных, как будто противоречат такому зак-

¹⁶ Из могильников Паппонии римского времени происходит сходный по типу кинжал, см. *M. Pardeux*, ук. соч., табл. X и датируется концом II в.—началом III вв. н. э., с. 70.

лючению. Например, добытые бронзовые булавки с оформленными головками, наверняка служили для скрепления пол плаща, который был накинут поверх одежды, а костяные шпильки для подерживания прически женщины, которая должна быть высокой, как на монете Тиграна IV с изображением царицы Эрато¹⁷. Хотя такая прическа и одежда свойственны представителям верхушки армянского общества, далеко не богатые погребения с вышеупомянутым инвентарем явно показывают, что они не относятся к имущим слоям, а к более скромному, городского типа, населению¹⁸.

¹⁷ В. Ацун. Древнеармянская одежда с. 32.

¹⁸ Б. Н. Аракелян, Гарни, I, стр. 54.

ВЫВОДЫ

Рассматриваемый период истории Армении ознаменовался дальнейшим развитием городской жизни, что подтверждается в последнее время раскопками, раскрывающими конкретные аспекты матерьяльной культуры городов.

Мы убедились в том, что городская жизнь была в достаточной мере развитой в предшествующий эллинистический период. Однако, как отметил Я. И. Манандян, постройка в течение 50—70 лет (конец I—начало II вв. н. э.) трех крупных городов—Арташат-Неронея, Миури и Валаршапат (две из них изучены археологически) является немаловажным показателем поступательного движения армянского общества, его дальнейшего экономического и социального прогресса в первых веках н. э.¹

О возросших потенциях страны свидетельствует также целая серия крепостей и поселений этого времени, часть которых, выявлена и изучена археологами. Какими бы военно-стратегическими соображениями ни руководствовались при их строительстве, они свидетельствуют о росте экономической мощи страны.

В связи с дальнейшим развитием городской жизни, совершенствуются градостроительные принципы, основывающиеся как на отечественном опыте, так и на опыте сопредельных стран. Поражает четкость осущест-

вленного царями-градостроителями общего замысла организации городского пространства по принципу деления города на части, каждая из которых имеет свои функции. Это деление доведено, как показывают и данные раскопок, до совершенства в одном из последних городов античной Армении—Валаршапате. Здесь четко выделяется цитадель, охватывающая храмово-гражданский комплекс, собственно городская территория, опоясанная крепостной стеной, расположенные за нею производственный участок и занимающий довольно компактную территорию некрополь и, наконец, городская округа—окружающая город сельская территория². Первичные археологические данные, упомянутые в данном разделе, позволяют локализовать сельские поселения, входящие в систему города. Их картографирование и дальнейшее изучение поможет выявить один из важнейших аспектов экономики античного города.

Одним из показателей экономического процветания Армении первых веков н. э. является выпуск городских монет. В Арташате выпуск монет засвидетельствован с 183 г. н. э.³ Разумеется, монеты характеризуют

² Г. А. Тирицян, К вопросу о градостроительной структуре и топографии древнего Валаршапата, ИФЖ 1977, № 2.

³ Х. А. Мушегян, Денежное обращение в античной и средневековой Армении по нумизматическим данным. (Автореф. докт. дис.), Ереван, 1975, с. 20—24; его же, Денежное обращение в Армении в I—

¹ Я. А. Манандян, О торговле и городах Армении, II изд., Ереван, 1954, с. 117.

прежде всего внутренний рынок страны, параллельно они существенно уточняют общую картину денежного обращения в это время.

О дальнейшем развитии экономики и хозяйства городов свидетельствуют торгово-ремесленные данные. В последние годы их число стало увеличиваться, из чего вытекает, что города Армении первых веков н. э. выступали прежде всего как центры производства. Найденная в Арташате гончарная обжигательная печь III в. н. э. является документальным доказательством существования гончарного дела в Армении этого периода⁴ и, несмотря на довольно умеренную пропускную способность, проливает свет на некоторые вопросы городского ремесла. В Арташате, несомненно, было много гончарных мастерских; они должны были функционировать и в других городах, крепостях и поселениях первых веков н. э. Мастерские существовали, безусловно, и в предшествующий, эллинистический период, но не случайно, что первая же обнаруженная гончарная печь древней Армении относится именно к тому времени, когда число таких печей значительно возрастает.

По всем признакам, в первые века н. э. происходит ряд изменений в керамическом производстве. Анализ соответствующего материала показывает, что в указанный период значительно увеличивается удельный вес керамики, изготавливаемой на гончарном круге—обстоятельство, которое не могло не отразиться на ускоренном, массовом характере производства⁵. Более того, распространенность в первых веках н. э. больших блюд свидетельствует, как считает Ф. Тер-Мартirosов, об употреблении прочно укрепленного гончарного круга, вращающегося свободно и без колебания, что необходимо для формовки сосудов этого типа. В рассматриваемый период керамика производится и вручную, в домашних условиях, но удельный вес таких грубых изделий резко снижается. На высокий уровень специализации керамического производства указывает найденная подставка для обжига глазурированной посуды, а также многочисленные обломки черепицы⁶.

Некоторая стандартизация и унификация размеров и даже форм керамических изде-

лий, как и сокращение и упрощение орнаментальных мотивов на посуде, по-видимому, также связаны с массовым характером производства. Взяты вместе эти данные говорят о рыночном характере сбыта глиняной посуды, обусловленном ростом спроса в стране. Отмеченный в керамическом производстве перелом, безусловно, отражает дальнейшие сдвиги в экономической жизни страны, наблюдаемые в первые века н. э.

В предыдущем разделе указывалось, что находки стеклянных изделий на территории эллинистической Армении стали учащаться. Вероятно, в стране имелись какие-то местные предпосылки организации производства стекла. Не исключено, что изготовление стеклянных бус было налажено еще в эпоху бронзы под влиянием стеклодела Двуречья. Это дело не требовало особой технологии: бусы из стеклянной пасты (массы) обжигались в специальных печах при низкой температуре. Наряду с бусами, в более поздний период из стекла делались геммы, застежки и другие предметы.

Теперь очевидно, что в первые века н. э. стеклянные изделия получили широкое распространение. Хотя подавляющая их часть привозная, типологический анализ позволяет выделить местную группу стеклянных сосудов, изготовленных как свободным выдуванием, так и способом выдувания в форме. Встречающиеся случаи производственного брака свидетельствуют о местном производстве. Не следует забывать, наконец, что ареал распространения некоторых сосудов не выходит за пределы Закавказья, а иногда и Армении. Выше уже говорилось, что страна обладала материальными и техническими возможностями для организации производства стекла на месте. Этому способствовало наличие в Армении необходимого сырья—главным образом кварцевого песка.

По всей видимости, из Сирии, осуществлялся не только ввоз стекла, с этой страной связана и организация производства стекла. Большое значение в этом смысле имеет находка в слое I—II вв. н. э. VIII холма Арташата створки гипсовой формы для выдувания стекла. При ее помощи можно было изготавливать сосуды в виде шишек сосны, характерных для сирийского стеклодела⁷. Находка является блестящим подтверждением высказанного ранее предположения о связях

II вв. н. э., см. История армянского народа, Ереван, 1971, с. 821—822 (на арм. яз.).

⁴ Ф. Тер-Мартirosов, Личные печи из раскопок Арташата. ВОНАН, 1975, № 7.

⁵ Там же, с. 84.

⁶ Ф. Тер-Мартirosов, ук. соч.

⁷ Ж. Д. Хачатрян, Армения и Сирия—центры стеклодела (производственные общности), ВОНАН, 1983, № 7, с. 59—66.

Армении с стеклодельными центрами Сирии, с одной стороны, и о возможном налаживании на месте производства выдувного стекла, с другой. Некоторую роль в этом, вероятно, играли и переселенцы, состоявшие главным образом из ремесленников и торговцев, а также отчасти мастера-передвижки.

Стеклоделние, скорее всего, было сконцентрировано в городах. Более чем вероятно, что в Арташате и Валаршапате имелись стеклодувные мастерские⁸. Это предположение находит подтверждение и в письменных источниках. По сведениям армянского историка V в. н. э. Агафангела, в конце III в. н. э. за городской стеной Валаршапата, в здании виноградной давилки производилось стекло. Христианские проповедники Гаянэ и Рипсиме, пришедшие в Армению с Запада, добывали средства на пропитание продажей на городском рынке стеклянных бус, искусством изготовления которых одна из них владела.

Стеклоделние и тем более наличие стеклодувных мастерских в Армении свидетельствует о возрастании уровня производственных возможностей, нашедшем свое выражение в введении ряда технических новшеств (более мощные печи, позволяющие достичь высоких температур, усложнение технической оснастки, дальнейшее повышение специализации и квалификации производителей, поиски новых запасов сырья и т. д.).

На наличие ювелирного ремесла указывает находка маленького железного молоточка в гарнийском погребении, довольно точно датированного III в. н. э. Один конец молотка тонкий и широкий, другой плоский и узкий. Такие бронзовые молоточки найдены в слоях II и I вв. до н. э. Арташата⁹. Они тоже принадлежали мастерам-ювелирам. Вместе с молоточком в гарнийском погребении обнаружено покрытое эмалью украшение, также указывающее на профессию погребенного — ювелира или мастера серебряных дел. Рассматривая материал ахеменидского и эллинистического времени, мы пришли к выводу, что часть предметов торевтики и ювелирных изделий могла быть произведена на месте. В пользу этого говорят не только типологические соображения, но и обнаруженные сруда мастера ювелирных дел или торевтов. Находки предметов торевтики (табл. LIV), а также золотые и серебряные украшения первых веков н. э. уже навели на мысль, что ювелирное дело и худо-

жественная металлургия продолжали развиваться, хотя сравнительный анализ части предметов показывает их привозной характер. С этой точки зрения находка молоточка ювелира в Гарни, пусть пока единичная, имеет, как нам кажется, большое значение для изучения конкретной области ремесленного производства Армении в позднеантичное время. Она одновременно свидетельствует о том, что ремесла развивались не только в городских центрах, но и в поселениях и крепостях также работали ремесленники; это хорошо согласуется, например, с «городским» обликом жителей античного поселения Гарни¹⁰.

Железные изогнутые ножи из гарнийского некрополя первых веков н. э. применялись в садоводстве, возможно и в виноградарстве¹¹. О виноделии же рассматриваемой эпохи рассказывают, дополняя друг друга, археологические и письменные источники. Раскрытая в жилой части дворцового комплекса Гарни давилка датируется, как и все здание, концом III в. н. э. Она представляет собой небольшое помещение (2×2,5 м) с полом из уплотненного слоя водонепроницаемого раствора и тщательно оштукатуренными стенами¹². Давильня была отгорожена от соседней комнаты низкой стеной, позволяющей наполнить ее виноградом. Здесь виноград давился ногами и через вделанную в низкую стену на уровне пола глиняную трубу суло стекало в соседнее помещение, в глиняный сосуд, стоявший на более низком уровне пола, покрытом слоем раствора. Ряд данных позволяет предположить, что давилка, как и остальные помещения, относится к подвальной части дворца. Этим она напоминает виноградные давилки древнего Валаршапата, о которых упоминает раннесредневековый историк Агафангел. Они находились в виноградниках, расположенных к северо-востоку от города. По мнению Б. Н. Аракеляна, в сообщении историка содержится указание на то, что давилки помещались в нижнем этаже здания¹³. Интересно, что валаршапатские давилки также датируются самым концом III в. до н. э.

Значение раскрытой археологами гарнийской давилки заключается в том, что

¹⁰ Б. Н. Аракелян. Гарни, I, с. 54.

¹¹ Там же с. 116.

¹² Б. Н. Аракелян, Г. О. Караханян. Гарни, III. Ереван, 1962, с. 37—38 (на арм. яз.).

¹³ Там же.

⁸ Б. Н. Аракелян. Гарни, II, с. 68—69.

⁹ Ж. Д. Хачатурян. Гарни, V, с. 116.

это одна из редких документально засвидетельствованных долговременных виноградных давилен позднесантичной Армении. Отметим, что по своему устройству и объему она отличается от античных виноделен, известных нам в Северном Причерноморье¹⁴, она больше напоминает давилни материковой Греции, представленные археологами хуже, хотя, как известно, виноделие имело очень большой удельный вес в сельскохозяйственном производстве этой страны. В древности и средневековье и даже в XIX в. греческие винодельни имели вид четырехугольной мощной площадки, окруженной низкими стенами. Суло скало через сквозное отверстие наружу, в глиняный сосуд, подставленный для этой цели в стену давилни¹⁵. Уже известно, что на территории античной Армении в Армавире раскрыты и давилни побольше, типа неоднократно засвидетельствованных в Боспоре. Во всяком случае, нет сомнения в том, что к античным давилням конструктивно примыкают раннесредневековые давилни Звартноца, отличающиеся большими размерами.

О степени развитости ремесла каменщиков в Армении красноречиво свидетельствуют раскрытые археологические остатки многочисленных построек, а также находки орудий, бесспорно относящихся к первым векам н. э.

Это, как указывалось выше, железное зубило для обработки камня, найденное в слое строительного щебня античного времени у оборонительной стены крепости Гарни, и железный молоток из погребения каменотеса, датированного тем же периодом¹⁶. Отличительные черты обработки базальта, известняка и мрамора показывают, что могли применяться также молотки и металлические сверла других типов, а также разные орудия для резьбы по камню.

Найденный молоток имел две рабочие части—одна в форме топора с узким лезвием, другая—тесловидная (рис. 49). Орудие сильно изношено, один его конец обломан. Железное зубило имеет широкое острие, размер которого, по наблюдению Б. Н. Аракеляна, соответствует ширине вытесанной полосы,

окаймляющей в виде ленты рустованные камни гарнийской оборонительной стены I в. до н. э. Важность этого наблюдения очевидна, так как обработку камня способом рустовки можно возвести к урартскому времени. Действительно, в целом ряде урартских центров (Топах-кале, Армавир, Ошакан, Доври) обнаружены рустованные квадраты. Этот способ обработки камней, по-видимому, перешел от урартов к мастерам ахеменидского (ср. кладку колонного зала Арин-берда—Эребуни) и эллинистического (ср. кладку остатков крепостей II—I вв. в Гарни, Арташате (?)) времени. От последних унаследовали свои навыки строители гарнийской оборонительной стены.

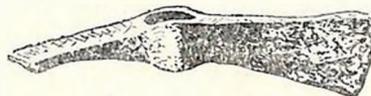

Рис. 49. Орудие каменотеса (Гарни)

Бесспорно, рассматривая особенности строительного дела Армении, следует учитывать и возможность влияния греческого строительного искусства. В ионийских постройках VI в. до н. э. встречаются образцы квадратов, прекрасно обработанных техникой рустовки. Под влиянием ионийских мастеров, участвовавших в строительстве древнейшей столицы Ахеменидской империи Пасаргады, эта техника стала применяться и в ахеменидских постройках. Не исключено, что уже несколько позже строительная техника Армении испытала некоторое влияние эллинистических строительных приемов, как это видно на примере других деталей. Здесь следует коснуться залитых свинцом железных скоб, скреплявших квадраты гарнийской оборонительной стены и гарнийского храма (в кладке храма применялись и вертикальные штыри, главным образом, для связки фустов баз и капителей). Подобные скобы имеют продолжительную историю; как и скрепы в виде ласточкина хвоста, они являлись одним из основных типов скреплений, применяемых с древнейших времен в каменной архитектуре Передней Азии и Эгейского мира. В первой половине I тыс. до н. э. возникает и распространяется смешанный тип скреплений, сочетающий «ласточкин хвост» со скобой. Это новшество, введенное в греко-лидийской среде и заимствованное ахеменидскими мастерами, просуществовало недолго. Произошло

¹⁴ В. Ф. Гайдукевич. Виноделие на Боспоре, МИА, № 85, М.-Л., 1958, с. 352 и сл.

¹⁵ Там же, с. 382.

¹⁶ Б. Н. Аракелян. Гарни, I, рис. 23; Гарни, II, рис. 5.

разделение двух типов, после чего, в V—IV вв., скрепы в виде скоб появляются снова и кое-где даже начинают преобладать. Они продолжают бытовать на западе и позже—в эллинистическое и римское время.

То же самое можно сказать о скрепах в виде ласточкина хвоста, продолжавших применяться не только в VI—V вв. до н. э. но и в эллинистическое и даже в римское время. Разделение двух типов скреп объясняется как функциональными соображениями—скобы противодействуют также вертикальным сдвигам—так и стремлением к экономии металла (свинца), который требовали в большом количестве скрепы в виде ласточкина хвоста¹⁷.

Что касается армянского материала, то здесь скрепы в виде ласточкина хвоста (Армавир, Хасан-кале и т. д.) хронологически предшествуют скобам, засвидетельствованным в Гарни.

Картина производственной жизни страны в первые века н. э., составленная прежде всего по данным раскопок, подводит нас к некоторым вопросам социальной истории. Так, основываясь на ряде наблюдений, касающихся VIII холма арташатской цитадели, можно говорить о наличии среди непосредственных производителей людей весьма скромного достатка, а может быть и рабов^{17а}, занятых в мастерских Арташата. В остальном, как видно по погребальному инвентарю, это ремесленники, точный социальный статус которых еще предстоит определить.

Характеристика экономической жизни Армении первых веков н. э. была бы неполной, если не привлечь археологические данные о торговых связях страны. Направление торговых путей в это время, по-видимому, оставалось неизменным. Они по-прежнему вели в Малую Азию, с выходом к Эгейским островам, Греции и Италии, в Сирию, Двуречье, Иран, в страны Закавказья, Северный Кавказ, Приазовье и Боспор, в города Южного Причерноморья. К сожалению, наличие многих из упомянутых путей не засвидетельствовано археологическими предметами. Направления этих путей во многом умозрительны и ждут вещественного подтверждения.

¹⁷ C. Nylander, Clamps and Chronology, *Iranica Antiqua*, VI, 1966; A. K. Orlandos, Les matériaux de construction et la technique architecturale des anciens grecs, часть II, Paris, 1968.

^{17а} Ф. Тер-Мартirosов, ук. соч., с. 82.

Однако о двух или трех из них можно говорить с уверенностью. Например, сейчас очевидно, что наличие сирийского стекла в Армении—явление не случайное. Уже не подлежит сомнению, что Сирия и Финикия были важными центрами античного стеклодела и конкурировали с такими центрами, как Рейнская область, Египет или Италия, и даже превосходили их в ряде отраслей производства стекла. Сирия начала вывозить в массовом количестве стекло в соседние страны, в том числе в Армению¹⁸. Связь с Сирией обеспечивалась через указанный на Певтингеровской карте путь из Тигранакерта в Арташат, который был отрезком большой торговой магистрали, связывающей страны Ближнего Востока и Малой Азии со Средней Азией. Через Нисибин, Эдессу и Антиохию эта дорога вела непосредственно к ряду городов Сирии и в прилегающие страны.

Гарнийские стеклянные изделия отражают общее развитие торговли на Ближнем Востоке. Ко времени ее расцвета (I—II вв.) относится наибольшее количество найденных привозных образцов, а к III в., когда торговля затухала, лишь отдельные предметы. Следует иметь в виду, что на I—II вв., наряду с продолжительными войнами между римлянами и парфянами приходятся и сравнительно долгие мирные периоды. Таким был примерно полувековой период после воцарения Тиридата I (66 г. н. э.) в Армении, что весьма благоприятно отразилось на развитии торговых сношений¹⁹. Это совпадение данных письменных источников с археологическими не лишено интереса.

Важно также установить, что именно вывозилось из Армении в обмен на сирийские товары. Некоторые сведения по этому вопросу можно найти у античных авторов, упоминающих о вывозе ряда редких материалов: красок, растений, камней. Однако эти товары, по-видимому, не являлись основными предметами экспорта. О последних пока не дают сведения ни археологические, ни письменные источники.

Другое направление торговых путей, которое прослеживается благодаря археологическим раскопкам—западное. Сухопутными дорогами через всю Малую Азию или мор-

¹⁸ Г. А. Тиранян, О торговых связях Армении с Сирией в античное время. Палестинский сборник, 4, 1959.

¹⁹ Я. А. Манандян, ук. соч., с. 143 и сл.

ским путем через Антиохию доставлялись в Армению, например, косские амфоры, наполненные, вероятно, оливковым маслом. Сохранившаяся почти целиком косская амфора была найдена в одном из арташатских погребений вместе с двумя монетами императора Траяна кесарийской чеканки²⁰. Находка фрагмента горлышка с ручками «коричневой глины» в Арташате может указывать на свя-

²⁰ М. О. Зардарян: Амфоры из раскопок Арташата, ИФЖ, 1977, № 1, с. 266 и сл.

зи с южнооптийскими центрами²¹, а некоторые образцы поливной посуды, найденной в Арташате, Армавире и других центрах—на основании с парфянским Ираном и Двуречьем²².

²¹ Там же.

²² Г. А. Тирацян. Раскопки Армавира, ВОНАГ, 1974, № 12, с. 62—63 (на арм. яз.); Ж. Д. Хачатрян. Античная поливная керамика Армении, ИФЖ, 1977, № 3, с. 186 (на арм. яз.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Культуру Армении послеурартского-досредневекового времени (VI в. до н. э.— III в. н. э.) немисливо представить в отрыве от великих культур древнего мира (иранской, эллинистической, римской).

Развиваясь в тесном общении с ними древнеармянская культура постоянно испытывала их влияние и тем самым обогащалась. Однако ее основу составляло культурное наследие древних цивилизаций, посетителями которых были племена Армянского нагорья эпохи бронзы и раннего железа.

Связи армянской культуры с мидийской установить трудно: датируемые точно первой половиной VI в. до н. э. на территории Армении предметы, которые могли бы быть сопоставимы с мидийскими, практически неизвестны. Да и сама мидийская культура стала вырисовываться лишь в последнее время, и то благодаря археологическим раскопкам на территории самой Мидии.

Введенная при ахеменидах сатрапская система управления безусловно способствовала процессу иранизации верхушки армянского общества. Этот процесс охватил разные сферы общественной жизни: государственную-правовую, социальную, хозяйственную, культовую. Не осталась в стороне и материальная культура и искусство.

Проводником иранского влияния на Армянском нагорье стали сатрапские центры (Ван, Арин-берд и др.), а также сросшиеся с общеиранской верхушкой представители армянской знати.

На фоне указанных явлений особого внимания заслуживает роль иранской культуры в сложении архитектуры, искусства и материальной культуры раннеармянского времени (VI—IV вв. до н. э.).

Как нельзя лучше иллюстрируют это колонный зал и храмы огня в Эребуни (Арин-берд). Образующий основную ячейку ахеменидской архитектуры, ее планово-компози-

ционного решения, колонный зал был воспринят на Армянском нагорье как символ царской власти. Важный элемент ахеменидского архитектурного «ордера»—колоколовидная база, украшенная лотосовидными листьями, присутствует как в других центрах Армянского нагорья (Сарн-тене около Казаха), так и за его пределами (Гумбат в Алазанской долине). Влиянием были охвачены не только дворцовая архитектура и не только Арин-берд, но и другие центры XVIII сатрапии, которые находились у Куры (Самадло, Цихя-гора).

Предметы художественной металлургии Армении рассматриваемого времени проявляют достаточно яркое как типологическое, так и стилистическое сходство с аналогичными произведениями ахеменидского Ирана. Становится очевидным, что художественная металлургия и ювелирное искусство Армении отражают такие признаки искусства ахеменидского времени, как звериный стиль, декоративность, связь предметов прикладного и монументального искусства. Вместе с тем разительное сходство изготовленных в местных мастерских предметов с такими же, производимыми в расположенных на большом расстоянии друг от друга мастерских, можно объяснить той стандартизацией и унификацией стиля, которая пронизала в Ахеменидском государстве. Славившиеся некогда своей продукцией древние центры в значительной мере могли приспосабливаться к общим нормам и вкусам, выработанным в столицах империи.

Ахеменидское влияние охватило и более массовый материал—керамику, предметы украшения, глиптику.

Контакты были и соседними и более отдаленными провинциями. Здесь уместно упомянуть ахеменидскую Мидию, о связи с которой свидетельствует ритон в виде всадника из Арин-берда, в ахеменидскую Малую Азию,

откуда в Армению поступали характерной формы резные камни.

Ахеменидское влияние не исчерпывается ахеменидским временем. Роль ахеменидских традиций удается проследить и в послеахеменидский, главным образом, эллинистический период. По-видимому, можно считать установленным, что известная в основном по армянским монетам и коммачеиским рельефам армянская тиара типологически восходит к тиарам ахеменидских царей. Детальное их сопоставление при учете исторических сведений позволяет наметить возможные пути проникновения данного атрибута царской власти из Ахеменидского Ирана в эллинистическую Армению. Эта тиара в виде усеченного конуса, верх которого увенчан зубцами, была воспринята Оронтом, сатрапом Армении, провозгласившим себя царем сразу же после окончательного крушения Ахеменидской державы и смерти ее последнего правителя Дария III Кодомана. Тиара была призвана особо подчеркнуть устремления претендующего на царскую власть сатрапа, имеющего, к тому же, царское, ахеменидское происхождение с материнской стороны.

Не исключена также возможность, что ахеменидская тиара могла проникнуть в армянскую среду и позже, в эллинистическое время в I в. до н. э., если считать, что изображение тиары на монетах или рельефах фиксирует время ее появления, или же во II в. до н. э., при царе Арташесе, когда оживление ахеменидских традиций в Армении являлось неопровержимым фактом.

Ахеменидизм эллинистического времени это не только результат культурного влияния, это сознательный акт с далеко идущими политическими планами со стороны верхушки общества и лично царя.

Особое место в противоборстве культурных течений отводилось арамейскому языку, нашедшему применение еще при сатрапском дворе. В этой связи необходимо иметь в виду, что проявления ахеменидизма в эллинистической Армении связаны непосредственно с сатрапской Арменией, с ее культурными традициями, и не всегда правомерно возводить эти проявления непосредственно к самому Ирану.

В этом качестве можно привести еще ряд примеров, относящихся к эллинистическому времени, скажем, из области градостроительства и художественной керамики. Как сообщает историк Аппиан, в предместьях города Тигранакерта было воздвигнуто укрепление, а также дворец с большими парками, охот-

ничными угодьями и озерами. Такие обособленные структуры, бытовавшие по всей вероятности в сатрапской Армении, характерны для ахеменидского Ирана. Античным временем датируется своеобразный глянцевый ритон с отверстиями в виде оленьих голов у дна, найденный в Арташате и напоминающий соуды-ритоны ахеменидского времени (Синюпа, Мингечаур).

Возникшее в середине III в. до н. э. в восточных районах бывшей Ахеменидской державы парфянское государство, завоевав весь Иран, в частности Мидию, а затем и Двуречье становится непосредственным соседом Армении. Связи Парфии и Армении были очень тесными, о чем упоминает Тацит. Они охватывают широкий спектр политических, социально-экономических и культурных отношений. Прослеживаются они и в материальной культуре и искусстве.

Однако прежде чем коснуться вышеназванных аспектов, следует отграничить собственно парфяно-иранское от парфяно-эллинистического. Начнем с первого. Не вдаваясь в вопросы происхождения принципа фронтальности в парфянском искусстве, отметим, что это явление, возникшее прежде всего под влиянием парфянского искусства, наблюдается и в армянском искусстве. Это видно на примере античных терракот (Ж. Д. Хачатрян).

Для некоторых большей частью равнинных городов Двуречья, Ирана и Средней Азии парфянского и сасанидского времени характерны оборонительные сооружения, образующие в плане правильный круг или же имеющие закругленные формы. Можно предположить, что древнеармянский город Валаршапат мог иметь крепостные стены, планировка которых приближалась к кругу, хотя ряд фактов как будто противоречат такому предположению. В данной связи большое значение должно иметь то обстоятельство, что вблизи Валаршапата в 40-х гг. VII в. было заложено основание круглого в плане поселения. Это поселение городского типа Звартноц, о существовании которого мы знаем как из письменных источников, так и благодаря археологическим раскопкам.

Связи греческого мира с культурой Армянского нагорья, берущие начало в урартское и даже в доурартское время, засвидетельствованы и в ахеменидский-раннеармянский период, о чем свидетельствуют милетские монеты V в. до н. э., серебряный ритон в виде бычьей головы из Арип-берда (Эребуни), халцедоновый скарабонд с изобра-

женнем «восточногреческого» круга, ручки в виде крылатого козерога из Западной Армении.

Приобщение Армянского нагорья к греческому влиянию связано с эпохой эллинизма. О начале этого явления не существует единого мнения, хотя с нашей точки зрения для этого имеются достаточные доказательства. Виктор Шапо связывал указанное со временем непосредственно предшествующим новой эре, т. е. с I в. до н. э., Гагик Саркисян—со II в. до н. э., а отец Жан Мысырян, основываясь на данных Армавирских греческих надписей—с концом III в. до н. э. Последние очень красноречивы и выражают разнообразие проявления греческой культуры, однако они дополняются и другими реалиями, относимыми к III в. до н. э., остраконом с процарапанной греческой надписью хозяйственного назначения, найденным в Армавирском холме, чеканенными в Западной Армении монетами Софенских царей с греческими надписями и греческими образами (Геракл, Афина, Ника) на реверсе, захоронениями раннеэллинистического времени, имеющими особенности греческого погребального обряда (монета Александра во рту погребенного), скобами в виде ласточкина хвоста, привнесенными из ионийско-лидийского мира, греческим импортом раннеэллинистического времени, в основном керамики.

Проникновение греческого влияния, начавшееся, как видим, уже с III в. до н. э., привело со временем к некоторой кристаллизации культурных течений, к их размежеванию. Исходя из этого можно говорить о трех основных направлениях в древнеармянской культуре: местное, традиционное направление; импортированные ценности греческой культуры (Г. Х. Саркисян); и то, что должно быть названо армянской эллинистической культурой, возникшей как синтез местных и эллинистических начал.

О завозе в Армению из Малой Азии и Греции статуй эллинистических богов и об установлении их в армянских храмах упоминает историк раннего средневековья Армения Мовсес Хоренаци. Речь идет о статуях Зевса и Геракла, Афины и Гестаста, Афродиты и Артемиды. Вещественным доказательством служат голова и рука бронзовой статуи так называемой Апант, найденной в Западной Армении, черты лица которой сближают ее с типом Афродиты, относимой к кругу работ Праксителя, а также статуэтка Афродиты II—I вв. до н. э., найденная во время раскопок Арташата, явно западного происхождения

дення, имеющая аналогию на Родосе, в Афинах и в Вифинии (Б. Н. Аракелян).

К такому же роду явлений относятся изображения армянских царей Тиграна и Артавазда на монетах, выполненных в лучших традициях эллинистического портретного искусства большей частью в Антиохии.

Само собой разумеется, что проникновение греческих форм материальной культуры и искусства, сопровождаемое влиянием греческой духовной культуры, не могло не отразиться на формировании и развитии армянской античности. На сегодняшний день эллинизм рассматривается как всеобъемлющий процесс, в котором сочетаются и взаимодействуют не только идеологические и культурные явления, но и эллинистические и местные элементы экономического строя, социальных и политических отношений, учреждений (К. К. Зельин).

В области культуры в Армении этот процесс ограничивается во-первых характерным для эллинистических стран религиозным синкретизмом, который в Армении проявлялся в форме слияния местных и эллинистических божеств. Это четко зафиксировано древнеармянскими историками, сохранившими нам армянские, ирано-армянские имена и греческие имена одних и тех же божеств: Арег (Солнце)—Михр-Аволяон, Лусин (Луна)—Апант-Артемиды, Арамазд—Зевс, Михр—Гестаст, Вахаги—Геракл. Такой понятийный параллелизм указывает на взаимопроникновение культовых воззрений и их слияние, что привело к созданию единого образа. С аналогичным явлением мы встречаемся в соседней с Арменией Коммагене, где божества носили такие же армяно-иранские и греческие имена. Подобное родство идеологических явлений двух, связанных многочисленными узлами стран, позволяет исследователю привлечь коммагенские скульптуры и рельефы для установления характера не дошедших до нас образцов армянской эллинистической скульптуры. Анализ коммагенских памятников показывает, что наряду с эллинистическими традициями в них бытуют сильные негреческие элементы, восходящие к древневосточным хетто-урартским истокам и перенесенные одновременно с армяно-парфянскими художественными традициями. Очень четко эти негреческие элементы выявляются в иконографических особенностях одежды, головных уборов и т. д.

На смешение стилей указывают и некоторые монеты царя Тиграна II. Как известно, лучшие из изображений армянских царей на

монетах выполнены в духе эллинистического портрета, но имеются экземпляры, на которых изображение царя дано в другой, смешанной пластической манере.

Не так может быть наглядно, но смешение стилей наблюдается и в других отраслях древнеармянской культуры (коронная пластика, ювелирное искусство, керамика). Вообще естественно, что в данном случае трудно определить пропорции сочетания местных и привнесенных течений.

Эллиническое влияние в Армении, по-видимому, шло не столько из Греции, сколько из эллинистических образований Передней Азии, главным образом из Селевкидского государства. Собственно греческий импорт ограничивается незначительным количеством вещей. Следовательно, особое значение приобретает изучение связей и взаимодействий отдельных стран и регионов эллинистической Передней Азии. В этом плане следует остановиться на связях Армении с Сирией, Малой Азией и Парфией, ее западными областями.

Доказательства влияния эллинистической Сирии не исчерпываются статуей антиохийской Тюхе скульптура Евтихида на монетах Тиграна II или же образцами сиро-финикийского стекла и другими находками сирийского происхождения на территории Армении. Роль Сирии в деле эллинизации армянского общества неизмеримо больше. Все упомянутое в связи с проблемой эллинизма в Армении явления, в том числе греческий язык, институты социальной жизни, институт культа царя и т. д. проникли сюда из Сирии, которая в определенный период (I в. до н. э.) входила в состав армянской державы, образовав, как было предложено совсем недавно, с Арменией унию под руководством армянского монарха (Р. Л. Манасерян).

Роль Малой Азии не следует сводить к распространению импортной керамики, шедшей из эллинистических центров древней Азии. Некоторый дополнительный свет на малоазиатские параллели проливает изучение портретного искусства по монетам армянских царей. Всматриваясь в лучшие изображения нельзя не отметить ту стилистическую связь, которая существует между трактовкой глаз на царских портретах и на скульптурах большого фриза Пергамского алтаря. Сходство обнаруживается и при сопоставлении изображений на армянских монетах с головой пергамского царя Атталы.

Связи между Арменией и эллинистической Парфией наблюдаются в торезитике. Ряд памятников, обнаруженных на территории

Армении, как, например, чаша из Сиспана, фрагмент серебряного сосуда, найденного около Вана, ручка в виде Эрота из Арташата имеет точные аналоги в парфянском материале (см. например, чашу из так называемой сокровищницы Кареи в Нихавенде, серебряную скульптуру Амура из Нисы, золотую чашу неизвестного происхождения, хранящуюся в Эрмитаже).

О римском влиянии на культуру Армении первых веков н. э. свидетельствует архитектура (храм в Гарни, остатки подобного сооружения в Валаршанате-Эчмиадзине), коммунальная техника (бани в Гарни, Арташате, Валаршанате), монументальное искусство (мозаика из Гарни и остатки скульптуры (табл. LI, 2, 3), материальная культура. Как и в предшествующий период в Армении продолжались поиски синтеза культур, о чем свидетельствует каменная голова из Толка, сочетающая явно местные и привнесенные черты (табл. LI, 1). Наблюдается процесс широкого подражания римским формам материальной культуры, особенно в керамике и стекле. Но и в этом вопросе все больше находит подтверждение выдвинутой нами в свое время тезис о связях Армении с провинциями римской империи в первую очередь с восточными — с такими культурными центрами, какими являлись римская Сирия и римская Малая Азия, а также, сейчас можно добавить, Двуречье, испытывающее влияние Рима.

Нельзя отрицать участие малоазиатских мастеров в сооружении гарнийского храма, а сирийских в изготовлении гарнийской мозаики. Сирийское стекло было господствующим в Армении, под влиянием стеклодела Сирии налаживалось производство местного стекла.

И, наконец, на примере памятников Хатры и Ассуря все больше проявляется связь архитектуры, в первую очередь архитектурного убранства Двуречья римского времени, с синхронной и раннесредневековой культурой Армении. Сочетание двухскатности фронтона с полуциркулярным завершением дверного или оконного проема, зафиксированное в таком эклектичном памятнике, как является храм божества Шахиру в Хатре, органически вливается в образ раннесредневековой архитектуры Армении, хотя, как показывают конкретные примеры, эти элементы в отдельности имеются в архитектуре Армении первых веков н. э. Из архитектуры Двуречья парфяно-римского времени проникают также элементы архитектурного убран-

ства, сочетающие парные пристенные колонны с окнами, имеющими полукруглый верх, рельефные маски и т. д.

Взаимоотношения с высшим культурным миром менялись, однако местная основа древнеармянской культуры, развивавшейся соответственно внутренним закономерностям шла к вершинам раннего средневековья. Вопреки укоренившемуся мнению, местное наследие не только образует основу народных традиционных течений, но оно воздействовало на постоянно находившуюся на перекрестке иноземных влияний культуру верхушки общества.

Культура Армении эпохи бронзы и раннего железа, не говоря уже об урартеской культуре, дала блестящие примеры высоко развитого профессионализма, о чем свидетельствует, в частности, экспорт произведений самобытной культуры VIII—VII вв. до н. э. на запад (предметы из сокровищницы храма Геры на острове Самос).

Местная основа во многом предопределила облик разных сторон древнеармянской культуры. Обратимся к архитектурному облику городов древней Армении, в той мере в какой он раскрыт археологическими раскопками. Казалось бы, сформировавшиеся в общей переднеазиатской среде города древней Армении должны были предстать перед взором археологов в эллинистическом виде, однако имеющиеся в нашем распоряжении материалы пока не подтверждают этого. Хотя раскопки Армавира продолжают еще больше 20 лет, в нем не было найдено ни одного монументального здания эллинистического типа, зато постоянно встречаются следы использования урартеских зданий и оборонительных сооружений в последующую эпоху, в некоторых случаях лишь с небольшими переделками. Арташатагская цитадель более однородная по своему облику, здесь также мало ярко выраженных эллинистических построек. Планировка крепостей цитадели не несет характерных для эллинистического крепостного строительства признаков, здесь скорее усматриваются местные, возможно, урартеские принципы застройки. Пока нет ничего от эллинистической архитектуры и в другом известном городе древней Армении—Ерундашате.

О господстве неэллинических традиций в архитектуре древней Армении свидетельствуют и относимые к так называемому восточному ордеру торовидные базы колонн, встречающиеся повсеместно на территории Армении.

Крепостные сооружения позднебронзового-раннежелезного времени отличаются удивительно удачными архитектурно-планировочными решениями, с высоким уровнем фортификационного дела, прекрасной обработкой камня и скальных пород, совершенной строительной техникой. Сглаженные квадраты крепостных стен Шамирама или замысловатые планы входов ряда циклонических крепостей Армении нашли свое продолжение (через посредничество Урарту или в его обход) в древнеармянской строительной технике и крепостной архитектуре, о чем свидетельствует, например, планировочная особенность входа античной крепости Адаван. (К. К. Кафадарян). Посетитель крепости попадал сперва в выдвинутое за линию южных стен башневидное строение и только оттуда входил в саму крепость.

Рядовые жилища античного периода, известные по раскопкам Армавира, Ширакавана, Карчахпюра и др. мест, при случае продолжают традиции четырехколонного крестьянского дома позднебронзового-раннежелезного времени, раскрытого, например, среди развалин доурартеского поселения Кармир-блур.

Доказано, что многие типы погребальных сооружений, а также ряд особенностей погребальных обрядов античной Армении восходят к древнейшим формам и ритуалам. Такая характерная черта погребальных сооружений, как наличие кромлеха, засвидетельствована в I в. до н. э. Овальные ящики античного времени представляют собой заключительный этап длинной, эволюционной цепи развития, берущей начало в конце II тыс. до н. э. Отличительная особенность каменных склепов античного времени—ложный свод, возможно генетически связана с аналогичными решениями перекрытий погребальных сооружений эпохи бронзы и железа (Лорнберд и др. Ж. Д. Хачатрян). Нашедший широкое распространение в античной Армении обряд кремации своими корнями уходит в мир верований древней Армении.

Этот культурный консерватизм можно также проследить на примере целого ряда отраслей материальной культуры: керамики, орудий труда, предметов украшения. Прекрасной иллюстрацией данного явления служит двуручный сосуд с VIII холма Арташата: размещенные поясом на его плечах накладные фигуры изображают сцену охоты, надсенную архаичными чертами и типологически напоминающую расписные сцены на больших карасах античного времени из Са-

мадло (Грузия), отличающиеся удивительной традиционностью.

Не менее выразительны местные течения в искусстве древней Армении, проявляющиеся главным образом в скульптуре, о чем свидетельствуют находки каменных статуй из Двина и Ширакавана.

Анализ древнеармянского археологического материала показывает его неразрывную связь с культурой местных племен Армянского нагорья, влившихся в состав армянского народа.

Значение урартского наследия в формировании древнеармянской культуры в последние годы стало также вырисовываться все четче и четче. Раскрываемая во время раскопок картина культурной преемственности многообразна и охватывает многие смежные области материальной культуры, искусства и архитектуры.

Сейчас с достаточным основанием можно говорить о влиянии урартской градостроительной культуры на армянскую. Хотя гибели урартского государства сопутствовала картина глубокого регресса городских центров на Армянском нагорье, имеются данные, указывающие на продолжение жизни в некоторых бывших урартских центрах. Эти данные естественно не могут быть обойдены при рассмотрении вопросов генезиса древнеармянских городов. В этом плане особенно большое значение имеет обнаружение урартского материала в таком городе древней Армении каким являлся Арташат. Наряду с урартскими находками в цитадели раскрыты фундаменты большого урартского здания — особняка на равнине, указывающие на наличие города или большого поселения у подножья цитадели урартского времени (Б. Н. Аракелян). Принцип планировки VIII холма античного вышгорода, основой которого служат многочисленные улицы, по-видимому, восходит к урартскому времени, он напоминает остатки урартского города Зернаки-тепе, к северу от Ваца, план которого состоит из пересекающихся под прямым углом параллельных улиц.

Неожиданный аспект преемственной связи в архитектуре был выявлен К. К. Кафадаряном, обратившим внимание на схожесть планировок дворцовых зданий Урарту и Армении. Речь идет о типологической связи, устанавливаемой между дворцами раннесредневековья (Двин, Аруч) и урартского времени (Аргиштихинили, Русахинили-Бастам),

тем более, что как показывают результаты раскопок поселения Ширакаван (III в. до н. э.—III в. н. э.), связывающие их звенья, очевидно, существовали и в античной дворцовой архитектуре Армении.

Влияние Урарту прослеживается также в культовой и жилой архитектуре. Двускатный верх урартского храма Мусасир перекликается с верхом глиняной модели храма из Астхи-блур, датируемой VI в. до н. э., а башневидные сооружения Урарту, по-видимому, жилые (костяная модель из Кармир-блур и бронзовая модель из Топрах-кале) — с башнями, засвидетельствованными на рубеже V—IV вв. до н. э. в деревнях южной Армении. Уместно привлечь также данные о строительной технике. Рустовый способ обработки камня, использовавшийся в древней Армении не мог возникнуть только под влиянием извне, ибо камни подобной обработки встречаются в урартских памятниках (Армавир, Топрах-кале, Доври, Ошакан).

Классическими типами захоронений Армении эллинистического времени считаются, среди прочих, захоронения в сосудах (карасах) и саркофаги, причем погребения обоих типов ранее считались чужеродными. Во время раскопок урартских памятников Аргиштихинили и Ошакан были обнаружены карасные захоронения в саркофагах, свидетельствующие о большой древности погребальных памятников этих типов.

Некоторое сходство наблюдается также между конкретными элементами материальной культуры Урарту и Армении. Так, например, ряд керамических форм Армении ахеменидского и эллинистического времени (полушаровидные и полуяйцевидные кубки, так называемые парные сосуды, профилированные сосуды с двумя ручками, чаша-фиала) восходит к урартским прототипам. То же отмечается и в металлургии древней Армении. Многие произведения художественной металлургии и ювелирного дела (ритоны, орнаментированные блюда, двуручные сосуды, кубки, пекторали) находят убедительное объяснение в урартском материале, так же как и некоторые формы каменной посуды древней Армении.

Сравнительное изучение древнеармянской культуры выявляет ее особое место в системе культур древнего мира. Это обстоятельство, как нам кажется, определяет самобытную основу данной культуры, местные формы которой, как мы увидели, уходят в глубь древних культур Армянского нагорья.

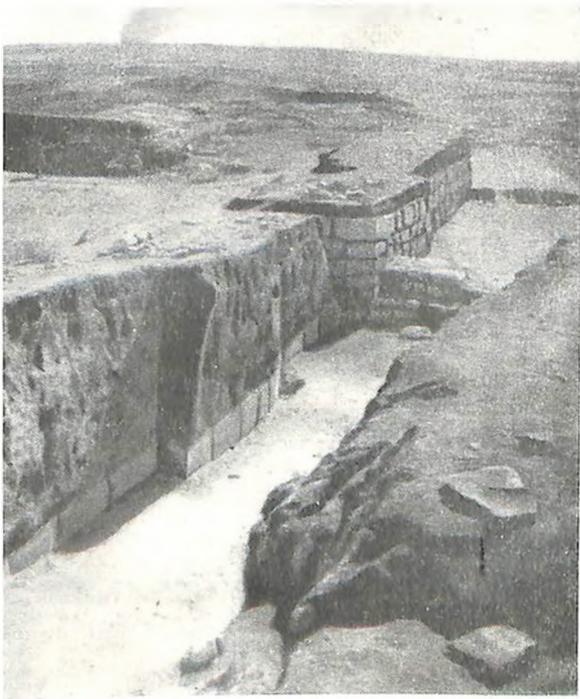
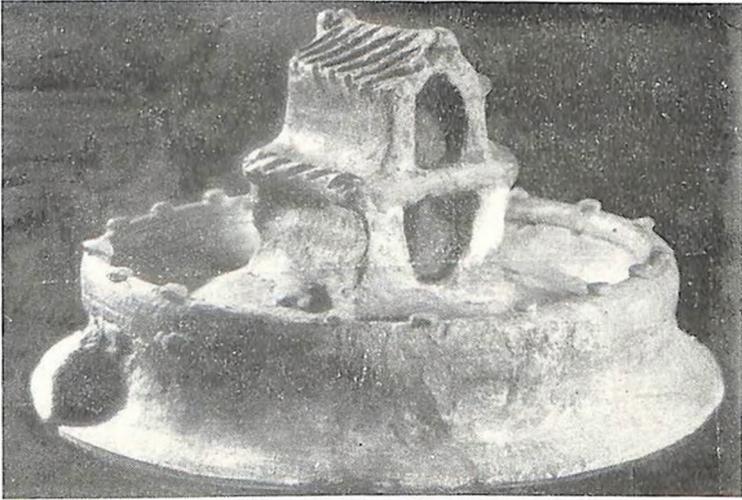
СГНСОК ТАБЛИЦ

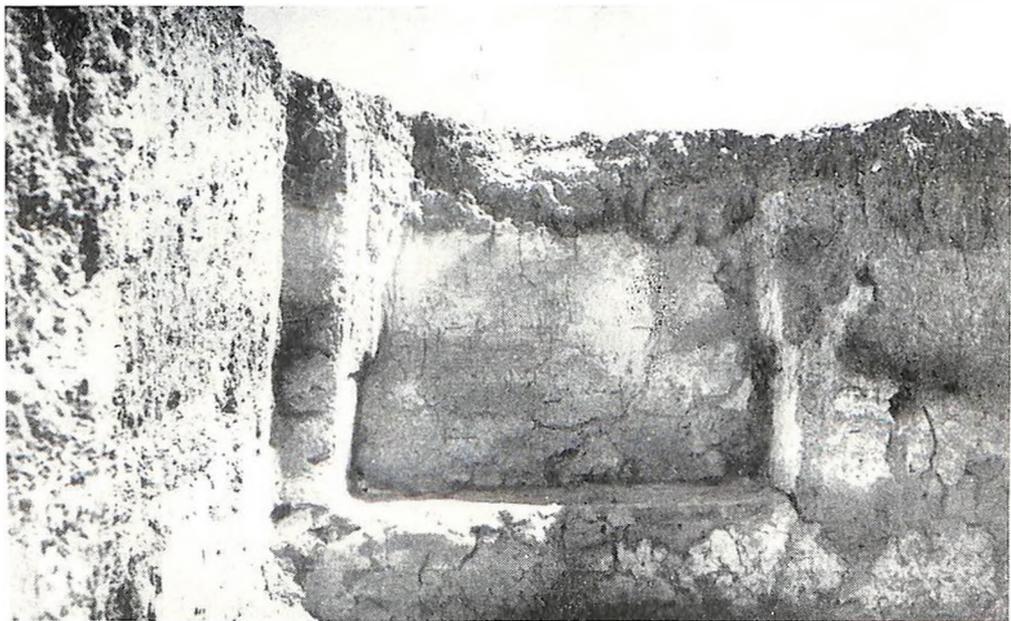
- I. 1. Модель храма (Астхи-блур)
2. Северная стена колошного зала (Эребуни)
- II. 1. Малый храм огня (Эребуни)
2. Каменный ящик (Джрарат)
- III. 1. Двуручный сосуд (Кармир-блур)
2. «Сообщающийся» расписной сосуд (Кармир-блур)
3.4 Чаша-фиалы (Джрарат)
- IV. 1.2. Расписные сосуды
3. Кувшины (Джрарат)
4. Чаша (Эребуни)
- V. 1. Удила (Эребуни)
2. Браслеты (Джрарат)
3. Бусы (Джрарат)
- VI. Ритон (Ерзика, Западная Армения)
- VII. Ритон (Западная Армения)
- VIII. Ритон (Западная Армения)
- IX. 1. Ритон (Эребуни)
2. Ритон (Эребуни)
- IXa. 1. Ритон (Эребуни)
2. Верхняя часть ритона (Эребуни)
3. Ритон (Эребуни)
- X. 1. Барельеф с изображением армян (Персеполис)
2. Двуручный сосуд с барельефа (Персеполис)
- XI. 1. Фиала (Ерзика)
2. Фиала (Эрзерум)
- XII. 1. Ручка сосуда (Западная Армения)
2. Ручка сосуда (Западная Армения)
- XIII. 1. Коробка (Ерзика)
2. Кубок (Западная Армения)
3. Чаша-фиала (Ерзика)
- XIV. 1. Пектораль (Армавир)
2. Гривна (Хасан-кала)
- XV. Многогранные печати
- XVI. Скарabeiонды
- XVII. 1. Армавирский холм
2. Кладка эллинистического времени (Армавир)
- XVIII. 1. Коринфская капитель в средневековой церкви (Багаран)
2. Урартская и эллинистическая кладка (Ани)
- XX. 1. Монета Александра Македонского из погребения эллинистического времени (Тейшебяни)
2. Башневидная гробница (Агавнатун)
3. Остатки захоронения башневидной гробницы (Паракар)
4. Вход в башневидную гробницу (Агавнатун)
- XX.XXI. Монеты из захоронения (Паракар)
- XXII. Голова богини Анант (Сатала)
- XXIII. 1. Голова правителя (Двин)
2. Мраморная статуя (Арташат)
- XXIV. Рельеф Митридата Коммагенского и Геракла (Арсамея)
- XXV. Портрет Тиграна II
- XXVI. Портреты Тиграна II
- XXVII. Портреты Тиграна II
- XXVIII. Портреты Артавазда II
- XXIX. 1. Терракота (Армавир)
2. Терракота (Армавир)
3. Терракота (Арташат)
4. Терракота (Арташат)
- XXX. 1. Аск (Армавир)
2.3 Фигурные сосуды (Армавир)
- XXXI. 1.3. Привозные унгентарии (Армавир)
2. Амфоры (Армавир)
- XXXII. 1. Полушаровидный сосуд (Армавир)
2.3. Полушаровидные расписные сосуды (Армавир)
- XXXIII. Фляги (Армавир, Гехадир)
- XXXIV. 1. Обломок расписного сосуда (Армавир)
2. Верх ойнохонн (Армавир)
3.4. Кувшины (Армавир, Гехадир)
5. Чаша-фиала (Армавир)
6. Светильники (Армавир)
- XXXV. 1.2. «Бачочные» расписные сосуды (Армавир)
- XXXVI. 1. Чаша расписная (Армавир)
2. Кратерик расписной (Армавир)
- XXXVII. 1—3. Керамика эллинистического времени (Армавир, Келлагеран)
4. Каменная ваза (Гехадир)
- XXXVIII. 1.2. Медальоны (Сисиан)
3. Рельеф Дария (Нимруд-даг)

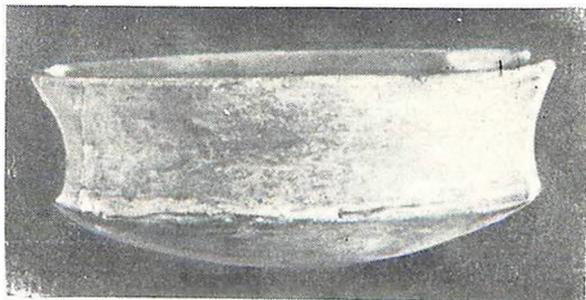
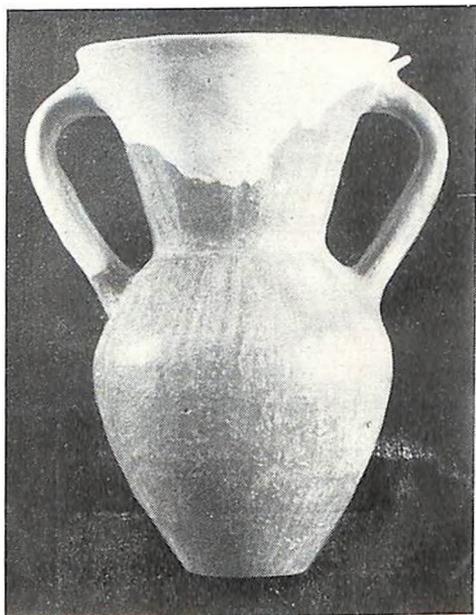
- XXXIX. 1. Медальоны (Армавир, Камо)
 2. Кубок (Сисиан)
 3,4. Обломки сосуда (Ван)
 5. Статуэтка Козерога (Арташат)
 6. Ручка с изображением Амура (Арташат)
- XI. 1. Топор (Армавир)
 2,3. Тарпан и чай (Армавир)
 4,5. Тарпаны (Двин, Кахцрашен)
- XLI. 1. Крепость Гарни, аэрофотоснимок
 2,3. Оборонительная стена крепости (Гарни)
- XLII. 1. Южная стена бани
 2. Внутренний вид бани (Гарни)
 3. Пол бани Гарни
 4. Остатки приемного зала дворца (Гарни)
- XLIII. Храм Гарни
- XLIV. Мозаика из бани Гарни
- XLV. Фрагменты храма Гарни
- XLVI. Фрагменты храма Гарни
- XLVII. 1. Фрагменты античного времени (Риисиме)
 2,3. Остатки античной бани в Валаршапате
- XLVIII. 1—3. Керамика первых веков из Гарни
 4. Керамика первых веков.
 5. Тарелка, поливной кувшин и терракота из Гарни
- XLIX. Стеклочные сосуды (Гарни)
- L. 1—4. Стеклочные сосуды (Гарни)
 5, 6. Валаршапат
- LI. Стеклочные сосуды (Линак)
- LII. 1. Голова мужчины (Толк)
 2. Торс (Гарни)
 3. Нога статуи (Гарни)
- LIII. 1,2 Глиняные гробы (Валаршапат)
 3,4. Терракоты (Валаршапат)
- LIV. 1. Бронзовая маска (Эчмиадзин)
 2,3. Скульптурные части ложки (Мрен)
 4. Серебряная чаша (Дяховка)

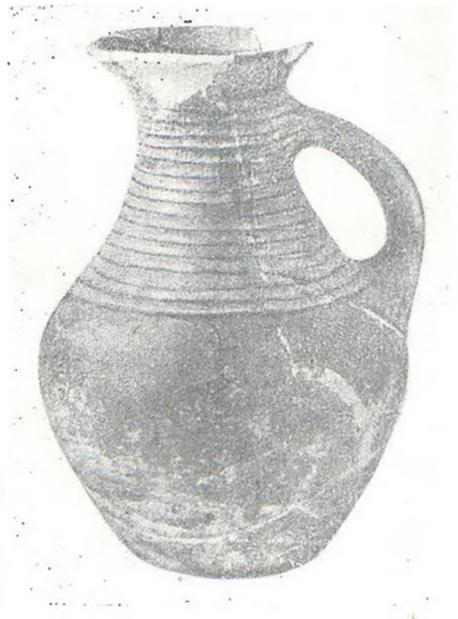
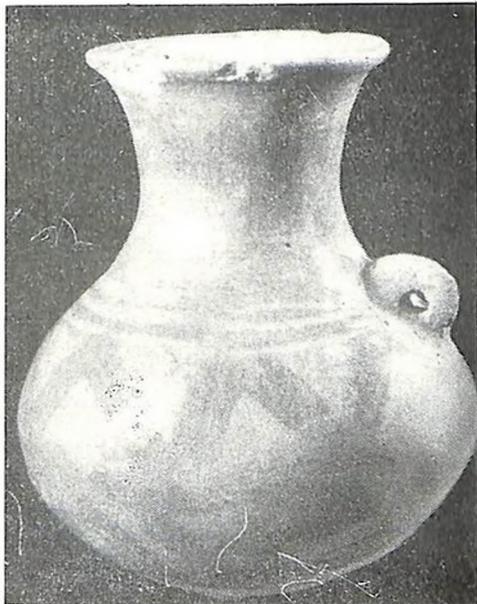
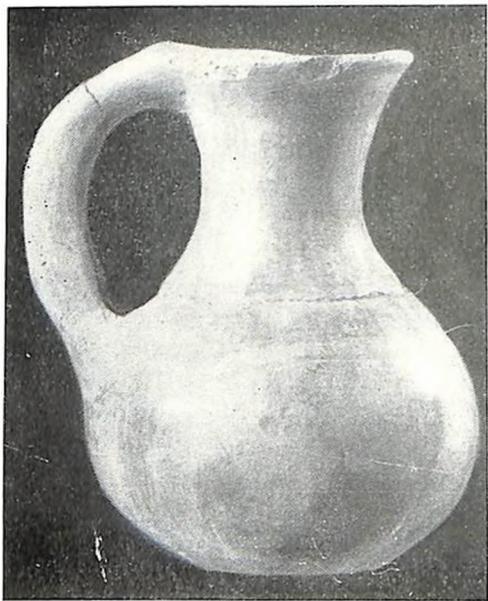
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

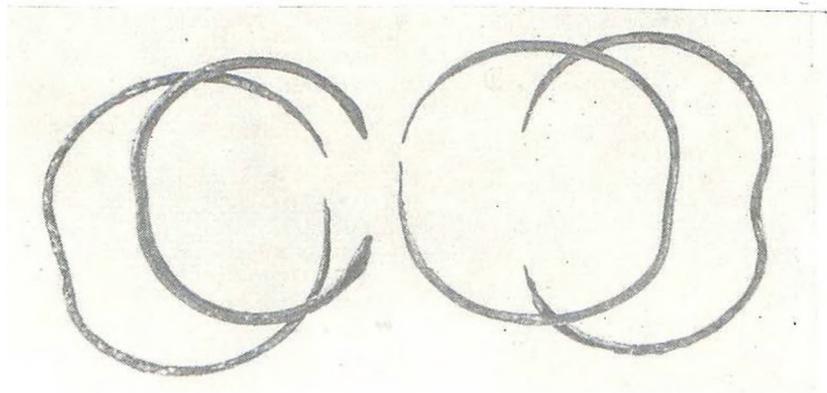
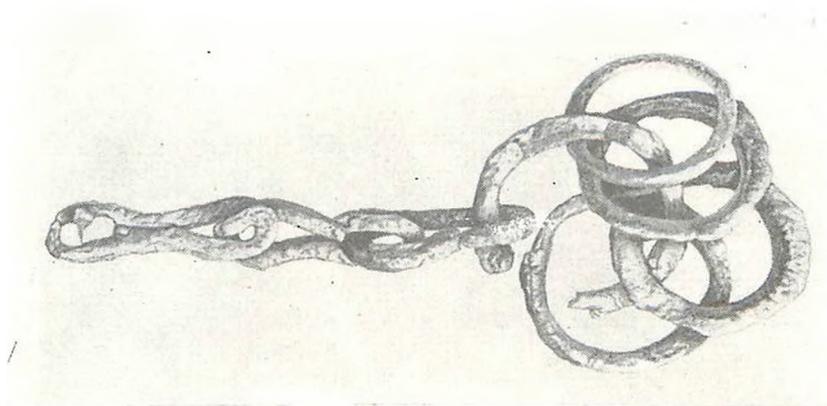
ВДИ—Вестник древней истории.
ВОНАН—Вестник общественных наук АН АрмССР.
ГИМА—Государственный исторический музей Армении.
ИОНАН—Известия общественных наук АН АрмССР.
ИФЖ—Историко-филологический журнал АН АрмССР.
СА—Советская археология.
AJA—American Journal of Archaeology
SPA—Survey of Persian Art

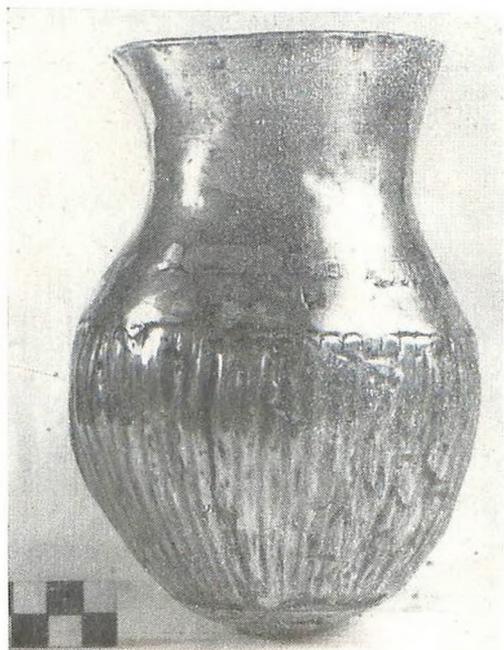

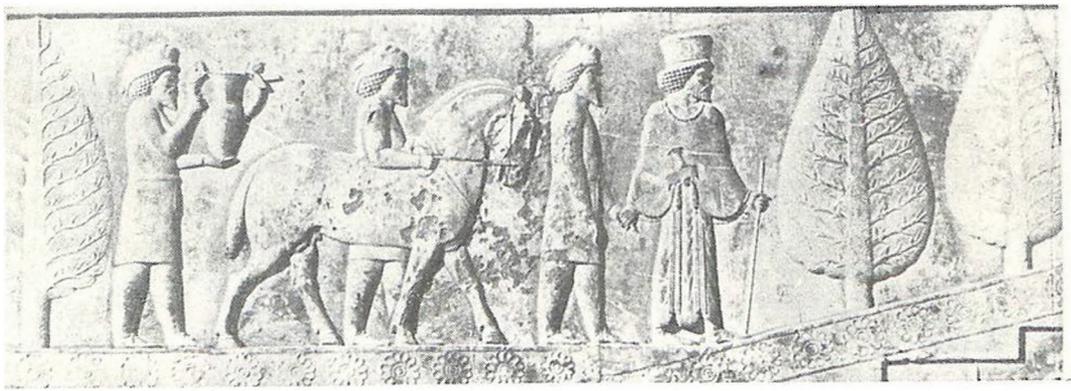

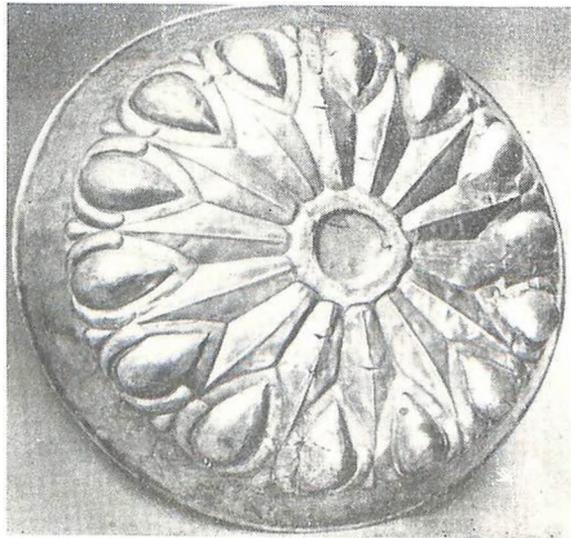
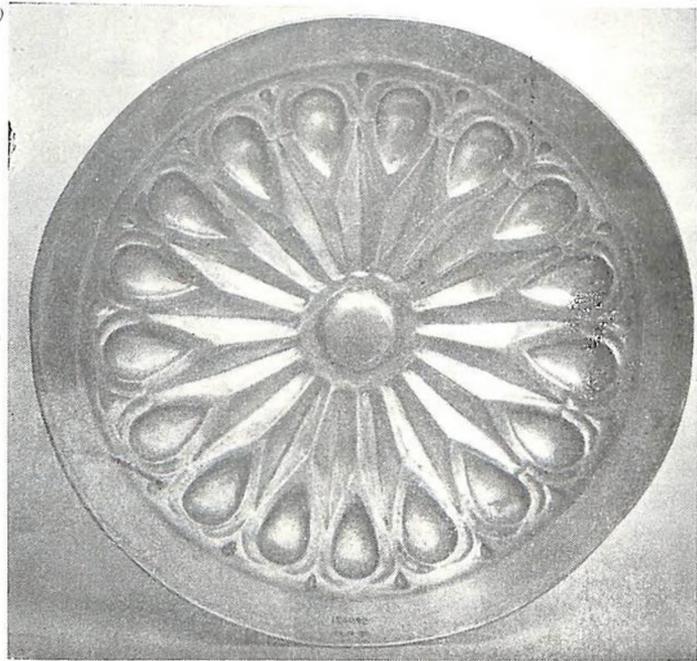

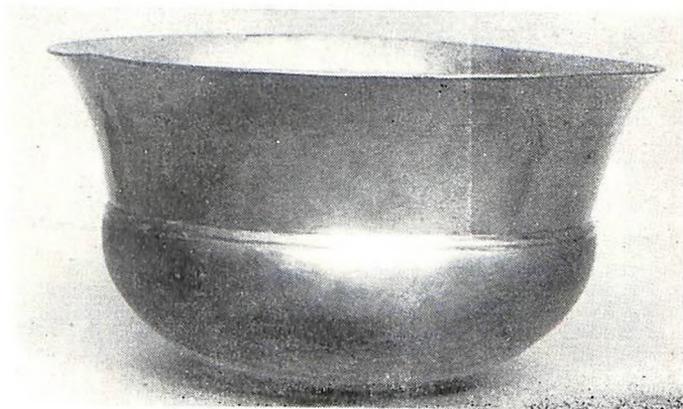

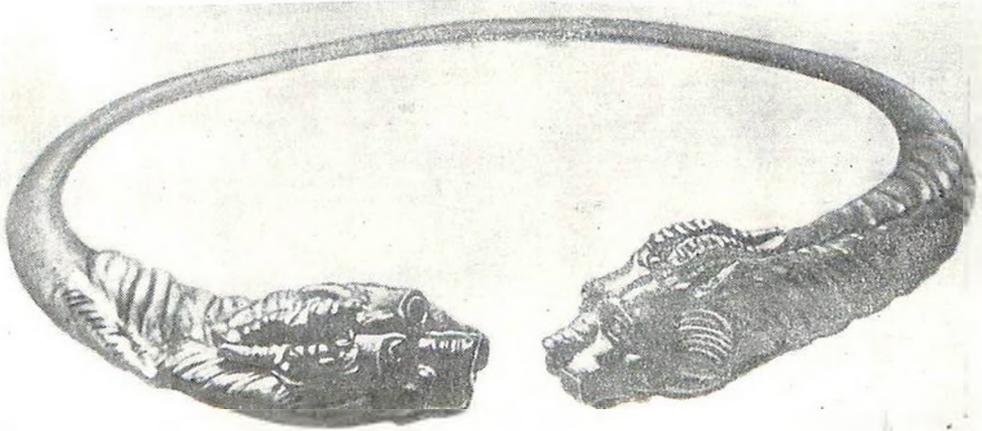
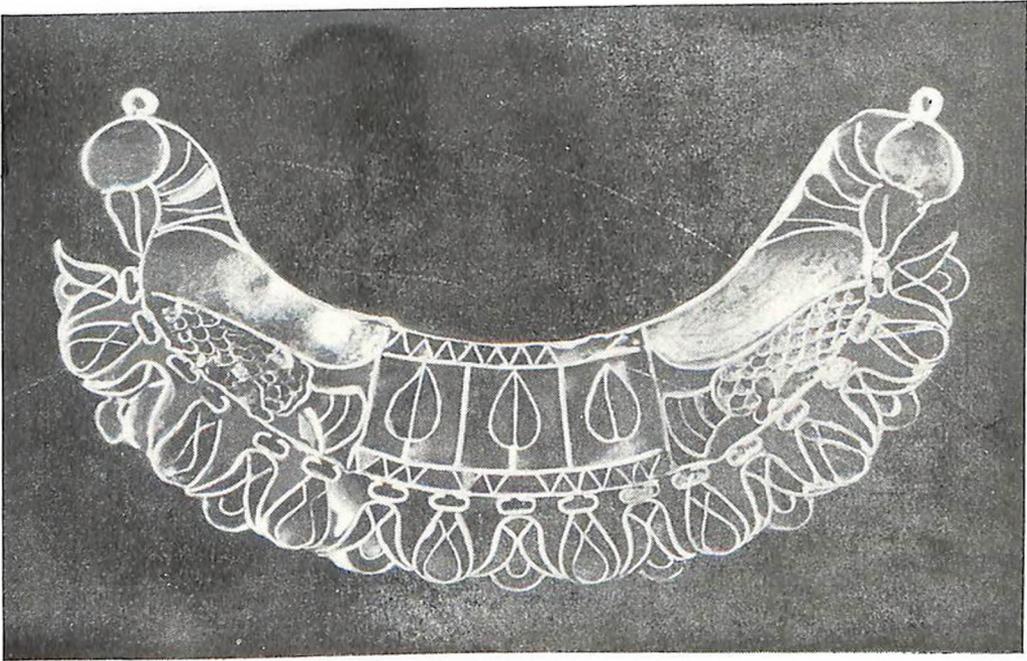

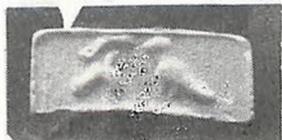
1

2

3

4

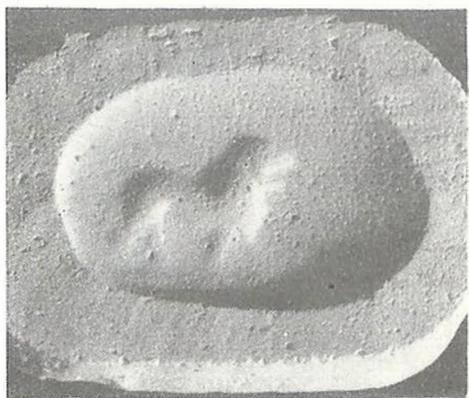
5

6

7

1

2

3

4

5

6

7

8

9

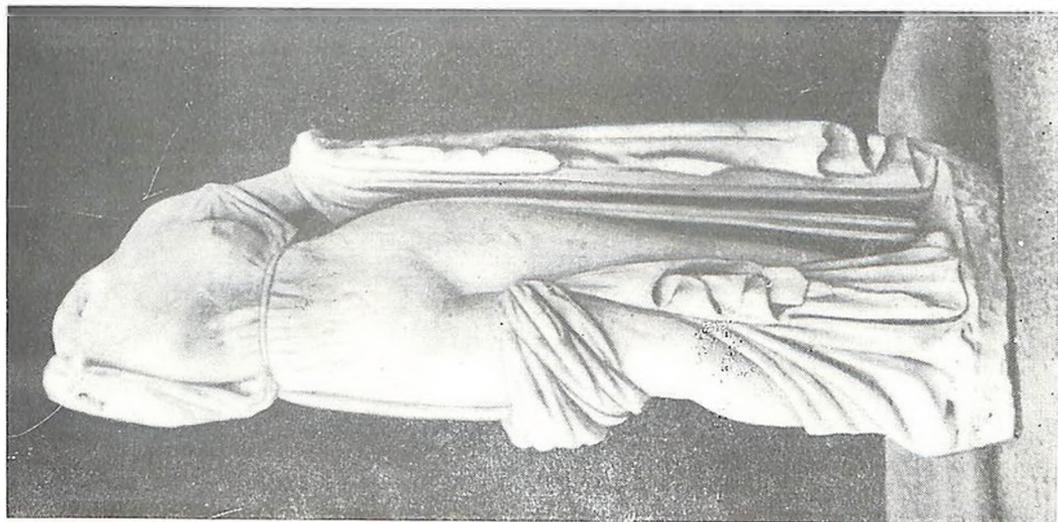

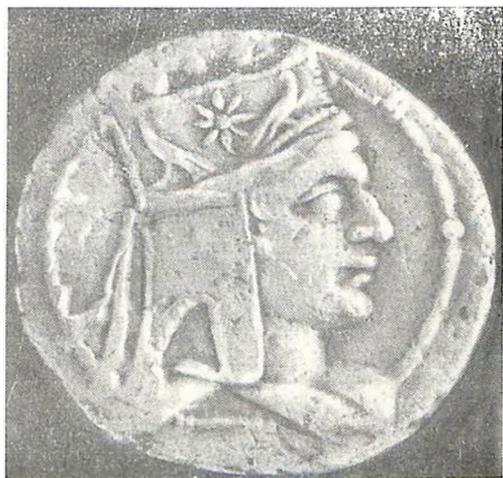

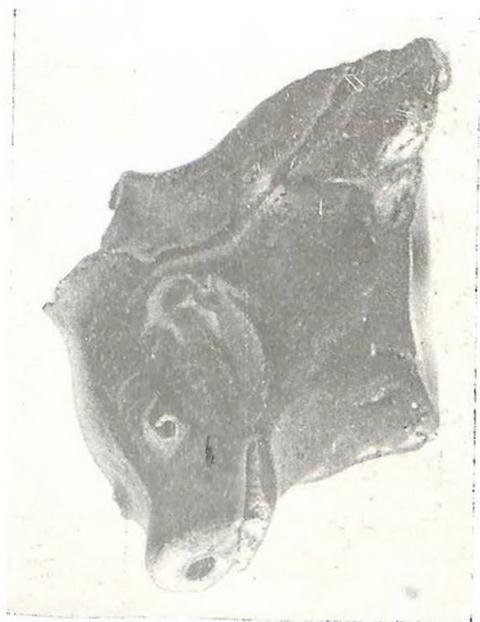
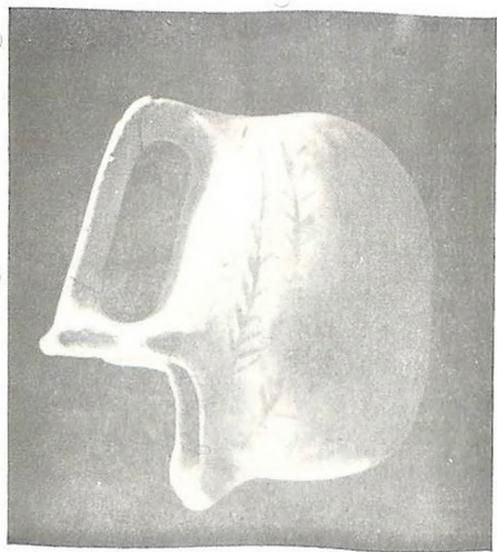

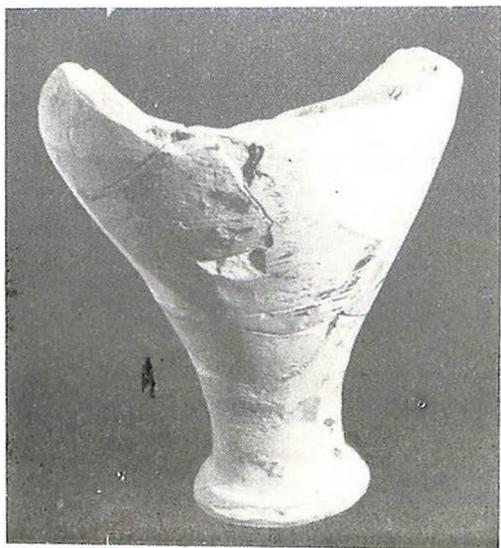
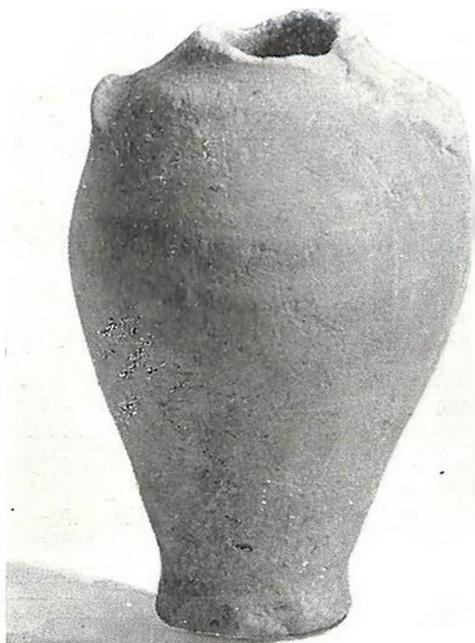
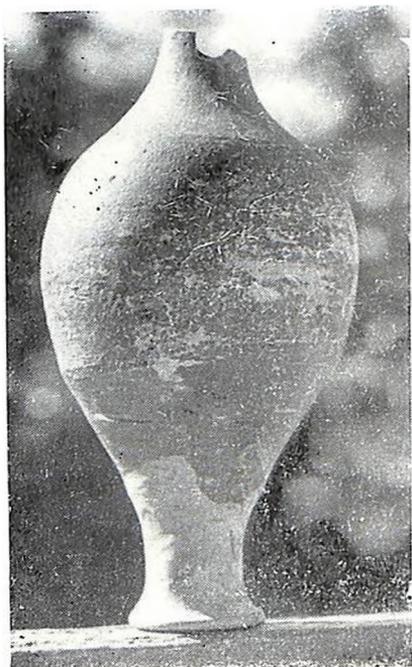

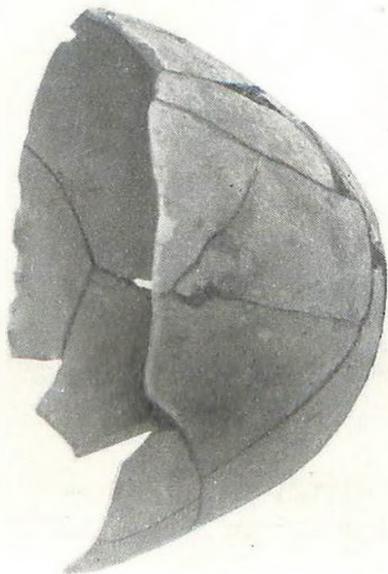

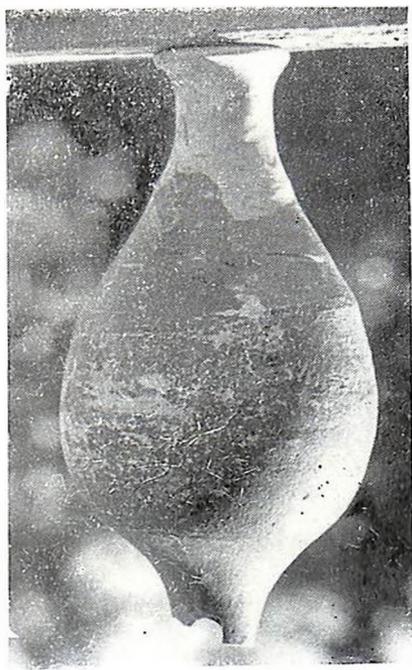
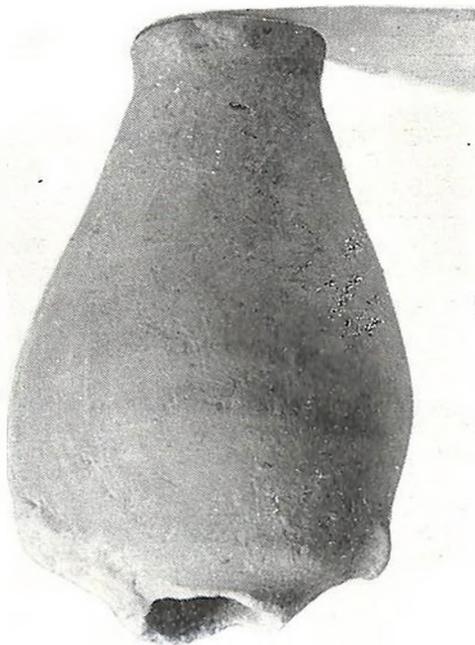
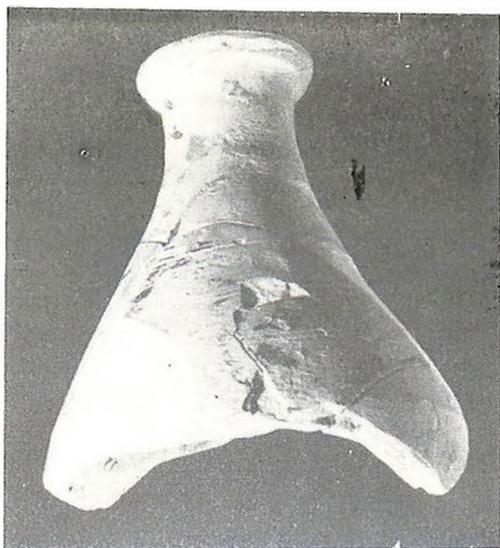

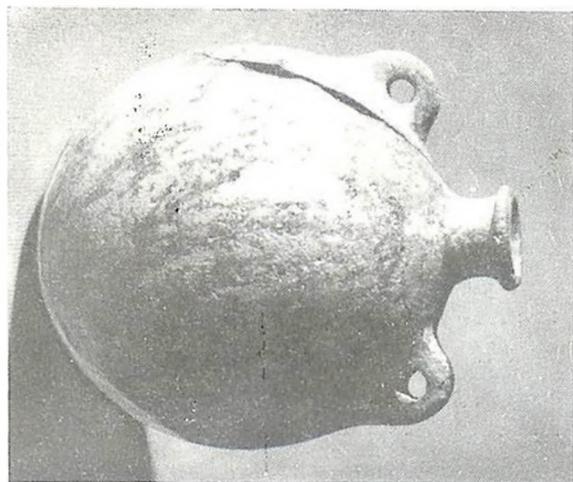
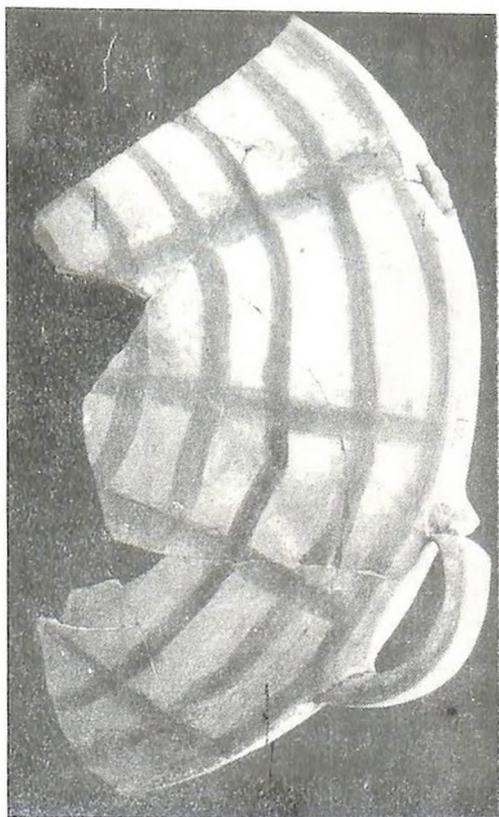
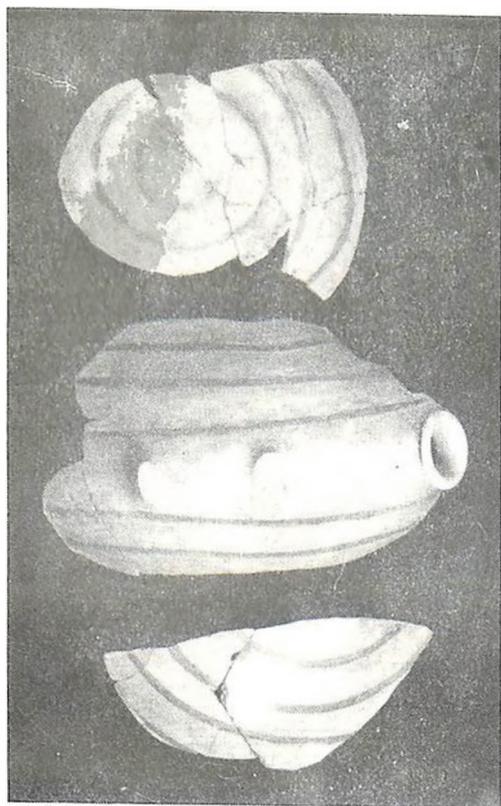

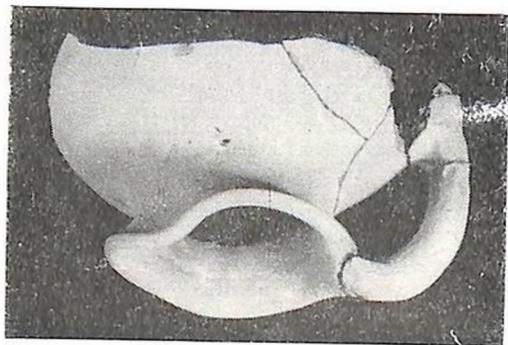
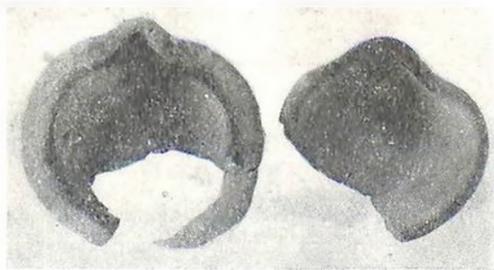
XXXI

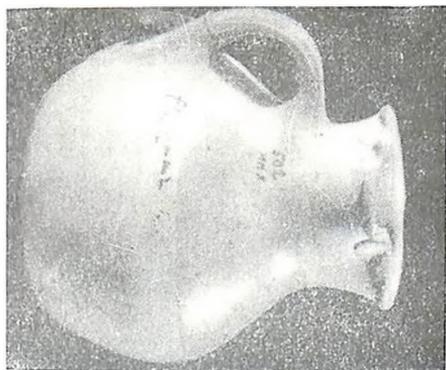
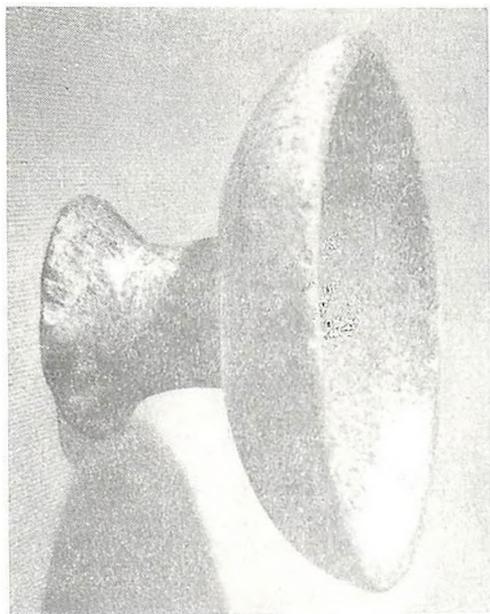
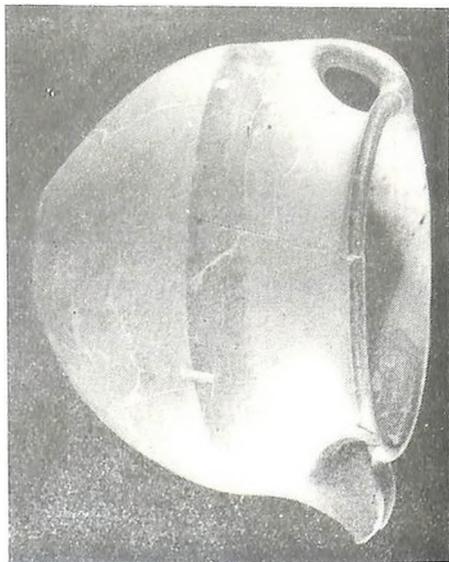
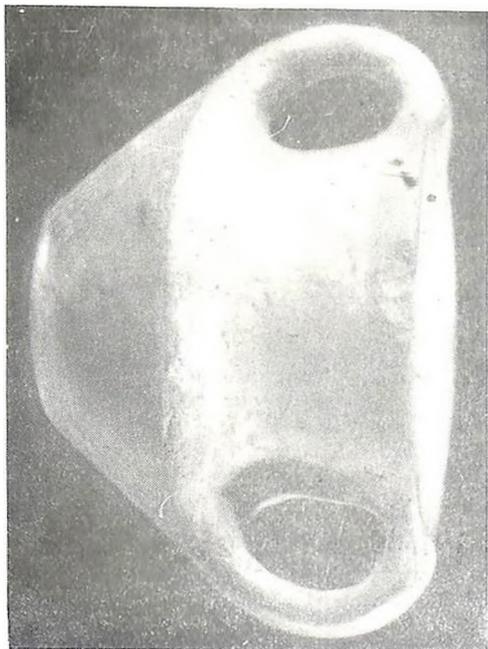

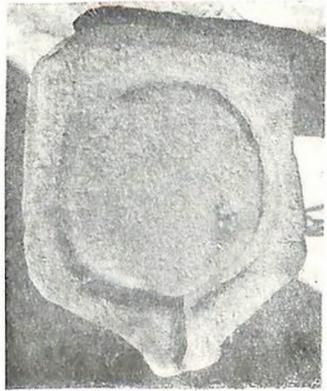

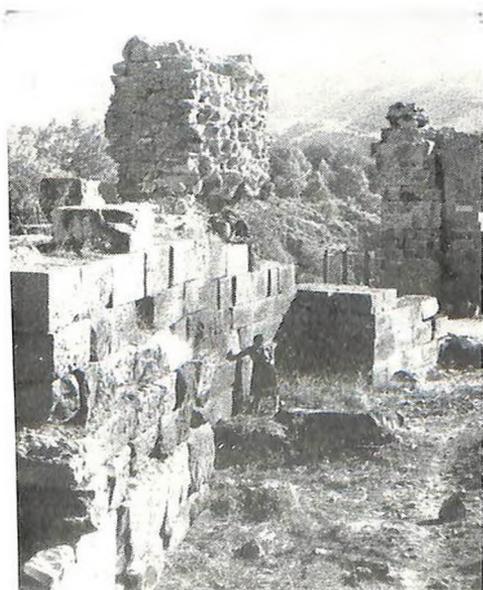

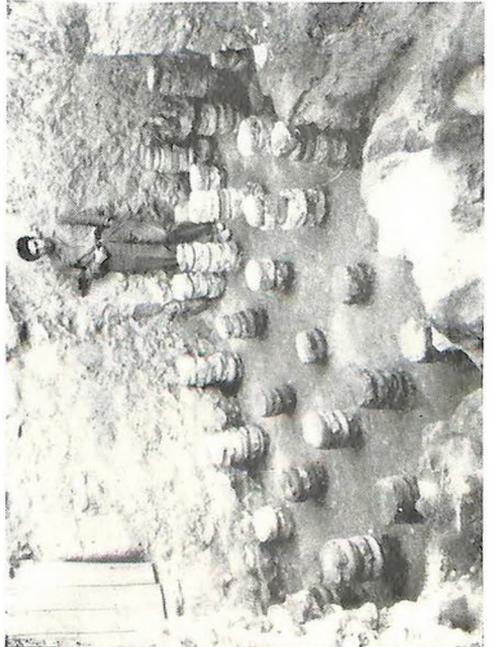
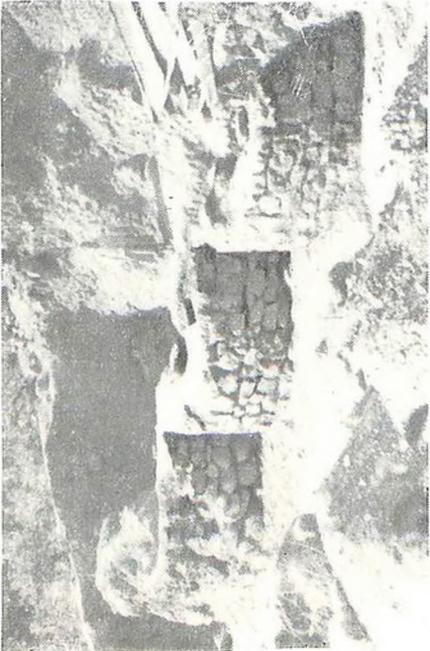
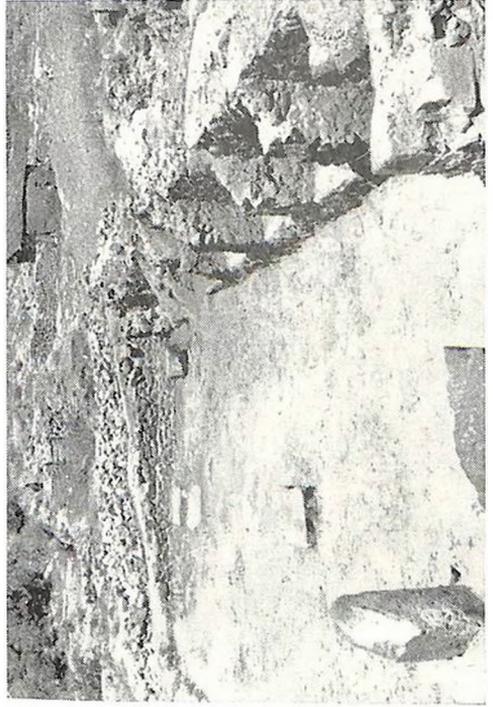
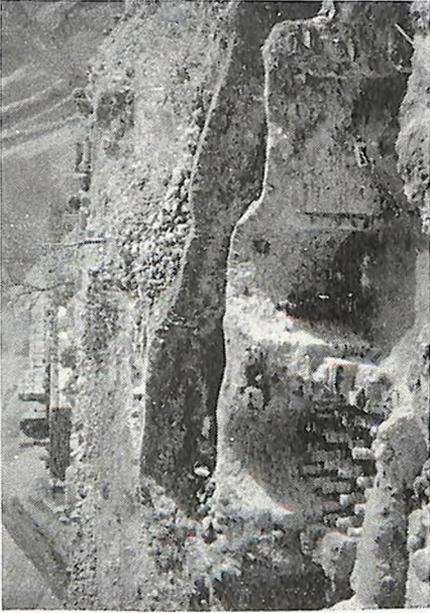

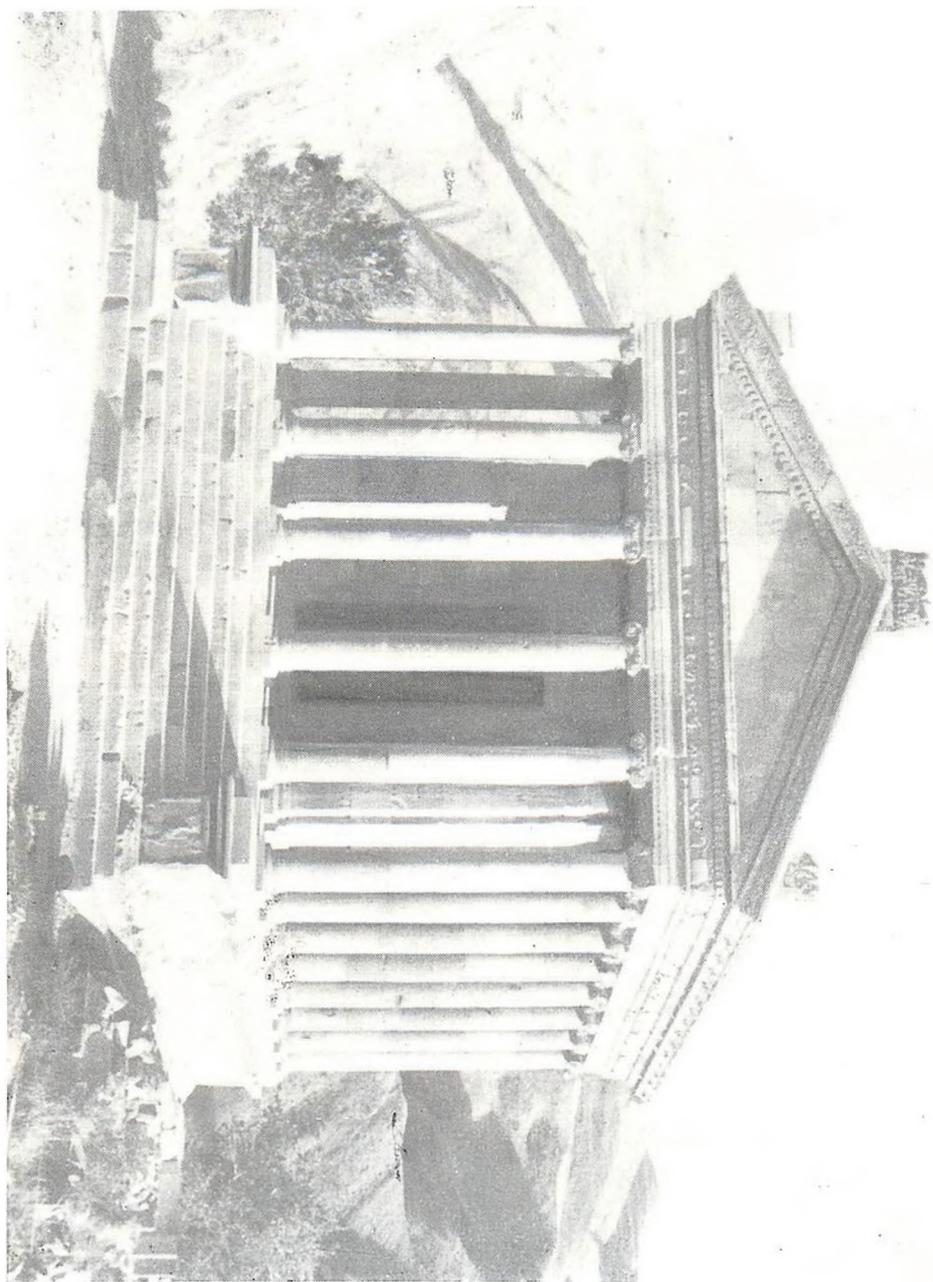

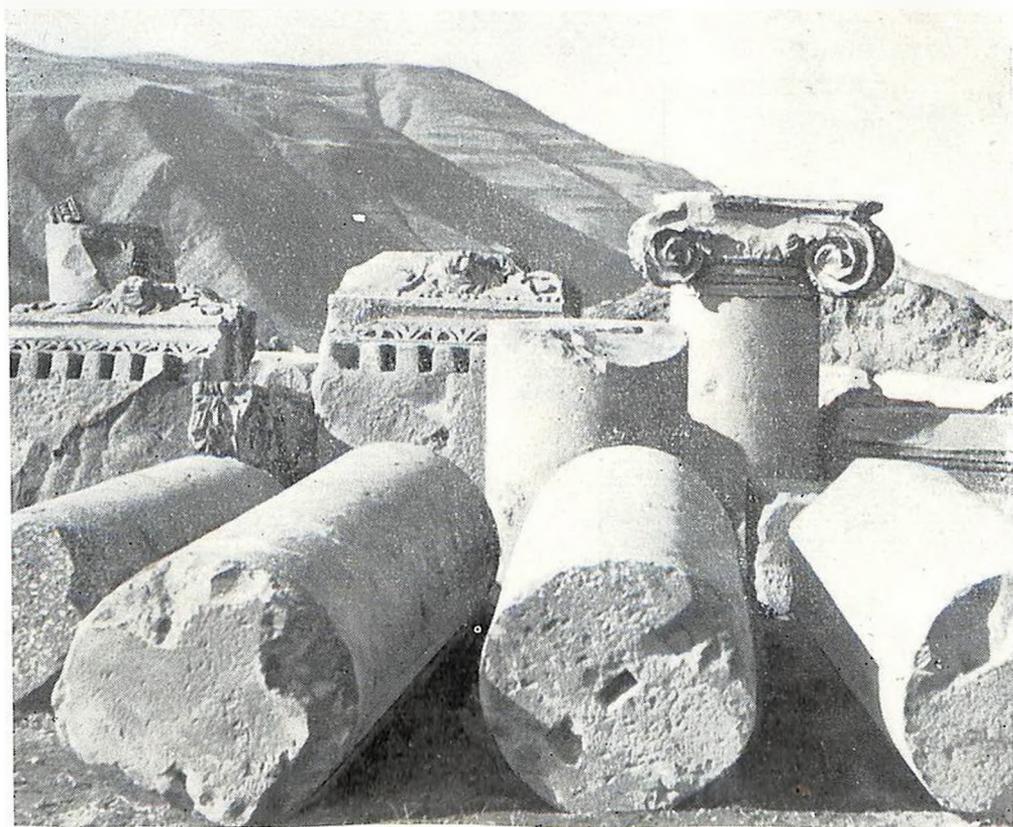

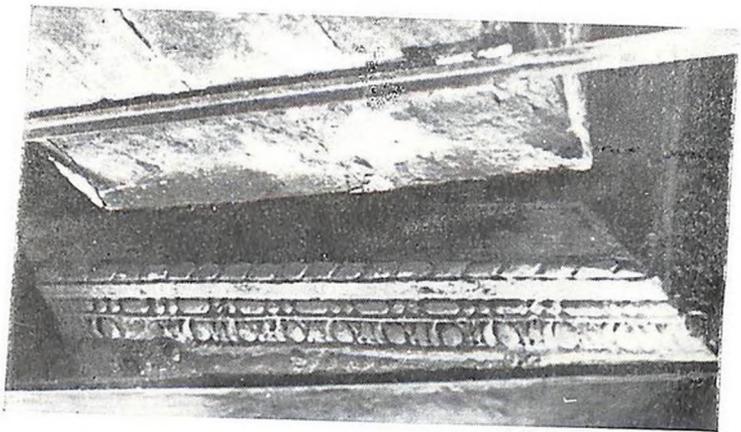

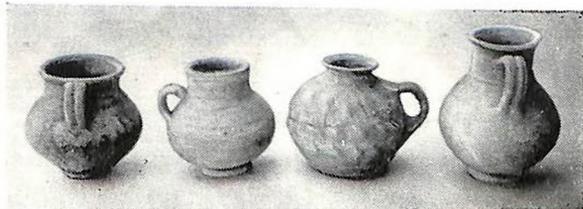
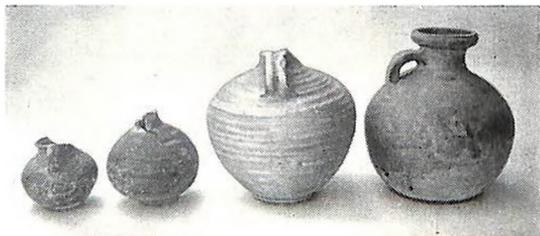

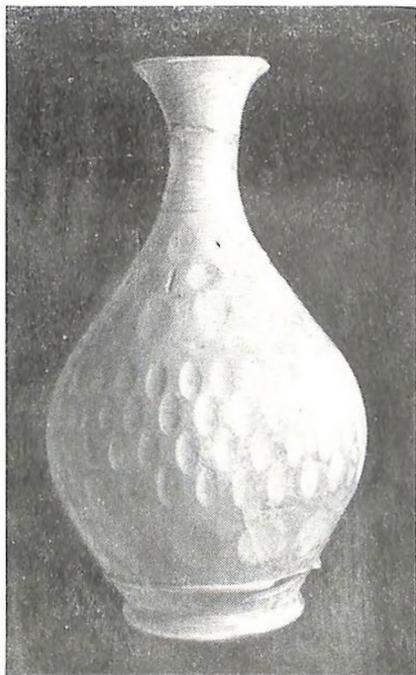

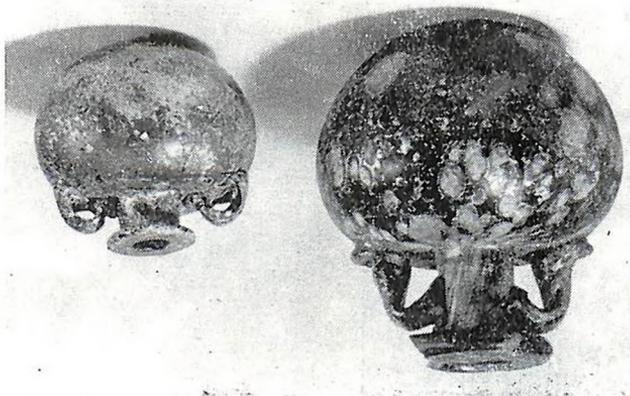
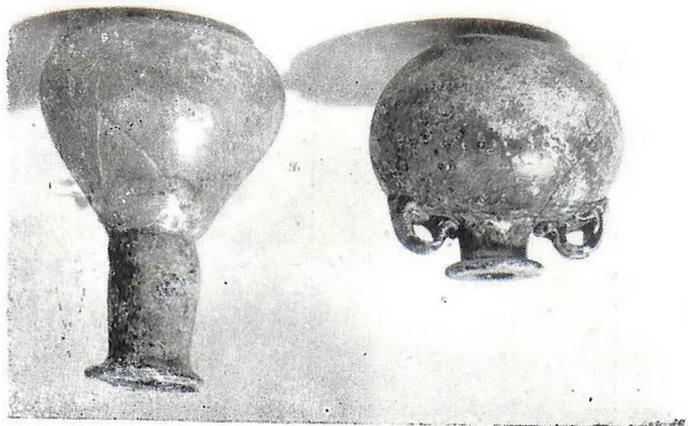

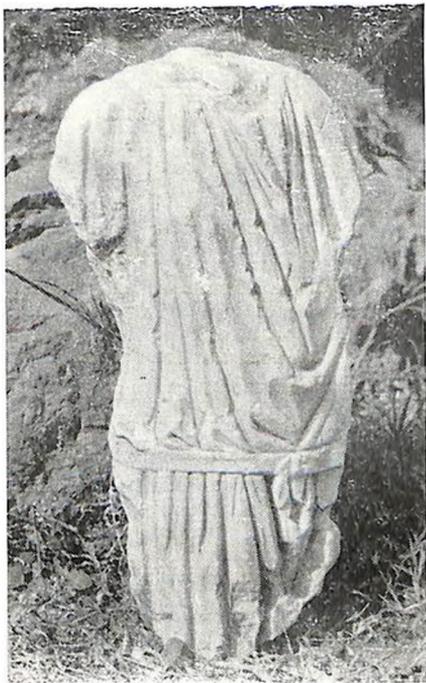
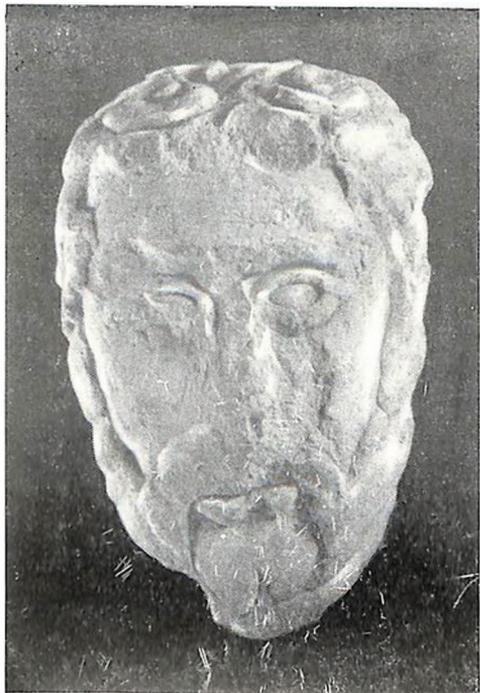

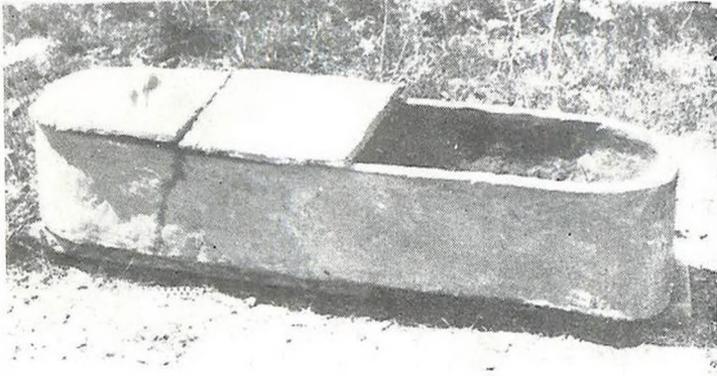
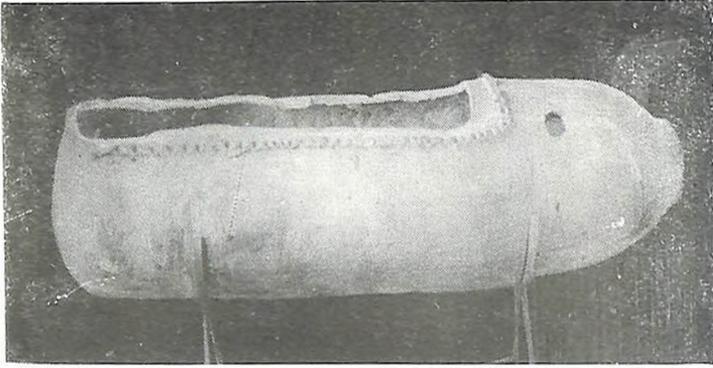

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
Начерая изучения культуры древней Армении (VI в. до н. э.—III в. н. э.)	6
РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ. Культура Армении VI—IV вв. до н. э. (ассирийский—ахеменидский период)	
Глава I. Архитектура и строительное дело	21
Глава II. Некрополи, погребальные сооружения	32
Глава III. Керамика	34
Глава IV. Металлические изделия	42
Глава V. Глизики	63
Выводы	68
РАЗДЕЛ ВТОРОЙ. Культура Армении III—I вв. до н. э. (эллинистический период)	
Глава I. Города Армении	77
Глава II. Некрополи, погребальные сооружения	101
Глава III. Скульптура	109
Глава IV. Керамика, стекло, камень	118
Глава V. Металлообработка	136
Выводы	145
РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ. Культура Армении I—III вв. н. э.	
Глава I. Города, крепости, поселения	151
Глава II. Некрополи, погребения	174
Глава III. Керамика и стекло	177
Глава IV. Предметы украшения и вооружения	187
Выводы	195
Заключение	196
Список таблиц	202
Список сокращений	204
Таблицы	205

ГЕВОРГ АРТАШЕСОВИЧ ТИРАЦЯН

КУЛЬТУРА ДРЕВНЕЙ АРМЕНИИ
VI В. ДО Н. Э.—III В. Н. Э.
(по археологическим данным)

Редактор издательства *Н. Г. Анкарян*
Художник *Г. Н. Горцакалян*
Тех. редактор *Л. К. Арутюнян*
Корректор *Э. Е. Аракелян*

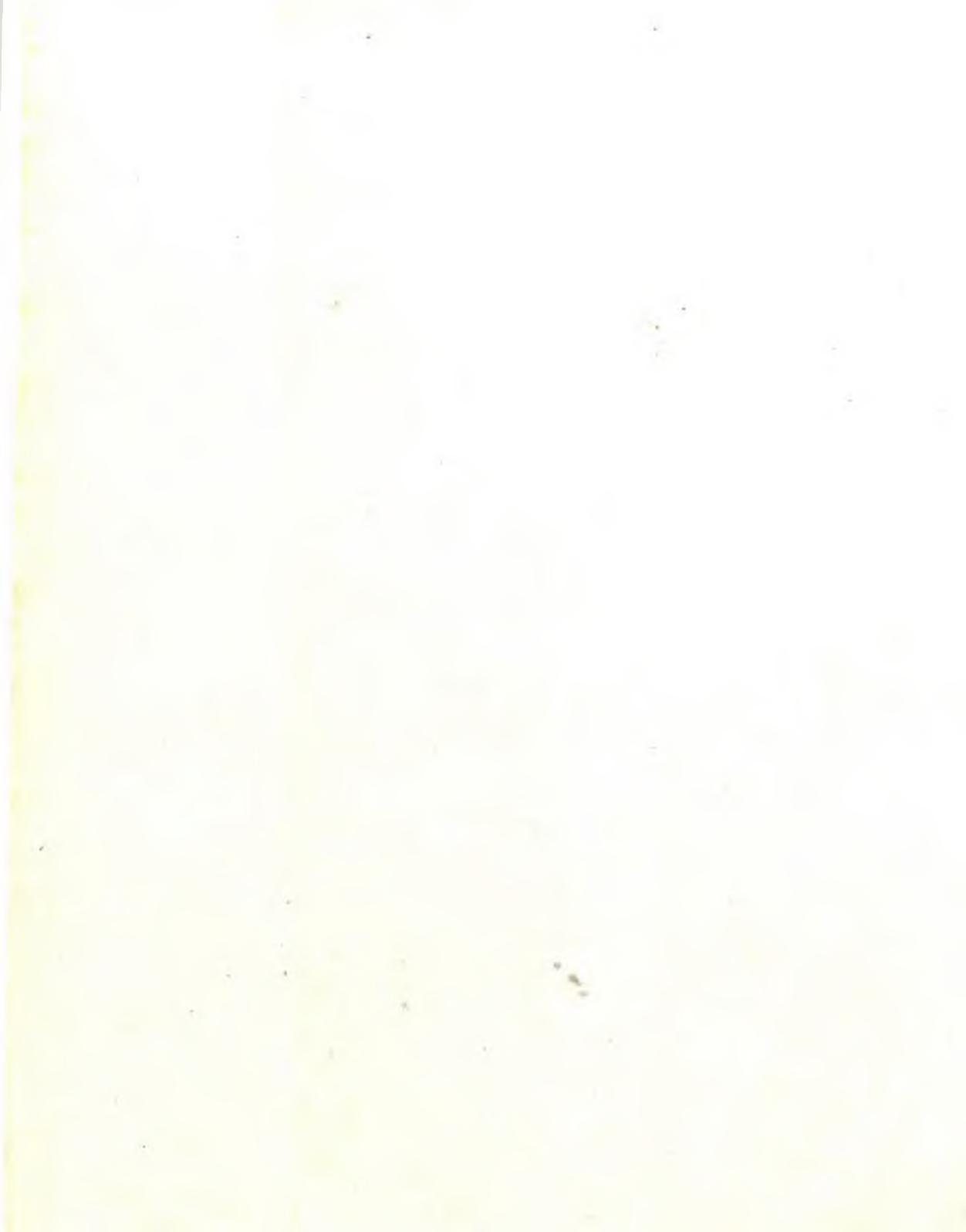
ИБ № 1030

Сдано в набор 11.10.1986 г. Подписано к печати 29.03.1988 г. ВФ 05392. Формат
84×108¹/₁₆. Бумага № 1. Шрифт «литературный», высокая печать. Печ. л. 12,75+3,75 л.
табл. Усл. печ. л. 28,14. Учетно-пед. л. 27,36.

Тираж 1000 экз. № 699. Изд. № 7225. Цена 4 р. 40 к.

Издательство АН АрмССР, 375019, Ереван, пр. Маршала Баграмяна 24 г.

Типография Издательства АН АрмССР, 378310, г. Эмвандзин.

ԳԱՍ Հիմնարար Գիտ. Գրադ.

FL0410832

p III
57409